

ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССИИ.

1812 г.

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ — ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Нѣманъ. — Смоленскъ. — Бородино. — Вступленіе въ Москву.

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССИИ.

1812 г.

ПО ВОСПОМИНАНИЯМЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ — ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Нѣманъ. — Смоленскъ. — Бородино. — Вступленіе въ Москву.

СБОРНИКЪ, СОСТАВЛЕННЫЙ

А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ
и С. П. Мельгуновымъ.

МОСКВА. 1912.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Москва, Воздвиженка, Крестовоседвиж. пер., д. 9.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Infandum... renovare dolorem... Verg. Aen.

«Несказанное... вновь пережить горе»... (*Verg. Ои.*)

Героическая борьба, нечеловѣческія страданія, крайнее напряженіе воли — отиѣтили эпоху первой имперіи. И едва смолякъ громъ сраженій, какъ уцѣлѣвшіе участники кровавыхъ битвъ почувствовали потребность еще разъ пережить повѣсть своихъ трудныхъ дней, подѣлиться ею со своими дѣтьми, внуками, современниками и потомками. Ихъ многочисленные мемуары — драгоценный матеріалъ и для ученаго и для обыкновеннаго любопытствующаго читателя изъ большой публики. Правда, неодинаковую цѣпность имѣютъ эти разнообразныя записки старыхъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ, маршаловъ. Въ разное время писались онѣ — иногда спѣшной рукой заносились на клочекъ бумаги во время самыхъ походовъ, большею частью составлялись на покоѣ, много спустя — и не всегда искреннее желаніе повѣдать одну лишь правду водило перомъ мемуариста. Не одному изъ нихъ хотѣлось подчеркнуть свою прозорливость, свой стратегическій талантъ, свести порою личные счеты съ нелюбимымъ начальникомъ, не одинъ прельщался случаемъ упрекнуть заднимъ числомъ знаменитаго полководца, а иногда и лягнуть его изъ угодливости къ новымъ господамъ Франціи — Бурбонамъ. Но воспоминаніе о славныхъ и тяжелыхъ дняхъ скоро сдерживало запоздалое негодованіе, смиряло желчныя выходы и опутывало повѣствованіе мягкимъ покровомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ. И, читая записки пережившихъ 12-й годъ, мнится, будто незримо присутствуешь вмѣстѣ съ великимъ императоромъ на „ночномъ смотрѣ“... Вотъ суровый солдатъ, прошедшій тяжелую школу сиротливаго дѣтства, бывшій пастухъ, неустаннымъ трудомъ снискавшій офицерскій чинъ — капитанъ Куанье; рядомъ съ нимъ родовитый офицеръ, лихой рубака, безмѣрно храбрый, но расчетливый въ самомъ пылу увлеченія полковникъ егерей Марбо; простой, безхитростный, занимательный рассказчикъ сержантъ Бургонъ; образцовый адъютантъ, успѣшно проходящій карьеру при помощи сятельнаго тестя, военнаго министра, дѣльный полковой командиръ де-Фезензакъ; бывшій семинаристъ, резонеръ и сентиментальный герой нѣжнаго романа, скрытый роялистъ, но вѣрный своему долгу офицеръ гвардіи Пюнь-де-Лонъ; не мудрствующій лукаво, молодой кавалерійскій офицерикъ Мишель Комбъ; пылкій почитатель Наполеона, умный и чувствительный Грѹа; сухой тактикъ, маршалъ Сенъ-Сиръ; извительный, не знающій снисхожденія къ другимъ, иногда къ себѣ, маршалъ Макдональдъ, безумно храбрый, не по-эльзасски горячій, генералъ Рапцъ; скромный Маренгоне; свѣтскій человѣкъ, любитель посудить о чужихъ недостаткахъ, всегда чувствующій себя обойденнымъ, голландецъ генералъ Ванъ-Дедемъ; ловкій штабный офицеръ полякъ Солтыкъ; внимательные и зоркіе наблюдатели и прежде всего врачи — лейбъ-хирургъ Ларрей, главный полковой врачъ Роосъ, де-ла Флизъ, Руа; неутомимый администраторъ, искусный дипломатъ Маре, герцогъ Бассано; дѣловитый интендантъ Вѣлоруссіи маркизъ Пасторе; молодой Баденскій принцъ графъ Гохбергъ, легко теряющій свой княжескій ореолъ, превращающійся въ простаго страдающаго смертнаго... Всѣ они вмѣстѣ даютъ живую картину „несказаннаго

горя“ 12-го года. Иногда въ эту картину врывается суровое обличительное слово Лабона, который не въ силахъ безпристрастно судить о павшемъ императорѣ; сухія, но драматическія по содержанию донесенія принца Евгенія и маршала Мортье; стильное, риторическое описаніе военнаго писателя Сегюра; прозвучитъ легкая непринужденная болтовня актрисы Фюзи; горестный разсказъ злосчастнаго режиссера французской труппы Домерга; раздастся важный голосъ иезуита Сюрюга, настоятеля французской церкви въ Москвѣ; вкрадется слово придворнаго льстеца, господина Боссе, дворцоваго префекта; горячо заговоритъ объ итальянскомъ мужествѣ итальянецъ Ложье, о польской смѣлости — полякъ Брадтъ, о швейцарской стойкости — швейцарцы Шумахеръ и Леглеръ; но все покрывается искреннимъ чувствомъ страдавшихъ и честно исполнившихъ свой долгъ людей.

И типичные образы неустранимаго пѣхотнаго офицера Франсуа, браваго стараго солдата Кадоссо („воспоминанія стараго солдата“); знаменосца Тиріона; неселаго, легкомысленнаго адъютанта де-Кастеллана (дневникъ его); почтеннаго московскаго жителя, благочестиваго пѣмца-негоціанта, хлопотливаго военнаго чиновника Дюверже; живо встаютъ предъ нами на фонѣ кровавой бойни, окутанной дымомъ пылающихъ жалкихъ домишекъ русскаго крестьянства, грозной смерти отъ голода и мороза, невыносимыхъ мученій раненыхъ и пленныхъ, съ пѣмецкой точностью описанныхъ оберъ-лейтенантомъ Иллиномъ и его соотечественникомъ Штейнмюллеромъ.

* * *

Имѣя въ виду высокую цѣнность и большой интересъ, представляемый обширною мемуарною литературою о 12-мъ годѣ не только для специалистовъ, редакторы сборника выбрали изъ массы матеріала наиболѣе интересныя въ историческомъ и бытовомъ отношеніи страницы, расположили ихъ для удобства читателя въ синхронистическомъ порядкѣ, слѣдуя отдѣльными моментамъ наступленія и отступленія Наполеоновской арміи. При этомъ редакторы руководились стремленіями дать читателю по преимуществу новый, частью еще неизвѣстный русскому публикѣ, матеріалъ, притомъ изъ устъ самихъ очевидцевъ, (вотъ почему изъ Сегюра взяты лишь самыя незначительныя отрывки).

Знаменитыя характеристики императоровъ Наполеона и Александра, помѣщенные на первыхъ страницахъ сборника принадлежатъ главѣ и вдохновителю европейской реакціи XIX вѣка, умному скептику, канцлеру Меттерниху. Это достойный прологъ къ той трагедіи, которую затѣмъ развернули предъ глазами читателя ея очевидцы-участники на широкомъ пространствѣ російскихъ полей и лѣсовъ отъ Нѣмана до Москвы (т. I), въ пылающей Москвѣ (т. II), среди снѣговъ отступленія — отъ Москвы до Нѣмана (т. III). На той грани — когда не останется непріятели въ русской землѣ, считается покамѣсть оконченной свою задачу редація.

* * *

Своеобразіе матеріала было таково, что чуть не каждая строка требовала бы подстрочнаго комментарія. Авторы мемуаровъ часто далеко уклоняются отъ правды, часто сообщаютъ завѣдомую неправду въ увлеченіи патриотизмомъ или просто по забывчивости. Но редація рѣшила тѣмъ не менѣе поставить авторовъ лицомъ къ лицу съ читателемъ безъ всякаго посредничества. Пусть эти люди, высокообразованные и полуграмотные, знатные и совсѣмъ простые, умные и глупые, раздраженные и добродушные, — говорятъ безъ помѣхи, кто какъ умѣетъ. Пусть черезъ много десятковъ лѣтъ воскреснутъ ихъ симпатіи и антипатіи во всей ихъ чистотѣ. Только тогда

книга дастъ то впечатлѣніе, которое она должна дать: что походъ въ Россію былъ сплошнымъ страданіемъ для его участниковъ, отъ самаго начала и до конца, и въ несмотря на эти страданія, люди, все-таки, умѣли сохранить такъ много твердости, вѣрности долгу, геройства, такъ много теплаго чувства къ неприятелю, такъ много хорошаго пониманія и его блѣдствій. Это основное впечатлѣніе настолько подавляетъ все остальное, что редакціи казалось совершенно излишнимъ исправлять ошибки разныхъ авторовъ, самымъ очевиднымъ образомъ путающихъ даты, топографію, факты.

* * *

Чтобы ясно ориентироваться въ разсказахъ участниковъ, помимо общаго знакомства съ исторіей 12-го года необходимо помнить слѣдующіе факты:

23-го іюня Наполеонъ готовится къ переправѣ черезъ Нѣманъ. 24-го утромъ Нѣманъ переходитъ 1-й корпусъ (маршалъ Даву — принцъ Энкюльскій) — съ нимъ идутъ корпусной казначей Дюверже, ген. Жиро-дел'Эиш (въ штабѣ Дессе 4-й дивизіи), капитанъ Франсуа (Золингенскій полкъ, бригада Бонами), Лемуанъ (въ штабѣ перваго корпуса), Фоссенъ (въ дивизіи Компана); второй корпусъ (маршалъ Удино, герцогъ Реджіо), — съ нимъ идутъ офицеры Шумахеръ, въ 4-мъ швейцарскомъ полку, Росселе и Леглеръ — въ 1-мъ швейцарскомъ полку, Бетосъ — во 2-мъ швейцарскомъ полку, Марбо, командиръ 23-го конно-егерскаго полка (бригада Кастекса); 3-й корпусъ (маршалъ Ней, герцогъ Эльхингенскій) — съ нимъ идетъ Йелинъ, оберъ-лейтенантъ виртембергскаго вспомогательнаго контингента, позже вступаетъ въ составъ корпуса, назначенный командиромъ 4-го линейнаго полка де-Фезанзакъ; 1-й резервный кавалерійскій корпусъ генерала Нансуги — съ которымъ идутъ неизвѣстный капитанъ 16-го конно-егерскаго и Тиріонъ (во второмъ кирасирскомъ); второй — генералъ Монбрисъ — съ нимъ идетъ старшій врачъ виртембергскаго конно-егерскаго герцога Людвигъ полка фонъ-Роосъ. Общая команда подъ кавалеріей принадлежитъ Мюрату. Наконецъ, слѣдуетъ императорская гвардія (маршалы Мортье, герцогъ Тревизскій, Лефевръ, герцогъ Данцигскій и Бессьеръ, герцогъ Истрійскій), съ ней идутъ бригадный генералъ ванъ-Дедемъ де-Гельдеръ во главѣ 33-го линейнаго полка (дивизія Фриана); Пюнь-де-Лощъ — командиръ 3-й и 4-й, потомъ 1-й и 2-й батарей дивизіона Морана; Бургоэнъ, подъ-лейтенантъ 5-го полка вольтижеровъ молодой гвардіи; генералъ Роге, командующій старой гвардіей; Вюннеде-Маренгоне, командиръ гвардейскаго стрѣлковаго батальона; лейтенантъ (потомъ капитанъ) Брандтъ — въ составѣ 2-го привислинскаго легіона дивизіи Клапареда. Въ штабѣ императорской гвардіи идутъ: Буанье; Раппъ, генералъ-адъютантъ Наполеона; Леженъ и Кастелланъ (при Нарбольтъ); за главной квартирой слѣдуютъ главный интендантъ арміи генералъ Матье Дюма, историографъ императора, будущій измѣнникъ Жюмпи, лейбъ-хирургъ Ларрей.

Въ тотъ же день переправился 10-й корпусъ (маршалъ Макдональдъ, герцогъ Тарентскій) подъ Тильзитомъ съ дивизіями Гюрка (прусскій), Гранжана и Массенбаха. 30-го іюня переходитъ подъ Пилонами вице-король Евгений со своимъ 4-мъ корпусомъ — въ его составѣ идутъ лейтенантъ Ложье въ штабѣ итальянской гвардіи и Лабомъ (въ штабѣ принца Евгенія), 6-й корпусъ (генералъ Гувіонъ Сенъ Сиръ), 3-й резервный кавалерійскій (генералъ Груши) — съ нимъ идутъ Грѣа, командиръ 4-го дивизіона пѣшей артиллеріи; Франки, унтеръ-офицеръ и Мишель Комбъ лейтенантъ 8-го конноегерскаго полка. Тогда же переправляется Жеромъ, король Вестфальскій — подъ Гродно съ 5-мъ корпусомъ (Понатовскій) — въ которомъ идутъ Солтыкъ (6-й польскій полкъ), Вершо, сержантъ 8-го легкоконнаго польскаго легіона; 7-й корпусъ (генералъ Рейнбе),

8-й (Жюно, герцогъ д'Абрантесъ) и 4-й резервный кавалерійскій Латуръ-Мобура. Центръ двигается на Вильну. Мюратъ преслѣдуетъ отступающаго къ Дрисскому лагерю Барклая-де-Толли при поддержкѣ Нея и Удино. Король Жеромъ идетъ противъ Багратиона, котораго долженъ отрѣзать, — операція не удавшаяся. Евгенийъ загроживаетъ послѣднему дорогу къ Вильнѣ; Даву двигается къ Западной Двинѣ на Минскъ тоже, чтобы отрѣзать Багратиона.

Между Даву и Мюратомъ несется корпусъ Нансути, поддерживаемый Мораномъ (1-я дивизія 1-го корпуса). Барклай уходитъ на петербургскую дорогу, къ нему присоединяется Дохтуровъ, преслѣдуемый Нансути. Дороховъ и Платовъ соединяются съ Багратиономъ. Начинается бѣшено-форсированный маршъ къ Минску; неудержимо стремится Мюратъ, за нимъ маршалъ Ней и корпусъ Груши. На лѣвомъ флангѣ Удино 15—16 іюля достигаетъ Динабурга. 3-го іюля Ней овладѣваетъ Мишскомъ.

Къ срединѣ іюля армія дошла уже до Западной Двины на сѣверѣ и до Березины на югѣ.

Даву идетъ на Могилевъ — 7-й корпусъ отходитъ къ Слолиму, прикрывая Варшаву. Вильна дѣлается операціоннымъ базисомъ Наполеона — губернаторомъ здѣсь адъютантъ его графъ Гогендорпъ, а всѣмъ распоряжается правая рука императора Маре, герцогъ Бассано. Главная армія двигается къ востоку: принцъ Евгенийъ идетъ на Витебскъ, за нимъ 6-й корпусъ.

Послѣ битвы подъ Могилевомъ (Салтановка) Багратионъ и Барклай стремятся соединиться. Барклай, уходя къ Смоленску, оставляетъ для заслона Петербурга Витгенштейна. Противъ него Наполеонъ оставляетъ Макдональда и Удино. Первый овладѣвается Ригой и Динабургомъ и осаждаетъ Ригу. Второму предписано отрѣзать Витгенштейна. Въ главной арміи авангардомъ командуетъ Мюратъ, далѣе слѣдуютъ корпусъ принца Евгения, корпусъ Нея, генералъ Мутонъ, графъ Лобау съ 3-мя дивизіями, корпусъ Даву и императорская гвардія.

Послѣ битвы подъ Витебскомъ (Островно), Краснымъ и Смоленскомъ, главная армія, не успѣвшая помѣшати соединенію Барклая съ Багратиономъ, продолжаетъ путь къ Москвѣ, — къ ней присоединяются теперь корпусъ Понятовскаго и Вестфальскій контингентъ (VIII корпусъ Жюно). Главная армія идетъ тремя колоннами: по главной дорогѣ Мюратъ во главѣ всей кавалеріи — въ авангардѣ за нимъ Даву, Ней и императорская гвардія, на правомъ флангѣ Понятовскій, на лѣвомъ флангѣ Евгенийъ, аррьергардъ составляетъ Жюно.

Межъ тѣмъ на югѣ Рейне былъ разбитъ Тормасовымъ; на помощь Рейне двинулся австрійскій вспомогательный корпусъ Шварценберга. Послѣ дѣла подъ Городечной Тормасовъ отступаетъ.

На сѣверѣ Витгенштейнъ послѣ ряда битвъ (подъ Клястицами разбиты французы, подъ Боярщиной — русскіе, причѣмъ убитъ Кульневъ), оттѣснилъ Удино къ Полоцку. Здѣсь къ II корпусу присоединяется VI (Севъ-Сирь). Общими силами они наносятъ Витгенштейну поражение подъ Полоцкомъ. Маршалъ Викторъ съ 9-мъ корпусомъ, — въ составѣ послѣдняго слѣдуютъ Штейнмюллеръ, фельдфебель 2-го батальона 2-го Баденскаго полка (бригады графа Гохберга), и графъ Гохбергъ, будущій маркграфъ Вильгельмъ Баденскій, начальникъ Баденской вспомогательной бригады, получаетъ приказъ двигаться отъ Ковно на Вильну, и приблизиться къ Смоленску.

11-й корпусъ (маршалъ Ожеро, герцогъ Кастильоне) долженъ въ это время двинуться изъ Берлина и занять герцогство Варшавское.

* * *

Въ первой части сборника помѣщены отрывки изъ слѣдующихъ авторовъ:

- 1) Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich.
- 2) La Grande Armée. Récits de César de Laugier, officier de la Garde du Prince Eugène.
- 3) Mes campagnes 1792—1815, notes et correspondance du colonel Pion de Loches.
- 4) Roos. Mit Napoleon in Russland.
- 5) Comte Roman Soltyk. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie.
- 6) Mémoires du général baron de Dedeindè Gelder (1774—1825). Un général hollandais sous le premier empire.
- 7) Les Cahiers de capitaine Coignet.
- 8) Quelques notes par un capitaine au 16e régiment des chasseurs à cheval.
- 9) Général baron Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires 1805—1815.
- 10) Relation complète de la campagne de Russie par E. Labaume.
- 11) Pastoret. Mémoires sur la Russie.
- 12) Mémoires du général Griois. 1792—1822.
- 13) Aus dem Leben des General J. H. von Brandt.
- 14) Macdonald, duc de Tarente. Souvenirs.
- 15) Denkwürdigkeiten aus dem Russischen Feldzuge vom Jahr 1812 von Oberstlieutenant Th. Legler.
- 16) Mémoires du général baron de Marbot.
- 17) Journal et souvenirs de Gaspar Schumacher, capitaine en suisse de la garde royale.
- 18) Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire par le maréchal Gouvion Saint-Cyr.
- 19) A Thirion de Metz. Souvenirs militaires.
- 20) Mémoires de chirurgie militaire et campagnes du baron D. J. Larrey.
- 21) Histoire de Napoléon et de la grande armée en 1812, par M. le lieutenant-général comte de Ségur.
- 22) Де-ла Флиэ. Записки о Московскомъ походѣ въ Россіи до 1814 г.
- 23) Précis politique et militaire de campagnes 1812 à 1814. Extraits de souvenirs inédits du général Jomini.
- 24) Baron Denniée. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812.
- 25) Souvenirs du capitaine Francois.
- 26) B. T. Duverger. Mes aventures dans la campagne de Russie.
- 27) Mémoires du général Rapp 1792—1821.
- 28) Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815.
- 29) Руа. Воспоминаніе о кампаніи 1812 г. и о двухъ годахъ плѣна въ Россіи.
- 30) Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie.
- 31) Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'empire depuis 1805 jusqu'au 1 mai 1814 par L. F. J. de Bausset, ancien préfet du palais impérial.
- 32) Souvenirs d'un officier de l'Empire par baron Lejeune, maréchal de camp.
- 33) Souvenirs d'un ex-commandant des grenadiers de la Vielle-garde, Vionnet de Marigné.
- 34) 1812. Lettre du capitaine des curassiers sur la campagne de Russie.
- 35) Journal du maréchal de Castellane 1804—1862.
- 36) Sergent F. Bourgogne. Mémoires 1812—1813.
- 37) La Russie pendant les guerres de l'empire 1805—1815. Souvenirs historiques de M. Armand Domergue, ex-regisseur du Théâtre Imperial de Moscou et l'un des quarante exilés par le Comte Rastopchin.
38. Souvenirs anecdotiques et militaires du colonel Biot.

Въ переводѣ первой части принимали участие: Н. П. Губскій, Е. Н. Джигелегова, Н. Н. Качалова, А. А. Кожевниковъ, Л. С. Коаловскій, В. Н. Линдъ, С. Д. Малашкина, П. Е. Мельгунова, Н. М. Поповъ, М. П. Сеженская, А. И. Смирновъ, В. Е. Степанова, Е. В. Трутовская, Е. П. Чалъева, И. И. Шитцъ, Ю. Н. Щербатская.

Отрывки изъ Ложье взяты изъ изданія выпущеннаго «Задругой»; изъ Дедема въ переводѣ «Русской Старины» (1900, VII) съ дополненіями къ оригиналу; изъ Пасторе въ переводѣ «Русскаго Архива» (1900, XII); изъ Де-ла Флиза въ переводѣ «Русской Старины» (1891, IX и др.); изъ Руа въ переводѣ подъ редакціей г. Ельницкаго (въ изданіи «Лит.-Научное Книгоиздательство»), изъ писемъ Пюибюска въ изданіи В. И. Грачева; изъ Тиріона — въ изданіи Б. М. Колюбакина и въ переводѣ по оригиналу; изъ Бургоня — въ изданіи Суворина; изъ Домерга — въ переводѣ «Историческаго Вѣстника» (1881, VI и др.); изъ Рооса въ переводѣ И. И. Шитца (изд. «Сфинксъ»).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Наполеонъ. (Характеристика Меттерниха.)	1
Александръ I. (Характеристика Меттерниха.)	12
Въ Германіи	24
Наканунъ перехода черезъ Нѣманъ	27
Перехъ черезъ Нѣманъ	30
Первыя военныя дѣйствія	31
Вильна	36
Лже-Наполеонъ	40
Отъ Вильны до Витебска	43
Салтановна	47
Рига и Двинскъ	51
Дрисскій лагерь	52
Мародерская экспедиція	53
Боярщина и смерть Кульнева	57
Полоцкъ	61
Преслѣдованіе русскихъ. Мюратъ	70
Бой при Островно и подъ Витебскомъ	72
Витебскъ	79
Отъ Витебска до Смоленска	85
Бой подъ Смоленскомъ и Валутиной	91
Смоленскъ послѣ взятія	103
Отъ Смоленска до Гжатска	109
Шевардинскій редутъ	118
Бородино	120
Послѣ битвы	159
Путь въ Москву	165
Вступленіе въ Москву и начало пожара	172

Марбо, Ложье, Раппъ, Сенъ-Сиръ, Наполеонъ, Мортъе, Дедемъ,
Макдональдъ, Пьонъ Де-Лощъ.

Наполеонъ.

Среди лицъ, поставленныхъ въ положеніе независимое отъ этого необыкновеннаго человѣка, найдется немного такихъ, кто, какъ я, имѣлъ бы столько точекъ соприкосновенія и столько непосредственныхъ сношеній съ нимъ.

Мнѣніе мое о Наполеонѣ не измѣнялось въ различные періоды этихъ отношеній. Я видѣлъ его и изучалъ въ моменты наибольшаго блеска его; я видѣлъ его и наблюдалъ въ моменты упадка; и если онъ и пытался ввести меня въ заблужденіе, въ чемъ онъ порою былъ очень сильно заинтересованъ, то это ему никогда не удавалось. Я могу, поэтому, надѣяться, что я схватилъ самыя существованныя черты его характера и составилъ о немъ безпристрастное мнѣніе, тогда какъ большинство современниковъ до сихъ поръ видѣло лишь сквозь призму какъ блестящія, такъ и мрачныя, отрицательныя стороны этого человѣка, котораго сила вещей въ соединеніи съ выдающимися личными качествами вознесла на вершину могущества, непримѣрнаго въ новѣйшей исторіи. Проявлявшій рѣдкую проворливость и неутомимую настойчивость въ использованіи того, что полѣвка событій, казалось, подготавливали для него; руководимый духомъ власти дѣйственнымъ и дальновиднымъ въ равной мѣрѣ; ловко улавливавшій въ обстоятельствахъ момента все, что могло служить его честолюбію; умѣвшій съ замѣчательной ловкостью извлекать для себя выгоды изъ ошибокъ и слабостей другихъ, Бонапартъ остался одинъ на полѣ брани, которое въ теченіе десяти лѣтъ оспаривали другъ друга слѣпыя страсти и партіи, охваченныя кровожадною ненавистью и изступленіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ концѣ концовъ конфисковалъ въ свою пользу всю Революцію, онъ сталъ казаться лишь тѣмъ единственнымъ пунктомъ, на которомъ должны сосредоточиться всѣ взоры наблюдателя, и мое назначеніе на постъ посланника во Францію поставило меня въ этомъ отношеніи въ исключительно выгодныя условія, которыми я и не преминулъ воспользоваться.

Наше мнѣніе о человѣкѣ часто складывается подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Я ни разу не видѣлъ Наполеона до аудіенціи, которая дана была мнѣ въ Сенъ-Клу для врученія моихъ вѣрительныхъ грамотъ. Онъ принялъ меня, стоя посреди одной изъ залъ въ обществѣ министра иностранныхъ дѣлъ и еще шести лицъ его

Французы въ Россіи.

двора. Онъ былъ въ пѣхотномъ гвардейскомъ мундирѣ и въ шляпѣ. Это послѣднее обстоятельство, неумѣстное во всѣхъ отношеніяхъ, ибо аудіенція не была публичной, неприятно поразило меня: въ этомъ видны были чрезмѣрные претензіи и чувствовался выскочка; я даже колебался пѣкоторое время не надѣть ли и мнѣ шляпу. Я началъ однако небольшую рѣчь, точный и сжатый текстъ которой рѣзко отличалъ ее отъ рѣчей, ставшихъ обычными при новомъ французскомъ дворѣ.

Его манера держать себя, казалось, обнаруживала неловкость и даже смущеніе. Его приземистая и квадратная фигура, небрежный видъ и въ то же время замѣтное стараніе придать себѣ внушительность, окончательно убили во мнѣ оцущеніе величія, которое естественно соединялось съ представленіемъ о человѣкѣ, заставлявшемъ трепетать весь міръ. Это впечатлѣніе никогда не изгладилось вполне изъ моего ума; оно сопутствовало самымъ важнымъ свиданіямъ, какія я имѣлъ съ Наполеономъ въ различныя эпохи его жизни. Возможно, что оно помогло мнѣ разглядѣть этого человѣка такимъ, какимъ онъ былъ, сквозь всѣ маски, въ которыя онъ умѣлъ рядиться. Въ его вспышкахъ, въ его приступахъ гнѣва, неожиданныхъ репликахъ я пріучился видѣть заранѣе приготовленныя сцены, разученныя и рассчитанныя на эффектъ, который онъ желалъ произвести на собесѣдника.

Что больше всего поразило меня въ моихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ — сношеніяхъ, которыя я съ самаго начала постарался сдѣлать болѣе частыми и конфиденціальными, — такъ это необыкновенная проницательность ума и великая простота въ ходѣ его мысли. Въ разговорѣ съ нимъ я всегда находилъ очарованіе, трудно поддающееся опредѣленію.

Подходя къ предмету, онъ схватывалъ въ немъ самое существенное, отбрасывалъ ненужныя мелочи, развивалъ и отдѣлывалъ свою мысль до тѣхъ поръ, пока она не становилась совершенно ясной и убѣдительною, всегда находилъ подходящее слово или изобрѣталъ его тамъ, гдѣ его еще не создалъ языкъ: благодаря этому бесѣды съ нимъ всегда глубоко интересны. Онъ не бесѣдовалъ, но говорилъ; благодаря богатству идей и легкости въ ихъ выраженіи онъ умѣлъ ловко овладѣвать разговоромъ, и одинъ изъ обычныхъ оборотовъ его рѣчи былъ слѣдующій: «Я вижу, — говорилъ онъ вамъ, — чего вы хотите; вы желаете прійти къ такой то цѣли; итакъ, приступимъ прямо къ вопросу».

Онъ выслушивалъ, однако, замѣчанія и возраженія, которыя ему дѣлали; онъ ихъ принималъ, обсуждалъ или отвергалъ, никогда не нарушая тона и характера чисто дѣлового разговора, а я никогда не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія, говоря ему то, что считалъ истиной, даже тогда, когда послѣдняя не могла ему нравиться.

Подобно тому, какъ въ представленіяхъ его все было ясно и точно, точно также не зналъ онъ ни трудностей, ни колебаній, когда приходилось дѣйствовать. Усвоенныя правила его нисколько не смущали.

Въ дѣйствиіи, какъ и въ разсужденіяхъ онъ шелъ прямо къ цѣли, не останавливаясь на соображеніяхъ, которыя считалъ второсте-

пенными и которыми онъ, быть можетъ, слишкомъ часто пренебрегалъ. Прямая линия, ведущая къ задуманной цѣли, была той, которую онъ выбиралъ по преимуществу и которой шелъ до конца, если что-либо не заставляло его сойти съ нея; но точно также, не будучи рабомъ своихъ плановъ, онъ умѣлъ отказываться отъ нихъ или видоизмѣнять ихъ въ тотъ моментъ, какъ измѣнялась его цѣль, или когда новыя комбинаціи представляли возможность достигнуть ее другими болѣе вѣрными путями.

Онъ не обладалъ большими научными познаніями. Его приверженцы особенно усердно поддерживали мнѣніе, что онъ былъ глубокимъ математикомъ. Но то, что онъ зналъ въ области математическихъ наукъ, не возвышало его надъ уровнемъ любого офицера, получившаго, какъ онъ, подготовку къ артиллерійской службѣ; но его природныя дарованія восполняли недостатокъ знанія. Онъ сталъ администраторомъ и законодателемъ, какъ и великимъ полководцемъ, въ силу одного лишь инстинкта. Складъ его ума всегда толкалъ его къ положительному; онъ отвергалъ идеи неопредѣленныя; грезы мечтателей и отвлеченныя схемы идеологовъ въ одинаковой мѣрѣ отталкивали его, и онъ смотрѣлъ, какъ на пустую болтовню, на все то, что не приводило къ яснымъ выводамъ и осязательнымъ результатамъ. Онъ, въ сущности, признавалъ научную цѣнность лишь за тѣми знаніями, которыя можно контролировать и провѣрять на практикѣ путемъ чувствъ, которыя основаны на опытѣ и наблюденіяхъ. Онъ выказывалъ глубокое презрѣніе къ ложной философій и ложной филантропіи восемнадцатаго вѣка. Изъ корифеевъ этихъ ученій въ особенности Вольтеръ былъ предметомъ его ненависти, и въ этой ненависти онъ доходилъ до того, что оспаривалъ даже по всякому поводу общепризнанный взглядъ на литературныя заслуги Вольтера.

Наполеонъ не былъ нерелигіознымъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Онъ не допускалъ, чтобы могъ существовать искренній и убѣжденный атеистъ; онъ осуждалъ деизмъ, какъ плодъ необоснованнаго умозрѣнія. Христіанинъ и католикъ, онъ лишь за положительной религіей признавалъ право управлять человѣческими обществами. Въ христіанствѣ онъ видѣлъ основу всякой истинной цивилизаціи, въ католицизмѣ — культъ наиболѣе благопріятный для поддержанія порядка и устоевъ нравственности, въ протестантизмѣ — источникъ смуты и раздоровъ. Не соблюдая церковныхъ обрядовъ въ отношеніи къ себѣ самому, онъ однако слишкомъ уважалъ послѣдніе, чтобы позволить себѣ насмѣшки надъ тѣми, кто придерживался ихъ. Возможно, что его отношеніе къ религіи являлось не дѣломъ чувства, а результатомъ дальновидной политики, но это — тайна его души, которой онъ никогда не выдавалъ. Что касается его мнѣній о людяхъ, то они сводились къ идеѣ, которая, къ несчастью для него, приобрѣла въ его умѣ значеніе аксіомы. Онъ былъ убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ, призванный дѣйствовать на аренѣ общественной жизни или просто преслѣдующій какія-нибудь цѣли въ практической жизни, не руководствуется и не можетъ руководствоваться какими-либо мотивами, кромѣ личнаго интереса. Онъ не отрицалъ ни доблести, ни чести, но онъ утверждалъ, что ни первос,

ни второе чувство ни въ комъ не служатъ главной движущей силой, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кого онъ называлъ мечтателями и кого въ качествѣ таковыхъ считалъ совершенно неспособными къ успѣшной работѣ въ общественныхъ дѣлахъ. Я много и часто спорилъ съ нимъ по поводу этого правила его, противъ котораго возставало мое внутреннее убѣжденіе, и ложность котораго — по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ его примѣнялъ, — я пытался ему доказать. Мнѣ ни разу не удалось поколебать его на этомъ пунктѣ.

Онъ обладалъ особенно тонкимъ чутьемъ въ распознаваніи людей, которые могли быть ему полезны. Онъ быстро открывалъ въ нихъ ту сторону, съ которой нужно было подойти, чтобы извлечь наибольшую выгоду. Въ то же время онъ старался связать ихъ со своей личной судьбой, компрометируя ихъ настолько, что для нихъ невозможно уже было отойти отъ него и создать себѣ другое положеніе: такимъ образомъ, въ личномъ расчетѣ онъ видѣлъ залогъ преданности ему.

Лучше всего онъ изучилъ національный характеръ французовъ, и исторія его жизни показала, что онъ хорошо понялъ этотъ характеръ. Въ частности на парижанъ онъ смотрѣлъ, какъ на дѣтей, и онъ часто сравнивалъ Парижъ съ большой оперой. Когда однажды я упрекнулъ его въ явныхъ измышленіяхъ, которыми изобиловали его бюллетени, онъ отвѣтилъ мнѣ, смѣясь: «Вѣдь не для васъ я ихъ писалъ; парижане всему вѣрятъ, и я могъ бы рассказать имъ еще много другого, во что они не отказались бы повѣрить». Ему нерѣдко случалось во время разговора пускаться въ разсужденія на историческія темы. Эти разсужденія обнаруживали въ немъ недостаточное знаніе фактовъ, но необычайную прозорливость въ оцѣнкѣ причинъ и въ предвидѣніи послѣдствій. Онъ такимъ образомъ больше угадывалъ, чѣмъ зналъ, и хотя событія и людей онъ окрашивалъ въ свой собственный цвѣтъ, онъ находилъ для нихъ остроумныя объясненія. Такъ какъ онъ всегда возвращался къ однимъ и тѣмъ же цитатамъ, то надо думать, что онъ почерпалъ изъ очень небольшого числа работъ, и преимущественно изъ сокращенныхъ изложеній, наиболѣе яркіе факты изъ древней исторіи и исторіи Франціи. Въ своей памяти, однако, онъ хранилъ запасъ именъ и событій достаточно богатый для того, чтобы импонировать тѣмъ, чьи познанія въ исторіи были еще менѣе солидны, чѣмъ его собственные.

Героями его были Александръ, Цезарь и прежде всего Карлъ Великій. Онъ претендовалъ на мѣсто преемника этого послѣдняго, преемника не только въ силу факта, но и по праву, и эта мысль особенно занимала его. Въ разговорахъ со мною онъ пускался въ безкопечныя разсужденія, чтобы поддерживать этотъ странный парадоксъ самыми слабыми аргументами. Очевидно, мое положеніе австрійскаго посланника вызывало эту настойчивость его въ разговорѣ со мною.

Однимъ изъ постоянныхъ и живѣйшихъ его огорченій было то, что онъ не могъ сослаться на принципъ легитимности, какъ на основу своей власти. Немного людей болѣе глубоко чувствовало, насколько

власть, лишенная этого основанія, преходяща и хрупка, какъ открыта она для нападений. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не упустилъ случая, чтобы заявить въ моемъ присутствіи живѣйшій протестъ противъ тѣхъ, кто могъ вообразить, что онъ занялъ тронъ въ качествѣ узурпатора.

«Французскій престолъ, — говорилъ онъ мнѣ не разъ, — былъ вакантнымъ. Людовикъ XVI не сумѣлъ удержаться на немъ. Будь я на его мѣстѣ, Революція никогда не стала бы совершившимся фактомъ, не смотря на огромные успѣхи, которые она сдѣлала въ умахъ въ предшествовавшія царствованія. Послѣ паденія короля, территоріей Франціи завладѣла Республика, ее то я и смѣнилъ. Старый тронъ остался погребеннымъ подъ развалинами, я долженъ былъ основать новый. Бурбоны не смогли бы царствовать въ этомъ вновь созданномъ государствѣ; моя сила заключена въ моей счастливой судьбѣ; я — новъ, какъ нова имперія; такимъ образомъ между мною и имперіей полное сліяніе».

Я часто думалъ однако, что выражаясь такимъ образомъ, Наполеонъ хотѣлъ лишь усыпить или сбить съ толку общественное мнѣніе, и предложеніе, съ которымъ онъ обращался непосредственно къ Людовику XVIII въ 1804 г., повидимому, подтверждаетъ это подозрѣніе. Говоря однажды со мною объ этомъ предложеніи, онъ сказалъ: «Отвѣтъ его высочества былъ благороденъ, онъ былъ насквозь пропитанъ традиціями. Въ этихъ законныхъ наследникахъ есть нѣчто, что считается не съ однимъ только разсудкомъ. Если бы его высочество слѣдовалъ совѣтамъ разсудка, онъ столкнулся бы со мною, и я бы содалъ для него великолѣпное положеніе».

Его также сильно занимала идея связать съ Божествомъ происхожденіе верховной власти. Однажды, въ Компіенѣ вскорѣ послѣ брака его съ эрцгерцогиней, онъ мнѣ сказалъ: «Я вижу, что императрица въ письмахъ къ отцу, въ адресѣ пишетъ: *Его Священному Императорскому Величеству*. Употребляется ли у васъ этотъ титулъ?» Я отвѣтилъ ему, что такъ ведется по традиціи отъ прежней Германской имперіи, которая называлась Священной имперіей, и что титулъ «священный» связанъ также и съ апостольскимъ королевскимъ вѣнцомъ Венгріи. Тогда Наполеонъ отвѣтилъ мнѣ торжественнымъ тономъ: «Обычай прекрасный и понятный. Власть отъ Бога исходитъ, и только въ силу этого она можетъ быть поставлена выше людскихъ покушеній. Черезъ нѣкоторое время я приму такой же титулъ». Онъ придавалъ большое значеніе благородству своего происхожденія и древности своего рода. Неоднократно старался онъ мнѣ показать, что лишь зависть и клевета могли набросить тѣнь на благородство его происхожденія. «Я поставленъ въ исключительное положеніе, — сказалъ онъ мнѣ. Я нахожу историковъ моей родословной, которые хотятъ довести мой родъ до временъ потопа, и есть мнѣнія, которыя утверждаютъ, что я не дворянинъ по рожденію. Истина между этими двумя крайностями. Буонапарте, — хорошіе корсиканскіе дворяне, мало извѣстные, потому что мы никогда не выходили за предѣлы нашего острова, но они во много разъ лучше тѣхъ пустозвоновъ, которые хотѣли бы насъ унижить».

Наполеонъ смотрѣлъ на себя, какъ на совершенно особое, единственное существо въ мірѣ, призванное управлять и руководить умами по своему усмотрѣнію. На людей онъ смотрѣлъ такъ, какъ хозяинъ мастерской на своихъ рабочих¹⁾.

Однимъ изъ тѣхъ, къ кому онъ, повидимому, былъ наиболѣе связанъ, былъ Дюрокъ. «Онъ любитъ меня, какъ собака — своего хозяина». Вотъ — фраза, которую онъ употребилъ, говоря со мною о Дюрокѣ. Чувство, которое питалъ къ нему Бертъ, онъ сравнивалъ съ чувствомъ добраго ребенка. Эти сравненія не только не расходились съ его теоріей относительно двигателей человѣческихъ дѣйствій, наоборотъ они естественно вытекали изъ нея; тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ чувства, которыя онъ не могъ объяснить чисто личнымъ расчетомъ, онъ искалъ для нихъ источника съ своего рода инстинктѣ.

Очень много говорилось о суевѣрїи Наполеона и почти столько же о недостаткѣ личной храбрости. Оба эти обвиненія основаны или на ложныхъ свѣдѣніяхъ, или на наблюденіяхъ, плохо истолкованныхъ. Наполеонъ вѣрилъ въ судьбу, и кто же больше, чѣмъ онъ испытывалъ ее? Онъ любилъ хвастать своей звѣздой; онъ былъ очень доволенъ, что толпа не прочь видѣть въ немъ привилегированное существо; но самъ онъ не обманывался на свой собственный счетъ и, что важнѣе, вовсе не стремился приписывать судьбѣ большую роль въ своемъ возвышеніи. Я часто слышалъ какъ онъ говорилъ: «меня называютъ счастливымъ потому, что я ловокъ; люди слабые обыкновенно обвиняютъ въ счастіи людей сильныхъ».

Я приведу здѣсь одинъ случай, который показываетъ до какой степени онъ рассчитывалъ на энергію своей души и считалъ себя выше случайностей жизни. Среди прочихъ парадоксовъ, которые онъ высказывалъ въ вопросахъ медицины и фізіологіи (темы, которыхъ онъ касался съ особой любовью), онъ утверждалъ, что смерть часто бываетъ лишь слѣдствіемъ недостатка волевой энергіи въ личности. Однажды въ С.-Клу онъ упалъ съ опасностью для жизни (онъ былъ выброшенъ на каменную тумбу, которая чуть не продавала ему животь²⁾); на другой день, когда я спросилъ его о здоровьи, онъ мнѣ отвѣтилъ самымъ серіознымъ образомъ: «вчера я пополнилъ опытнымъ путемъ свои познанія относительно силы воли; когда я

¹⁾ Маршалъ Ланнъ былъ смертельно раненъ въ битвѣ при Аспернѣ. Бюллетени французской арміи передавали слова, которыя онъ якобы произнесъ. Вотъ, что сказалъ мнѣ по этому поводу самъ Наполеонъ: «Вы читали фразу, которую я вложилъ въ уста Ланна, — онъ объ этомъ и не думалъ. Когда маршалъ произнесъ мое имя, мнѣ сообщили, и я сейчасъ же объявилъ его умершимъ. Ланнъ ненавидѣлъ меня отъ всего сердца. Онъ наваль мое имя, какъ атеисты называютъ Бога, когда они подходятъ къ моменту смерти. Когда Ланнъ меня назвалъ, я долженъ былъ считать его окончательно погибшимъ».

²⁾ Я не прочь предположить, что этотъ случай могъ содѣйствовать развитію той болѣзни, жертвою которой сталъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Я удивляюсь, что это предположеніе никогда не дѣлалось. Хотя съ другой стороны вѣрно и то, что онъ неоднократно говорилъ мнѣ объ этой болѣзни, какъ о наслѣдственной въ его роду.

получилъ ударъ въ животъ, я почувствовалъ, что жизнь уходитъ; у меня оставалось лишь время сказать себѣ, что я не хочу умирать, и вотъ я живъ! Всякій другой на моемъ мѣстѣ былъ бы мертвъ». Если угодно называть это сусвѣріемъ, то нужно по крайней мѣрѣ согласиться, что оно очень отличается отъ того сусвѣрія, которое ему приписывалось.

Точно также обстоитъ дѣло и съ его храбростью. Онъ крѣпко держался за жизнь; но такъ какъ съ его судьбой было связано безконечное количество судебъ, то ему было позволительно, конечно, видѣть въ своей жизни нѣчто иное, чѣмъ жалкое существованіе одного лица. Такимъ образомъ онъ не считалъ себя призваннымъ показывать «Цезаря и его судьбу» исключительно для доказательства своей храбрости. Другіе великіе полководцы думали и поступали такъ же, какъ и онъ. Если у него не было той жилки, которая заставляетъ бросаться въ опасность, сломя голову, то это, конечно, не основаніе, чтобы обвинять его въ трусости, какъ это дѣлали безъ всякихъ колебаній иные его враги. Исторія его походовъ достаточно показала, что онъ былъ всегда на мѣстѣ, — опасномъ или нѣтъ, — но на томъ, какое подобало вождю великой арміи. Въ частной жизни, никогда не отличаясь любезностью въ обращеніи, онъ былъ покладистъ и часто доводилъ снисходительность до слабости. Добрый сынъ и хорошій родственникъ съ тѣмъ оттѣнкомъ, который встрѣчается особенно часто въ буржуазныхъ итальянскихъ семьяхъ, онъ терпѣлъ выходки нѣкоторыхъ членовъ своей родни, не проявляя силы воли достаточной для того, чтобы сдерживать ихъ въ границахъ даже тогда, когда онъ долженъ былъ сдѣлать это явно въ своемъ интересѣ. Въ части его сестры умѣли добиваться отъ него всего того, чего хотѣли.

Ни первая, ни вторая изъ супруговъ Наполеона не могли пожаловаться на его обращеніе. Хотя этотъ фактъ достаточно установленъ, но слова эрцгерцогини Маріи-Луизы бросаютъ на него новый свѣтъ. «Я увѣрена, — сказала она мнѣ вскорѣ послѣ замужества, — что въ Вѣнѣ много занимаютъ мною и что по общему мнѣнію я терплю ежедневныя муки. Вотъ какъ неправдоподобна часто бываетъ истина. Я не боюсь Наполеона, но я начинаю думать, что онъ боится меня».

Простой и часто даже обходительный въ частной жизни онъ производилъ невыгодное для себя впечатлѣніе въ большомъ свѣтѣ. Трудно вообразить большую неловкость въ манерѣ держать себя, чѣмъ та, которую обнаруживалъ Наполеонъ въ салонѣ. Усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы исправить свои природныя недостатки и недостатки воспитанія въ результатѣ лишь рѣзче подчеркивали то, чего ему не хватало. Я убѣжденъ, что онъ многое принесъ бы въ жертву лишь бы сдѣлать выше свой ростъ и придать благородство фигурѣ, которая становилась все вульгарнѣе по мѣрѣ того, какъ увеличивалась его полнота. Онъ ходилъ обыкновенно приподнямаясь на носкахъ; онъ усвоилъ себѣ тѣлодвиженія, скопированныя у Бурбоновъ. Его костюмы были рассчитаны на то, чтобы производить впечатлѣніе контраста съ костюмами, обычными въ его кругу, благодаря необычайной простотѣ или чрезмѣрному великолѣпію. Извѣстно, что онъ призывалъ Тальму, чтобы изучать позы. Онъ очень

покровительствовалъ этому актеру, и его расположеніе объяснялось въ значительной степени сходствомъ, которое въ дѣйствительности существовало между ними. Ему было пріятно видѣть Тальму на сценѣ; можно было бы сказать, что онъ находилъ себя въ немъ. Никогда изъ его устъ — въ разговорѣ съ женщинами — не выходило не только изысканной, но даже просто умѣстной фразы, хотя усилія найти ее часто выражались на его лицѣ и въ тонѣ голоса. Онъ говорилъ съ дамами только объ ихъ туалетахъ, выказывая себя придирчивымъ и строгимъ судьей или же о количествѣ ихъ дѣтей; и однимъ изъ его обычныхъ вопросовъ было — кормятъ ли онѣ сами, при чемъ этотъ вопросъ онъ предлагалъ обыкновенно въ выраженіяхъ, совершенно непринятыхъ въ хорошемъ обществѣ. Иной разъ онъ ихъ подвергалъ своего рода допросу относительно интимныхъ связей въ обществѣ, что придавало его бесѣдамъ скорѣе характеръ поученій неумѣстныхъ и безтактныхъ, чѣмъ характеръ вѣжливаго салоннаго разговора. Этотъ недостатокъ хорошаго тона часто вызывалъ противъ него отпоръ, на который онъ не находилъ удачнаго отвѣта. Его нелюбовь къ женщинамъ, принимающимъ участіе въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, доходила до ненависти¹⁾.

Чтобы судить объ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ, нужно слѣдить за нимъ на той великой сценѣ, для которой онъ былъ рожденъ. Судьба безъ сомнѣнія очень много сдѣлала для Наполеона, но силою своего характера, дѣйственностью и ясностью своего ума, гениальностью великихъ комбинацій въ военномъ искусствѣ онъ поднялся на уровень того мѣста, которое судьба ему предназначила. Имѣя лишь одну страсть — страсть къ власти — онъ никогда не терялъ ни времени, ни средствъ на дѣла, которыя могли бы его отвлечь отъ его цѣли. Властелинъ самого себя онъ скоро сталъ властелиномъ людей и событій. Въ какое бы время онъ ни явился, онъ игралъ бы выдающуюся роль. Но эпоха, въ которую онъ дѣлалъ первые шаги по своему жизненному пути, была исключительно благопріятной для его возвышенія. Окруженный личностями, которыя среди разрушающагося міра шли наудачу безъ опредѣленнаго направленія

¹⁾ Въ 1810 году ко мнѣ обратилась г-жа Сталь съ цѣлью добиться у Наполеона черезъ мое посредство разрѣшенія жить въ Парижѣ. Всѣмъ извѣстно, какое огромное значеніе придавала она этой милости и мнѣ незачѣмъ говорить здѣсь о мотивахъ, которыми она руководилась. У меня не было основаній принимать особое участіе въ ходатайствѣ г-жи Сталь, я зналъ къ тому же, что мой протекція немногимъ ей поможетъ. Однако представился случай, когда я могъ занять вниманіе Наполеона просьбой этой знаменитой женщины: «Я не хочу г-жи Сталь въ Парижѣ, отвѣтилъ Наполеонъ, и имѣю для этого достаточныя основанія». Я ему отвѣтилъ, что если бы это было и такъ, то не подлежитъ также сомнѣнію, что, принимая подобныя мѣры по отношенію къ женщинамъ, онъ придастъ ей значеніе, котораго она безъ этого, пожалуй, не имѣла бы. «Если бы г-жа Сталь, — отвѣтилъ мнѣ Наполеонъ, — стремилась быть или была бы роялисткой или республиканкой, я ничего не имѣлъ бы противъ нея, но она пружина, которая приводитъ въ движеніе салоны. Только во Франціи подобная женщина представляетъ опасность, и я этого не хочу».

всюду, куда ихъ вели всякаго рода честолюбіе и алчность, онъ одинъ сумѣлъ составить планъ, прочно его держаться и довести до конца. Во время второго итальянскаго похода онъ и составилъ тотъ планъ, которому и суждено было привести его на вершину власти. «Юношей,— говорилъ онъ мнѣ, — я былъ революціонеромъ по невѣдѣнію и изъ честолюбія. Въ годы разума я послѣдовалъ за его совѣтами и за своимъ собственнымъ инстинктомъ и раздавилъ революцію».

Онъ до такой степени привыкъ считать себя необходимымъ для поддержанія системы имъ созданной, что подъ конецъ онъ уже не понималъ какимъ образомъ міръ можетъ итти помимо него. Я нисколько не сомнѣваюсь, что изъ глубины души шли и глубокимъ убѣжденіемъ были проникнуты эти слова его, которыя онъ мнѣ сказалъ во время нашего свиданія въ Дрезденѣ въ 1813 г.: «Я погибну быть можетъ, но въ своемъ паденіи я увлеку съ собою троны и все общество». Сказочные успѣхи, которыми была наполнена его жизнь, въ концѣ концовъ бесспорно ослѣпили его; но до войны 1812 года, когда онъ впервые палъ подъ тяжестью иллюзій, онъ никогда не терялъ изъ виду глубоко продуманныхъ расчетовъ, съ помощью которыхъ онъ столько разъ торжествовалъ. Даже послѣ московскаго разгрома мы видѣли съ какимъ хладнокровіемъ и энергіей защищалъ онъ свое существованіе; и его кампанія 1813 года была бесспорно той, въ которой онъ при очень уменьшенныхъ силахъ проявилъ максимумъ военнаго таланта. Я никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ, — а ихъ было много, — которые думали, что послѣ событій 14 и 15 годовъ онъ попытается создать себѣ новую карьеру, сойдя на роль искателя приключеній и пустившись въ романтическое прожектерство. Его умъ и складъ его души заставляли его презирать все маленькое. Какъ крупному игроку, успѣхи мелкой игры не только не доставили бы ему удовольствіе, а внушили бы отвращеніе.

Часто возбуждался вопросъ былъ ли Наполеонъ въ основѣ добръ или злъ. Мнѣ всегда казалось, что эти эпитеты въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ обычно употребляютъ, совершенно непримѣнимы къ такому характеру, какъ его. Постоянно занятый одною задачею, день и ночь поглощенный заботою управленія имперіей, которая въ своемъ постепенномъ ростѣ, въ концѣ концовъ, охватила интересы огромной части Европы, онъ никогда не отступалъ передъ страхомъ неудовольствій, которыя онъ могъ вызвать, ни даже передъ безмѣрнымъ количествомъ индивидуальныхъ страданій, неизбежныхъ при осуществленіи его плановъ. Подобно тому, какъ несущаяся колесница давить все, что попадаетъ ей на пути, Наполеонъ думалъ лишь о томъ, чтобы стремиться впередъ. Онъ совершенно не принималъ въ расчетъ тѣхъ, которые не умѣли уберечься; онъ даже склоненъ былъ порою обвинять ихъ въ глупости. Безстрастный ко всему, что находилось внѣ пути его слѣдованія онъ имъ не занимался ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Онъ могъ сострадать несчастіямъ частной жизни, но онъ былъ равнодушенъ къ бѣдствіямъ государственнымъ.

Точно также было и въ отношеніи его къ тѣмъ, кѣмъ онъ пользовался какъ орудіемъ. Безкорыстное великодушіе было не въ его натурѣ; онъ расточалъ свои милости и благодѣянія лишь соразмѣрно

съ тою пользою, которую надѣялся извлечь изъ благодѣтельствуемыхъ. Къ другимъ онъ относился такъ, какъ по его мнѣнію они относились къ нему. Онъ принималъ всѣ услуги, не интересуясь ни мотивами, ни взглядами, ни прежними поступками тѣхъ, кто предлагалъ эти услуги, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда разсчитывалъ извлечь изъ этого новую выгоду.

У Наполеона было два лица. Въ качествѣ частнаго человѣка онъ былъ доступенъ и обходителенъ, не будучи ни добрымъ, ни злымъ. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля онъ не допускалъ никакого чувства, не руководствовался въ своихъ рѣшеніяхъ ни симпатіей, ни ненавистью. Онъ давилъ или сталкивалъ съ пути своихъ враговъ, руководствуясь лишь необходимостью или интересомъ избавиться отъ нихъ. Разъ эта цѣль была достигнута — онъ о нихъ забывалъ и не преслѣдовалъ ихъ.

Было сдѣлано много бесполезныхъ попытокъ и бесплодно потрачено много эрудиціи изъ желанія сравнивать Наполеона съ тѣмъ или инымъ изъ его предшественниковъ по пути завоеваній и политическихъ переворотовъ. Страсть къ параллелямъ приноситъ существенный вредъ исторіи; она проливаетъ ложный свѣтъ на наиболѣе выдающіеся характеры и она часто совершенно извращаетъ ту точку зрѣнія, съ которой слѣдовало бы ихъ разсматривать. Невозможно судить о человѣкѣ, отдѣляя его отъ тѣхъ рамокъ, въ которыя онъ былъ помѣщенъ, и отъ совокупности обстоятельствъ, которыя на него воздѣйствовали. Если бы даже природѣ угодно было создать двухъ индивидовъ безусловно похожихъ, то ихъ дальнѣйшее развитіе въ условіяхъ времени и мѣста, не допускающихъ никакой аналогіи, неизбѣжно стерло бы ихъ первоначальное сходство и смутило бы неопытнаго художника, который захотѣлъ бы воспроизвести это сходство своею кистью. Настоящій историкъ — тотъ, который умѣетъ принимать въ расчетъ до безконечности разнообразныя элементы, призванные войти въ композицію картинъ; такой историкъ, повторяю, охотно откажется отъ тщетной затѣи сравнивать Наполеона, будь то съ героями древности, будь то съ варварскими завоевателями среднихъ вѣковъ, будь то съ великимъ королемъ минувшаго вѣка (за исключеніемъ военнаго таланта), будь то съ узурпаторомъ складки Кромвеля. Ни одно изъ этихъ случайныхъ сближеній ничего не разъяснитъ потомству, но всѣ они неизбѣжно извратятъ историческую правду.

Къ тому же система завоеваній Наполеона была совершенно особаго характера. Всемирное господство, къ которому онъ стремился, не имѣло цѣлью сконцентрировать въ его рукахъ непосредственное управленіе огромной массой странъ, но установить въ центрѣ верховную власть надъ европейскими государствами, по образцу, извращенному и преувеличенному, имперіи Карла Великаго. Если соображенія момента заставляли его отступать отъ этой системы, если они увлекали его къ захвату и къ присоединенію къ французской территоріи странъ, на которыя онъ при правильномъ пониманіи своего же интереса не долженъ былъ бы посягать, то эти дѣйствія, существенно повредившія укрѣпленію его власти, не только не со-

дѣйствовали развитію великаго плана, лежавшаго въ основѣ его мысли, но лишь повели къ его крушенію и гибели. Этотъ планъ долженъ былъ бы распространиться также и на церковь. Онъ хотѣлъ основать въ Парижѣ престоль католицизма и оторвать папу отъ всякихъ свѣтскихъ интересовъ, обезпечивъ ему власть духовную подъ эгидой французской имперіи.

Въ своихъ политическихъ и военныхъ комбинаціяхъ Наполеонъ отводилъ не мало мѣста слабостямъ и ошибкамъ тѣхъ, съ кѣмъ ему предстояло бороться. Нужно признать, что долгій опытъ давалъ ему достаточно основаній слѣдовать этому принципу. Но вѣрно также и то, что онъ имъ злоупотреблялъ и что привычка пренебрегать силами и средствами противниковъ, была одной изъ главныхъ причинъ его паденія. Союзъ 1813 года его убилъ, потому что онъ никогда не хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что коалиція можетъ поддерживать духъ единства въ своихъ членахъ и упорствовать въ достиженіи своихъ цѣлей.

Во мнѣніяхъ людей до сихъ поръ существовало разногласіе и возможно будетъ существовать всегда по вопросу, заслуживаетъ ли Наполеонъ въ дѣйствительности имя великаго человѣка. Невозможно отрицать черты величія въ томъ, кто выйдя изъ неизвѣстности смогъ въ теченіе немногихъ лѣтъ стать самымъ сильнымъ и самымъ могущественнымъ изъ современниковъ. Но сила, могущество, превосходство — понятія болѣе или менѣе относительныя. Чтобы точно оцѣнить степень геніальности человѣка, которая потребовалась ему, чтобы покорить свой вѣкъ, надо знать мѣру этого вѣка. Такова исходная точка, изъ которой вытекаеть основное разногласіе въ мнѣніяхъ о Наполеонѣ. Если эра французской революціи была, какъ думаютъ ея поклонники, наиболѣе блестящей, наиболѣе славной эпохой современной исторіи, то Наполеонъ, который сумѣлъ занять въ ней первое мѣсто и сохранить его въ теченіе пятнадцати лѣтъ, былъ внѣ всякаго сомнѣнія однимъ изъ самыхъ великихъ людей, которые когда-либо являлись. Если же, напротивъ, ему предстояло лишь подобно метеору подняться надъ туманами всеобщаго распада, если онъ находилъ вокругъ себя лишь развалины общества, подточеннаго крайностями ложной цивилизаціи, если ему предстояло лишь сломить сопротивление, разслабленное всеобщей усталостью, безсильное соперничество, низкія страсти; если передъ нимъ стояли какъ внутри страны, такъ и внѣ ея враги, разьединенные и парализованные раздорами, то несомнѣнно, что блескъ его успѣховъ уменьшается соразмѣрно съ той легкостью, съ какою онъ ихъ достигъ. И такъ какъ мы придерживаемся именно послѣдняго взгляда на положеніе вещей, то, всецѣло признавая все, что было необыкновеннаго и поражающаго въ карьерѣ Наполеона, мы далеки отъ риска преувеличивать идею его величія.

Обширное зданіе, построенное имъ, было исключительно дѣломъ его рукъ и самъ онъ былъ въ немъ краеугольнымъ камнемъ. Но эта гигантская постройка, въ сущности, лишена была основанія; матеріалъ, пошедшій на нее, былъ составленъ изъ обломковъ другихъ зданій, изъ которыхъ одни уже подгнили, другіе же съ самаго начала

не отличались прочностью. Краеугольный камень был вынуть, и все зданіе обратилось въ развалины отъ вершины до основанія.

Такова въ немногихъ словахъ исторія французской имперіи. Задуманная и созданная Наполеономъ она лишь въ немъ существовала; вмѣстѣ съ нимъ она должна была погибнуть.

(Меттернихъ).

Александръ I.

Нарисовать точный портретъ Александра Перваго — задача не легкая. Лучшую характеристику его далъ Наполеонъ.

Какъ-то, въ разговорѣ со мной въ 1810 году, онъ спросилъ меня: близко ли я знакомъ съ Александромъ. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ приходилось встрѣчаться съ Императоромъ только въ его бытность въ Берлинѣ.

«Возможно, — сказалъ мнѣ на это Наполеонъ, — что судьба васъ и еще разъ поставитъ на его пути».

Въ императорѣ Александрѣ есть большая сила очарованія, которую испытываетъ всякій при встрѣчѣ съ нимъ. Если бы я самъ былъ способенъ отдаться непосредственно личнымъ впечатлѣніямъ, то я привязался бы къ нему отъ всей души, но на ряду съ его высокимъ интеллектомъ и умѣніемъ очаровывать всѣхъ окружающихъ, въ немъ есть еще что-то, чего я даже не сумѣю точно опредѣлить. Поясняя свою мысль, я могъ бы еще сказать, что это «что-то» заключалось въ томъ, что во всемъ и всегда ему не хватало чего-нибудь. Страннѣе всего то, что вы никогда не могли бы заранѣе опредѣлить, чего ему не хватаетъ въ данный опредѣленный моментъ, такъ какъ это «что-то» всегда являлось новымъ, неожиданнымъ и противорѣчивымъ.

Предсказаніе Наполеона, предвидѣвшаго, въ силу тогдашнихъ событій, возможность новой встрѣчи моей съ Александромъ, было пророческимъ, хотя онъ и не подозрѣвалъ, что это произойдетъ такъ скоро.

Три года спустя насъ судьба столкнула настолько близко съ императоромъ, что видѣлись мы ежедневно. Продолжалось это тринадцать лѣтъ, постоянно мѣнялось и переходило отъ самаго искренняго расположенія къ болѣе или менѣе замѣтному охлажденію, доходило иногда до ссоръ — и тайныхъ, и открытыхъ.

Каждая переживаемая нами фаза только лишній разъ давала мнѣ поводъ убѣдиться въ правильности данной царю Наполеономъ характеристики.

Со своей стороны, долгое личное общеніе съ Александромъ Первымъ, странно неровное и полное неожиданностей, дало и самому мнѣ возможность яснѣе опредѣлить его личность.

Мнѣ кажется, что самой удачной формулой опредѣленія характера Александра была бы слѣдующая: въ характерѣ Александра странно уживались мужскія достоинства съ чисто женскими слабостями. Александръ былъ, безъ сомнѣнія, уменъ, но умъ его, тонкій

и острый, былъ, положительно, лишенъ глубины. Онъ одинаково безгранично увлекался ложными теоріями, и потомъ сомнѣвался въ нихъ. Все его рѣшенія всегда были приняты подъ давленіемъ и вліяніемъ пріятныхъ для него идей. Сами идеи эти зарождались въ его мозгу точно по вдохновенію, и онъ ухватывался за нихъ съ невѣроятнымъ жаромъ. Вліяніе такой блеснувшей неожиданной мысли шло быстро crescendo и, наконецъ, доминировало надъ всеѣмъ остальнымъ. Это было на руку истиннымъ авторамъ внушенной царю идеи и давало имъ полную возможность осуществить свои личные планы.

Подобныя идеи въ глазахъ Александра быстро принимали размѣры цѣлыхъ системъ, но такъ какъ у него быстро все мѣнялось и его мысль была невѣроятно подвижна, то эти системы не сталкивались въ его мозгу, а, просто, чередовались. Отдаваясь всей душой данному направленію, онъ, самъ не замѣчая этого, переходилъ отъ одной промежуточной ступени къ другой и доходилъ, наконецъ, до чего-то совершенно противоположнаго, при чемъ отъ прежняго увлеченія у него оставалось только воспоминаніе о данныхъ въ этотъ періодъ обязательствахъ.

Все это порождало массу затрудненій, иногда почти не устранимыхъ. Этой особенностью характера царя можно объяснить его иногда совершенно непонятныя увлеченія людьми и вещами противоположными другъ другу. Изъ всего сказаннаго и вытекаетъ полная невозможность для простого наблюдателя, незнакомаго съ настоящей причиной этихъ странностей, вѣрно оцѣнить и понять многіе его поступки.

Жизнь Александра прошла, постоянно колеблясь между слѣпыми иллюзіями и слѣдующимъ за ними вѣчнымъ разочарованіемъ. Его увлеченія бывали искренни, безъ принудительныхъ причинъ, отъ всей души, и, странное дѣло, они возобновлялись съ періодической правильностью. Дальше я постараюсь подтвердить свое положеніе болѣе ясными доказательствами.

Александръ былъ человѣкомъ слова и легко подписывался подъ данными обязательствами, каково бы ни было потомъ направленіе его мыслей; онъ очень ловко старался избѣгать того, что могло толкнуть его не по намѣченному пути, но такъ какъ мысль его принимала быстро форму системы и вѣчно мѣняла направленіе, то уваженіе къ данному имъ слову его страшно стѣсняло, ставило его въ неловкое и тягостное положеніе и вредило общественному дѣлу.

Многіе современники упрекали Александра въ огромномъ честолюбіи — напрасно. Въ его характерѣ не хватило бы силъ для настоящаго честолюбія, какъ не хватало и слабости оставаться въ границахъ простого тщеславія. Онъ дѣйствовалъ только по убѣжденію, а если иногда и предъявлялъ какія-нибудь претензіи вообще, то разсчитывая гораздо больше на успѣхъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ властителя.

Юность Александра связана съ эпохой, равной которой нѣтъ въ лѣтописяхъ Россіи. Въ царствованіе Екатерины онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ блестящаго періода царствованія деспотизма, а при Павлѣ онъ самъ жилъ подъ гнетомъ самаго низкаго подлага деспо-

тизма, не разбирающагося при выборѣ даже своихъ средствъ. Нужно знать положеніе Россіи за два послѣднія царствованія, чтобы легко понять, что не въ ихъ прошломъ было царю искать хорошаго примѣра и добраго совѣта. Первоначальное образованіе Александра было поручено Лагарпу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ученикъ такого учителя долгое время находился подъ вліяніемъ совершенно ложныхъ ученій о либерализмѣ и филантропіи. Странная смѣсь идей либеральнаго наставника съ тогдашними начинаніями русскаго правительства не могла не внушить самому Александру такія же ложныя сужденія и представленія о правильности его собственныхъ поступковъ. Все это завело его очень далеко, за ту черту, гдѣ личная опытность могла бы ему прійти на помощь.

Методъ образованія Лагарпа гораздо сильнѣе способствовалъ усвоенію его ученикомъ бессмысленно-ложныхъ въ смыслѣ ихъ примѣненія къ жизни принциповъ, чѣмъ положительныхъ знаній. Конечно, онъ опредѣленно зналъ, что имперія, которой придется въ будущемъ управлять его ученику, далеко еще недостаточно цивилизована для воспріятія его идей, и потому, главнымъ образомъ, онъ старался просто создать для себя достаточно сильный рычагъ, при помощи котораго онъ могъ бы осуществить свои личные планы въ другихъ болѣе подготовленныхъ государствахъ, какъ, на примѣръ, въ своей родинѣ — Швейцаріи.

При такомъ положеніи Александру казалось, что роль либеральнаго правителя обезпечиваетъ за нимъ прочную славу, легко достижимую для монарха, которому не угрожало опасности со стороны либеральныхъ партій, страшныхъ вообще для другихъ троновъ и правительственныхъ учрежденій западной Европы.

У Александра были самые простые вкусы, холодный темпераментъ и наклонности, которыя я бы назвалъ просто мѣщанскими; при этомъ онъ былъ кротокъ и покоренъ, и это не могло не внушать его совѣтникамъ желанія воспользоваться своимъ вліяніемъ.

Мнѣ долго пришлось быть около Александра. И это дало мнѣ полную возможность изучить его нравственный обликъ и систему его политической работы; я могъ легко прослѣдить то, что выше я назвалъ «периодическими» эволюціями его мысли. На каждый таковой періодъ приходилось, приблизительно, пять лѣтъ. И вотъ итогъ моихъ наблюденій.

Александръ, увлекаясь какой-нибудь идеей, отдавался ей всецѣло. Приблизительно два года она развивалась въ его мозгу, вырастала, и уже ему казалось, что это цѣлая, законченная система. На третій годъ онъ еще ей оставался вѣренъ, приваивался къ ней и внималъ съ благоговѣніемъ всякому, кто покровительствовалъ ей, но онъ самъ никогда не зналъ истинной цѣнности и не вѣдѣшивалъ могущихъ произойти отъ этого пагубныхъ послѣдствій; объ этомъ онъ просто не думалъ. Когда наступалъ четвертый годъ существованія его системы, видя послѣдствія ея, Александръ вдругъ прозрѣвалъ; пятый годъ — это уже была безформенная смѣсь оставленной прежней системы и начала новой зарождающейся въ его мозгу, и часто новая идея была какъ разъ противоположной только что оставленной.

Въ подтвержденіе моихъ замѣчаній я приведу нѣсколько историческихъ фактовъ.

Мои отношенія къ Императору Александру начались со времени моей миссиі въ Берлинѣ въ 1805 году. Въ то время онъ былъ либераленъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Онъ былъ яркимъ противникомъ Наполеона, презиралъ въ немъ деспота и ненавидѣлъ завоевателя. Въ 1807 году произошла радикальная перемѣна въ его взглядахъ, а въ 1812 году опять наступила новая фаза.

Если бы Наполеонъ и не воевалъ съ Россіей, это не повліяло бы на отношенія къ нему Александра. Его прежнія тенденціи къ филантропіи и либерализму не только снова завладѣли имъ всецѣло, но еще и обострились, благодаря тогдашнему общественному теченію мыслей. Въ 1814 году это достигло кульминаціоннаго пункта, а въ 1815-мъ уже вступалъ въ свои права религіозный мистицизмъ. Въ 1817 году и это направленіе сошло на нѣтъ, и въ 1818 году, въ Ахенѣ, царь уже былъ яркимъ поборникомъ монархіи и консерватизма и опредѣленнымъ врагомъ всего революціоннаго; и онъ былъ уже готовъ снова вернуться къ мистицизму. До 1823 года все оставалось постарому. Въ этотъ моментъ сказались тѣ затрудненія, которыя надѣлали его же собственные совѣтчики въ греческомъ вопросѣ. Это давало царю полную возможность самому убѣдиться, какъ успѣшно и быстро акклиматизировались и двинулись впередъ революціонные принципы, которые онъ самъ когда-то въ своемъ безумномъ ослѣпленіи распространялъ въ Россіи.

Все тяжелое, что пришлось Государю перенести по этому поводу, и подорвало его жизненную энергію и волю. Съ этихъ поръ онъ началъ уставать отъ жизни. Въ концѣ 1822 года, въ бытность свою въ Веронѣ, онъ говорилъ Императору Францу о предчувствіи своей близкой смерти. Дѣйствительно, болѣзнь его ухудшилась, и въ 1825 году Александръ умеръ отъ полной апатіи къ жизни. Одной изъ причинъ, сократившей дни Императора, были, безъ сомнѣнія, безконечно тягостныя непосильныя думы о предстоящемъ грозномъ процессѣ надъ участниками заговора, главнымъ виновникомъ котораго могъ считать съ полнымъ правомъ себя онъ самъ. Описывая личность этого необыкновеннаго государя, о которомъ человѣчеству судить здраво будетъ трудно, мнѣ кажется, я могу дать разгадку многимъ аномаліямъ, которыя иначе такъ и остались бы непонятными. Все постоянство, на которое былъ способенъ Александръ, выразилось въ чувствѣ, которое онъ питалъ къ Императору Австрійскому. Подробности ихъ взаимныхъ отношеній, о которыхъ я упомяну, тоже явятся дополненіемъ къ характеристикѣ Александра и прольютъ свѣтъ на его отношеніе ко мнѣ.

Въ первый разъ оба Императора встрѣтились осенью 1805 года во время военныхъ дѣйствій въ Моравіи. Всѣ неудачи, какъ слѣдствіе расположенія войскъ и заранѣе составленнаго австрійскими генералами плана кампаніи, превратились, благодаря еще ошибкамъ русскихъ генераловъ, въ непоправимыя бѣдствія. Русскій Императоръ былъ молодъ, не имѣлъ никакого военнаго опыта; онъ охотнѣе прислушивался къ честолюбивымъ и несбыточнымъ

фантазіямъ, чѣмъ къ холоднымъ и практическимъ совѣтамъ своего союзника, императора Франца. Къ сожалѣнію, все то, что этотъ государь предсказалъ своему союзнику, осуществилось одно за другимъ. Это послужило первой и главной причиной того безконечнаго довѣрія, которое внушало Императору его другъ.

Дальнѣйшія политическія событія часто мѣшали Его Императорскому Величеству высказывать эти чувства, но въ сущности онъ навсегда оставался имъ вѣренъ. Событія 1814 и 1815 годовъ сблизили обоихъ Императоровъ настолько, что ихъ взаимоотношенія длились долго, безъ перерыва, много лѣтъ; это была настоящая хорошая дружба. Привязанность, которая могла выдержать столько испытаній, которую не поколебали ни крупныя политическія интересы, ни даже, какъ это ни странно, полнѣйшая противоположность характеровъ обоихъ друзей, кажется загадкой, разрѣшить которую можно только, изучивъ характеры обоихъ Государей.

Цѣнный и столь положительный качества Императора Франца-Иосифа, его спокойствіе, справедливость, точность и опредѣленность сужденія, та ровность душевныхъ переживаній, никогда не измѣнявшая ему, — все это невольно внушало Русскому Императору чисто сыновнюю привязанность къ нему. Впослѣдствіи это чувство еще усилилось, благодаря извѣстной долѣ мистицизма, столь характернаго для Александра: царь считалъ своего друга монархомъ по волѣ Господа, видѣлъ въ немъ представителя Божественной воли и Премудрости. Онъ преклонялся передъ нимъ. Часто императору Францу приходилось настойчиво бороться съ личными желаніями Александра, и въ такихъ случаяхъ достаточно было ему высказать свою мысль и свой взглядъ, чтобы остановить какое-нибудь рѣшеніе Александра, совѣмъ измѣнить его или умѣрить въ основныхъ чертахъ. Дружбе царя къ австрійскому императору имѣла наибольшее вліяніе на него до конца его дней.

Въ частной жизни у Александра были самыя простыя вкусы, отличавшіеся, правда, большимъ изяществомъ. Онъ мало занимался наукой, и я никогда не замѣчалъ въ немъ интереса къ какому-нибудь позитивному знанію. Среди изящныхъ искусствъ его интересовала только архитектура. Близорукость и недостатокъ слуха мѣшали ему культивировать другія искусства, интересъ къ которымъ возможенъ только при наличности этихъ данныхъ. Онъ любилъ кабинетную работу настолько, насколько она затрогивала вопросы политики и мистицизма. Его опредѣленно не тянуло къ дѣламъ просто административнымъ, и если ему приходилось заниматься ими, то онъ всегда дѣйствовалъ подъ давленіемъ какой-нибудь одной изъ политическихъ теорій, которыми, онъ по странности своего характера, былъ всегда увлеченъ.

Исторія административной работы въ его царствованіе ясно свѣдѣтельствуешь, какъ сильны и пагубны бывали такого рода давленія.

Къ этимъ главнымъ чертамъ характера Государя я еще сдѣлаю нѣкоторые пояснительныя добавленія на основаніи моего личнаго знакомства съ нимъ. Это будетъ не лишнимъ и какъ характеристика

переживаемаго тогда времени и какъ подтвержденіе сдѣланныхъ мною наблюденій надъ Государемъ.

Прежде всего я долженъ сказать, что трудно себѣ представить, насколько разнились вообще вкусы Александра съ направлениемъ моихъ взглядовъ. Наши вкусы совершенно не сходились, — кромѣ развѣ въ выборѣ нашихъ общественныхъ связей — и весьма вѣроятно, что не будь огромнаго общаго интереса въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, который насъ сближалъ, ничто не могло бы столкнуть насъ другъ съ другомъ и создать такія прочныя и даже дружескія отношенія. Я уже говорилъ выше, что я съ Александромъ впервые встрѣтился въ Берлинѣ въ 1805 году. Александръ пріѣхалъ туда личнымъ поборникомъ и представителемъ австрійско-русскаго союза. Два человѣка, явившіеся защищать одно общее дѣло, невольно сходятся, какова бы ни была разница ихъ положеній.

Императоръ любилъ разбираться и обсуждать важныя политическіе вопросы и быть, такимъ образомъ, какъ онъ самъ любилъ выражаться, министромъ у самого себя. Съ тѣхъ поръ началось наше личное знакомство, перешедшее въ тѣсную дружбу. Въ концѣ того же года былъ заключенъ миръ между Австріей и Франціей. Когда графъ Стадіонъ бывшій тогда посланникомъ въ С.-Петербургѣ, получалъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, Александръ пожелалъ, чтобъ я занялъ мѣсто графа. По странному сцѣпленію обстоятельствъ, меня въ то же время назначили посланникомъ во Францію. Когда, семь лѣтъ спустя, я встрѣтился съ Александромъ на богемской границѣ, то онъ явно держалъ себя со мною холоднѣе. Казалось, что Государь со свойственной ему мягкостью хотѣлъ подчеркнуть и упрекнуть меня въ моемъ вѣроломствѣ.

Когда заключенъ былъ союзъ — тучи разсѣялись, но наши личныя отношенія возобновились только послѣ неудачи, постигшей союзниковъ подъ Дрезденомъ, въ первую половину войны. Можетъ-быть, возобновленію нашей дружбы невольно помогли мои ничѣмъ не увѣнчавшіяся старанія, сообразно желаніямъ императора Франца и фельдмаршала Шварценберга, помѣшать этой операціи. Можетъ-быть, Александръ оцѣнилъ мою искренность при переговорахъ, шедшихъ по этому вопросу, и вѣрность выраженныхъ мною опасеній, но фактъ тотъ, что ледъ былъ сломанъ.

Несмотря на полнѣйшую противоположность нашихъ взглядовъ по многимъ вопросамъ, несмотря на могущіе произойти отъ этого конфликты, мы встрѣчались съ Государемъ каждый день во время кампаніи 1813 и 14-го годовъ, и ничто не нарушало установившейся между нами близости.

Рѣдко можно было встрѣтить между Монархомъ большой имперіи и главой кабинета другой такой же имперіи такія отношенія, какъ были наши.

Все время, пока тянулась война, я каждый вечеръ проводилъ въ обществѣ Государя. Съ восьми или девяти часовъ вечера мы до двѣнадцати ночи бесѣдовали другъ съ другомъ съ глазу на глазъ. Мы трогивали самыя разнообразныя темы: вопросы обыденной жизни, вопросы морали и политики, событія дня. Мы обмѣнивались мыслями,

Французы въ Россіи.

нисколько не стѣсняясь, и именно полная свобода придавала необыкновенную прелесть нашему общенію.

Я никогда не скрывалъ правды отъ Александра, касалось ли это его лично или какого-либо принципиальнаго вопроса. Мнѣ постоянно приходилось съ нимъ спорить по поводу его фантастическихъ идей, которыя онъ горячо защищалъ. Наши споры часто обострялись, — примѣромъ чему можетъ послужить наше пребываніе въ Лангрѣ, — но это не мѣшало нашей дружбѣ, которая оставалась также искренна и правдива, какъ и раньше.

Когда мы были въ Парижѣ въ 1814 году, намъ, напримѣръ, приходилось очень часто спорить о томъ, какой политики долженъ былъ держаться Людовикъ XVIII. Тогда Государь былъ еще либераленъ и наши взгляды на возможность упроченія мира во Франціи подъ скипетромъ Бурбоновъ были діаметрально противоположны. Послѣ подписанія въ Парижѣ мира я уѣхалъ въ Англію одновременно съ королемъ Прусскимъ и Александромъ I. Наши отношенія и тамъ не измѣнились. Тамъ часто меня ставили въ очень неловкое положеніе недоразумѣнія, возникавшія между Александромъ и тогдашнимъ принцемъ-регентомъ Георгомъ IV. Я былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ обоими, но, зная ихъ постоянныя стычки другъ съ другомъ, долженъ былъ лавировать между ними и мѣшать ихъ взаимному недовольству перейти въ открытую ссору. По правдѣ сказать, виноватымъ почти всегда оказывался Александръ, котораго возбуждала постоянно великая княгиня Екатерина.

Она пріѣхала въ Великобританію за нѣсколько недѣль до брата и тогдашнее ея поведеніе, женщины, по существу, весьма достойной, такъ и осталось для меня загадкой.

Одной изъ главныхъ причинъ ея пріѣзда въ Англію надо считать ея непремѣнное желаніе разстроить бракъ принца Оранскаго съ будущей-наслѣдницей Англіи и посадить на тронъ Голландіи свою собственную сестру, но и эта, кстати сказать, удавшаяся ей причина, врядъ ли можетъ служить оправданіемъ странности ея поведенія и настроенія, влѣявшихъ и на Александра.

По этому поводу мнѣ невольно вспоминается почти анекдотическій случай съ Александромъ, характеризующій его личность и странность его иногда просто необъяснимыхъ поступковъ. Его Величество любилъ посылать виднымъ представителямъ англійской оппозиціи. Какъ-то разъ Государь попросилъ лорда Грея составить ему проектъ созиданія оппозиціи въ Россіи. Послѣ аудіенціи, лордъ Грей обратился ко мнѣ за разъясненіемъ по поводу сказаннаго Александромъ, что показалось ему неяснымъ и непрактичнымъ: «Развѣ царь, спросилъ Грей, собирается ввести въ Россіи парламентъ? Если да, — чего конечно я ему не посоветовалъ бы — то врядъ ли ему придется тогда заботиться объ оппозиціи, она и такъ будетъ».

Вѣнскій конгрессъ опять измѣнилъ наши отношенія другъ къ другу.

При образованіи новаго Царства Польскаго подъ скипетромъ Россіи въ него должна была войти вся территорія бывшаго Герцогства Варшавскаго, при чемъ одновременно королевство Саксонское

переходило въ руки Пруссіи. Это было рѣшено еще во время переговоровъ при Калишѣ Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Мы знали о рѣшеніи, но присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи затрогивало неизмѣнные принципы императора Австрійскаго и могло вызвать нежелательный конфликтъ между союзными державами и Пруссіей. Съ самаго начала возникновенія этого плана императоръ Австрійскій рѣшилъ энергично возстать противъ него, но отложилъ его до заключенія мира съ Франціей, желая отдать его на судъ конгресса, миссіей котораго была восстановленіе не одного государства, а многихъ.

Этотъ важный инцидентъ внесъ нѣкоторый разладъ между дворами. Никто не рѣшался заговорить первымъ. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Конгрессъ открылся, а вопроса этого никто еще не затронулъ. Александръ первый заговорилъ о немъ съ лордомъ Кэстльри. Отъ лорда Кэстльри узналъ уже и я. Я ему категорически заявилъ, что претензіи Россіи и Пруссіи неприемлемы. Нѣсколько дней спустя Александръ самъ заговорилъ со мной объ этомъ. Онъ былъ видимо смущенъ. Услыхавъ мой рѣшительный отвѣтъ онъ на исполненіи намѣченного проекта настаивалъ очень слабо и въ концѣ предложилъ мнѣ объясниться по этому вопросу лично съ канцлеромъ Пруссіи. Въ тотъ же день мнѣ сдѣлалъ устное сообщеніе о томъ же и князь Гарденбергъ, подтвердившій его нотой.

Мой отвѣтъ письменный былъ равенъ устному. Я Гарденбергу отвѣтилъ то же, что и Александру. Князь, видя свои планы разрушенными, былъ очень недоволенъ. Онъ вообще былъ человѣкъ раздражительный и, кромѣ того, ему мѣшала его природная глухота; онъ вѣрно не совсѣмъ разслышалъ и понималъ мои слова; узнавъ же, что Александръ защищалъ ихъ проектъ не особенно горячо и понимая, что благодаря этому планы ихъ могутъ рухнуть, онъ рѣшилъ прямо обратиться къ Александру, взывая къ его совѣсти. Возможно, что царь могъ счесть себя обиженнымъ неправильнымъ истолкованіемъ словъ.

Этотъ случай вызвалъ Государя на очень странный съ его стороны поступокъ. На слѣдующій день послѣ моего объясненія съ прусскимъ канцлеромъ меня вызвалъ къ себѣ рано утромъ мой Государь, чтобы передать мнѣ, что у него только-что былъ Александръ. Въ первомъ разговорѣ онъ объявилъ императору Францу, что считаетъ себя мною лично обиженнымъ и потому желаетъ вызвать меня на дуэль. Императоръ пытался ему доказать всю необычность такого намѣренія, но, видя тщетность своихъ словъ, сказалъ, что если онъ остается при своемъ мнѣніи, то конечно я готовъ буду принять вызовъ, противъ котораго возстанетъ конечно мой разумъ, но отъ котораго не позволитъ отказать честь. Кромѣ того Императоръ настоялъ еще на томъ, что, прежде чѣмъ формально присылать мнѣ вызовъ, Александръ пришлетъ ко мнѣ третье лицо для личныхъ переговоровъ и Александръ на это согласился.

Я на это отвѣтилъ Его Императорскому Величеству, что буду спокойно ждать дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны Русскаго царя. Не успѣлъ я вернуться, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ одного изъ адъютантовъ Александра, графа Озаровскаго, съ порученіемъ отъ Го-

сударя передать мнѣ, что Его Величество требуетъ, чтобы я сказалъ прусскому канцлеру, что я передалъ ему мой разговоръ съ Государемъ неправильно. Я попросилъ его со своей стороны передать Его Величеству, что я никогда не возьму назадъ ни одного слова, если я увѣренъ въ правотѣ его, но если графъ Гарденбергъ понялъ мои слова не такъ, какъ я этого желалъ, и передалъ ихъ не совсѣмъ точно, то, конечно, я готовъ исправить происшедшее. Озаровскій ухмалъ. Вскорѣ послѣ этого, Государь прислалъ сказать мнѣ, что не будетъ на балу, на который я пригласилъ всѣхъ государей и всѣхъ членовъ конгресса. Въ тотъ же день, при встрѣчѣ съ русскими министрами, я передалъ обо всемъ графу Нессельроду. У него еще не было никакихъ инструкцій по этому поводу.

Конференціи не прекращались, все шло своимъ чередомъ, какъ будто ничего не случилось, и закончилось, тѣмъ, что король саксонскій получилъ половину своихъ владѣній.

Этотъ странный инцидентъ не нарушилъ ни съ какой стороны важныхъ совѣщаній, происходившихъ при конгрессѣ и даже не подействовалъ на прекрасныя отношенія, царившія между Императорскими Дворами; но не такъ просто было съ нашими личными отношеніями.

Любя выѣзжать вообще, Александръ особенно охотно посѣщалъ нѣкоторые интимныя кружки, гдѣ бывалъ и я. Мы встрѣчались почти ежедневно и дѣлали видъ, что не замѣчаемъ другъ друга. Скоро для постороннихъ наблюдателей, посѣщавшихъ въ то время салоны Вѣны, странность нашего поведенія даже перестала бросаться въ глаза — всѣ привыкли къ этому положенію. Члены Императорской фамиліи бывали у меня, на моихъ вечерахъ и только одинъ Александръ отсутствовалъ. Окружающіе какъ то незамѣтно привыкли къ мысли, что царь на меня дуется, а такъ какъ дѣла отъ этого не страдали, то даже любопытство дипломатическихъ круговъ, сначала насторожившихся, и то пропало за неимѣніемъ пищи. Часто мнѣ приходилось выслушивать косвенныя намеки на то, что мнѣ бы слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію, но я рѣшилъ представить все это времени.

И на самомъ дѣлѣ, ссора наша тянулась до тѣхъ поръ, пока случай огромной важности не перевернулъ всѣхъ событій Европы вверхъ дномъ.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Наполеона съ острова Эльбы я получилъ 6-го марта въ шесть часовъ утра съ нарочнымъ, посланнымъ изъ Генуи. Въ донесеніи заключалось только извѣстіе о фактѣ. Я сейчасъ же направился къ своему Государю, а онъ приказалъ мнѣ немедленно сообщить эту новость Александру и королю Прусскому. Я уже три мѣсяца не бывалъ у Русскаго Государя. Меня приняли тотчасъ же. Я передалъ о случившемся и доложилъ о томъ, что поручилъ мнѣ передать мой Государь. Александръ высказался очень спокойно, съ большимъ достоинствомъ въ томъ смыслѣ, что и Его августѣйшій союзникъ, такъ что намъ не пришлось долго обсуждать вопросъ о дальнѣйшихъ планахъ дѣйствій. Рѣшеніе было быстрое и категорическое.

Когда вопросъ былъ рѣшенъ, Государь вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «намъ вѣдь предстоитъ еще разобратъ нашу личную ссору. Оба мы христiane, а наша Святая Вѣра приказываетъ намъ забывать всѣ обиды. Обнимемся и забудемъ все».

На это я возразилъ, что мнѣ прощать было нечего, но забыть придется много и очень тяжелое для меня, а такъ какъ самъ Государь въ такомъ же положеніи, какъ и я, то я прощенія просить не буду, а просто предложу все забыть. Александръ обнялъ меня и просилъ меня вернуть ему мою дружбу.

Потомъ, мы часто встрѣчались, но ни разу не было сдѣлано намека на нашу бывшую размолвку и все пошло по старому. Весь 1815 г. мы были такъ же близки, какъ и раньше, и встрѣча наша въ Ахенѣ была очень дружеская.

Я хочу еще упомянуть о случаѣ, происшедшемъ въ 1822 году, который, пожалуй, лучше другихъ поможетъ пролить свѣтъ на характеристику Александра.

Недѣль черезъ шесть послѣ Веронскаго конгресса явился я какъ-то вечеромъ къ нему для переговоровъ по текущимъ дѣламъ. Онъ казался очень взволнованнымъ и я справился о причинѣ. «Я чувствую себя очень странно—сказалъ Государь,—мнѣ необходимо переговорить съ Вами объ одномъ, по моему, очень важномъ вопросѣ, и я положительно не знаю какъ къ этому приступить». На это я ему возразилъ, что прекрасно допускаю возможность съ его стороны волноваться какимъ-нибудь вопросомъ, но не могу себя представить, какъ онъ можетъ затрудняться говорить со мной о немъ.

«Дѣло въ томъ, что это не касается никакихъ обычныхъ вопросовъ повседневной политики, а только насъ лично, и я боюсь, что вы не вполне ясно поймете мою мысль».

Только послѣ долгихъ усилій Государь сказалъ мнѣ слѣдующія, памятные для меня слова: «Насъ хотятъ разлучить, хотятъ разбить то, что связываетъ насъ, а я считаю эти узы священными, потому что они во имя общаго блага. Вы ищете мира для вселенной, а у меня нѣтъ большого желанія какъ поддержать его. Враги европейскаго мира не ошибаются и прекрасно понимаютъ всю силу сопротивленія, которую можетъ оказать нашъ союзъ ихъ хитрымъ планамъ, и имъ хочется уничтожить это препятствіе во что бы то ни стало. Они отлично понимаютъ, что прямыми путями этого не достигнуть и потому пользуются путями окольными. Меня упрекаютъ въ томъ, что я пересталъ быть самостоятельнымъ и во всемъ слушаюсь только васъ».

Я горячо отвѣчалъ Александру, что все, что онъ имѣлъ честь сообщить мнѣ, не было для меня новостью и что я, не задумываясь ни минуты, отвѣчу на лестно высказанное мнѣ имъ довѣріе признаніемъ, что я принужденъ подтвердить все только-что имъ сказанное. «Васъ, Ваше Величество, упрекаютъ въ томъ, что Вы слишкомъ довѣряете моимъ совѣтамъ, а меня въ томъ, что я измѣняю интересамъ моей родины ради Васъ. Эти обвиненія равносильны. Ваша совѣсть также чиста, какъ и моя. Мы служимъ одной общей идеѣ, одинаково цѣнной какъ для Россіи, такъ и для Австріи и для всего человѣчества. Я уже давно служу мишенью для многихъ партій и только союзъ такихъ

двухъ державъ, какъ наши, еще можетъ сдержать могущую произойти общую неурядицу. Но, съ другой стороны, Вы могли бы замѣтить, принимая во вниманіе мою почти исключительную сдержанность въ личныхъ отношеніяхъ, какое огромное значеніе я придаю нашей дальнѣйшей дружбѣ. А Вы, Ваше Величество, Вы бы желали, чтобы я измѣнилъ свое поведеніе?» — «Вотъ, вотъ, я этого и ждалъ — прервалъ меня Государь — если мнѣ и трудно было начать съ вами этотъ разговоръ и признаться въ своихъ затрудненіяхъ, то я самъ давно рѣшилъ не обращать на это никакого вниманія и боялся только одного, какъ бы вы сами не пали духомъ».

Мы долго еще съ нимъ послѣ этого говорили о политикѣ одной изъ существовавшихъ тогда партій, имѣвшей многихъ единомышленниковъ въ Россіи, даже среди приближенныхъ императора. По окончаніи разговора я далъ слово Александру не поддаваться клеветѣ и не измѣнять нашей тѣсной дружбѣ, при этомъ Александръ потребовалъ отъ меня еще, чтобы и я съ него взялъ слово, что и онъ никогда не отниметъ своего довѣрія ко мнѣ. А тогда, въ самомъ дѣлѣ, партія движенія, нѣсколько честолюбцевъ и вся масса придворныхъ рассчитывали, что благодаря этимъ толкамъ порвется связь между обоими Императорами и ихъ кабинетами.

Эти лица, соединившись подъ знаменемъ либеральныхъ теченій, дѣйствовали подъ давленіемъ новыхъ идей и не замѣчали, увлеченные своимъ слѣпымъ тщеславіемъ, что стоятъ во главѣ и ведутъ все дѣло не они, а другіе, которымъ сами они служатъ послушнымъ орудіемъ.

Союзъ, имѣвшій цѣлью способствовать настоящей политической свободѣ, руководившійся принципами дѣйствительной независимости всякаго государства, союзъ, мечтавшій объ общемъ мирѣ, желавшій предотвратить всякую попытку къ завоеваніямъ и устранить всякую причину какого бы то ни было волненія, такой союзъ врядъ ли могъ бы найти искреннихъ адептовъ въ средѣ софистовъ и людей большого честолюбія.

Эти то люди и вызвали позже мятежъ въ Греціи. По расчетамъ агитаторовъ, этотъ инцидентъ долженъ былъ послужить причиной разлада между Россіей и Австріей, и главнымъ образомъ между ихъ дворами. Ихъ расчетъ былъ вѣренъ, но все это вылилось въ такую форму, которой, конечно, не могли предвидѣть главари этого дѣла. Александръ, такъ великолѣпно игравшій въ революціонера у себя на родинѣ, тутъ не выдержалъ борьбы ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи. Императоръ Александръ умеръ отъ полного отращенія къ жизни. Онъ разочаровался во всѣхъ своихъ надеждахъ, планахъ и иллюзіяхъ. Онъ зналъ, что долженъ нанести ударъ цѣлому классу своихъ подданныхъ, завлеченныхъ и погубленныхъ его же креатурами и принципами, которымъ самъ же онъ раньше протезировалъ. И онъ не выдержалъ. Душа его рухнула, если можно такъ выразиться. Событія, омрачившія начало царствованія его преемника, даютъ намъ яркое понятіе о той мучительной мозговой работѣ и колоссальныхъ заботахъ, отравившихъ послѣднія минуты жизни Императора.

Историкъ, задавшемуся цѣлью дать правильную и точную характеристику Александра, это будетъ очень трудно. Слишкомъ часто ему придется блуждать взглядами по вопіющимъ противорѣчіямъ, и умъ его съ трудомъ найдетъ твердую точку опоры, столь необходимую для человѣка, призваннаго къ благородной миссіи историка.

И мысль и сердце этого Монарха колебались между столь различными моральными движеніями, что при довольно сильномъ характерѣ Государь никогда не могъ достигнуть равновѣсія.

Каждый отдѣльный періодъ его жизни ознаменовывался серьезными ошибками, которыя грозили опасностью для общественныхъ интересовъ.

Александръ весь отдавался захватившему его моменту и никогда не могъ остаться ему вѣренъ, потому же и никогда не испыталъ ни минуты истиннаго покоя. У него была масса достоинствъ, благороднѣйшихъ чувствъ, онъ былъ рабомъ даннаго слова, но на ряду со всѣмъ этимъ у него были крупныя недостатки.

Будь онъ простымъ смертнымъ, онъ остался бы, можетъ быть, со всѣмъ незамѣченнымъ, но такъ какъ волей судьбы ему предназначенъ былъ тронъ, то все и произошло иначе. Если бы ему пришлось управлять не Россіей, а другимъ государствомъ, то его недостатки могли бы быть незамѣтными, но тогда и достоинства были бы не такъ ярки.

Александру трудно было безъ руководителя. Кто-нибудь долженъ былъ всегда направлять его душу и мысль. И если всякому Монарху трудно найти дѣйствительно безкорыстнаго человѣка, независимаго по характеру и положенію настолько, что его можно сдѣлать своимъ другомъ, то Русскому Императору, благодаря его неблагопріятному, болѣе чѣмъ какого-либо другого Монарха, положенію, это рѣдкое счастье было почти невозможно.

Надо помнить, что въ переживаемое имъ время всѣмъ властителямъ Европы приходилось разбираться въ безконечномъ количествѣ сложныхъ затрудненій, и если все это касалось другихъ, то Александра больше всѣхъ.

Первые всходы насажденной неправильно цивилизаціи на всемъ огромномъ пространствѣ Россійской имперіи поднялись еще до него, подъ гнетомъ деспотизма въ имперіи, гдѣ не было ни одного правильно организованнаго правоваго института и гдѣ вся огромная масса народа тонула въ безпросвѣтной тьмѣ.

Еще Павелъ I хотѣлъ уничтожить эти всходы. Александру пришлось царствовать послѣ Павла. Онъ былъ воспитанъ подъ эгидой извѣстныхъ тогда революціонеровъ, сумѣвшихъ удержать свое вліяніе и на молодого Монарха. У Александра не было опытности и, желая сдѣлать только добро, онъ сдѣлалъ много зла. Онъ ошибался, а когда понялъ свои ошибки, это свело его въ могилу.

Его душу, испытавшую столько метаній, нельзя, конечно, назвать сильной — она была только мягкая и нѣжная.

(Меттернихъ.)

Въ Германіи.

Нашъ походъ казался намъ блестящей и пріятной военной прогулкой. Добродушное, терпѣливое, флегматичное, культурное население, подчиненное военному режиму, всюду принимало насъ ласково; и несмотря на свое утомленіе слишкомъ частыми визитами французской арміи, оно не потеряло ни своего обычнаго гостепрѣимства, ни своего природнаго добродушія.

Подчиненные дѣятельно помогали своему начальству. Такъ поддерживается равновѣсіе между высшими и низшими чинами нашей арміи. Благородная дисциплинированность нашихъ войскъ увеличиваетъ почтеніе, внимательность и восхищеніе населенія, среди котораго мы останавливаемся на отдыхъ.

На этомъ походѣ царить радость и веселье; италіанскимъ войскамъ присуще въ высшей мѣрѣ самолюбіе, рождающее чувство собственного достоинства, соревнованіе и храбрость. Не зная, куда ихъ ведутъ, солдаты знаютъ, вато, что идутъ они въ защиту справедливости; имъ даже не интересно разузнавать, куда именно ихъ отправляютъ.

Правда, у насъ, какъ и во всѣхъ арміяхъ, есть люди неразумные и необразованные, которые на все взираютъ невѣжественнымъ и недовѣрчивымъ окомъ и дѣлятъ міръ на двѣ половины: счастливую, гдѣ растетъ виноградная лоза, и совсѣмъ безрадостную, гдѣ нельзя получить вина. Слыша въ началѣ каждой войны, что они должны нанести послѣдній ударъ могуществену Англіи, солдаты, въ концѣ-концовъ, смѣшались съ Англіей всѣ существующія державы. Они судятъ о разстояніи, которое ихъ отъ нея отдѣляетъ по числу переходовъ, которые уже нѣсколько лѣтъ они совершаютъ съ одного конца Европы на другой, и все же никакъ не могутъ добраться до цѣли всѣхъ своихъ усилій — до этой пресловутой страны, которая безпрестанно отъ нихъ ускользаетъ. Одни, своими безыскусственными и грубоватыми разказами, своимъ философскимъ и воинственнымъ видомъ, пріучаютъ другихъ къ стоицизму, учатъ презирать страданія, лишенія, самую смерть: они не знаютъ другого божества, кромѣ своего повелителя, другого разума, кромѣ силы, другой страсти, кромѣ стремленія къ славѣ.

Другіе — этихъ больше всего — не имѣя той грубости, которая не подходитъ къ пахарю, сдѣлавшемуся солдатомъ, столь же добродушны, но поразвитѣе и пускаютъ въ ходъ патріотизмъ, жажду славы. И все это уравниваетъ дисциплина, пассивное повиновеніе — первая солдатская добродѣтель.

Новобранцы загрубѣваютъ, пройдя рядъ различныхъ биваковъ: постоянные марши даютъ имъ военный пылъ и осанку.

Ветераны своими военными разказами подстрекаютъ новичковъ; частымъ преувеличеніемъ своихъ подвиговъ они ставятъ себя въ необходимость подтвердить своимъ поведеніемъ тѣ свои разказы, которые нашли довѣрчивыхъ слушателей.

Соревнованіе наше еще больше возбуждается, когда мы узнаемъ о славныхъ подвигахъ нашихъ товарищей по оружію въ Испаніи, и каждый изъ насъ тревожно ожидаетъ когда же наступитъ моментъ и мы сравняемся съ ними, а то и превзойдемъ ихъ. Да и полки, которые мы встрѣчаемъ по дорогѣ, не менѣе электризуютъ насъ разсказами о геройскихъ подвигахъ въ послѣднихъ походахъ. При такихъ разнообразныхъ ощущеніяхъ, при постоянной переменѣ мѣста, среды, при ежедневныхъ новыхъ предметахъ для разговора пріятно совершить походъ.

Но какова же цѣль нашей прогулки? Ничего объ этомъ не знаю. Дипломаты окружаютъ себя такой таинственностью, что какъ въ Баваріи, такъ и здѣсь, на границахъ Силезіи, мы не можемъ сказать, съ кѣмъ придется сражаться. Солдаты живутъ весело, ни мало не думая о томъ, будутъ ли они воевать съ Россіей или Персіей, — есть между нами и такіе, которые считаютъ цѣлью экспедиціи Персію или Остъ-Индію. (Ложьсе.)

* * *

Плоцкъ. 4-го іюня. Большой парадъ въ присутствіи вице-короля на главной городской площади...

Принцъ убѣждалъ насъ особенно заботливо и тщательно поддерживать порядокъ.

«Безпорядки — сказали онъ намъ, — помрачатъ добрый характеръ солдата; мало того, они лишь отвратятъ отъ насъ жителей, которые должны помогать намъ въ нашемъ предпріятіи. До сихъ поръ я не могу нахвалиться своими войсками и недавно еще императоръ, говоря мнѣ о мало похвальномъ поведеніи другихъ полковъ, въ лестныхъ выраженіяхъ расхвалилъ мнѣ корпусъ, которымъ я командую. Старайтесь попрежнему заслужить уваженіе и его и Европы, которая вся смотритъ на насъ».

А, между тѣмъ, хоть провіантъ у насъ въ изобиліи, но фуража совершенно нѣтъ. Кавалеристы, чтобы прокормить своихъ лошадей, видятъ себя вынужденными срѣзать рожъ еще зеленую и срывать снопы соломы съ крышъ домовъ. Жители бѣгутъ толпами жаловаться на эти насилія: но какъ удовлетворить ихъ?

Но скоро эти бѣдствія умножаются. Среди самыхъ лучшихъ войскъ попадаютъ солдаты недостойные этого наименованія, столкнувшіеся съ бродягами, которые, прикрываясь званіемъ прислуги или маркитантовъ, сопровождаютъ армію съ единственнымъ намѣреніемъ красть, пользуясь удаленіемъ начальства, для того, чтобы съ угрозами грабить жителей, — нападенія и грабежи, въ которыхъ не преминуть обвинять всю армію.

Нѣкоторые чиновники не стыдятся брать взятки подъ предлогомъ освободить семью отъ реквизиціи, потомъ, немного спустя — случайно или умышленно, является другой чиновникъ, который отнимаетъ у этихъ несчастныхъ то, что они уже откупили своими грошами.

Ограбленные такимъ образомъ жители въ горѣ не видятъ никакой разницы и въ раздраженіи усматриваютъ теперь въ каждомъ человѣкѣ новаго грабителя. Отсюда пререканія, угрозы, жалобы, недовольство, ненависть, несогласіе.

Слишкомъ мягко относятся къ этимъ слѣдующимъ въ хвостѣ арміи мнимымъ слугамъ и спекулянтамъ. Трусливые въ бѣдѣ, дерзкіе при удачѣ, они сѣютъ ужасъ, обкрадываютъ и мучаютъ несчастныхъ жителей, укрываясь подъ сѣнью храбрецовъ, поливающихъ свою кровью ту самую землю, которую опустошаютъ эти злодѣи.

(Ложье.)

* * *

24-го іюня. Прибыли въ Кальварію. Никто не сомнѣвался болѣе въ войнѣ, но никакого официальнаго приказа намъ еще не было объявлено. Мы провели ночь въ Кальваріи, когда на утро прочтенъ приказъ: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась Фридландомъ и Тильзитомъ.

Въ Тильзитѣ Россія поклялась быть въ вѣчной дружбѣ съ Франціей и воевать съ Англіей. Она нарушаетъ теперь свои клятвы; она не желаетъ болѣе давать никакого объясненія своего страннаго требованія, чтобы французскіе орлы не переходили Рейна, оставляя тѣмъ самымъ нашихъ союзниковъ въ ея распоряженіи... Россія увлекаема рокомъ, ея судьбы должны совершиться. Неужели она думаетъ, что мы выродились? Развѣ мы уже не солдаты Аустерлица? Она ставитъ насъ между безчестьемъ и войной: выборъ ясенъ. Итакъ, идемъ впередъ, перейдемъ Нѣманъ и внесемъ войну на ея территорію. Вторая война польская будетъ столь же славной, какъ и первая, но миръ, который мы заключимъ, принесетъ съ собой и гарантію: онъ положитъ предѣлъ тому гибельному вліянію, которое уже 50 лѣтъ оказываетъ Россія на дѣла Европы.

«Наполеонъ».

Какъ описать впечатлѣніе, произведенное на насъ словами нашего вождя? Горделивый трепетъ волнуетъ насъ. Сколькимъ побѣдамъ предшествовали подобныя слова! Какъ не считать и этихъ столь же пророческими?

Еще не будучи освѣдомлены о войнѣ съ Россіей, мы думали, что цѣль нашего путешествія — походъ въ Азію! Теперь наше предположеніе приняло видъ вѣроятія. Россія подчинится, уязвимое мѣсто Англіи открыто. Наполеонъ не замедлитъ со своей местию; мы явимся туда, куда не проникала ни одна южная армія. Предшествуемые шумной славой нашихъ побѣдъ, мы вступимъ въ эту богатую и обширную страну, полную славныхъ предковъ. Мы видимъ предъ собою всеобщій миръ, покореніе вселенной, богатя и славныя награды, чудесную героическую славу...

(Ложье.)

* * *

Мы вступили въ Польшу. Съ этого времени, благодаря отсутствію порядка въ арміи, начался ужаснѣйшій грабежъ. Солдаты не были увѣрены — получаютъ ли они завтрашній день провіантъ и потому старались повсюду запасти провизіей...

Подходя къ Инстербургу, мы встрѣтили какой то отрядъ, которому только-что былъ произведенъ смотръ. Онъ входилъ въ городъ вразсыпную, забирая у жителей все необходимое для ночлега съ такимъ видомъ, какъ будто это была непріятельская страна....

(Пьонъ де Лошъ.)

Наканунъ перехода черезъ Нѣманъ.

По огромной массѣ надвигавшихся за нами войскъ мы поняли, что скоро будетъ переправа; мы снова сдѣлали остановку на нѣсколько дней и получили странный приказъ: всѣмъ полкамъ запастись на три недѣли фуражомъ и провіантомъ; въ приказѣ было обозначено, какъ это сдѣлать. И вотъ, по деревнямъ и дворамъ въ мѣста нашей стоянки и ближайшихъ окрестностей отправлены были команды съ офицерами во главѣ, съ порученіемъ вытребовать, забрать и привезти въ свои полки все необходимое. Эти команды всюду натыкались на другія, отправленные съ тою же цѣлью. Никто не принималъ отказа, ибо никто не смѣлъ вернуться съ пустыми руками, а потому происходилъ просто насильственный дѣлежъ добытаго. Такимъ путемъ быстро опустошены были всякіе припасы изъ амбаровъ, житницъ, кладовыхъ и печныхъ трубъ. Гдѣ безпорядокъ, тамъ солдатъ престаупаетъ границы дозволеннаго; вотъ почему при этой оказіи попутно хватали и несъѣдобныя вещи. — Но какъ доставить все собранное въ полки? Отпирали конюшни, впрягали вьючный скотъ, грузили фуражъ и провіантъ, прихватывали кстати убойный скотъ, привязывали его къ телѣгамъ, и — маршъ, въ полкъ! Этотъ приказъ, столь быстро выполненный, до такой степени начисто обобралъ жителей той мѣстности, что они навѣрное со всей силой почувствовали войну еще до ея начала.

Отлично запасшись всѣмъ, мы направились къ Нѣману, куда и прибыли 25 іюня въ полдень. Невѣроятное количество повозокъ слѣдовало за нами. Мы стали лагеремъ у опушки прелестнаго лѣса близъ небольшой деревушки; передъ нами разстились прекрасные луга и пашни, погода стояла въ высшей степени пріятная. Прибытіе и передвиженіе многочисленныхъ, все новыхъ и новыхъ отрядовъ всѣхъ національностей и родовъ оружія, масса артиллеріи и понтонныхъ мостовъ, — все это превращало нашъ лагерь въ интереснѣйшее зрѣлище, когда-либо видѣнное мною.

Больше всего поразили меня: огромный транспортъ болтливыхъ бабъ — на телѣгахъ, на коняхъ и пѣшкомъ; мнѣ сказали, что ихъ назначеніе — ухаживать за больными и ранеными въ госпиталяхъ; затѣмъ, — не менѣе многочисленное шествіе врачей, по большей части молодыхъ людей, которые подвергались постояннымъ порицаніямъ и наставленіямъ со стороны своего начальника — ветерана; наконецъ, необычайно рослая лошади при понтонныхъ повозкахъ, впряженные по три пары въ каждую... (Роосъ.)

* * *

23 іюня. Когда наши кавалеристы (6-го Польскаго уланскаго полка) еще отдыхали въ своихъ бивакахъ, на Кенигсбергской дорогѣ показалась быстро мчавшаяся почтовая карета, запряженная шестью рысакими, и сразу остановилась въ самой серединѣ нашего лагеря. Ее сопровождало лишь нѣсколько гвардейскихъ стрѣлковъ, запыхавшіяся лошади которыхъ еле могли стоять отъ страшной усталости.

Дверца отворилась, и изъ кареты быстро вышелъ Наполеонъ въ сопровожденіи герцога Невштательскаго: не было видно ни одного адъютанта, ни одного ординарца. Немного спустя прискакалъ верхомъ генераль Брюйеръ, одинъ, безъ свиты. Наполеонъ былъ въ своей формѣ гвардейскаго стрѣлка; онъ, повидимому, очень усталъ отъ дороги, и черты лица его выражали заботу. Къ нему поспѣшили нѣсколько офицеровъ, среди которыхъ находился и я, а также майоръ нашего полка Сухорцевскій. Наполеонъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ маюру и спросилъ его, гдѣ находится командиръ полка. Сухорцевскій, не смущаясь отсутствіемъ полковника, который еще отдыхалъ, отвѣтилъ, что замѣщаетъ послѣдняго и готовъ принять приказанія императора. Тогда императоръ спросилъ о дорогѣ къ Нѣману и освѣдомился, гдѣ находятся аванпосты. Онъ задалъ также и рядъ другихъ вопросовъ относительно положенія русскихъ войскъ. Продолжая задавать свои вопросы онъ выразилъ желаніе передѣться въ польскую форму: было условлено или, вѣрнѣе, приказано не показывать русскимъ ни одного французскаго военнаго. Онъ снялъ поэтому свою одежду, тоже сдѣлалъ и герцогъ Невштательскій; ихъ примѣру послѣдовали Сухорцевскій, я и только-что явившійся полковникъ Паговскій, а также и генераль Брюйеръ, такъ что мы, въ количествѣ пяти или шести человекъ, очутились въ самомъ центрѣ лагеря въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, стоя вокругъ императора и держа свою одежду въ рукахъ. Поляки предлагали свою форму французамъ. Въ общемъ получилась весьма оригинальная картина. Изъ всего нашего платья болѣе всего подошли императору сюртукъ полковника Паговскаго и его полицейская шапка. Сначала Наполеону предложили шапку уланскаго офицера; но онъ отказался отъ нея, сказавъ, что она слишкомъ тяжела. Все это было дѣломъ лишь нѣсколькихъ минутъ. Бертье также надѣлъ польскую форму. Немедленно привели лошадей полковника. На одну изъ нихъ сѣлъ Наполеонъ, на другую— Бертье. Сопровождать императора и служить ему проводникомъ былъ назначенъ лейтенантъ Урельскій, рота котораго несла караулъ въ этотъ день на аванпостахъ. Они отправились въ деревню Алексоту, которая находилась на разстояніи одной мили отъ отправнаго пункта и была расположена противъ Ковно, на пушечный выстрѣлъ отъ него. Императоръ слѣзъ съ лошади на дворѣ принадлежавшаго одному врачу дома, окна котораго выходили на Нѣманъ и изъ котораго можно было легко обозрѣть окрестности. (За три дня до этого я самъ снялъ съ этого пункта планъ Ковно). Отсюда Наполеонъ великолѣпно ознакомился съ мѣстностью; его самого при этомъ не могли увидѣть, такъ какъ лошади были тщательно спрятаны во дворѣ. Закончивъ эту развѣдку, Наполеонъ возвратился въ нашъ лагерь. Онъ захотѣлъ узнать детали позицій врага. Такъ какъ полковникъ сообщилъ ему, что я недавно производилъ рекогносцировку и потому хорошо знаю окрестности, то онъ задалъ мнѣ рядъ вопросовъ о томъ, существуютъ ли броды, которыми можно воспользоваться; о строеніи и особенностяхъ мѣстности; о расположеніи непріятелей. Особенно спрашивалъ меня императоръ о томъ, гдѣ находятся главные силы русскихъ, на лѣвомъ или на правомъ берегу Виліи. Онъ желалъ,

безъ сомнѣнія, знать, свободна ли дорога въ Вильну, намѣреваясь идти съ главными силами въ этомъ направленіи съ цѣлью завладѣть операціоннымъ центромъ и отрубать непріятельскія войска, которыя были разбросаны по теченію Нѣмана.

По возвращеніи Наполеона мы замѣтили большую перемену въ выраженіи его лица. У него былъ веселый видъ и очень хорошее настроеніе, — несомнѣнно, его удовлетворяла мысль о сюрпризѣ, который онъ готовилъ русскимъ на завтра и результаты котораго онъ заранѣе учелъ. Ему принесли поѣсть, и онъ закусывалъ среди насъ на большой дорогѣ; ему, повидимому, нравилось переодѣваніе, и онъ два раза спрашивалъ насъ, хорошо ли идетъ ему польская форма. Позавтракавъ, онъ сказалъ намъ, смѣясь: «Теперь нужно отдать то, что намъ не принадлежитъ». Затѣмъ онъ снялъ взятое имъ платье, надѣлъ снова форму гвардейскаго стрѣлка и, сѣвъ въ сопровожденіи Бертье въ экипажъ, быстро уѣхалъ. Въ тотъ же самый день онъ послѣдилъ и другіе пункты на Нѣманѣ и выбралъ мѣсто переправы черезъ рѣку.
(Солтыжъ.)

Императоръ слѣзъ съ лошади на возвышеніяхъ Понѣмуни и самъ распоряжался организаціей переправы. 13-й полкъ легкой пѣхоты имѣлъ честь первымъ высадиться на правомъ берегу. Переправа производилась на двухъ или трехъ лодкахъ, на которыхъ послѣдовательно перевезли нѣсколько отрядовъ. Я сѣлъ на одну изъ первыхъ лодокъ, такъ какъ императоръ далъ мнѣ спеціально порученіе занять деревню, расположенную какъ разъ противъ мѣста переправы, собрать свѣдѣнія и привести ему нѣсколькихъ жителей. Я такимъ образомъ имѣлъ случай присутствовать при первыхъ проявленіяхъ враждебныхъ дѣйствій, которыя начались довольно страннымъ образомъ.

По мѣрѣ того, какъ наши пѣхотинцы высаживались на берегъ, они ложились на песокъ, прячась за небольшимъ возвышеніемъ, которое образовалъ берегъ. Глубокая темнота, благопріятствуя нашимъ дѣйствіямъ, оставляла насъ все же въ неизвѣстности относительно того, имѣемъ ли мы или нѣтъ передъ собой непріятельскую армію. Нигдѣ не показывалось, насколько можно было видѣть, ни одного патруля, ни одного коннаго развѣзда.

Только послѣ того какъ на правый берегъ успѣло высадиться около сотни человѣкъ, послышался издали шумъ галопирующихъ лошадей. На разстояніи ста, приблизительно, шаговъ отъ нашего слабаго авангарда остановился сильный взводъ русскихъ гусаровъ, которыхъ мы узнали, несмотря на ночную тьму, по ихъ бѣлымъ султанамъ. Командовавшій взводомъ офицеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ нашу сторону и закричалъ по-французски: «Кто идетъ?» — «Франція» отвѣтили вполголоса наши солдаты. «Что собираетесь вы здѣсь дѣлать?» продолжалъ русскій, обращаясь къ намъ все время на правильномъ французскомъ языкѣ. «Увидите, чортъ возьми!» рѣшительно отвѣтили наши стрѣлки. Офицеръ, вернувшись къ своему взводу, скомандовалъ сдѣлать залпъ, на который никто съ нашей стороны не отвѣтилъ, и непріятельскіе гусары ускакали полнымъ галопомъ.

Я немедленно вступилъ въ сосѣдную деревню. Жители ея высыпали изъ своихъ домовъ и, стоя на порогахъ дверей, поднимали руки къ небу и благословляли насъ: они видѣли въ насъ своихъ освободителей. Они бросались къ ногамъ нашихъ солдатъ и обнимали ихъ колѣни, плача отъ радости. Всѣ хотѣли слѣдовать за мной посмотри́ть на французскую армію, но я взялъ съ собой одного лишь деревенскаго войта.

Я представилъ императору этого честнаго человѣка, и онъ сдѣлалъ ему нѣсколько довольно важныхъ сообщений.

(Солтыкъ.)

Переходъ черезъ Нѣмань.

Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 60 тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на которомъ Наполеонъ приказалъ разбить свои палатки. Съ этой возвышенности онъ обзрѣвалъ всю армію, Нѣмань и мосты, приготовленные для нашей переправы. Мнѣ удалось случайно полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Дивизія Фріана, которая должна была находиться въ авангардѣ, сбилась съ пути и достигла возвышенности въ то время, когда вся армія была уже въ сборѣ. Императоръ, увидавъ, что мы наконецъ появились, подозвалъ Фріана и сталъ давать ему приказанія. Въ это время дивизія остановилась въ ожиданіи своего начальника передъ императорской палаткой; я подошелъ къ группѣ генераловъ, составлявшихъ свиту Наполеона. Среди нихъ царствовало зловѣщее молчаніе, чуть не уныніе. Когда я позволилъ себѣ пошутить, генералъ Огюсть Коленкуръ¹⁾, съ которымъ я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ и сказалъ тихонько: «Здѣсь не смѣются. Это великій день». Онъ указалъ при этомъ на противоположный берегъ рѣки, какъ будто хотѣлъ присовокупить: «вотъ наша могила»,

Когда императоръ прекратилъ разговоръ съ генераломъ Фріаномъ, дивизія прошла мимо всѣхъ армейскихъ корпусовъ, направляясь къ мостамъ; вскорѣ она очутилась на противоположномъ берегу. Тогда солдаты испустили громкіе крики радости, которые привели меня въ ужасъ; они какъ будто хотѣли сказать: «Теперь мы на непріятельской землѣ! наши офицеры не будутъ болѣе наказывать насъ, когда мы будемъ кормиться на счетъ жителей!» До тѣхъ поръ, согласно строгому предписанію императора, начальству удавалось поддерживать строгую дисциплину. Прокламаціи напоминали войску, что, проходя по владѣніямъ короля прусскаго, мы находились на территоріи союзника и что къ нему слѣдовало относиться такъ, какъ будто мы находились на французской землѣ. Мы видѣли, къ сожалѣнію, что это приказаніе нерѣдко было забыто или пренебрежено; но, по крайней мѣрѣ, войско поступало въ такихъ случаяхъ вопреки приказанію начальства, которое удерживало солдатъ,

¹⁾ Убитый при Бородинѣ.

говоря: «когда мы будемъ на русской землѣ, вы будете брать все, что захотите»...

Авангардъ обошелъ лѣсъ, росшій у берега, но мы нашли въ немъ только кое-гдѣ слѣды людей; мы были уже въ странѣ пустынной. Императоръ, принцъ Невшательскій, король Неаполитанскій и принцъ Экмюльскій проѣхались по сосновому бору и были удивлены или быть можетъ испуганы тѣмъ, что они не видѣли нигдѣ ни жителей, ни русскихъ солдатъ. Поляки, посланные на высокіе, поросшіе лѣсомъ холмы, чтобы ободрѣть мѣстность, донесли, что издали виденъ арьергардъ непріятеля, двигавшійся по направленію къ Вильно...

Въ два часа мы вошли въ Ковно... Ужъ въ Ковно армейскіе полки убѣдились въ томъ, что имъ придется все уступать гвардіи, чѣмъ они были весьма недовольны. Мы нашли въ городѣ много всякихъ съѣстныхъ припасовъ, но вскорѣ было получено приказаніе поставить у городскихъ воротъ караулъ и не впускать ни солдатъ, ни офицеровъ, ни даже генераловъ, такъ какъ все должно быть предоставлено въ распоряженіе императорской гвардіи, которая одна вступить въ городъ; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Такимъ образомъ мы стали бивуакомъ по дорогѣ въ Вильно въ двухъ верстахъ отъ города, въ сосновомъ лѣсу, на берегу Вилии, между тѣмъ какъ императоръ остановился въ Ковно, а гвардія грабила магазины и частные дома. Жители разбѣжались и разнесли ужасъ и уныніе по окрестностямъ. Этотъ примѣръ, конечно, не могъ побудить населеніе прочихъ городовъ встрѣчать насъ съ удовольствіемъ и доставлять намъ все необходимое. Однако энтузіазмъ поляковъ и ихъ желаніе вернуть самостоятельность были столь велики, что многіе изъ нихъ все же встрѣчали насъ какъ желанныхъ гостей... (Дедемъ.)

Первыя военныя дѣйствія.

26 іюня 1812 года мы перешли Нѣманъ. Король Мюратъ съ своей кавалеріей шелъ въ авангардѣ; 60.000 войска маршала Даву колоннами шли по большой виденской дорогѣ такъ же, какъ и вся гвардія съ своей артиллеріей. Глядя на такіе ряды, трудно было себѣ представить, что идутъ они въ бесплодную равнину, гдѣ нѣтъ другихъ населенныхъ пунктовъ, кромѣ плохонькихъ деревень, опустошаемыхъ русскими. Этихъ послѣднихъ Мюратъ настигъ у Ковно, и они должны были отступить въ направленіи къ Вильно. Погода, доселѣ прекрасная, внезапно измѣнилась. 29 іюня, около 3-хъ часовъ, страшный ураганъ обрушился на насъ, прежде чѣмъ мы успѣли дойти до деревни. Я готовъ былъ вынести какія-угодно невзгоды, лишь бы только поскорѣе до нея добраться. Наконецъ, мы дошли. Мы не могли разсѣдлатъ своихъ лошадей; надо было ихъ разнуздать, дать имъ травы, развести костры. Буря была страшной силы и сопровождалась градомъ и снѣгомъ. Было невозможно сдерживать лошадей, пришлось ихъ подвязывать къ колесамъ телѣгъ. Я умиралъ отъ холода. Остаться на ногахъ я уже не могъ, поэтому открылъ

одинъ изъ своихъ фургоновъ и забрался въ него. Утромъ передъ глазами — душу раздирающее зрѣлище. Въ кавалерійскомъ лагерѣ, около насъ, земля покрылась трупами, не перенесшихъ холода лошадей: въ эту ужасную ночь ихъ пало болѣе десяти тысячъ. Выбравшись изъ своего фургона, я вижу, что и изъ моихъ лошадей три пали; остальныхъ я распредѣлилъ по своимъ четыремъ фургонамъ. Несчастныя животныя страшно дергались, ломали упряжь, бросались въ своихъ хомутахъ навемь, приходили въ какое-то бѣшеное состояніе и дѣлали отчаянные скачки. Если бы я опоздалъ хоть на часъ, всѣ бы лошади пропали. Долженъ прибавить, что потребовалась вся наша энергія, чтобы ихъ укротить.

Мы вышли на дорогу. На ней мы находили мертвыхъ солдатъ, которые не могли вынести чудовищнаго урагана. Это удручающе дѣйствовало на значительное большинство нашихъ людей. Хорошо еще, что нашъ форсированный маршъ заставилъ уйти изъ Вильно русскаго императора, державшаго тамъ свою главную квартиру. Въ этомъ большомъ городѣ можно было привести въ порядокъ войска.

По своемъ прибытіи 29 іюня императоръ отдалъ приказъ о томъ, чтобы задержать всѣхъ отстававшихъ и размѣстить ихъ въ особо отведенномъ огороженномъ мѣстѣ за городомъ. Тамъ ихъ и запирали, не забывая выдавать дневныя порціи. Жандармы продолжали подбирать въ разныхъ мѣстахъ другихъ отсталыхъ. Затѣмъ изъ нихъ образовали три батальона отъ 700—800 человекъ въ каждомъ. Всѣ они сохранили при себѣ оружіе.

(Куанье.)

* * *

Неаполитанскій король, лично очень храбрый, былъ мало талантливъ въ военномъ отношеніи. Главнымъ образомъ ему обязана своею гибелью кавалерія, такъ какъ онъ не только подвергалъ ее опасностямъ совершенно безъ всякой пользы, но также ставилъ ее на пункты, отдаленные отъ воды и фуража.

Безъ всякаго предубѣжденія можно приписать чувствительную убыль арміи и кавалеріи главнымъ образомъ тѣмъ приѣмамъ, при помощи которыхъ генералы вели въ эту компанію ввѣренныя имъ войска. Кавалерія очень быстро растаяла — благодаря ежедневнымъ битвамъ, которыя приходилось ей выдерживать, благодаря чрезвычайнымъ переходамъ, которые она ежедневно должна была дѣлать, и въ особенности вслѣдствіе беззаботности и эгоизма начальниковъ, которымъ поручили командовать ею и заботиться объ ея нуждахъ. Изъ массы имѣющихся примѣровъ я приведу лишь одинъ. Въ вечеръ наканунѣ битвы подъ Вязьмой меня отрядили съ отрядомъ въ сто человекъ нести конный караулъ передъ лагеремъ; и я безъ смѣны оставался на своемъ посту до двѣнадцати часовъ утра слѣдующаго дня, при чемъ мнѣ было строжайше приказано не разнуздывать лошадей. Между тѣмъ послѣднія были взнузданы наканунѣ еще до шести часовъ утра. Не имѣя никакихъ припасовъ для моего караула, даже воды поблизости, я послалъ ночью офицера доложить о моемъ положеніи генералу и попросить у него хлѣба и прежде всего овса.

Генераль отвѣтилъ, что ему поручали заставлять насъ сражаться, а не кормить насъ. Такимъ образомъ наши лошади оставались въ теченіе тридцати часовъ безъ питья и безъ ѣды. Когда я возвратился съ своимъ карауломъ, наши войска собирались уже выступать; мнѣ предоставили одинъ часъ, чтобы дать отдохнуть моему отряду, и я долженъ былъ догонять колонну рысью. Мнѣ пришлось оставить съ дюжину солдатъ, лошади которыхъ не могли болѣе итти. Неаполитанскій король, который командовалъ всею кавалеріей и генералы того же образца, что и онъ, были заняты гораздо больше собой, чѣмъ своими войсками. Шли весь день; дѣлали остановки на часъ; часто на два, въ теченіе которыхъ можно было бы дать отдохнуть части лошадей. Но было безусловно приказано не разнуздывать ихъ; и лошади падали. Становились лагеремъ посрединѣ лѣса, не удостовѣрившись предварительно, имѣется ли здѣсь фуражъ и можно ли достать поблизости воду. На слѣдующій день нужно было итти дальше и сражаться, какъ будто наканунѣ ни въ чемъ не было недостатка. Этотъ превратившійся въ манію методъ формировать большіе корпуса кавалеріи, чтобы раздавать важныя командованія честолюбивымъ генераламъ, и былъ одной изъ причинъ гибели кавалеріи.

(Капитанъ 16 полка.)

Страшная пыль, отъ которой ничего не было видно въ двухъ шагахъ, попадала въ глаза, уши, ложилась толстымъ слоемъ на лицо. Пыль и жара возбуждали сильную жажду, а воды не было. Повѣряя ли мнѣ, что нѣкоторые пили лошадиную мочу.

Пыль поднимали шедшія впереди многочисленныя колонны войска. Они шли въ такомъ порядкѣ: во всю ширину просторной обсаженной деревьями дороги ѣхала артиллерія и экипажи; по бокамъ отъ нея двигалась сплошными колоннами построенная дивизіями пѣхота имѣя по 80 человекъ въ рядъ. По бокамъ пѣхоты шла эскадронами кавалерія. Можно себѣ представить картину такой массы войскъ, двигавшихся въ одномъ направленіи! Когда послѣ довольно долгаго привала пыль немного улеглась, я могъ любоваться соединенными дивизіями тяжелой артиллеріи, состоявшей изъ 14 полковъ, въ которые входили стрѣлки и кирасиры.

Красивое зрѣлище представляли собой сверкашіе на солнцѣ безчисленныя каски и воинскіе доспѣхи.

Армія везла за собой множество экипажей и императоръ вначалѣ это терпѣлъ и даже поощрялъ, такъ какъ припасы, которыми они были нагружены, могли оказаться очень полезными для войскъ. Но теперь, когда по его расчетамъ эти припасы должны были уже истощиться и самыя экипажи являлись для арміи только безпролезнымъ балластомъ, онъ отдалъ приказъ сжечь ихъ.

Однако приказъ этотъ не исполнялся, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра, рассказаннаго очевидцемъ. Императоръ остановился возлѣ одной прекрасной желтой коляски, принадлежавшей не знаю кому и велѣлъ при себѣ ее поджечь. Немедленно съ только-что покинутаго привала принесли нѣсколько горящихъ головней и императоръ подождалъ пока коляска загорится. Однако едва онъ отъѣхалъ

на какую-нибудь сотню шаговъ, какъ огонь былъ поспѣшно затушенъ и коляску попрежнему повезли дальше. Конечно, мы нашли средство избавить отъ строгаго примѣненія указа Его Величества и коляску генерала Десэ и кабриолетъ, вывезенный капитаномъ Дю-Бурже изъ самаго Парижа.

(Жиро де-Л'Энь.)

* * *

Наше составленное заранѣе мнѣніе о Россіи и наше малодушіе относительно великаго предпріятія отчасти разсѣялись, какъ только мы замѣтили, что на другомъ берегу рѣки все было иначе и въ лучшемъ состояніи, чѣмъ намъ приходилось видѣть до тѣхъ поръ въ Польшѣ. Мы сразу попали на хорошую военную дорогу, и первые встрѣтившіеся намъ дома имѣли очень милый видъ. Мы увидѣли больше порядка въ разстановкѣ верстовыхъ столбовъ, шлагбаумовъ и показателей пути, чѣмъ это было въ Польшѣ; вдоль дороги чаще и регулярнѣе расположены были хорошія усадьбы, почтовые станціи и постоянные дворы. Вскорѣ мы шли уже по прекрасному частому листовному лѣсу, въ то время какъ раньше насъ прямо удручали огромныя пространства хвойнаго лѣса. Первая попавшаяся намъ на глаза деревня, несмотря на дождливый вечеръ, выглядѣла очень хорошо; словомъ, первыя впечатлѣнія заставили насъ измѣнить къ лучшему наше предварительное мнѣніе.

Мюрать, окруженный генералами и адъютантами, стоялъ у вѣзда въ красивое помѣстье и заставилъ насъ, насквозь промокшихъ, пройти передъ нимъ параднымъ маршемъ, послѣ чего мы расположились на ночевку на обработанномъ полѣ, близъ деревни, вправо отъ военной дороги, идущей на Вильну.

Здѣсь мы бросили большую дорогу на Вильну и свернули въ сторону на скверныя проселочныя дороги; врага мы не встрѣчали, попадались только немногочисленные, но благорасположенные крестьяне, зато очень много грязныхъ евреевъ.

Къ вечеру мы остановились покормить коней. Первый разъ мы развязали серпы и косы и стали косить зеленую траву и посѣвы. На семь полковъ нужно много, а еще больше, чѣмъ нужно, они портятъ. Деревень вблизи не было, зато виднѣлась небольшая церковь, и уже въ ту пору ходила молва, что въ ней собраны большіе запасы муки, драгоценностей и т. п.; однако никто изъ нашихъ не подходилъ къ ней, такъ молва и осталась непровѣренной. И здѣсь, и впоследствии я ни разу не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ ограбилъ церковь. Всѣ эти безобразія всегда продѣлывались либо тѣми, кто шелъ позади насъ, и я не разъ убѣждался, что пѣхота, менѣе занятая, скорѣе склонна къ подобнымъ поступкамъ, чѣмъ конница; у кавалеріи, при постоянной заботѣ о коняхъ, сѣдлахъ и разнообразномъ вооруженіи, меньше остается времени на это.

Мы съ каждымъ днемъ приближались къ Вильнѣ; дни стояли теплые. Во всѣхъ отношеніяхъ мы перебивались кое-какъ; уже мало было хлѣба, а мука, молоко, вино и водка сдѣлались большою рѣдкостью. Вслѣдствіе жары и скверной воды мы забирались въ ледники и захватывали съ собой куски льда, которые переходили изъ рукъ

въ руки и сосались всѣми. Купить ничего нельзя было, потому что маркитанты не поспѣвали за нашимъ быстрымъ передвиженіемъ. Офицеры должны были довольствоваться тѣмъ, что добывала воровствомъ и грабежомъ ихъ прислуга, да и къ тому рѣдко представлялась возможность; поэтому, уже въ первые дни за Нѣманомъ общая нужда вызвала крупнѣйшіе беспорядки. Для лошадей лишь очень рѣдко находилось сѣно и овесъ, а когда это и случалось, лошади не могли размолоть овса зубами, притупленными вслѣдствіе питанія травой и зерновымъ кормомъ.

Подобный образъ жизни не могъ долго оставаться безъ послѣдствій, и уже здѣсь всадники и лошади начали страдать поносомъ. Люди блѣднѣли, становились вялыми и худѣли; кони еле-еле тащились и тоже худѣли.

Между Нѣманомъ и Вислой мы неоднократно переживали тревогу, но ни разу не видѣли русскихъ... (Роосъ.)

* * *

Первые же четыре дня нашего похода по Россіи привели артиллерию въ ужаснѣйшій видъ. Холодные и дождливыя ночи на бивуакахъ погубили болѣе трети лошадей. Генераль Сорбье, бывшій свидѣтелемъ этого, высказывалъ вслухъ, что надо быть сумасшедшимъ, чтобы пускаться въ такія предпріятія. Чего же можно было ожидать осенью, если уже въ концѣ іюня холодные дожди убивали лошадей и дѣлали дороги непроходимыми?

Мы вступили 1 іюля въ Вильну. Всѣ дома предмѣстія были разграблены и покинуты. Въ этотъ день мы прошли всего 8 верстъ: трупы лошадей загоразивали путь; я насчиталъ ихъ болѣе 1000 на самой дорогѣ, а по сторонамъ ея — ихъ было безчисленное количество.

Всѣ десять дней, которые мы шли къ Вильнѣ, я увѣрялъ себя, что императоръ, пораженный началомъ войны, не пойдетъ дальше, а займется возстановленіемъ Польши.

Гдѣ было найти лошадей? — Я не знаю какимъ образомъ снабдили ими армию, но для того, чтобы дать лошадей гвардіи — ихъ взяли изъ четырехъ запасныхъ конныхъ артиллерійскихъ батарей, при чемъ всѣхъ канонировъ спѣшили.

Гдѣ было взять провіантъ? — Уже больше не производили раздачи порцій. Къ счастью у меня былъ небольшой запасъ муки, благодаря чему мы не умерли съ голоду въ Вильнѣ.

Гдѣ найти фуражъ? — Трава была скошена болѣе чѣмъ на пять верстъ въ окружности.

Но поляки своимъ энтузіазмомъ поддерживали императора; они говорили о томъ, что поднимутъ свои войска, хотя бы всѣ обѣщанія, сдѣланныя ими въ 1807 году были забыты... (Пьонъ де-Лощъ.)

* * *

4-го іюля мы подошли къ мѣстечку Троки. Оно казалось издали прелестнымъ, но при вступленіи въ него вся иллюзія сразу пропала.

Около первыхъ же домовъ насъ окружила толпа евреевъ съ женами, дѣтьми и длиннобородыми старцами; всѣ они на колѣ-

няхъ умоляли насъ избавить ихъ отъ алчности солдатъ, которые забирались во всѣ дома и разоряли ихъ, похищая все, что попадалось подъ руку. Мы старались утѣшить этихъ несчастныхъ, сознавая, что слова наши останутся словами. Въ мѣстечкѣ не было магазиновъ, а наши солдаты давно уже не получали своихъ порцій и жили только грабежомъ жителей; это создавало крайній безпорядокъ и пагубный упадокъ дисциплины, тѣмъ болѣе печальный, что онъ является обыкновенно вѣрнымъ признакомъ упадка арміи.

Въ домахъ не было мебели, такъ какъ бѣжавшіе жители унесли все съ собою; еврейскіе дома, грязные до отвращенія, были опустошены нашими войсками; такимъ образомъ, это мѣстечко, крайне привлекательное съ вида, не принесло намъ никакой помощи и было полно неудобствъ: нигдѣ нельзя было найти соломы для спанья, а за фуражомъ для лошадей приходилось ѣздить верстъ за 15.

(Лабомъ.)

Вильна.

Мы вступили въ Вильну 28-го числа. Польскіе помѣщики, державшіе сторону Россіи, выѣхали изъ города; польская партія приняла насъ восторженно; но Наполеонъ не былъ доволенъ тѣми средствами, коими онъ располагалъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, поэтому онъ не могъ обнадёживать поляковъ относительно ихъ будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаемъ, — сказалъ онъ польскимъ депутатамъ; — постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну съ Россіей.

Если вы усилитесь, то я включу васъ въ условія мирнаго договора, но я не могу проливать за васъ кровь французовъ; и если императоръ Александръ предложитъ мнѣ заключить миръ на возможныхъ условіяхъ, то я буду вынужденъ оставить васъ.

Этотъ отвѣтъ, рѣдкій по откровенности со стороны завоевателя, былъ передѣланъ и смягченъ министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этихъ подчиненныхъ лицъ. Имъ слѣдовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его въ послѣдствіи по поводу его мнимыхъ обѣщаній. Я слышалъ отъ одного изъ депутатовъ, что Наполеонъ даже сказалъ имъ:

— Я вижу, что у васъ нѣтъ достаточно средствъ; совѣтую вамъ не компрометировать себя по отношенію къ русскому императору; я съ минуты на минуту могу заключить съ нимъ миръ.

Въ Вильковишнахъ Наполеонъ обнародовалъ прокламацію противъ русскихъ и ихъ монарха. Въ Вильнѣ же мы познакомились съ содержаніемъ прокламаціи императора Александра, которая была написана не менѣе энергично; за нею было право и справедливость. Что же касается воззванія, съ коимъ литовскій комитетъ обратился къ полякамъ, то въ немъ, равно какъ и высокопарномъ доне-

сені варшавскаго сейма, возвѣщалось возстановленіе польскаго королевства.

Но всё, что зналъ близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что въ этихъ прокламаціяхъ гораздо менѣе было видно намѣреніе императора возстановить королевство польское, нежели чрезвычайное желаніе поляковъ, чтобы это совершилось, хотя всё ихъ надежды основывались только на двусмысленныхъ обѣщаніяхъ французскихъ министровъ. Рѣшивъ что-либо, Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе выражать свое намѣреніе вполнѣ ясно. Обманчивыя надежды, честолюбіе и поверхностное знаніе человѣка, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, разногласіе между словами министровъ и тайными планами монарха, въ которыхъ поляки не могли дать себѣ отчета — вотъ что ввело въ заблужденіе этихъ восторженныхъ людей, которымъ было простительно горячо желать возстановленія независимости ихъ отечества... (Дедезь.)

* * *

14-го іюля въ Вильнѣ совершилось присоединеніе Литвы къ федераціи великаго герцогства Варшавскаго. Уполномоченные составили актъ о присоединеніи, утвердилъ его король саксонскій; императоръ изъявилъ согласіе. Весь обрядъ происходилъ въ самомъ соборѣ. Я выпишу здѣсь отрывокъ изъ моего собственнаго письма, написаннаго на другой день и, какъ кажется, точно передающаго тѣ чувства, которыми всё тогда были одушевлены.

«Мнѣ было любопытно посмотреть, какъ приметъ извѣстіе о своемъ освобожденіи тотъ самый народъ, который двѣ недѣли тому назадъ разными празднествами привѣтствовалъ императора Александра. И вотъ къ полудню я прибылъ въ Виленскій соборъ, гдѣ должны были служить обѣдню. Тамъ же собралась большая часть мѣстной знати, мужчины съ саблями на боку и женщины въ бѣлыхъ платьяхъ съ кокардами національныхъ цвѣтовъ, лиловаго и краснаго. Немного погодя, явились представители Варшавской федераціи и члены Виленской юнты. Нѣкоторые изъ нихъ были въ церемоніальной одеждѣ; большинство же предпочло старинный народный костюмъ: коротко остриженныя или обритыя головы, зашнурованный шафряной кафтанъ, длинную саблю, висящую спереди и особый поясъ (отличительный знакъ шляхетства), тканый изъ золотой, украшенной драгоценными камнями матеріи. Ихъ встрѣтили два Виленскихъ епископа, Греческій и Латинскій; мѣстная гвардія поставила свои знаки въ притворъ, и служба началась...

Казалось, что въ это мгновеніе были забыты, какъ всё въроисповѣдныя распри, такъ и всё политическія разномыслія. По обѣ стороны размѣстились другъ возлѣ друга знатные поляки, тщеславные и гордые своей старинной одеждой и вызываемыи его воспоминаніями. Легкомысленный и чуждый истиннаго благоговѣнія, хотя и набожный, народъ этотъ присутствовалъ съ величайшимъ вниманіемъ на службѣ, освящавшей его свободу. По окончаніи обѣдни, одинъ изъ уполномоченныхъ отъ Варшавы поднялся съ своего мѣста и, положивъ поклонъ передъ алтаремъ, во всеуслышаніе прочиталъ

привѣтственное посланіе отъ федераціи, представителемъ которой онъ былъ, и актъ, въ которомъ предлагалось присоединеніе. Народъ, всегда любящій новизну впечатлѣній, хотя и не понималъ точно значенія слова свобода, но зналъ, по крайней мѣрѣ, что дѣло шло о какой-то перемѣнѣ. Женщинамъ представлялся случай говорить объ отечествѣ, чести и преданности долгу; лицъ, принадлежащихъ къ знати, ласкала надежда на происки при выборахъ, честолюбивыя мечты о вновь открывающейся карьерѣ и виды на большую независимость и на возвращеніе къ старымъ феодальнымъ правамъ. Вотъ почему всѣ съ какимъ-то изступленіемъ разразились рукоплесканіями; послѣ же рѣчи Сѣраковскаго всѣ ринулись къ скамьѣ представителей и наперерывъ подписывали свои имена. Когда же, послѣ хвалебныхъ и благодарственныхъ моленій, тѣ въ порядкѣ вышли изъ храма и понесли актъ присоединенія къ герцогу Бассано, можно было быть увѣреннымъ, что всѣ, не взирая на различныя сердечныя помышленія, одушевлявшія ихъ, готовы были воскликнуть: «И у насъ тоже есть отечество!»

(Маркизь Пасторе.)

* * *

Пока главная квартира находилась въ Вильнѣ, императоръ прибѣгалъ къ различнымъ мѣрамъ, чтобы обезпечить за собой завоеваніе. Его щедрыя обѣщанія возбуждали энтузіазмъ въ арміи, которая шла на величайшія жертвы. Дворяне также поддерживали всѣми силами завоевателя въ его стремленіи обезпечить самостоятельность Польши и возвратить ее къ тому блестящему состоянію, въ которомъ она находилась при Владиславахъ и Сигизмундахъ.

Видъ польскихъ знаменъ, водруженныхъ на стѣнахъ древней столицы литовскихъ великихъ князей, вызывалъ радость всѣхъ жителей и пробуждалъ славныя воспоминанія въ сердцахъ всѣхъ, кому была дорога былая слава родины. Эти мысли о быломъ величій разгорались всего ярче при появленіи на берегахъ Виліи тѣхъ воиновъ, которые посвятили время своего изгнанія прославленію польскаго имени на берегахъ Нила, Тибра, Таго и Дуная. Повсюду ихъ встрѣчали кликами радости; народъ толпой шелъ за ними; всѣмъ хотѣлось любоваться на нихъ, всѣмъ хотѣлось запечатлѣть въ сердцахъ образъ этихъ храбрыхъ соотечественниковъ, и всѣ были воодушевлены благороднымъ желаніемъ итти вмѣстѣ съ ними подъ одними знаменами.

Наполеонъ велѣлъ прежде всего выстроить нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря на правомъ берегу Виліи; на горѣ, гдѣ находился прежній дворецъ Ягеллоновъ, онъ велѣлъ построить цитадель, и мосты, сдѣланные на плотахъ, были поставлены на сваи. Среди этихъ военныхъ работъ онъ принялъ университетъ въ полномъ составѣ и разспрашивалъ ректора о разныхъ наукахъ, преподававшихся въ этомъ знаменитомъ университетѣ. Затѣмъ онъ приступилъ къ образованію гражданской администраціи, разстроившейся совершенно вслѣдствіе выѣзда должностныхъ лицъ и увоза книгъ и списковъ, принадлежавшихъ городскимъ архивамъ. По образцу Франціи онъ раздѣлилъ захваченныя провинціи на префектуры, назначилъ инспекторовъ, сборщиковъ, частныхъ приставовъ и особенно интендантовъ ради ускоренія взноса его многочисленныхъ реквизицій.

Больше всего ему хотѣлось побудить литвиновъ къ поголовному ополченію для образованія новыхъ отрядовъ. Онъ предлагалъ оружіе всѣмъ крестьянамъ, желавшимъ возстать противъ своихъ господъ, и старался вызвать гражданскую войну между дворянствомъ и народомъ, какъ это было въ началѣ нашей революціи.

Эти проекты дали извѣстный толчокъ въ городѣ, гдѣ распорядился императоръ, но въ мѣстечкахъ и деревняхъ они не дали желательныхъ для него результатовъ. Между тѣмъ Наполеонъ ежедневно обращался къ литвинамъ съ призывомъ къ помощи; чтобы удивить ихъ, онъ говорилъ съ ними въ одну и ту же аудіенцію о театрѣ и религіи, о войнѣ и объ искусствѣ, затѣмъ садился на лошадь и объѣзжалъ войска, а въ кабинетѣ, среди самыхъ серьезныхъ занятій, дѣлалъ видъ, что интересуется самыми пустыми вещами.

Комиссія, организованная для общаго управленія страной, состояла сначала изъ 5 членовъ, но Наполеонъ увеличивалъ это число по мѣрѣ возрастанія числа его приверженцевъ. Въ день своего основанія эта комиссія обнародовала 3 прокламаціи: въ 1-ой, обращенной къ народу, провозглашалось введеніе временнаго правительства и указывалось на то, какъ народъ долженъ быть благодаренъ тому, кто его создалъ. Во 2-ой духовенство призывалось къ поддержанію усердія въ націи и къ испрашиванію въ горячихъ молитвахъ милости Божіей. Въ 3-ей, имѣвшей цѣлью привлечь на свою сторону литвинъ, находившихся на русской службѣ, говорилось слѣдующее:

«Поляки! Вы служите подъ русскими знаменами. Эта служба была вамъ дозволена, пока у васъ не было отечества, но теперь все измѣнилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради ея полнаго восстановленія, ради того, чтобы заставить русскихъ признать права, которыя были у насъ отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерація Польши и Литвы отзываетъ всѣхъ поляковъ съ русской службы. Польскіе генералы, офицеры, солдаты! повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамена вашихъ притѣснителей, спѣшите всѣ къ намъ, чтобы стать подъ знаменемъ Ягеллоновъ, Казимировъ, Собѣскихъ! Объ этомъ просить васъ Отечество, повелѣваютъ честь и религія».

Правительственный комитетъ, учрежденный въ Вильнѣ и безъ сомнѣнія, дѣйствовавшій заодно съ Наполеономъ, только ради помощи народу, обездоленному ужасами войны, работалъ съ неутомимымъ усердіемъ надъ улучшеніемъ администраціи. Виленскій округъ былъ уже образованъ и захваченная территорія раздѣлена на 11 подпрефектуръ. Однако, это устройство, повидимому выгодное, не принесло никакой пользы: поля были опустошены, деревни безлюдны, всѣ крестьяне бѣжали въ лѣса, и можно было встрѣтить только нѣсколькихъ жалкихъ евреевъ въ лохмотьяхъ; они предпочитали изъ алчности подвергаться притѣсненіямъ нашихъ солдатъ, лишь бы не покинуть своихъ смрадныхъ жилищъ.

Чтобы дать понятіе о безпорядкѣ, царившемъ среди этого мнимаго благоустройства, я разскажу такой фактъ: подпрефектъ, ѣхавшій изъ Вильны въ Новые-Троки, чтобы занять тамъ свою должность, былъ остановленъ отсталыми солдатами, которые его ограбили.

Къ тому же его собственный конвой съѣлъ его провизію и увелъ его лошадей, и онъ явился пѣшкомъ и въ такомъ плачевномъ видѣ, что всѣ принимали его за шпиона... (Лабомъ.)

* * *

Наполеонъ, про котораго говорили, что онъ занятъ въ Вильнѣ организаціонной работой, политикой и военными дѣлами, хотѣлъ показать полякамъ всю строгость дисциплины въ своей арміи. Такъ какъ постоя на квартирахъ не было, и въ магазинахъ припасовъ не оказалось, солдаты должны были поддерживать свою жизнь воровствомъ и грабежомъ. Этому не должно было быть, подъ строгимъ запрещеніемъ, нарушителямъ котораго грозила смертная казнь, — и потому вскорѣ въ Вильнѣ и вокругъ нея начались разстрѣлы. На третій или четвертый день послѣ того, какъ мы покинули этотъ городъ, намъ попалась кирасирская дивизія, построенная четырехугольникомъ; посрединѣ его мы увидѣли четырехъ солдатъ, рывшихъ землю. На нашъ вопросъ, что это такое, намъ отвѣчали, что военный судъ за насилія приговорилъ ихъ къ смертной казни; ихъ разстрѣляютъ, но передъ смертью они должны сами вырыть себѣ могилу. Холодный ужасъ охватилъ насъ. Намъ нечего было дѣлать здѣсь; наши тѣмъ временемъ ушли впередъ, и мы бросились скорѣе догонять ихъ. Позднѣе мы узнали, что въ Вильнѣ многіе были разстрѣляны, однако кое-кому удалось уйти отъ угрожавшей пули. (Роосъ.)

Лже-Наполеонъ.

«Пріѣхавъ въ Варшаву¹⁾, я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Но женщины, съ которой я былъ близокъ и которую хотѣлъ опять увидѣть, не было (онъ мнѣ назвалъ при этомъ ея имя; это была княгиня Радзивиллъ или Понятовская, оказывавшая, благодаря своему уму, происхожденію и связямъ, большое вліяніе на ходъ политическихъ событій въ Польшѣ). Она была въ одномъ изъ своихъ пригородныхъ помѣстій, прозванномъ Аркадіей за красоту мѣстоположенія и садовъ. Я не хотѣлъ пропустить случай повидаться съ ней и поѣхалъ къ ней на сутки; я пріѣхалъ утромъ, и она приняла меня такъ, какъ можетъ принять только прежняя возлюбленная. Когда мы вставали изъ-за стола, лакей съ таинственнымъ видомъ доложилъ ей, что императоръ Наполеонъ прогуливается по садамъ замка. «Онъ переодѣтъ», сказалъ намъ слуга, «и офицеръ, сопровождающій его тоже. Онъ, видимо, не хочетъ, чтобы его узнали; но я столько разъ его видѣлъ во время послѣдняго польскаго похода, что легко узналъ его, несмотря на его скромный сюртукъ».

Мы съ княгиней подумали сначала, что этотъ человекъ ошибается, потому что въ Варшавѣ еще не было объявлено о пріѣздѣ императора. Но потомъ сообразили, что императоръ могъ захотѣть узнать лично самъ, оставаясь неузнаннымъ, какое настроеніе въ Польшѣ и какъ

¹⁾ Грѣа передаетъ здѣсь рассказъ маркиза де-Жюмилляка. Ред.

смотреть въ столицѣ на его походъ, — что въ поступкахъ такого человѣка, какъ онъ, самое необычайное не должно поражать, — да, кромѣ того, и лакей столько разъ его видѣвшій, что могъ узнать.

Княгиня вмѣстѣ со мною и нѣсколькими лицами, составлявшими ея общество, вышла въ садъ и направилась въ мѣсто, указанное лакеемъ. Мы вскорѣ увидали путешественниковъ и подойдя ближе, безъ труда узнали императора, несмотря на простоту его дорожнаго платья; на немъ былъ только сѣрый сюртукъ безъ орденовъ. Онъ съ довольнымъ видомъ подошелъ къ княгинѣ, въ которой призналъ владѣлицу замка. Онъ сказалъ ей, что въ первый разъ проѣзжая черезъ здѣшнее мѣсто, не могъ побороть своего желанія пройтись по садамъ, показавшимся ему такими красивыми, и хозяйка, можетъ-быть извинить его за то, что онъ не испросилъ предварительно ея разрѣшенія и не представилъ ей. Княгиня отвѣтила, что польщена тѣмъ вниманіемъ, котораго удостоился ея паркъ со стороны путешественниковъ, но извиненія ихъ приметъ только въ томъ случаѣ, если они весь день проведутъ въ ея помѣстьи, чтобы подробно осмотрѣть его; уступая ея настояніемъ, императоръ принялъ гостепріимное приглашеніе и отложилъ свой отъѣздъ до слѣдующаго утра. Въ продолженіи вечера княгиня показала своему гостю лучшія части сада и все, что было интереснаго въ ея роскошномъ помѣстьи. Разговоръ во время прогулки былъ общій и не останавливался на опредѣленныхъ темахъ; и если бы не та, какъ бы невольная, почтительность, которую выказывалъ императору его спутникъ, и если бы не его привычка ежеминутно вытаскивать табакерку, императора нельзя было бы узнать. Когда стемнѣло, мы вернулись въ гостиную и, сидя на диванѣ рядомъ съ императоромъ, княгиня навела разговоръ на политику; какъ истинная патріотка, она скорбѣла о современномъ положеніи Польши, которая перестала существовать, какъ государство, а между тѣмъ заслуживаетъ другой участи во имя прежняго блеска, вернуть который могла бы еще, если бы Франція оказала поддержку ея горячимъ стремленіямъ. Бесѣда затянулась и споръ былъ горячій. Выразивъ княгинѣ свою симпатію по поводу того, что она отстаиваетъ интересы своей родины, императоръ замѣтилъ въ заключеніи, что національныя стремленія въ Польшѣ, пожалуй, не достаточно единодушны, что такая женщина, какъ она, должна была бы ихъ распространять, что возстановленіе царства польскаго входило въ его планы и отвѣчало какъ его политикѣ, такъ и личнымъ симпатіямъ. Чувство приличія не позволяло никому изъ насъ вмѣшаться въ разговоръ, такъ какъ императоръ, хотя и не раскрылъ свое инкогнито, тономъ съ княгиней показывалъ ясно, что онъ узналъ и принимаетъ это.

Время шло; императоръ, видимо, нуждался въ отдыхѣ; княгиня проводила его до дверей павильона, въ которомъ было приготовлено для него помѣщеніе, оказывая ему при этомъ почести и проявляя утонченно изысканное вниманіе, подобающее такому гостю. Мы гуляли еще нѣкоторое время, бесѣдуя о странности этого случая. Проходя мимо павильона, окна котораго были открыты, мы увидали императора, запросто разговаривающаго со своимъ спутникомъ;

княгиня остановилась и бросила въ комнату апельсинъ, который былъ у нея въ рукахъ, привязавъ къ нему бумажку, на которой написала карандашомъ: «*нашему герою*». Императоръ поднялъ апельсинъ и сейчасъ же подошелъ къ окну; но мы скрылись въ чащу деревьевъ, и онъ не увидалъ никого.

Вскорѣ я расстался съ княгиней и пошелъ въ помѣщеніе, приготовленное мнѣ въ томъ же павильонѣ, гдѣ былъ императоръ. Дверь въ его спальню была открыта, онъ увидалъ меня, когда я проходилъ мимо, и пригласилъ зайти. Вы понимаете, что я послѣшилъ послѣдовать приглашенію. Онъ былъ еще любезнѣе, еще болѣе добрымъ малымъ, если можно такъ выразиться, чѣмъ за ужиномъ; прогуливаясь по комнатѣ, онъ говорилъ о княгинѣ, о томъ, какъ трогаетъ его ея вниманіе, онъ спросилъ, давно ли я съ ней знакомъ, спросилъ мое имя, въ какомъ корпусѣ я служу и какую должность занимаю; когда я отвѣтилъ, онъ поздравилъ меня съ такимъ начальникомъ, какъ генералъ Груши. «Груши прекрасный кавалеристъ», сказалъ онъ, «я его очень цѣню и не сомнѣваюсь, что въ теченіе этой кампаніи вы будете довольны, что находитесь подъ его командой, не сомнѣваюсь, что вы будете произведены въ штабъ-офицеры. Ваши заслуги, сударь, имя, которое вы носите, даютъ вамъ право на это; императоръ любитъ окружать себя людьми съ историческими именами, будьте увѣрены, что онъ не забудетъ васъ и что скоро вы будете штабъ-офицеромъ; смѣю васъ въ этомъ увѣрить. Но теперь поздно, и путешественнику нуженъ отдыхъ; прощайте же, господинъ де-Жюмилякъ». Я простился и ушелъ къ себѣ, но вы поймете, что я не могъ сомкнуть глазъ, возстановляя въ памяти странныя событія этого дня, и думая о томъ, что могло меня ожидать».

На этомъ Жюмилякъ закончилъ свой рассказъ, и я поздравилъ его, считая его ожиданія, основательными. Когда же за цѣлый мѣсяцъ съ нимъ ничего не произошло, я спросилъ его нѣтъ ли чего новаго, не говорилъ ли императоръ о немъ съ генераломъ Груши, котораго недавно вызывали въ главную квартиру. Онъ признался мнѣ съ печальнымъ видомъ, что онъ и польская княгиня были жестоко обмануты авантюристомъ, пользующимся своими сходствомъ съ императоромъ, которому онъ подражалъ манерами, платьемъ, чтобы вводить людей въ заблужденіе. Говорили, что этотъ человекъ былъ унтеръ-офицеромъ или офицеромъ изъ стрѣлковыхъ полковъ и долженъ былъ недавно, по распоряженію императора, оставить армию и вернуться во Францію. Однако онъ, кажется, никогдане употреблялъ во вредъ сходство¹⁾.
(Грига.)

1) Можетъ-быть это былъ французъ Ларушъ изъ иллирійскихъ провинцій, про котораго начальникъ штаба Дессоль 25 июня 1812 года въ краткомъ описаніи состоянія 4-го корпуса говоритъ слѣдующее: «*Sieur Ларушъ, заблывшійся тѣмъ, что подчеркивалъ свое сходство съ императоромъ и вызывалъ смѣшныя недоразумѣнія, былъ арестованъ и отправленъ въ главную квартиру*».

Отъ Вильны до Витебека.

.....По выходѣ изъ Вильны мы оказались со всѣхъ сторонъ окруженными лѣсами. Я шелъ позади своего батальона. Наступила ночь, и тутъ я сталъ замѣчать, что мои дезертиры начинаютъ ускользать въ чащу лѣса. Темнота не позволяла возвращать ихъ на мѣста; оставалось только злиться про себя. Что прикажете дѣлать съ подобными солдатами? А вѣдь они, пожалуй, всѣ разбѣгутся! Часа черевъ два передніе ряды моего батальона увидѣли влѣво отъ себя круглую поляну и на ней остановились. Когда подошли задніе ряды, костры уже пылали. Предоставляю судить о моемъ смущеніи. «Что вы тутъ дѣлаете? Почему не идете дальше?» — «Достаточно походили, мы устали, и хотимъ ѣсть».

Огни горять, котлы разогрѣваются. Въ полночь, смотрю, императоръ проѣзжаетъ мимо съ своей свитой. Видя мой бивакъ освѣщеннымъ, онъ останавливается и подзываетъ меня къ дверцамъ кареты. «Что ты тутъ дѣлаешь?» — «Ваше Величество, не я здѣсь командую, а они. Я шелъ въ аррьергардѣ, и нашелъ голову батальона здѣсь уже остановившейся, а костры разложенными. У меня ужъ многіе бѣжали назадъ въ Вильну съ своими двумя раціонами. Что же дѣлать мнѣ одному съ 700-ми дезертировъ?» — «Дѣлай, что возможно. Я прикажу ихъ задержать». Онъ уѣзжаетъ, а я, я одинъ остаюсь съ этими непослушными солдатами и съ сожалѣніемъ вспоминаю о своихъ сержантскихъ погонахъ. Бѣдствія мои этимъ не кончились. Утромъ велю бить сборъ и сейчасъ же пускаемся въ путь, при чемъ я говорю имъ, что императоръ хотѣлъ отдать приказъ о задержаніи дезертировъ. Идемъ до полдня и, выходя изъ лѣса, находимъ лужайку, гдѣ пасутся коровы. Мои солдаты забираютъ сейчасъ свои баки и бѣгутъ съ ними доить коровъ. Пришлось ихъ подождать. Вечеромъ они тоже отдыхали и опять какъ только имъ попадались коровы; всякій разъ приходилось останавливаться. Нечего сказать, весело было! Наконецъ, входимъ въ лѣса, далеко стоящіе отъ поселковъ, значительная часть этихъ лѣсовъ разрушена была огнемъ. Одинъ сгорѣвшій лѣсъ лежалъ вправо отъ нашего пути, и когда мы съ нимъ поравнялись, я увидѣлъ, что часть моего батальона пустилась какъ разъ туда, въ этотъ сожженный лѣсъ. Я скачу голопомъ, чтобы вернуть ихъ назадъ. Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ солдаты оборачиваются ко мнѣ и начинаютъ въ меня стрѣлять! Отъ дальнѣйшихъ попытокъ я конечно долженъ былъ отказаться.

Заговорщики были изъ солдатъ Жозефа Наполеона, всѣ безъ исключенія испанцы. Ихъ было 133; ни одинъ французъ не замѣшался среди этихъ разбойниковъ. Возвратившись къ своему отряду, я собралъ солдатъ въ кругъ и говорю имъ: «Я вынужденъ донести о происшедшемъ начальству. Будьте же французами и слѣдуйте за мной. Я не буду наблюдать въ аррьергардѣ; это — ваше дѣло. Равненіе направо!»

Вечеромъ я наконецъ выбираюсь изъ проклятаго лѣса и подѣзжаю къ деревнѣ, гдѣ стояли кавалеристы во главѣ съ полковникомъ,

который охранялъ этапъ перекресткомъ и направлялъ проходившія мимо войска. Являюсь къ нему и рапортую. Полковникъ размѣстилъ мой батальонъ, затѣмъ приказалъ привести евреевъ и переводчика. На основаніи моихъ сообщеній онъ старается представить себѣ, на какомъ разстояніи могутъ теперь находиться мои дезертиры, въ какую деревню могли они попастьъ. Командированы 50 конныхъ стрѣлковъ; евреи ихъ провожаютъ. На полпути имъ встрѣтились ограбленные крестьяне, ищущіе защиты. Въ полночь стрѣлки подѣхали къ деревнѣ, окружили ее и забрали всѣхъ испанцевъ, которыхъ нашли тамъ спящими. Испанцевъ схватили, обезоружили, а ихъ ружья сложили въ телѣжку. Самихъ дезертировъ тоже размѣстили по телѣжкамъ; каждая изъ нихъ тщательно охранялась. Утромъ, въ 8 часовъ, 133 испанца доставлены были на мѣсто кавалерійской стоянки. Съ нихъ сняли оковы; полковникъ велѣлъ имъ выстроиться и обратился къ нимъ со словами: «Вы дурно вели себя; выстройтесь сначала въ порядкѣ. Есть ли среди васъ сержанты или капралы, чтобы построить васъ въ обычномъ порядкѣ?» Вотъ два сержанта, которые указываютъ на свои галуны, скрытые подъ шинелью. «Станьте тутъ. А капралы есть?» Трое выступаютъ. «Станьте тутъ. Больше нѣтъ? Хорошо. Теперь вы, остальные, вынимайте билеты».

Кто вынималъ бѣлый билетъ, отходилъ въ одну сторону; кто вынималъ черный — отходилъ въ другую. Когда процедура была кончена, полковникъ сказалъ: «Вы воровали, вы поджигали, вы стрѣляли въ своего офицера; законъ присуждаетъ васъ къ смертной казни; сейчасъ вы подвергнетесь этому наказанію. Я могъ бы велѣть разстрѣлять всѣхъ васъ; но половину я щажу. Да послужить это примѣромъ! Майоръ, прикажите своему батальону зарядить ружья. Мой адъютантъ командуетъ сейчасъ стрѣлять». 62 человекъ были разстрѣляны. Боже! какая это была сцена! Съ растерзаннымъ сердцемъ, я тотчасъ же ушелъ. Но евреи были довольны. Вотъ чѣмъ пришлось обновить свой чинъ поручика! На другой день я уѣзжаю въ Витебскъ.

(Куанье.)

* * *

Съ самаго начала компаніи солдаты дивизіи Клапареда еще не видѣли никакого врага, кромѣ нѣсколькихъ казачьихъ отрядовъ, показывавшихся на горизонтѣ. Однако, безконечные переходы, отвратительная погода, недостатокъ продовольствія, повторныя мародерства — уже вызвали самыя прискорбныя послѣдствія. Въ Минскѣ убыль достигала, въ среднемъ, отъ пятнадцати до двадцати человекъ на роту.

Въ обычную кампанію даже два сраженія не могли бы вызвать такого уменьшенія наличнаго состава. Клапаредъ былъ взбѣшенъ такимъ результомъ, получившимся въ слѣдствіе собственнаго его нерадѣнія къ солдатскому благосостоянію и неудачнаго выбора лагерныхъ стоянокъ. Все это Хлопицкій далъ ему понять въ довольно горячемъ объясненіи, которое произошло у нихъ по этому поводу.

Предшествовавшаго 15-го іюля переправа дивизіи Клапареда черезъ эту рѣку (Березину), самое имя которой нынѣ вызываетъ

въ сердцахъ французовъ только печальныя и славныя воспомина- нія, — оживлена была комическимъ инцидентомъ. Березина пе- задолго до этого выступила изъ береговъ вслѣдствіе недавнихъ лив- ней, и на сосѣднихъ лугахъ остались огромныя лужи воды, въ кото- рыхъ рѣзвились безчисленные дикіе гуси. Шедшая въ авангардѣ кавалерія Груши предприняла противъ нихъ атаку, энергично под- держанную польскими полками. Не прошло и двухъ часовъ, какъ у каждаго солдата къ сумкѣ привѣшено было по одной или по двѣ штукѣ этой дичи.

Разставшись съ областью гусей, мы попали въ страну медвѣдей. Ихъ очень много въ большихъ лѣсахъ, тянущихся отъ Вильны къ Днѣпру, и особенно въ окрестностяхъ Нѣманицы, гдѣ отрядъ нашъ расположился на бивакъ 17-го вечеромъ. Дрессировка и показыва- ніе медвѣдей въ ту пору была въ тѣхъ мѣстахъ столь же распростра- неннымъ занятіемъ, какъ обученіе сурковъ у савояровъ. Поэтому въ большинствѣ селеній существовали помѣщенія, специально при- способленныя для обученія медвѣжатъ, пойманныхъ на охотѣ; сол- даты забрали съ собой нѣсколько штукъ. Нѣкоторое время спустя, возвращаясь какъ то ночью изъ главной квартиры, куда меня призы- вали мои новыя обязанности полкового адъютанта, я натолкнулся на одного изъ нихъ уже довольно сильнаго; это ему не понравилось, и онъ чуть было не расправился со мной. Послѣ цѣлаго ряда по- добныхъ случаевъ медвѣдей устранили, къ великому огорченію сол- датъ, которые принялись за ихъ воспитаніе. (Брандтъ.)

* * *

По пути между Вильной и Витебскомъ каждый полкъ и отрядъ долженъ уже былъ самъ заботиться о своемъ продовольствіи. Каж- дый капитанъ уже лично распоряжался своимъ отрядомъ. Едва до- стигали бивака, какъ армія разсыпалась въ поискахъ за провіан- томъ. Солдаты приносили рожь, муку, но никогда имъ не удавалось раздобыться хлѣбомъ. Если отыскивали гдѣ-нибудь печь, то хлѣбъ пекли ночью. Съ утра отправлялся авангардъ въ сопровожденіи телѣгъ съ мукой. Развѣдчики шли на поиски печей и мельницъ. За неимѣніемъ хлѣба клали муку въ супъ. Большая часть солдатъ пользовалась этой пищей во время всего похода. Благодаря отня- тымъ у поляковъ быкамъ и коровамъ, которыхъ мы вели съ собой, въ мясѣ у насъ недостатка не было, не смотря на то, что во всѣхъ ущеліяхъ, около каждаго моста, гдѣ скотъ смѣшивался, войска другъ у друга его воровали. (Пьонъ де Лоуи.)

18-го іюля. Нынѣшній день отмѣченъ неприятнымъ происшествіемъ. Двѣ дивизіи — французская и италіанская пришли одновременно. Тутъ былъ запасъ сухарей, не попавшихъ въ мѣшки казаковъ. Фран- цузы, явившись первыми, завладѣли имъ. За ними пришли италіанцы и стали требовать свою долю. Они раздѣляли съ другими опасности и страданія и умирали отъ голода; права были равны. Генеральъ явился къ принцу Евгенію, чтобы добиться осуществленія этого права. Но принцъ возразилъ, что тутъ право захвата, право перваго

взявшаго; въ отвѣтъ на это генераль сталъ ярко изображать тяжелыя лишенія своихъ войскъ. Съ нимъ было нѣсколько офицеровъ: «Ну, господа, то, чего вы хотите, невозможно. Если вы недовольны, возвращайтесь въ Италію; мнѣ нѣтъ до васъ дѣла; знайте, что вашихъ шпагъ я боюсь такъ же мало, какъ вашихъ стилетовъ!»

До сихъ поръ ничто не нарушало чувства привязанности, которое было у италіанцевъ къ вице-королю; его молодость, энергія, съ какою онъ поддерживалъ порядокъ и дисциплину, его заботы о солдатахъ, то, что онъ пріемный сынъ императора, — все вмѣстѣ заставляло любить его. Но оскорбительныя слова, вырвавшіяся у него въ минуту гнѣва, жестоко уявили насъ, какъ италіанцевъ. Принцъ забылъ, вѣроятно, что онъ вице-король Италіи, что, будучи самъ французомъ, онъ говорилъ съ италіанцами...

19-го іюля. Находимъ по дорогѣ множество печатныхъ прокламацій, оставленныхъ для насъ русскими; переписываю нѣсколько отрывковъ:

«Италіанскіе солдаты! Васъ заставляютъ сражаться съ нами; васъ заставляютъ думать, что русскіе не отдадутъ должной справедливости вашему мужеству; нѣтъ, товарищи, они цѣнятъ его и вы убѣдитесь въ этомъ при сраженіи. Вспомните, что вы находитесь за 400 миль отъ своихъ укрѣпленій. Не обманывайте себя относительно нашихъ первыхъ движеній; вы слишкомъ хорошо знаете русскихъ, чтобы предположить, что они бѣгутъ отъ васъ. Они примутъ сраженіе, и ваше отступление будетъ трудно. Какъ добрые товарищи, советуемъ вамъ возвратиться къ себѣ; не вѣрьте увѣреніямъ тѣхъ, которые говорятъ вамъ, что вы сражаетесь во имя мира. Нѣтъ, вы сражаетесь во имя ненасытнаго честолюбія государя, не желающаго мира. Иначе онъ давно заключилъ бы его. Онъ играетъ травлю своихъ храбрыхъ солдатъ. Возвращайтесь къ себѣ, или, если предпочитаете это, найдите на время убѣжище себѣ въ нашихъ южныхъ провинціяхъ».

Подобная прокламація, попавъ къ намъ въ такую минуту, могла бы вызвать у насъ нѣкоторое колебаніе, но она возбудила только презрѣніе, мы всѣ смотримъ на нее, какъ на оскорбленіе національной чести.

(Ложье).

* * *

20-го іюля. Въ походѣ и въ лагерѣ только и разговорѣ, что про сцену въ Докшицахъ и про прокламацію русскихъ. Спорятъ, кому изъ насъ составлять отвѣтъ, и самый младшій капраль, отправляясь на передовую постъ, откуда ведутся развѣдки, захватываетъ такую отвѣтную прокламацію, чтобы передать на передовыя позиціи русскихъ. Наиболѣе распространенная является слѣдующая, изъ которой выписываю главныя мѣста:

«Русскіе солдаты!

Италіанскіе солдаты удивляются, какъ вы могли хотя бы на минуту подумать, что ихъ можно соблазнить такимъ низкимъ способомъ, тогда какъ они всегда неизмѣнно слушались голоса чести. Они потеряли къ вамъ прежнее уваженіе, уваженіе, которое даже въ раз-

гаръ войны храбрый солдатъ сохраняетъ по отношенію къ своему противнику... Подобная провокація оскорбляетъ не только тѣхъ, къ кому она отправлена, но и тѣхъ, кто ее отправилъ...» Отрывокъ заканчивается такъ: «Между прочимъ, этоть отвѣтъ вамъ доставить одинъ изъ нашихъ товарищей-гренадеровъ — французъ».

Подписано: «Италянскій солдатъ».

Эти маленькія событія вызвали у насъ оживленіе, нѣсколько большее, чѣмъ обычно. Наше изумленіе по поводу того, что мы нигдѣ не встрѣчаемъ препятствій, все болѣе возрастаетъ.

Неожиданно насъ извѣстили, что императоръ, пріѣзжающій изъ Глубокаго, сдѣлаетъ смотръ передовыхъ позицій арміи какъ разъ около этого мѣста, гдѣ мы размѣстились авангардомъ...

Войска, выстроенныя въ боевой порядокъ, представляли блестящую картину къ моменту пріѣзда императора. Но онъ ограничился только тѣмъ, что вышелъ около моста изъ своей кареты, принялъ рапорты, осмотрѣлъ нѣкоторыя позиціи, отдалъ приказы и возвратился къ своей гвардіи въ Камень.

Какое разочарованіе! Въ скверномъ настроеніи снимали мы свои парадные мундиры и надѣвали медленно и въ молчаніи свое походное платье, думая съ досадой объ этомъ человѣкѣ, для котораго мы зашли такъ далеко, за котораго готовы были проливать кровь, ради котораго мы уже перенесли столько трудовъ и который не удостоилъ насъ ни единымъ взглядомъ.

Это тѣмъ болѣе унизительно для насъ, что сегодня въ первый разъ съ того времени, какъ ушли изъ Италіи, мы находились въ его присутствіи! Если у него нѣтъ другихъ побужденій, — говорили мы другъ другу, — то простое любопытство должно бы было заставить его взглянуть на своихъ подданныхъ, своихъ вѣрныхъ союзниковъ, и поговорить съ ними.

Въ чемъ можетъ онъ упрекнуть насъ? Одинъ взглядъ, одно слово, улыбка сочувствія — все это такъ легко сдѣлать. Такъ нетрудно доставить людямъ удовольствіе; такъ легко завоевать привязанность массы. А вмѣсто всего этого — ничего, ничего, ничего!

Вотъ что я слышу вокругъ меня, печально возвращаясь на свой бивакъ. Но тутъ же съ гордостью прибавляютъ: «Ну, что же! Мы докажемъ ему, что заслуживаемъ его взгляда, какъ его французы; тогда увидятъ, слѣдуетъ ли насъ оцѣнивать наравнѣ съ ними.

(Ложье.)

Салтановка.

Изъ Минска мы двинулись къ Могилеву. Именно около этого города дивизія Дессе и дивизія Компана должны были встрѣтиться 23-го іюля съ корпусомъ князя Багратіона, который, отрѣзанный маневрами императора могъ спастись только пробившись сквозь ряды этихъ дивизій. Наканунѣ маршалъ Даву, предупрежденный о затрудненіи, въ которомъ долженъ былъ находиться

непріятельскій генераль, съ нетерпѣніемъ ожидалъ донесеній, изъ которыхъ долженъ былъ узнать, куда именно онъ направить свои усилія, чтобы пробиться къ ядру русской арміи. Чтобы имѣть возможность скорѣе дать свои инструкціи дивизионнымъ генераламъ, онъ вздумалъ созвать ихъ всѣхъ къ себѣ въ Могилевъ; я сопровождалъ туда генерала Дессе. Маршалъ заперся въ своемъ кабинетѣ и оставилъ въ другой комнатѣ всѣхъ бѣдныхъ генераловъ, не принимая ихъ, какъ простыхъ вѣстовыхъ, въ продолженіе всей ночи. Въ этой комнатѣ было только нѣсколько несчастныхъ стульевъ; каждый рѣшился лечь на полъ. Тамъ находились старые генералы, между прочими генераль Балансъ, сенаторъ, командовавшій дивизіей кирасиръ. Каждый, какъ и мой генераль, имѣлъ съ собой адъютанта; мы оставались такимъ образомъ до утра, лежа на полу, какъ попало, и можно себѣ представить насколько было намъ непріятно не быть въ нашихъ бивакахъ, гдѣ у насъ было бы, вѣроятно, по нѣскольку охапокъ соломы, чтобы отдохнуть, и супъ, чтобы подкрѣпиться, такъ какъ нужно прибавить, что маршалъ не предложилъ намъ даже стакана воды; нашимъ лошадямъ и слугамъ, ожидавшимъ насъ предъ домомъ всю ночь, тоже пришлось весьма плохо, и они съ большимъ трудомъ радовались себѣ немного хлѣба и сѣна.

Наконецъ, когда наступилъ день, пришелъ одинъ изъ моихъ товарищей узнать, что съ нами дѣлается. Я попросилъ генерала оставить его, вмѣсто меня, при себѣ и позволить мнѣ вернуться къ дивизиі, чтобы узнать, что тамъ происходитъ, и по возвращеніи отдать ему отчетъ; онъ согласился на это. Я сѣлъ на лошадь и, слѣдуя по широкой дорогѣ, обсаженной деревьями, которая вела къ позиціи, занятой нашею дивизіею, приблизительно въ верстѣ отъ города, я вскорѣ услышалъ въ этомъ направленіи нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, потомъ пушечныхъ, которые ясно указывали, что на насъ нападали; я послалъ какъ можно скорѣе предупредить генерала и поспѣшилъ туда.

Налѣво у насъ былъ Днѣпръ, берега котораго въ этомъ мѣстѣ очень топки; предъ нами находился широкій оврагъ, въ глубинѣ котораго протекалъ грязный ручей, отдѣлявшій насъ отъ густого лѣса, и черезъ него перекинуть было мостъ и довольно узкая плотина, устроенная, какъ ихъ обыкновенно дѣлаютъ въ Россіи, изъ стволовъ деревьевъ, положенныхъ поперекъ. Направо простиралось открытое мѣсто, довольно бугроватое, отлого спускавшееся къ теченію ручья.

Вскорѣ я прибылъ къ мѣсту, откуда наши аванпосты перестрѣливались съ непріятельскими, выставленными по ту сторону оврага. Одна изъ нашихъ стрѣлковыхъ ротъ помѣстилась въ деревянномъ домѣ у вѣзда на плотину, продѣлала въ немъ бойницы и сдѣлала изъ него такимъ путемъ нѣчто въ родѣ блокгауза, откуда стрѣляла по временамъ во все, что показывалось. Нѣсколько орудій были поставлены наверху оврага такъ, чтобы стрѣлять ядрами и даже картечью въ непріятеля, который попытался бы перейти его. Главныя силы дивизиі были построены въ открытомъ мѣстѣ направо отъ дороги и налѣво примыкали къ дивизиі Компана.

Все было, такимъ образомъ, готово чтобы отбить подготовлявшееся нападеніе, и когда прибылъ генераль Дессе, ему не пришлось ничего измѣнять въ сдѣланныхъ построеніяхъ.

До десяти часовъ ничего не произошло серьезнаго, такъ какъ непріятель почти не показывался; но въ этотъ именно часъ, мы вдругъ увидали выходящими изъ лѣсу, и сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, весьма близкихъ другъ отъ друга, головы колоннъ, идущихъ сомкнутыми рядами, и, казалось, что онѣ рѣшились перейти оврагъ, чтобы добраться до насъ. Онѣ были встрѣчены такимъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и такой пальбой изъ ружей, что должны были остановиться и дать себя такимъ образомъ громить картечью и разстрѣливать, не двигаясь съ мѣста, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; въ этомъ случаѣ, въ первый разъ пришлось намъ признать, что русскіе дѣйствительно были, какъ говорили про нихъ, стѣны, которые нужно было разрушить. Русскій солдатъ, въ самомъ дѣлѣ, превосходно выдерживаетъ огонь, и легче уничтожить его, чѣмъ заставить отступить; но это происходитъ главнымъ образомъ отъ излишка дисциплины, то есть отъ слѣпого повиновенія, къ которому онъ привыкъ по отношенію къ своимъ начальникамъ. Онъ не увлечетъ товарищей своимъ порывомъ ни впередъ, ни назадъ своимъ бѣгствомъ; онъ стоитъ тамъ, гдѣ его поставили, или гдѣ онъ встрѣчаетъ слишкомъ сильное сопротивленіе. Это пассивное и безсмысленное повиновеніе свойственно также офицерамъ всѣхъ чиновъ, въ іерархическомъ порядкѣ; такимъ образомъ отрядъ злополучно поставленный въ полѣ обстрѣла батареи, останется тамъ подъ огнемъ безъ необходимости и безъ пользы, пока офицеръ, командующій ею, не получитъ приказа отъ своего начальника измѣнить позицію. Французскій характеръ не терпитъ такого слѣпого подчиненія правиламъ дисциплины: и мы часто видимъ въ исторіи нашихъ походовъ, что судьба важныхъ схватокъ зависѣла отъ инициативы простыхъ подчиненныхъ, и, навѣрно, ни одинъ французскій офицеръ не побоится ваять на себя расположеніе своего отряда такъ, чтобы онъ возможно меньше страдалъ отъ непріятельскаго огня, и воспользуется, чтобы поставить его подъ прикрытіе, всѣми удобствами пространства, малѣйшими неровностями почвы, не дожидаясь высшаго приказанія, но, стараясь, при измѣненіи позиціи, не давать никакого преимущества непріятелю.

Къ полудню маршалъ Даву прибылъ самолично на мѣсто и оказалъ предпочтеніе бригадному генералу Фредериксъ, обратившись къ нему для полученія доклада о положеніи, вмѣсто того, чтобы обратиться прямо къ генералу Дессе; послѣдній, конечно, былъ возмущенъ такимъ поступкомъ, а пріемъ, болѣе чѣмъ холодный, оказанный ему маршаломъ, когда онъ приблизился къ нему, окончательно вывелъ его изъ себя. Онъ сошелъ тогда съ лошади и удалился въ сторону, заявляя, что ему нечего было болѣе давать приказанія и что ему оставалось только уступить командованіе другому. Въ эту самую минуту перейти непріятель, казалось, сдѣлалъ новую и серьезную попытку перейти оврагъ, около плотины; батальонъ 108-й (полковникъ Ашаръ), занимавшій тамъ первое мѣсто, послѣ долгой и ожив-

ленной перестрѣлки началъ въ полномъ порядкѣ отступленіе, которое было замѣчено маршаломъ; онъ тотчасъ бросился къ батальону, остановилъ его на мѣстѣ, заставилъ его стать лицомъ къ неприятелю и началъ командовать ему ружейные приемы, какъ на ученіи. Тщетно доказывалъ батальонный командиръ, что онъ началъ отступленіе только потому, что истощилъ свои патроны (извиненіе, правда, довольно плохое) и что онъ готовъ стать опять на свою позицію, какъ только получитъ приказъ объ этомъ, маршалъ ничего слышать не хотѣлъ, и, убѣжденный, что только одинъ страхъ породилъ это отступленіе, онъ придумалъ поднять духъ людей и возвратить имъ все ихъ хладнокровіе, заставляя ихъ производить ученіе, какъ будто бы находились въ ста верстахъ отъ неприятеля. А неприятель между тѣмъ продолжалъ двигаться впередъ и каждый видѣлъ его полчища, проходящія уже оврагъ, на разстояніи половины руженнаго выстрѣла. Вскорѣ принуждены были предупредить объ этомъ маршала, который, страдая, какъ извѣстно, сильною близорукостью, не замѣтилъ, какіе успѣхи дѣлаетъ атака и не подозрѣвалъ о крайней важности положенія. Онъ прекратилъ тогда ученіе этому несчастному батальону 108-й, и это новое нападеніе русскихъ, бывшее послѣднимъ въ этотъ день, было отбито, какъ и предыдущія, по всей линіи. Они отступили и исчезли въ лѣсахъ, откуда вышли.

Генераль Дессе, все еще недовольный, но сдерживающій свою досаду, сѣлъ опять на лошадь и, переѣхавъ оврагъ, поѣхалъ нѣсколько минутъ по дорогѣ, которая проходила чрезъ эти лѣса и по которой нѣсколько отрядовъ авангарда были направлены вслѣдъ за русской арміей; но онъ вскорѣ вернулся къ ядру дивизіи, чтобы заняться составленіемъ доклада, который онъ долженъ былъ дать о событіяхъ этого дня, и составить списокъ всѣхъ военныхъ чиновъ, для которыхъ было основаніе ходатайствовать о наградахъ. Сраженіе было важное и дѣлало величайшую честь нашей дивизіи, которая, по правдѣ сказать, почти одна выдержала напоръ 25,000 чел. князя Багратіона; но благодаря раздору, существующему между маршаломъ и нашимъ генераломъ, это столь блестящее дѣло далеко не заслужило ему и его штабу награды, на которыя они могли бы по закону имѣть притязаніе.

Неприятеля не преслѣдовали при его отступленіи; иначе, вѣроятно, мы взяли бы у него множество пушекъ и обозовъ; но послѣ этого дня, одного изъ самыхъ важныхъ дней похода кампаніи, мы оставались два дня на той же позиціи, занятые погребеніемъ убитыхъ.
(Генераль баронъ Жиро.)

* * *

Вслѣдъ за этимъ сраженіемъ (при Салтановкѣ) Даву обнаружилъ изумительную энергію въ преслѣдованіи, что бы тамъ ни говорили нѣкоторые плохо освѣдомленные писатели. Несмотря на отсутствіе поддержки со стороны короля Вестфальскаго, онъ все еще надѣялся настигнуть Багратіона, помѣшать его соединенію съ главною русской арміей или заставить его, по крайней мѣрѣ, заплатить дорогою цѣною за это соединеніе. Въ теченіе шести дней, пока продолжалось

это преслѣдованіе на правомъ берегу Днѣпра, какъ только попада- лась малѣйшая возвышенность или какое-либо зданіе, откуда можно было маршаль, то въ легкой коляскѣ, — туда непременно являлся самъ маршаль, то въ легкой коляскѣ, то верхомъ на конѣ. Я увидѣлъ его какъ-то забравшимся по лѣстницѣ на крышу одинокаго дома, откуда онъ во всѣ стороны глядѣлъ въ подозрную трубу. Тамъ и сямъ виднѣлись вдали небольшіе казачьи отряды, но больше ничего нельзя было ни видѣть, ни знать. 2-го августа, когда мы возвраща- лись навадъ послѣ длиннаго и тяжелаго набѣга, намъ показалось, что разѣзды наши вступили въ бой съ непріателемъ. Мы были слишкомъ далеко, чтобы слышать выстрѣлы; но, передвигаясь по возвышенной мѣстности, мы различали дымъ, а порою и значитель- ныя колонны движущихся войскъ. Около полудня мы переправились по понтонному мосту черезъ Днѣпръ, который здѣсь, въ верхнемъ своемъ теченіи, и въ эту пору года не отличается ни шириной, ни глубиной. Наши солдаты не хотѣли вѣрить, что это знаменитый Борисоенъ; особенно незначительнымъ былъ онъ въ глазахъ тѣхъ, кто видѣлъ Тахо и Дунай. «Совсѣмъ какъ Россія; издали — что-то особенное, а вблизи — совсѣмъ ничего», говорили они, ибо настро- еніе ихъ въ ту пору было чрезвычайно приподнятое, не только благо- даря успѣху Даву, но и вслѣдствіе успѣховъ Великой Арміи, о ко- торыхъ мы только что узнали (сраженія подъ Витебскомъ, Остров- ной и т. д.). Смѣясь переходили они рѣку, черезъ которую лишь очень немногимъ изъ насъ пришлось перейти обратно...

(Брандтъ.)

Рига и Двинскъ.

Все тогда было готово для знаменитой и столь злосчастной рус- ской кампаніи.

Несмотря на мое состояніе здоровья, въ которомъ, однако, на- ступило улучшение, мнѣ приказано было выѣхать въ теченіе апрѣля 1812 года. Я покинулъ свое кресло въ крѣпости Фигьеръ, оставилъ одинъ костыль въ Парижѣ, а другой въ Берлинѣ.

Я командовалъ на лѣвомъ флангѣ арміи 10 корпусомъ, состояв- шимъ изъ прусскихъ войскъ и дивизіи, въ которую входили три полка польскихъ, одинъ баварскій и одинъ вестфальскій; штабъ состоялъ изъ французовъ. Прусскій король особымъ письмомъ поручалъ мнѣ свои войска.

Мы отправились маршемъ на Нѣманъ¹⁾, гдѣ стали на пози- ціяхъ и 24-го іюня вся армія ночью перешла его, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Русскіе, стягиваясь, отступали передъ нами; я выпустилъ первыя заряды изъ орудій лишь въ Самогиціи.

Меня направили къ Двинѣ прикрывать берега Балтійскаго моря съ порученіемъ осадить Динабургъ и Ригу. Первая изъ этихъ крѣпо- стей имѣлась только на планѣ: у нея былъ лишь хорошій tête de pont.

¹⁾ У Тильзита. Ред.

Развѣдки, произведенныя мною по ту сторону Двины, между двумя крѣпостями, вызвали тревогу на правомъ берегу этой рѣки и побудили русскихъ генераловъ съечь предмѣстье Риги, которое могло облегчить намъ штурмъ цитадели, и очистить tête de pont Динабурга, который я и велѣлъ занять. Тогда то мы и узнали, что укрѣпленія этого мнимаго города существовали лишь на планѣ, а въ дѣйствительности были едва намѣчены; чуть-чуть лишь была взрыта земля; ни одного даже барака, а слѣдовательно и обитателей, только одна старая развалившаяся іезуитская церковь. Я получилъ приказъ отправить назадъ осадный паркъ, слѣдовавшій изъ Магдебурга, гдѣ онъ былъ сооруженъ съ большими издержками. Другой былъ направленъ изъ Данцига въ Ригу; понадобилось не менѣе 40000 вьючныхъ лошадей для его доставки. Онъ остановился въ Грогенталѣ, въ ожиданіи войскъ и необходимыхъ средствъ для переправы чрезъ Двину и осады Риги.

Я представилъ нѣсколько плановъ, но такъ какъ армія все болѣе и болѣе удалялась по дорогѣ въ Москву, меня оставили въ нерѣшительномъ ожиданіи. Тѣмъ временемъ, русскій корпусъ, прибывшій изъ Финляндіи, численностью въ 10000 чел., попытался отнять осадный паркъ; но былъ храбро встрѣченъ прусскими войсками. Въ силу приказа, я помѣстилъ свою главную квартиру не далеко отъ Динабурга, на краю лѣваго фланга своей линіи въ домѣ безъ мебели и безъ стеколъ; я поспѣшилъ на помощь съ подкрѣпленіями; но къ нашему приходу дѣло уже было кончено. Согласно рапорту, который я представилъ объ этомъ инцидентѣ, было признано, что время года неудобно и этотъ дорогой и громаднй матеріалъ слишкомъ открытъ для нападенія. Мнѣ былъ данъ приказъ переслать его въ Данцигъ.

(Магдональдъ.)

Дрисскій лагерь.

18-го вечеромъ, мы приблизились къ русскому лагерю у Дриссы и къ его окопамъ. При непрерывномъ приближеніи къ главнымъ окопамъ, необычайно высокимъ и снабженнымъ большимъ количествомъ бойницъ, у многихъ, вѣроятно, сердце забило удвоеннымъ или утроеннымъ темпомъ. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ тише становились всѣ; не слышно было ни звяканья оружія, ни покашливанья; ни одна лошадь не заржала; казалось, что и лошади умѣютъ ходить на цыпочкахъ. Въ любое мгновеніе ждали мы громового привѣтствія изъ этихъ окоповъ и ихъ жерлъ и тихо подвигались къ нимъ. Вдругъ туманъ, застилавшій намъ глаза, разсѣялся; тишина смѣнилась шопотомъ и затѣмъ хохотомъ; за огромными окопами не было ни одной пушки, ни одного солдата. Наверху бродилъ мужичокъ, котораго раньше приняли за солдата, а посланные патрули скоро принесли извѣстіе, что русскіе на зарѣ покинули свой лагерь и эти окопы. Переходы этихъ дней вызвали такое истощеніе силъ, что я никакъ не могу вспомнить мѣстъ послѣдующихъ нашихъ стоянокъ. Послѣ того какъ мы, вслѣдствіе огромной нужды

и затруднительныхъ переходовъ, уже понесли значительныя потери людьми и лошадьми, и извѣстіе объ уходѣ русскихъ изъ лагеря подѣ Дриссой подтвердилось, мы прибыли вечеромъ 22-го къ Деснѣ.

(Роосъ.)

Мародерская экспедиція.

29 іюля 1812 года, когда мы стояли лагеремъ при Деснѣ на Двинѣ, я получилъ приказаніе отправиться на мародерство...

На своемъ пути я никого не встрѣтилъ. Мы шли часть съ четвертью, когда, наконецъ, показалась баронская усадьба, обѣщавшая уже издали хорошую добычу. Но я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: я встрѣтилъ здѣсь отрядъ конныхъ стрѣлковъ въ пятьдесятъ человекъ, съ тремя офицерами во главѣ. Я подошелъ къ нимъ и, такъ какъ они мнѣ сказали, что уже все навьючили и собираются немедленно выступить, то я отправился въ домъ.

Баронъ, окруженный слугами и служанками, находился въ залѣ; онъ былъ въ мрачномъ настроеніи, что конечно, было вполне понятно. Я обратился къ нему на французскомъ языкѣ и далъ ему понять, что мнѣ необходимы съѣстные припасы. Онъ отвѣчалъ по-нѣмецки, увѣряя, что французы отобрали у него все. Такъ какъ я не могъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ, то я сказалъ ему, что, если я ничего не получу добромъ, то буду вынужденъ произвести осмотръ, дома, что только и можетъ убѣдить меня въ томъ, что нѣтъ спрятанныхъ съѣстныхъ припасовъ. Если такіе найдутся, то это обстоятельство едва ли послужитъ на пользу господину барону.

Благодаря этой угрозѣ, моимъ людямъ дали немного хлѣба, вареной говядины и водки. Между тѣмъ гренадеры нашли въ сараяхъ двѣнадцать мѣшковъ зерна. Не удовольствовавшись этимъ, я потребовалъ отъ барона, чтобы онъ сообщилъ мнѣ, нѣтъ ли поблизости какой-либо другой усадьбы, гдѣ бы я могъ получить значительную добычу, не подвергаясь опасности со стороны непріятеля. Мой вопросъ остался безъ отвѣта. Но, послѣ того, какъ я повторилъ его съ угрозами и прибавилъ, что не оставлю безъ осмотра ни одного уголка въ его домѣ, если онъ намѣренъ относиться съ такимъ безразличіемъ къ моимъ заявленіямъ, баронъ, наконецъ, сказалъ, что въ полтора часа отъ его усадьбы живетъ его другъ, у котораго я могу получить все, что ищу, и что я по дорогѣ къ нему не встрѣчу непріятеля, такъ какъ линія непріятельскихъ аванпостовъ расположена въ настоящій моментъ еще дальше на полчаса ходьбы.

Теперь вопросъ былъ въ проводникѣ, такъ какъ безъ него я неизбежно сбился бы съ пути. Ни одинъ человекъ изъ двора барона не хотѣлъ взяться за это дѣло. Когда ихъ колебанія мнѣ надоѣли, я приказалъ схватить одного изъ нихъ, какъ оказалось, повара. Онъ однако сдѣлалъ попытку убѣжать. Но гренадеры были такъ хорошо разставлены, что это ему не удалось. Баронъ самъ долженъ былъ принести веревку, чтобы связать проводника.

Сержанту Каа и двумъ гренадерамъ я далъ приказаніе обождать меня здѣсь и заявить, что баронъ до моего возвращенія будетъ его

плѣнникомъ. По нашему расчету, мы должны были возвратиться къ шести часамъ вечера; если этого не произойдетъ, сержантъ долженъ будетъ привести барона связаннымъ въ лагерь, гдѣ его безъ всякаго сомнѣнія разстрѣляютъ, разъ мы не вернемся.

Эти слова, произнесенныя мною властнымъ голосомъ, долженъ былъ выслушать и баронъ. Отъ нихъ у него выступилъ со страху потъ на лбу. Онъ бросился къ своему связанному повару и сталъ на колѣняхъ умолять его, вѣроятно, привести насъ въ сохранности назадъ, иначе его, барона, ожидаетъ смерть. Поварь, какъ я замѣтилъ, явнымъ образомъ успокоилъ своего господина, такъ что баронъ, когда мы уходили, увѣрялъ меня, что онъ надеется, что и возвращусь удовлетвореннымъ.

Это приказаніе, данное мною моему унтеръ-офицеру, можетъ быть, покажется читателю безчеловѣчнымъ. Но пусть онъ подумаетъ, въ какомъ положеніи былъ я самъ, не зная, гдѣ и какъ я встрѣчу врага и найду ли я потомъ опять дорогу въ лагерь. Эта угроза принесла намъ самые лучшіе плоды.

Унтеръ-офицеру я далъ, кромѣ того, тайный приказъ освободить барона, послѣ того какъ мы исчезнемъ изъ виду помѣстья, и остаться лишь при однѣхъ угрозахъ.

Нашъ связанный проводникъ, котораго велъ одинъ изъ гренадеровъ, привелъ насъ по истеченіи часа съ четвертью по окольнымъ дорогамъ и длиннымъ участкамъ лѣса къ указанному, очевидно, пункту, при чемъ намъ не встрѣтилась ни одна живая душа. Мы видѣли разный рогатый скотъ и лошадей. По дорогѣ гренадеры поймали для меня великолѣпнаго коня.

Быль полдень, когда мы подошли ко второй усадьбѣ, которая той стороною, съ которой мы ее прежде всего увидѣли, близко прилегала къ лѣсу. Прежде чѣмъ выйти на открытое мѣсто, я приказалъ половинѣ моихъ гренадеровъ обслѣдовать окрестности замка и только, послѣ того какъ я удостовѣрился, что врагъ нигдѣ не показывается, велѣлъ позвать барона, который и явился немедленно.

Я спросилъ его по-нѣмецки, далеко ли отъ этого мѣста непріятель? На этотъ вопросъ я получилъ отвѣтъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ. Все же, пустивъ въ ходъ часы, я понялъ, что врагъ находится на разстояніи $\frac{3}{4}$ часа. Узнавъ черезъ взятаго нами проводника о нашихъ желаніяхъ, онъ кивкомъ головы пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Баронъ вошелъ въ домъ, а я самъ поставилъ трехъ караульныхъ. Онъ скоро возвратился съ связкой ключей, при помощи которыхъ передо мной отворились всѣ двери. Мои люди получили водки и хлѣба, и намъ стали готовить обѣдъ.

Этотъ баронъ оказался очень услужливымъ и милымъ человекомъ; всѣ его люди должны были помогать намъ упаковывать и укладывать вещи, такъ что къ тремъ часамъ были уже нагружены всякаго рода съѣтными припасами двадцать одноконныхъ телѣгъ. Я указалъ ему на мою неосѣдланную лошадь, и почти немедленно на ней было уже новое англійское сѣдло и уздечка.

Во время обѣда, который мы ѣли подъ открытомъ небомъ, я совѣтовалъ барону немедленно скрыть въ надежномъ мѣстѣ всѣ цѣн-

ныя вещи, такъ какъ въ скоромъ времени придуть французы, которые потребуютъ и кое-чего другого, кромѣ съѣстныхъ припасовъ.

Милый баронъ не хотѣлъ сначала ваять у меня серебряной ложки, но, увидѣвъ, что я не придаю этой вещи никакой цѣны, похлопалъ меня по плечу и сказалъ: «Врав Мани» (честный человекъ), и сдѣлалъ, какъ я ему говорилъ.

Приведши все въ порядокъ, я сталъ готовиться къ уходу. Вдругъ появился одинъ изъ гренадеровъ со словами: «Французы идутъ!» Черезъ нѣсколько минутъ показался стрѣлковый офицеръ съ четырьмя солдатами. Онъ не мало былъ удивленъ, увидѣвъ славную добычу на возахъ; но особенно, повидимому, понравилось ему оседланная лошадка. Одинъ изъ его стрѣлковъ хотѣлъ было положить на нее руку, со словами: «Она — наша со всѣмъ добромъ, которые вы тутъ набрали». Державшій лошадь гренадеръ пригрозилъ стрѣлку, что немедленно его пристрѣлить.

Я, наконецъ, вмѣшался и заявилъ офицеру, что все, что онъ видитъ, — мое, и что я не понимаю, какія притязанія онъ можетъ имѣть на это и т. д. Послѣ этого онъ ограничился угрозами, что, если я не отдамъ ему, то онъ сдѣлаетъ объ этомъ рапортъ. Вполнѣ понятно, что я послалъ его къ чорту и сказалъ ему что, если онъ не доволенъ, то пусть слѣзаетъ съ лошади, и мы покончимъ съ нимъ расчеты другимъ способомъ. Но мой противникъ предпочелъ продолжать свой путь. Я едва могъ удержать своихъ гренадеровъ: они хотѣли подстрѣлить офицера, чего послѣдній и его четыре стрѣлка, вѣроятно, и опасались, такъ какъ они ускакали отъ насъ во весь опоръ.

Мой обозъ уже двинулся, но послѣдняя изъ моихъ телѣгъ не успѣла еще отѣхать на сорокъ шаговъ отъ замка, какъ мы замѣтили приближеніе сильнаго отряда французской пѣхоты, который направлялся къ усадьбѣ. Мы едва прошли четверть часа, какъ вдругъ позади насъ показался страшный столбъ дыма, изъ котораго скоро стали высоко вздыматься огненные языки. Изъ этого, а также изъ поведенія находившихся при обозѣ крестьянъ мы заключили, что баронская усадьба горитъ. Это обстоятельство удвоило нашу спѣшность, потому что безъ нея мы, вѣроятно, не смогли бы доставить въ лагерь наши двадцать повозокъ. Несомнѣнно, французы не найдя болѣе ничего въ усадьбѣ, подожгли ее, — мечь, которая часто приводилась въ исполненіе второй шайкой мародеровъ.

Во время нашего движенія мы встрѣтили еще нѣсколько отрядовъ войска, которые гнали передъ собою много скота, такъ какъ былъ изданъ приказъ ловить всюду рогатый скотъ. Въ лѣсу, среди котораго шла наша дорога, случай далъ мнѣ въ руки сначала одну, затѣмъ нѣсколько, наконецъ до 60 штукъ скота; нисколько не колеблясь, я приказалъ гнать ихъ передъ собою.

Скоро послѣ этого мы пришли опять къ нѣмецкому барону. Какъ только я завидѣлъ усадьбу, проводникъ получилъ свободу и въ довольномъ настроеніи подбѣжалъ впереди насъ. Красивая дама съ распущенными волосами, держа двухъ дѣтей за руки, быстро подошла ко мнѣ бросилась передо мною на колѣни. Я немедленно ее поднялъ и спросилъ о причинѣ ея горя, но отъ рыданій она въ теченіе нѣсколь-

кихъ минутъ не могла произнести ни одного слова. Тронутый этимъ, — дѣти также начали плакать, — я сказалъ ей: «Если я смогу смягчить ваше горе, скажите, и я сдѣлаю это съ удовольствіемъ». — «Да, вы это можете, это въ вашей власти!» Затѣмъ она рассказала, что послѣ моего ухода здѣсь перебивало много другихъ отрядовъ войска, и что они отобрали у нихъ безъ всякой жалости весь ихъ скотъ, до 300 головъ счетомъ. «Теперь у меня нѣтъ ничего, чѣмъ я могла бы кормить своихъ дѣтей. Будьте добры дать мнѣ только одну изъ этихъ коровъ, чтобы я могла поддержать жизнь моихъ дѣтей. Богъ вознаградитъ васъ за это!»

«Madame! возьмите на выборъ не одну, а шесть коровъ, но поспѣшите спрятать ихъ въ лѣсной чащѣ: я пробуду у васъ, пока вы этого не выполните». На лицѣ ея заблестали опять слезы, но отъ радости и, обернувшись къ своимъ дѣтямъ, она сказала имъ: «Теперь, милыя мои дѣти, вы не умрете съ голода, — этотъ господинъ далъ вамъ молока».

Въ то время какъ баронесса говорила это, подошли баронъ и поваръ, нашъ проводникъ. Какъ только баронъ услышалъ отъ своей жены о томъ, что я сказалъ ей, онъ бросился обнимать меня отъ радости и благодарности. Поваръ поспѣшилъ отобрать шесть коровъ, къ которымъ я прибавилъ еще шесть телятъ, и съ помощью двухъ другихъ парней погналъ ихъ въ лѣсъ.

Сержантъ описалъ мнѣ печальную картину грабежа. Безъ его покровительства, этимъ милымъ людямъ пришлось бы еще хуже: баронъ сказалъ мнѣ, что моимъ тремъ солдатамъ онъ обязанъ своею жизнью и тѣмъ немногимъ, что у него еще осталось, такъ какъ они взяли его подъ свою защиту.

Имѣя въ своемъ распоряженіи богатую добычу, я возвратилъ барону его двѣнадцать мѣшковъ зерна и далъ ему еще три большихъ хлѣба. Можно легко себѣ представить, что все это было принято съ благодарностью. Я думалъ при этомъ: обязанность христіанина — самому жить, давая возможность жить и другимъ. Я рассказалъ кромѣ того барону о своихъ опасеніяхъ, относительно его друга, отъ котораго я получилъ мою добычу, что онъ, можетъ быть, еще несчастнѣе, чѣмъ онъ, такъ какъ его усадьба стоитъ еще невредима, а усадьба его друга превратилась, вѣрнѣе всего, уже въ груды пепла.

Когда поваръ возвратился изъ лѣсу, я снова отправился въ путь, и такимъ образомъ къ вечеру благополучно добрался до моего лагеря. Еще у моста на лѣвомъ берегу Двины меня встрѣтили съ радостными криками многіе изъ нашихъ солдатъ. Когда обозъ двигался по мосту, нѣкоторые воскликнули: «Вотъ идетъ нашъ лейтенантъ! Онъ не позволилъ взять себя въ плѣнъ и везетъ намъ провіантъ»...

Прибывъ въ лагерь, я распредѣлил между штабъ-офицерами и офицерами хлѣбъ, масло, сыръ, ветчину, нѣкоторое количество пива, водки и меда, также и соль. Для командъ у меня было на нѣсколько дней водки и муки; для полковыхъ лошадей — зерна и овса и т. д.

Это былъ первый и послѣдній разъ, когда я отправлялся на маршдерство.

(Леглеръ.)

Боярщина и смерть Кульнева.

Ужъ надвигалась ночь, когда аванпосты, поставленные для наблюденія на Дриссѣ, дали знать, что непріятель переходитъ рѣку. Маршалъ Удино, немедленно явившись къ мѣсту наблюденія, узналъ, что 8 русскихъ батальоновъ и батарея въ 14 орудій собираются раскинуть бивуакъ на лѣвомъ, занятомъ, нами берегу. Остальная часть ихъ арміи расположилась на другой сторонѣ Дриссы, очевидно, приготовляясь на слѣдующій день перейти рѣку и атаковать насъ. Авангардъ этотъ былъ подъ командой генерала Кульнева, человека очень смѣлаго, но имѣвшаго, какъ и большинство русскихъ офицеровъ того времени, скверную привычку злоупотреблять водкой. Должно быть въ этотъ вечеръ онъ выпилъ сверхъ обычной мѣры, потому что ничѣмъ другимъ невозможно объяснить той огромной ошибки, которую онъ сдѣлалъ, расположившись со своими 8 батальонами арміи въ 40,000 человекъ и въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Такъ, въ 200 шагахъ позади его линіи находилась Дрисса, которая, за исключеніемъ одного брода, была совершенно непреходима, не благодаря своей глубинѣ, а потому, что высота ея совершенно отвѣсныхъ береговъ доходила до 15, даже 20 футовъ.

Такимъ образомъ, единственнымъ путемъ для отступленія Кульневу могъ служить бродъ. Но могъ ли онъ надѣяться, что въ случаѣ пораженія его 8 батальоновъ и 14 пушекъ успѣютъ уйти черезъ этотъ единственный переходъ отъ значительныхъ силъ французской арміи, которая каждую минуту могла на нихъ обрушиться изъ сосѣдняго мѣстечка Бѣлаго, гдѣ она была расположена? Нѣтъ. Но, очевидно, генералъ Кульневъ не былъ въ состояніи что-нибудь соображать, когда онъ разбивалъ свой лагерь на лѣвомъ берегу рѣки. Остается только удивляться, какъ могъ главнокомандующій Витгенштейнъ, зная, по всей вѣроятности, слабость Кульнева, поручить ему свой авангардъ.

Въ то время, какъ голова русской колонны дерзко подходила на такое близкое отъ насъ разстояніе, ужасная растерянность царила не среди французскаго войска, но среди его начальниковъ. Маршалъ Удино, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ людей, страдалъ отсутствіемъ постоянства въ своихъ рѣшеніяхъ и въ одну секунду переходилъ отъ проекта атаки къ приказу объ отступленіи. Потери, которыя онъ понесъ въ концѣ этого дня по ту сторону большого болота, сильно смутили его, и онъ не зналъ какъ ему выполнить предписаніе императора, который настоятельно приказывалъ ему оттѣснить Витгенштейна на Петербургскую дорогу, по крайней мѣрѣ, до Себежа и Невеля. Къ своей большой радости ночью онъ получилъ депешу съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Баварскаго корпуса подъ командой генерала Сенъ Сира, который императоръ отдавалъ ему подъ начальство. Но, вмѣсто того, чтобы поджидать это сильное подкрѣпленіе, стоя на выгодной позиціи, Удино, по совѣту артиллерійскаго генерала Дюлалуа, рѣшилъ итти навстрѣчу баварцамъ, заставляя отступать всю свою армію вплоть до самаго Полоцка. Эта непонятная мысль

вызвала самый живой протестъ въ собраніи генераловъ, созванномъ маршаломъ. Храбрый генераль Легранъ доказывалъ, что хотя наши утренніе успѣхи и сводились на нѣтъ вечерними потерями, но тѣмъ не менѣе армія расположена какъ нельзя лучше для наступленія на непріятели; что заставить ее отступать до Полоцка, значитъ поколебать ея духъ, представивъ ее баварцамъ, какъ побѣжденное войско, ищущее у нихъ прибѣжища; что, наконецъ, одна эта мысль должна привести въ негодованіе всѣ французскія сердца. Горячая рѣчь Леграна объединила голоса всѣхъ генераловъ, и маршалъ объявилъ, что отказывается отъ своего проекта отступленія.

Оставалось рѣшить очень важный вопросъ: что дѣлать съ наступленіемъ дня. Генераль Легранъ, старшій изъ всѣхъ офицеровъ, къ голосу котораго прислушивались, благодаря его большимъ заслугамъ и громадной боевой опытности, предложилъ воспользоваться ошибкой Кульнева, атаковать русскій авангардъ, такъ неосторожно, безъ всякой опоры, помѣщенный на нашемъ берегу, и опрокинуть его въ Дриссу, находившуюся у него въ тылу. Предложеніе это было принято маршаломъ и всѣмъ совѣтомъ, и выполненіе это поручено генералу Леграну.

Лагерь арміи Удино помѣщался въ нечастомъ сосновомъ лѣсу, передъ которымъ былъ громадный лугъ. Опушка лѣса имѣла форму лука, два конца котораго доходили до самой Дриссы, составлявшей какъ бы его тетиву. Бивакъ восьми русскихъ батальоновъ расположенъ очень близко отъ рѣки, какъ разъ противъ брода. Впереди выстроилась батарея изъ 14 пушекъ при значкѣ.

Легранъ, желая захватить непріятеля врасплохъ, предписалъ генералу Альберу прислать въ каждую изъ 2-хъ, составляющихъ бока лука, частей лѣса по одному пѣхотному полку, которые должны напасть съ фланговъ на непріятельской лагерь, какъ только въ немъ будетъ услышано приближеніе кавалеріи. Эта послѣдняя изъ середины лука должна со всѣхъ ногъ обрушиться на русскіе батальоны и опрокинуть ихъ въ потокъ. Задача, предстоявшая кавалеріи, была, какъ это видно, самая опасная, потому что для того, чтобы достичь непріятеля, она должна была не только атаковать *въ лобъ* непріятельской линію, защищенную 6000 ружей, но и попасть подъ огонь 14 артиллерійскихъ орудій. Правда, была надежда, на то что захваченные врасплохъ, во время сна, русскіе не смогутъ оказать сильнаго сопротивленія.

Полкъ мой, вступившій въ отправленіе своихъ обязанностей 31-го іюля утромъ въ Клястицахъ, несъ ихъ въ теченіе всего дня. Онъ долженъ былъ по установленному правилу быть замѣненъ 24-ымъ полкомъ 1-го августа въ часъ утра.

Этотъ послѣдній полкъ былъ командированъ въ атаку, мой же долженъ былъ оставаться въ резервѣ, потому что на пустомъ пространствѣ между лѣсомъ и потокомъ не могло помѣститься одновременно больше одного кавалерійскаго полка. Полковникъ А. явился къ Удино и поставилъ ему на видъ слѣдующее опасеніе: какъ бы въ то время, какъ мы приготавливаемся къ сраженію съ войскомъ Витгенштейна, расположеннымъ впереди насъ, генераль этотъ не

направилъ бы къ нашему правому крылу сильный отрядъ, для того, чтобы тотъ, перейдя Дриссу черезъ бродъ, существующій, по всей вѣроятности, версты на 3 выше мѣста, гдѣ мы находились, подошелъ бы къ намъ съ тылу и захватилъ нашихъ раненныхъ и наши обозы. Онъ убѣждалъ, что было бы благоразумно послать кавалерійскій полкъ для наблюденія за тѣмъ бродомъ, о которомъ онъ говорилъ. Маршалъ согласился съ этой мыслью, и полковникъ А., полкъ котораго долженъ былъ вступить въ дѣло, отдалъ приказаніе стремительно сѣсть на лошадей и отправился вмѣстѣ со всѣмъ своимъ полкомъ въ предложенную имъ же самимъ экспедицію, предоставивъ 23-му весь рискъ предстоящаго боя.

Мой храбрый полкъ спокойно принялъ извѣстіе объ опасной мисси, возложенной на него, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на пробѣжавшихъ передъ его фронтомъ маршала и генерала Леграна, явившихся, чтобы лично руководить приготовленіями къ предстоящей намъ серьезной атакѣ.

Въ то время во всѣхъ французскихъ полкахъ, за исключеніемъ кирасиръ, была рота гренадеръ, носившая названіе *отборной* и державшаяся, обыкновенно, на правомъ флангѣ. Такъ же помѣщалась и отборная рота 23-го, но Легранъ обратилъ вниманіе маршала на то, что вслѣдствіе того, что непріятельская артиллерія находится передъ его центромъ, пунктъ этотъ является самымъ опаснымъ — а потому слѣдовало бы направить на него отборную роту изъ закаленныхъ людей и лучшихъ лошадей, для того, чтобы избѣжать какою-нибудь колебанія, могущаго повлечь за собой печальный исходъ всего предпріятія. Напрасно увѣрялъ я, что полкъ, составленный почти цѣликомъ изъ старыхъ солдатъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и нравственномъ и физическомъ, совершенно одинаково надеженъ во всѣхъ пунктахъ: маршалъ приказалъ мнѣ поставить отборную роту въ центръ полка. Я повиновался; затѣмъ созвавъ офицеровъ я объявилъ имъ вполголоса то, что намъ предстояло сдѣлать и предупредилъ, что для того, чтобы вѣрнѣе захватить врасплохъ непріятеля, я обойдусь безъ предварительной команды и ограничусь словами *въ атаку!* тогда, когда наша линія будетъ на близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ пушекъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, какъ и было условлено, полкъ вышелъ съ мѣста стоянки въ полнѣйшемъ молчаніи и довольно легко прошелъ лѣсъ съ большими, но не частыми деревьями. Затѣмъ мы вступили на гладкій лугъ, въ концѣ котораго находился русскій лагерь.

Во всемъ полку только у одного меня не было сабли; происходило это по той причинѣ, что правой рукой, единственной которой я могъ владѣть, я долженъ былъ держать поводья лошади. Вы понимаете до какой степени затруднительно такое положеніе для кавалерійскаго офицера, который долженъ броситься на врага. Но мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось итти съ моимъ полкомъ, и я занялъ мѣсто передъ отборной ротой, рядомъ съ ея безстрашнымъ капитаномъ Курто, однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ моихъ офицеровъ.

Все было совершенно спокойно въ русскомъ лагерѣ, къ которому мы бевшумно, шагомъ подвигались. Я потому особенно надѣялся

захватить русских врасплох, что генералъ Кульневъ не взялъ съ собой ни одного кавалерійскаго отряда, поэтому нигдѣ не было видно ни одного патруля, и при слабомъ свѣтѣ огней мы различали только рѣдкихъ пѣшихъ часовыхъ, поставленныхъ притомъ такъ близко къ лагерю, что между той минутой, когда они могли поднять тревогу и нашимъ внезапнымъ появленіемъ русскіе врядъ ли успѣли бы приготовиться къ отпору. Но вдругъ два противныхъ казака, эти пронырливья, подоарительныя ищейки, появились внезапно шагахъ въ 30 отъ моей линіи, посмотрѣли на насъ съ минуту и затѣмъ бросились къ лагерю, предупреждая его о нашемъ приходѣ! Эта помѣха была мнѣ въ высшей степени непріятна, потому что безъ нея мы, конечно, добрались бы до русскихъ не потерявъ ни одного человѣка. Между тѣмъ, такъ какъ мы были открыты и притомъ приблизились къ тому мѣсту, откуда я рѣшилъ ускорить шагъ — я пустилъ мою лошадь въ галопъ, то же самое сдѣлалъ весь полкъ, и вслѣдъ затѣмъ я скомандовалъ: «въ атаку!» Мои безстрашные кавалеристы стремительно бросились за мной къ лагерю, и мы обрушились на него подобно удару молніи!... Но тѣ два казака уже подняли тревогу. Артиллеристы, спавшіе возлѣ своихъ орудій, схватили фитили и 14 пушекъ сразу засыпали насъ картечью. Тридцать семь человѣкъ и между ними 19 изъ отборной роты были убиты наповаль. Храбрый капитанъ Курто былъ въ ихъ числѣ! Лейтенантъ Лалуэтъ тоже! Русскіе артиллеристы хотѣли опять зарядить свои орудія, но на нихъ бросились наши кавалеристы и изрубили ихъ саблями. У насъ было мало раненыхъ, потому что почти всѣ раны были смертельны. 40 изъ нашихъ лошадей было убито. Моя, искалѣченная картечью, все-таки донесла меня до лагеря, гдѣ русскіе пѣхотинцы, вскочившіе со сна, ужъ бѣжали, чтобы схватиться за оружіе, но это не удалось имъ, потому что съ самаго начала нападенія они, согласно моему распоряженію, были отрѣзаны отъ своихъ сложенныхъ въ козла ружей и теперь ихъ рубили беззащитныхъ. Эти люди не имѣли возможности стрѣлять въ насъ, тѣмъ болѣе, что услышавъ пушечные выстрѣлы два пѣхотныхъ полка генерала Альбера, выйдя изъ лѣсу бѣглымъ шагомъ бросились къ крайнимъ точкамъ лагеря и устроивъ цѣпь брали въ штыки всякаго, кто пытался защищаться. Подъ натискомъ этой тройной атаки русскіе пришли въ полный безпорядокъ. Многіе изъ нихъ, явившись въ лагерь ночью и не имѣвъ возможности рассмотреть какъ высоки берега, пытались теперь спастись черезъ рѣку и падали съ высоты 15—20 футовъ на острые камни, о которые почти всѣ и разбивались на смерть: много ихъ погибло!

Между тѣмъ насилу проснувшійся генералъ Кульневъ собралъ отрядъ изъ 2000 человѣкъ, изъ которыхъ развѣ только у одной трети были ружья, и, машинально слѣдуя за этой безпорядочно идущей толпой, достигъ брода. Но войдя въ лагерь, я приказалъ занять этотъ важный пунктъ 500—600 кавалеристамъ, среди которыхъ находилась и отборная рота. Эта послѣдняя, раздраженная смертью своего капитана, бѣшено бросилась на русскихъ и устроила среди нихъ ужасающую бойню!...Кульневъ, качавшійся въ сѣдлѣ отъ пьянства,

бросился на унтеръ-офицера Лежандра; послѣдній вонзилъ ему саблю въ горло и распростеръ мертвымъ у своихъ ногъ.

Сегюръ въ своемъ повѣствованіи о кампаніи 12-го года заставляеть умирающаго Кульнева держать рѣчь на подобіе Гомеровскаго героя. Я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ унтеръ-офицера Лежандра, когда онъ воткнулъ свою саблю въ горло Кульнева, и я могъ удостовѣрять, что русскій генераль упалъ, не произнеся ни одного слова.

Побѣда пѣхотинцевъ генерала Альбера и 23-го полка была полная. У непріятеля насчитывалось, по крайней мѣрѣ, 2000 убитыхъ и раненныхъ и около 4000 мы взяли въ плѣнъ. Остальные погибли разбившись о камни. Нѣсколькимъ человекамъ, самымъ ловкимъ, удалось вернуться къ Витгенштейну, который, узнавъ о кровавомъ пораженіи своего авангарда, отступилъ къ Себежу.

Маршалъ Удино, окрыленный блестящимъ успѣхомъ, выпавшимъ на его долю, рѣшилъ преслѣдовать русскихъ и приказалъ арміи, какъ и наканунѣ, перейти на правый берегъ Дриссы, но для того, чтобы дать возможность отдохнуть пѣхотѣ Альбера и 23-му стрѣлковому полку, маршалъ оставилъ ихъ для наблюденія на полѣ сраженія.

Я воспользовался этимъ отдыхомъ для того, чтобы совершить обрядъ, который рѣдко удается исполнить на войнѣ. Это обрядъ отданія послѣднихъ почестей нашимъ славнымъ убитымъ товарищамъ. Огромная могила приняла ихъ всѣхъ, уложенныхъ рядами по чинамъ. Капитанъ Курто и его лейтенантъ начинали первый рядъ. Передъ могилой мы помѣстили 14 русскихъ пушекъ, такъ геройски отбитыхъ 23-мъ полкомъ.

(Марбо).

Полоцкъ.

1-го августа передъ нами очутился весь корпусъ русской арміи подъ предводительствомъ генерала Витгенштейна. Битва началась въ десять часовъ утра и продолжалась до пяти часовъ вечера. Русскіе храбро защищались, но должны были отступить и притомъ съ громадными потерями¹⁾. Мы все еще находились въ 480 верстахъ отъ С.-Пенбурга, и намъ очень хотѣлось войти въ эту императорскую резиденцію. Къ несчастью, очень трудныя препятствія пресѣкали намъ путь. Почти во всѣхъ мѣстахъ куда мы приходили, съѣстные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убѣжали, унося съ собою свою провизію въ большіе окрестные лѣса. На нашемъ пути мы не встрѣтили ничего кромѣ жалкихъ и безлюдныхъ деревень, дома которыхъ были скорѣе несчастными избами. Скотъ, обозы, съ съѣстными и боевыми припасами, предназначенными для насъ, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проскальзывали мимо нашихъ фланговъ. Къ тому же длинные переходы, которые приходилось совершать, чтобы преслѣдовать и настигнуть непріятеля, частый дождь, и рыхлая почва полей, а временами страшная жара, быстро мѣняю-

¹⁾ Рѣчь идетъ о сраженіи подъ Боярщиной. Ред.

щаяся погода, недоброкачественная пища или же полное отсутствіе ея, а также и другихъ необходимыхъ предметовъ, однимъ словомъ, голодь и усталость истощали солдатъ и вызывали болѣзни. Иже армія понесла значительныя потери. Госпитали или вѣрнѣе мѣста, предназначенныя для приѣма раненыхъ и больныхъ, были отъ насъ слишкомъ далеко, и обозы съ этими несчастными чаще всего попадали въ руки русскихъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, наша армія ослабѣвала съ каждымъ днемъ, въ то время какъ русскіе набирались силъ, и хотя до сихъ поръ мы ихъ отгѣснили со всѣхъ ихъ позицій, все же нашъ главнокомандующій былъ принужденъ вмѣсто того, чтобы продолжать итти на С.-Петербургъ, отступить къ Полоцку. Объ этомъ переходѣ ничего точнаго указать я не могу, такъ какъ мы проходили лишь черезъ самыя незначительныя деревни и останавливались отдыхать въ пустынныхъ степяхъ или лѣсахъ.

8-го августа мы пришли въ Полоцкъ. Шестой корпусъ, въ которомъ было тридцать восемь тысячъ баварцевъ, предупредилъ насъ нѣсколькими днями и находился также около Полоцка. 9-го мы были уже передъ Полоцкомъ.

11-го мы атаковали тамъ русскихъ, которые собрались въ большомъ количествѣ на хорошихъ позиціяхъ и встрѣтили насъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Нѣсколько разъ возобновлялась атака. Битва продолжалась отъ семи часовъ утра до трехъ часовъ дня, но окончательнаго результата еще не было. Четвертый полкъ французскихъ кирасиръ страдалъ ужасно. Наша дивизія не принимала большого участія въ этой битвѣ, такъ какъ ее держали въ резервѣ. Къ вечеру наша армія отступила въ Полоцкъ.

Русская армія подъ предводительствомъ генерала графа Витгенштейна, сильно подкрѣпленная, двинулась вслѣдъ за нами и энергично атаковала насъ. Это правильное сраженіе растянулось по фронту на шесть верстъ; оно было очень кровопролитно и продолжалось три дня сряду. Каждое утро атака возобновлялась и длилась подъ страшно жаркимъ солнцемъ до ночи. 9-го августа былъ день самый кровавый изъ всѣхъ трехъ.

Наконецъ, русскіе принуждены были оставить поле битвы. Но они отступили всего на нѣсколько верстъ. Было сочтено, что на полѣ битвы осталось тридцать одна тысяча человѣкъ. Потери русскихъ были еще значительнѣе нашихъ. Самъ маршалъ Удино былъ раненъ въ этой битвѣ. Тогда генераль С.-Сиръ взялъ на себя временно командованіе арміей.

Дома и церкви въ Полоцкѣ были полны ранеными. Къ несчастію, за недостаткомъ помощи и вслѣдствіе громаднаго количества раненыхъ, уходъ за ними не могъ быть достаточно хорошимъ и большинство изъ нихъ умерло тамъ. Въ этой стычкѣ баварцы потерпѣли громадныя потери. Но нашъ полкъ пострадалъ немного.

20-го августа я былъ назначенъ, чтобы слѣдить на слѣдующій день за погребеніемъ убитыхъ на полѣ битвы. Эта грустная обязанность выпадала на мою долю нѣсколько разъ. Для этой тяжелой работы я нарядилъ сто русскихъ плѣнныхъ, которые съ лопатами и

заступами должны были работать подъ присмотромъ сотни нашихъ вооруженныхъ солдатъ. Невозможно описать того плачевнаго вида, который представляетъ изъ себя поле битвы съ массою раненыхъ, умирающихъ, мертвыхъ, людей находящихся въ агоніи. Многие несчастные солдаты, раздавленные артиллеріей и кавалеріей, зывали къ смерти, чтобы покончить со своими мученіями. Мы велѣли перенести въ Полоцкъ всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ еще можно было спасти, не различая враговъ отъ своихъ.

22-го августа нашъ полкъ расположился гарнизономъ въ Полоцкѣ. Послѣ долгаго скитанья по полямъ, мы радовались, что, наконецъ, устроились въ домахъ. Однако, и въ нихъ мы нашли только мертвыхъ солдатъ. Жители разбѣжались. И прежде чѣмъ занять жилища, мы должны были похоронить мертвыхъ, которые въ нихъ находились. Всѣ остальные полки 2-го и 6-го корпусовъ остались въ деревняхъ, расположившись на пространствахъ въ 2—4 версты отъ Полоцка. Генеральный штабъ былъ, какъ и мы, въ городѣ; онъ занялъ бывший монастырь іезуитовъ, гдѣ еще жилъ старый монахъ, съ которымъ я познакомился и который впоследствии оказалъ мнѣ большія услуги.

Число больныхъ въ арміи все время увеличивалось. Солдаты получали пищу очень неправильно: мясо безъ хлѣба и соли. Часто въ Полоцкѣ невозможно было дышать, потому что воздухъ былъ отравленъ (мы были тамъ лѣтомъ во время страшной жары) злокачественными испареніями отъ труповъ, которые лежали вокругъ города, еле погребенные и наполовину разложившіеся. Хотя въ этой странѣ зима бываетъ холодной и очень долгой, однако жара въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ по крайней мѣрѣ такая же сильная какъ и у насъ.

Чтобы предупредить недостатокъ пищи, жилища и ухода, многихъ больныхъ и раненыхъ отправили изъ Полоцка въ Вильну. Во время этого путешествія, почти въ сто верстъ, большинство этихъ несчастныхъ умерло отъ голода и нищеты. *(Гаспаръ Шумахеръ.)*

* * *

17-го августа, возвратясь въ Полоцкъ, Сень-Сиръ собралъ большую часть своихъ генераловъ, чтобы сообщить имъ свое намѣреніе атаковать на слѣдующее утро непріятеля всѣми силами; онъ оправдывалъ это намѣреніе близостью русскихъ, не позволявшей посылать отряды для фуражировки и заставлявшей войска быть постоянно наготовѣ безъ малѣйшаго отдыха.

Событія дня достаточно показывали намѣреніе непріятеля не давать намъ передышки и сражаться съ нами, хотя бы даже всѣ французскія войска перешли на лѣвый берегъ Двины; его положеніе было слишкомъ угрожающимъ для того, чтобы можно было принять какое-нибудь другое рѣшеніе, кромѣ того, чтобы дать ему битву, которой къ тому же и при желаніи нельзя было надолго избѣжать, такъ какъ въ тотъ день русскій главнокомандующій началъ возводить два моста, одинъ черезъ Двину, ниже Полоцка, другой черезъ Полоту направо отъ 6-го корпуса.

Невозможно было дольше оставаться въ такомъ опасномъ положеніи; надо было во что бы то ни стало отбросить непріятеля, кото-

рый, предположивъ даже, что его намѣреніямъ было не продолжать своего наступленія, а оставаться въ такомъ же близкомъ разстояніи отъ насъ, могъ перебросить часть войскъ со своихъ фланговъ намъ въ тылъ и захватить всѣхъ людей, разсыпавшихся на 10 лье кругомъ по окрестностямъ въ поискахъ провіанта для себя и своихъ частей. Число этихъ людей равнялось, по меньшей мѣрѣ, четверти всей арміи, которая могла содержать себя только такимъ способомъ, такъ какъ въ лагерѣ не производилось никакой выдачи за отсутствіемъ запасовъ.

Главнокомандующему было не трудно убѣдить своихъ генераловъ въ необходимости наступленія, но всѣ удостовѣряли, что ихъ войска были такъ слабы, что они не будутъ въ состояніи вынести всей тяжести сраженія, если оно, подобно предыдущему, будетъ продолжаться цѣлый день. Тогда онъ предложилъ имъ занять ихъ только полдня, но они отвѣчали, что имъ невозможно будетъ продержатъ своихъ солдатъ на ногахъ въ теченіе шести часовъ: наконецъ, онъ предложилъ имъ покончить дѣло въ четыре часа и они подтвердили, что это все, чего можно ожидать отъ столь истощенныхъ людей. Такимъ образомъ, было рѣшено, что на слѣдующій день, 18-го августа, если только непріятель не предупредитъ насъ, 2-й и 6-й корпуса дадутъ ему сраженіе, которое будетъ продолжаться четыре часа, а чтобы по мѣрѣ возможности быть увѣренными, что оно удержится въ этихъ границахъ, было рѣшено ввести войско въ дѣло въ четыре часа пополудни, чтобы наступившая ночь дала возможность закончить его. Генералы разошлись, ознакомившись съ общей диспозиціей и въ частности съ тѣмъ, что касалось каждаго изъ нихъ. Уже нѣсколько дней тому назадъ армія Витгенштейна получила значительныя подкрѣпленія; ея резервъ, оставшійся въ Ропно съ генераломъ Сазоновымъ, присоединился къ ней ночью такъ же, какъ войска князя Репнина, отдѣлившіяся въ Дриссѣ. Смотръ, о которомъ я скоро буду говорить, показалъ, что 18-го августа 2-й корпусъ содержалъ въ себѣ только 21.000 человекъ, а 6-й 10.000, что, выключая четверть людей, отправляемыхъ, какъ говорилось тогда, на мародерство, составляло въ наличности подъ знаменами около 24.000 человекъ. Надо было пополнить недостающія силы и маневрировать такъ, чтобы застигнуть непріятеля врасплохъ. Было произведено фальшивое отступленіе для того, чтобы онъ, не ожидая нападенія, не имѣлъ бы времени принять мѣры, способныя помѣшать нашему предпріятію. Мы настолько положились на его довѣрчивость, что надѣялись обмануть его, несмотря на близость обѣихъ армій, затруднявшую неожиданное нападеніе. Рвеніе, съ которымъ непріятель старался окончить постройку своихъ мостовъ, войска, которыя онъ посылалъ на подмогу работающимъ и въ обходъ нашей арміи, все указывало на то, что онъ чувствовалъ себя въ безопасности; въ то же время такое положеніе вещей, казалось, оправдывало выборъ для нашего нападенія центра непріятельской арміи.

Согласно даннымъ о составѣ непріятельской арміи, приводимыхъ въ сочиненіи Бутурлина, мы, повидимому, преувеличивали силы непріятеля, какъ это почти всегда бываетъ на войнѣ. По показанію

этого автора корпусъ Витгенштейна, въ началѣ кампаніи, содержалъ въ себѣ только 28 батальоновъ и 28 эскадроновъ, въ общемъ 20.000 человекъ; въ концѣ іюля, вслѣдствіе присоединенія къ нему отряда князя Яшвиля, 36 батальоновъ и 31 эскадроновъ (25.000 человекъ); въ первыхъ числахъ августа онъ былъ подкрѣпленъ еще нѣсколькими батальонами и эскадронами, подъ начальствомъ князя Репнина, а послѣ присоединенія Динабургскаго гарнизона, состоявшаго изъ 12 батальоновъ, подъ начальствомъ генерала Гаммена, надо считать, что силы его къ 18-му августа равнялись 50 батальонамъ, 36 эскадронамъ при 120 орудіяхъ, всего болѣе 30.000 человекъ.

18-го августа, въ часъ пополудни, военный обозъ обоихъ корпусовъ арміи, расположенный за старымъ Полоцкомъ, двинулся по дорогѣ изъ Полоцка къ Улѣ. 8-я дивизія немного спустя оставила позицію, занимаемую ею наканунѣ на лѣвомъ берегу Двины, около того мѣста, гдѣ русскій главнокомандующій возводилъ мостъ, и поднялась вверхъ по теченію, по лѣвому берегу рѣки до Старога Полоцка, все время въ виду праваго фланга непріятельскаго лагеря, расположеннаго на противоположномъ берегу. Она, повидимому, собиралась стать въ хвостѣ обоза, въ то время какъ дивизія кирасиръ и бригада Кастекса, выступивъ одна изъ Семенца, другая изъ Рудни, съ лошадьми, нагруженными фуражемъ, повидимому, собирались прикрывать переднюю часть и фланги. Въ половинѣ третьяго обозъ сталъ быстро подвигаться къ Улѣ; повозокъ было очень много и онѣ поднимали густую пыль. Въ то же время наиболѣе сильная часть артиллеріи 2-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Обри, замѣнившаго Дюлалауа, перешла на правый берегъ Двины, чтобы занять назначенное ей мѣсто.

Въ половинѣ четвертаго 8-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Валентина, замѣнившаго Вердье, раненнаго за два дня до этого, перешла рѣку по одному изъ мостовъ Полоцка непосредственно за частью дивизіи Мерля, которая шла смѣнять по ея позиціямъ дивизію Леграна, стоящую лагеремъ у дороги къ Петербургу и Невелю. Последняя должна была опереться правымъ флангомъ на село Спасъ, слѣдуя по долинѣ Полоты и скрывая свое передвиженіе отъ непріятеля, который ничего не долженъ былъ знать о немъ; дивизія Валентина должна была слѣдовать за ней на извѣстномъ разстояніи. Дивизія Мерля составляла лѣвое крыло арміи, опирающееся на Двину; въ резервѣ ея на правомъ флангѣ находилась швейцарская бригада, подъ начальствомъ генерала Кандра, расположенная на лѣвомъ берегу Полоты; дивизія кирасировъ генерала Думерка была въ пути, чтобы стать справа отъ нея и соединиться съ остальной арміей. Двѣ дивизіи 6-го корпуса, находившіяся наканунѣ слѣва отъ центра непріятельской арміи, куда французскій главнокомандующій хотѣлъ направить главную атаку, не нуждались ни въ какомъ передвиженіи; съ половины пятаго часа онѣ были поддержаны на лѣвомъ флангѣ дивизіями Леграна и Валентина, скрытыми такъ же какъ и онѣ въ долинѣ Полоты и за селомъ Спасъ.

Главнокомандующій, находясь близъ баварской артиллеріи, которая должна была дать сигналъ къ атакѣ, видѣлъ какъ всѣ его

Французы въ Россіи.

5

войска приближались къ назначеннымъ имъ позиціямъ. Русскіе не замѣчали никакого движенія въ долину Полоты, такъ какъ оно было скрыто отъ нихъ; они слѣдили своими зрительными трубами только за эволюціями на лѣвомъ берегу Двины, производившимися открыто, такъ какъ онѣ должны были симулировать отступление. Главнокомандующій не надѣялся обмануть противника, находившагося такъ близко отъ Полоцка, что представлялось невозможнымъ, чтобы онъ не услышалъ шума, производимаго войсками, переправлявшимися съ лѣваго на правый берегъ Двины. Эти войска были довольно многочисленны; они состояли изъ двухъ дивизій пѣхоты, шести полковъ кавалеріи и, кромѣ полковой артиллеріи, имѣли еще большой артиллерійскій паркъ. Шумъ, производимый этимъ послѣднимъ, особенно когда онъ передвигался по плашкоутнымъ мостамъ и по улицамъ Полоцка, былъ прекрасно слышенъ съ того пункта, откуда Сенъ-Сиръ наблюдалъ за русскимъ главнокомандующимъ, который находился въ одинаковомъ съ нимъ разстояніи отъ города.

Видя полную безпечность непріятеля Сенъ-Сиръ очень сожалѣлъ, что онъ распорядился начать атаку артиллеріей, которая, поднявъ тревогу на всѣхъ пунктахъ его боевой линіи одновременно, могла уменьшить выгоды, которыхъ надѣялись достигнуть въ первый часъ сраженія вслѣдствіе полной неподготовленности непріятеля. Но все уже было готово и часъ, назначенный для атаки, даже уже прошелъ, поэтому онъ не рѣшился отмѣнить свои распоряженія даже въ томъ, что касалось исправленія движенія 8-ой дивизіи, образовавшей въ нашемъ строю брешь, которую пришлось охранять бригадѣ Корбино, оказавшейся подъ рукой.

Ровно въ пять часовъ баварскія батареи подали сигналъ къ битвѣ, открывъ огонь по главной части русской арміи, расположенной у Присменицы, гдѣ находилась также большая часть ея артиллеріи и главный штабъ графа Витгенштейна.

Батареи 2-го корпуса также открыли огонь, скрестивши его съ огнемъ 6-го корпуса; канонада была очень сильна. Наши батареи состояли изъ шестидесяти слишкомъ орудій; у непріятеля ихъ было гораздо больше: при звукахъ пальбы дивизія кирасиръ, находившаяся при арьергардѣ, проходившемъ черезъ городъ, побросавъ связки фуража, которымъ запаслись кавалеристы, направилась галопомъ къ назначенному ей мѣсту на лѣвомъ флангѣ арміи, единственномъ пунктѣ расположенія нашихъ войскъ, гдѣ она могла найти достаточно мѣста для ея маневрированія.

Невозможно выразить въ простомъ разсказѣ замѣшательство, произведенное въ русскіхъ войскахъ первыми залпами нашей артиллеріи и внезапнымъ появленіемъ нашихъ колоннъ; каждый бѣжалъ къ своей лошади, къ своему орудію, къ своему знамени, за своимъ оружіемъ. Среди этого смятенія, когда дивизія Вреде, выступивъ справа изъ села Спасъ, атаковала непріятеля съ лѣваго фланга, храбрый генераль Дюруа, какъ-будто спѣшившій навстрѣчу смерти, отважно выступивъ изъ этого села во главѣ своей дивизіи, двинулся на Присменицу, которую Легранъ хотѣлъ атаковать спереди; въ это время дивизія Валентина атаковала русскія войска, находившіяся

справа отъ усадьбы Присменицы. Эти четыре дивизіи подвигались эшелонами, частью въ видѣ колоннъ, частью развернутымъ строемъ, будучи прочно связанны между собой, и каждая сформировала себѣ резервъ. Огонь нашей артиллеріи прекратился какъ только наши войска подошли къ непріятелю; атака была произведена одновременно, рѣшительно и отважно; въ оборонѣ, какъ и слѣдовало ожидать, было сначала мало порядка и связности, на что французская армія рассчитывала и ея ожиданія оправдались. Русскіе выказали въ этомъ дѣлѣ непоколебимую храбрость и личное мужество, примѣры котораго можно рѣдко встрѣтить въ войскахъ другихъ націй. Они проявили чудеса храбрости, но не могли устоять противъ одновременной атаки четырехъ тѣсно сплоченныхъ дивизій, напиравшихъ всей тяжестью на отряды, которые по очереди имъ противопоставлялись.

Нападеніе было ужасно, борьба продолжалась очень долго; дѣйствовали столько же штыкомъ, сколько огнестрѣльнымъ оружіемъ; мы оставили за собой большую часть русской артиллеріи, и они стрѣляли только изъ ружей. Наши войска проникли за переднюю линію ихъ войскъ, овладѣли усадьбой Присменицей. Ихъ разрозненные батальоны сосредоточились на второй линіи и въ резервѣ; мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы возстановить порядокъ въ нашихъ рядахъ и приготовиться къ новому наступленію, такъ какъ можно было предположить, что непріятель сдѣлаетъ еще усиліе, прежде чѣмъ исчезнуть съ поля битвы. Мы воспользовались всѣми выгодами, которыя могло обѣщать намъ ихъ замѣшательство, теперь намъ слѣдовало сохранить пріобрѣтенныя преимуществы, что становилось затруднительнѣе, такъ какъ ихъ армія сосредоточилась въ одномъ пунктѣ и, если мы до сихъ поръ сражались съ равнымъ числомъ, то теперь намъ приходилось имѣть дѣло съ сильнѣйшимъ непріателемъ.

Витгенштейнъ снова выдвинулъ впередъ генерала Гаммена, который командовалъ центромъ, подкрѣпленнымъ войсками еще не вступавшими въ битву, т. е. частью второй линіи и резервомъ; атака ихъ была поддержана еще нѣсколькими полками кавалеріи, между которыми находились части императорской гвардіи. Наши дивизіи снова успѣшно выступили, продолжая наступательное движеніе, съ намѣреніемъ докончить прорывъ центра непріятельской арміи и зайти затѣмъ въ тылъ войскамъ, находившимся на лѣвомъ флангѣ русской арміи подъ начальствомъ генерала Берга и полковника Властова и сражавшимся съ баварцами. Войска центра, подкрѣпленные всей пѣхотой арміи, выдержали новый натискъ дивизій Леграна и Валентина съ тѣмъ же мужествомъ, какое они выказали при первой атакѣ; они были поддержаны также атаками своей кавалеріи, но послѣдняя была каждый разъ отражена нашей пѣхотой. Эта кавалерія по свойству мѣстности, гдѣ происходило сраженіе, могла дѣйствовать только небольшими отрядами, а въ такомъ случаѣ она можетъ принести мало пользы; она страшна только тогда, когда дѣйствуетъ большими массами. Однако полубригада 8-ой дивизіи, потерявшая своего начальника за нѣсколько дней передъ тѣмъ и состоявшая изъ очень молодыхъ солдатъ, поддалась и слегка отступила,

что едва не вызвало въ этомъ пунктѣ замѣшательства, предупрежденнаго необыкновенной храбростью другихъ войскъ этой дивизіи, что еще увеличило репутацію генерала Мезона, принявшаго большое участіе въ этомъ дѣлѣ. Непрiятель, несмотря на всѣ свои усилія, долженъ былъ еще отступить, но понадобилась еще послѣдняя генеральная атака, чтобы окончательно выбить его съ поля сраженія; поэтому впереди пѣхоты были выдвинуты пушки и мы опять приблизились къ русской арміи въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился ея резервъ. Баварцы прорвали лѣвое крыло, при чемъ Бергъ отступилъ на Ропну, а Властовъ по дорогѣ къ Невелю. Во время этого отступленія они чуть не потеряли отрядъ, занимавшій мостъ, построенный черезъ Полоту, направо отъ 6-го корпуса: въ то время какъ онъ присоединился къ лѣвому флангу арміи, онъ долженъ былъ, чтобы не быть отрѣваннымъ, быстро пройти мимо праваго фланга стрѣлковъ дивизіи Вреде; такимъ образомъ, большей части ихъ удалось спастись, остальные были взяты въ плѣнъ или убиты. Дивизіи Леграна и Валентина прорвали центръ и часть праваго фланга, отбросивъ русскихъ къ большому лѣсу, находившемуся позади ихъ. Генераль направился тогда къ своему резерву, чтобы направить его по Петербургской дорогѣ за правымъ флангомъ непріятельской арміи, но прежде чѣмъ это движеніе состоялось произошелъ случай, вызвавшій довольно большой беспорядокъ позади нашихъ войскъ. Кавалерійскій полкъ русской гвардіи, состоявшій изъ кавалергардовъ и драгунъ, бросился между лѣвымъ флангомъ 8-ой дивизіи и правымъ флангомъ дивизіи кирасировъ Думера, прослѣдовалъ нѣкоторое время по одиночкѣ черезъ болото, чтобы достигнуть равнины, гдѣ находилась наша бригада легкой кавалеріи, и произвелъ на эту послѣднюю такое впечатлѣніе, что она сдѣлала полуоборотъ, не осмѣлившись атаковать его. Эта бригада, состоявшая изъ трехъ полковъ, правда слабыхъ и сформированныхъ изъ новобранцевъ, несмотря на всѣ усилія командира (генерала Корбино), чтобы удержать его на мѣстѣ, опрокинулась въ беспорядочномъ бѣгствѣ на большую батарею 2-го корпуса и помѣшала ей стрѣлять, тогда какъ если бы она обратилась немного влѣво, то встала бы подъ защиту дивизіи кирасировъ да и не нуждалась бы въ этой защитѣ, такъ какъ одинъ валъ батареи, имѣвшей тридцать орудій, тотчасъ бы остановилъ непріятеля и отбросилъ бы его туда, откуда онъ появился. Въ это время главнокомандующій возвращался изъ центра на лѣвый флангъ своей арміи, чтобы двинуть его впередъ, такъ какъ онъ не былъ больше нуженъ въ качествѣ резерва; онъ находился позади бригады Корбино на дорогѣ къ Невелю близъ Спасскаго озера. Предвидя беспорядокъ, могущій возникнуть вслѣдствіе этого смятенія, хотя сраженіе подходило къ концу и наступалъ вечеръ, онъ тотчасъ послалъ къ батарее 2-го корпуса полковника Коланжа, который долженъ былъ обстрѣлять ядрами бригаду легкой кавалеріи, чтобы заставить ее демаскировать эту батарею или атаковать полкъ русской гвардіи. Ясно было, что эта бригада была охвачена паническимъ страхомъ, потому что она не сознавала всѣхъ выгодъ, вытекающихъ изъ ея численнаго превосходства и безопаснаго положенія, такъ какъ не-

пріятель могъ настигнуть ее только пробираясь по одиночкѣ по извилистымъ тропинкамъ, среди болотистой и лѣсистой мѣстности; между тѣмъ опытъ показалъ мнѣ, что можно ивлѣчить войска, охваченныя подобнымъ страхомъ только подвергнувъ ихъ опасности, превосходящей ту, отъ которой они пытаются освободиться.

Главнoкомандующій послалъ въ то же время своего адъютанта (капитана Лешартье) къ кирасирской дивизіи съ приказомъ Думерку, чтобы онъ двинулъ часть ея противъ русскаго полка. Сенъ-Сиръ слѣдовалъ тогда на маленькой линейкѣ, такъ какъ полученная имъ наканунѣ рана не позволяла ему ѣхать верхомъ. Онъ ѣхалъ на небольшомъ разстояніи за полковникомъ Коланжемъ, чтобы заставить дѣйствовать батарею, не рѣшавшуюся послѣдовать устному приказанію полковника. Прежде достиженія ея онъ поравнялся съ бригадой Корбино, убѣгавшей отъ русской кавалеріи, которая уже рубила саблями людей баварской артиллеріей и отняла два орудія. Начальники пропустили время дѣйствовать вслѣдствіе осторожности, излишней въ такомъ важномъ случаѣ, такъ какъ она могла совершенно измѣнить положеніе нашихъ дѣлъ, если бы паническій страхъ распространился далѣе и атака была бы поддержана, что случилось бы неминуемо въ томъ случаѣ, если бы она была результатомъ соображеній русскаго главнoкомандующаго, а не дерзости русской гвардіи. Застигнутая врасплохъ артиллерія поспѣшно отступила частью по дорогѣ къ Полоцку, частью вдоль стѣны кладбища св. Ксаверія, гдѣ главнoкомандующій до начала сраженія помѣстилъ отрядъ въ сто человекъ, чтобы предупредить случайность такого рода.

Среди этого безпорядка лошади, запряженныя въ линейку, въ которой ѣхалъ главнoкомандующій, испугались и, опрокинувъ ее, потащили кучера среди убѣгающихъ къ Полоцку артиллерійскихъ зарядныхъ ящиковъ; главнoкомандующій очутился посреди непріятельскаго эскадрона, который вызвалъ все это смущеніе, и благодаря почти непонятному счастью пробрался въ долину Полоты, крутые берега которой препятствуютъ въ этомъ мѣстѣ спуску кавалеріи. Офицеръ генеральнаго штаба, остававшійся съ нимъ, помогъ ему спуститься внизъ и онъ направился къ швейцарской бригадѣ, находившейся въ резервѣ и ожидавшей приказаній, чтобы двинуться впередъ; генераль, командовавший этой бригадой, не осмѣлился двинуть ее на край оврага, хотя она находилась очень близко отъ него и ея появленія было бы достаточно, чтобы остановить непріятеля. Тѣ изъ русскихъ кавалеристовъ, которые послѣдовали за артиллеріей по дорогѣ, идущей вдоль кладбища, были остановлены огнемъ пѣхоты, скрытой за его стѣнами и стрѣлявшей въ упоръ, другіе, преслѣдовавшіе артиллерію по дорогѣ къ Полоцку, подверглись нападенію 4-го полка кирасиръ, подъ начальствомъ генерала Беркейма, котораго адъютантъ Лешартье уговорилъ двинуться съ мѣста, не дожидаясь, какъ онъ хотѣлъ, приказа генерала Думера.

Бригада Кандра изъ дивизіи Мерля выступила впередъ, чтобы поддержать четыре батальона, которые Сенъ-Сиръ ввелъ въ лѣсъ, преслѣдуя непріятеля по дорогѣ къ Бѣлому; но мы узнали, что это четыре батальона, изнемогая отъ усталости, легли у опушки лѣса,

не будучи въ состояніи двинуться далѣе. Такимъ образомъ, генералы вѣрно судили наканунѣ о состояніи своихъ войскъ, такъ какъ, хотя и оставшись побѣдителями, мы не могли воспользоваться всѣми плодами побѣды, одержанной благодаря стойкости и храбрости нашихъ войскъ.

Но, если побѣда и не была столь полной, какъ можно было бы желать, то все-таки у насъ въ рукахъ остались трофеи: 1.200 плѣнныхъ и четырнадцать пушекъ¹⁾, отнятыхъ у непріятеля на полѣ битвы, указывали на немаловажный успѣхъ по отношенію къ болѣе сильному врагу, притомъ же поставленному въ лучшія условія, чѣмъ наша изнуренная шестимѣсячнымъ усиленнымъ походомъ и шестинедѣльными суровыми лишеніями армія. Русскіе, въ безпорядкѣ отброшенные въ лѣсъ, находившійся позади ихъ, потеряли свой лучшій путь къ отступленію, на который они могли выйти только въ Гамзелевѣ, по непроходимымъ дорогамъ, гдѣ они потеряли бы всю свою артиллерию, если бы войска, посланные по этой дорогѣ, могли бы послѣдовать за ними. Отдыхъ, въ которомъ нуждалась армія, былъ ей обезпеченъ; она могла въ полной безопасности запасаться провіантомъ и восстанавливать свои силы, такъ какъ непріятель удалился по направленію къ Дриссѣ. Въ этомъ дѣлѣ были ранены генералы Валентинъ и Рагловицъ; генераль Виценти былъ раненъ наканунѣ. Но самую чувствительную потерю мы понесли въ лицѣ доблестнаго генерала Дюруа, получившаго смертельную рану²⁾, и потеряли выбывшими изъ строя около 2.000 человекъ. Непріятель оставилъ поле битвы покрытое трупами; его потери равнялись 3—4000 человекъ. У него также было ранено три генерала.

(Сенъ-Сиръ.)

Преслѣдованіе русскихъ. Мюратъ.

Мюратъ былъ рядомъ со мною около моихъ орудій; онъ былъ въ восторгѣ отъ быстроты и точности выстрѣловъ и, выражая артиллеристамъ свое удовольствіе, скавалъ имъ своимъ гасконскимъ говоромъ: «Славно, дѣти! опрокиньте эту сволочь; вы стрѣляете, какъ ангелы». Мы входили въ составъ авангарда арміи, которымъ онъ командовалъ, и онъ каждый день посѣщалъ насъ. Его театральнѣйшій костюмъ сдѣлалъ бы смѣшнымъ всякаго другого, но онъ необыкновенно шелъ къ его фигурѣ и вполне гармонировалъ съ блестящей доблестью, отличавшей его. Довольно длинные волосы пре-

¹⁾ Во время отступленія части 8-ой дивизіи у насъ ихъ было 30, 16 были отобраны отъ насъ въ то время, какъ мы старались восстановить порядокъ, нарушенный въ нашихъ рядахъ благодаря этому происшествію.

²⁾ Ему было около восьмидесяти лѣтъ; онъ былъ старѣйшимъ и самымъ доблестнымъ изъ генераловъ Европы; въ послѣднее время онъ повиديمому имѣлъ только одно желаніе: закончить свою долгую военную карьеру на полѣ брани. Его смерть вызвала горячія сожалѣнія среди французской и баварской арміи.

краснаго каштановаго цвѣта падали локонами ему на плечи. Онъ носилъ шляпу съ откинутыми полями, украшенную перьями и султанами или польскую шапочку съ большимъ султаномъ, свѣтло-желтый камзолъ, малиновыя панталоны и желтые сапоги. На плечи его былъ накинутъ или короткій шитый золотомъ плащъ зеленаго бархата или ивящный мѣхъ, украшенный золотыми галунами и шнурками. У лошадей его была самая странная роскошная сбруя, но благодаря ловкости, съ которою онъ правилъ, это только увеличивало ихъ красоту. Его храбрость была настолько прославлена въ арміи, всѣ настолько привыкли видѣть его въ самомъ жестокомъ огнѣ, что адъютанты и орденарцы, которыхъ посылали къ нему съ приказаніями или докладами, направлялись всегда въ ту сторону, гдѣ шло сраженіе, гдѣ атаки кавались наиболѣе сильными; они знали, что найдуть его тамъ. Это былъ идеалъ мужества.

(Грица.)

* * *

Ежедневно происходили у насъ схватки съ русскими; мы подвигались медленно, но все время подвигались; они отступали медленно, но все-таки отступали. Можно было бы сравнить эти битвы легкой кавалеріи съ играми въ барры, обычными въ школахъ, но когда королю Мюрату, нетерпѣливому предъ врагомъ, надоѣдали эти игры въ барры и онъ находилъ сопротивленіе слишкомъ долгимъ и движеніе слишкомъ медленнымъ, онъ заставлялъ атаковать непріятеля и нападалъ всегда самъ во главѣ французскихъ эскадроновъ, крича своимъ охрипшимъ голосомъ съ гасконскимъ акцентомъ: «Атакуемъ эту сволочь!» и, соединяя дѣйствіе съ командой, онъ бросался на непріятельскіе ряды, обращаясь съ ними дѣйствительно согласно своимъ словамъ, такъ какъ онъ даже не удостоивалъ брать саблю въ руку, а стегалъ казаковъ ударами хлыста.

Мюратъ, Неаполитанскій король, генералиссимусъ всей кавалеріи, былъ такъ же извѣстенъ русскимъ, какъ и своимъ солдатамъ. Всегда во главѣ авангарда, онъ былъ на виду обѣихъ армій и отличался замѣчательнымъ мужествомъ и театральнымъ одѣяніемъ, съ которыми не разставался ни на одинъ день въ продолженіе всей кампаніи; онъ былъ предметомъ удивленія, уваженія и восторга для русскихъ.

Когда, утомленный слишкомъ долгимъ сопротивленіемъ, онъ хотѣлъ покончить съ этимъ, жертвуя при этомъ какъ можно меньше людей изъ своей легкой кавалеріи, онъ провозглашалъ: «Впередъ, кирасиры!» тогда мы неслись впередъ, и наше наступательное движеніе тотчасъ вызывало отступленіе русскихъ. Мы внушали имъ какой-то слѣпой ужасъ и хотя часто прибѣгали къ намъ, мы нираву не могли настигнуть непріятеля, нираву не хотѣлъ онъ выждать насъ: одинъ нашъ видъ обращалъ его въ бѣгство.

(Тиріонъ.)

Бой при Островно и подъ Витебскомъ.

Наконецъ, подъ Островно русская армія въ первый разъ дѣйствительно пріостановилась, выставивъ предъ своей линіей сильную артиллерію на позиціи, которую ихъ генералы нашли выгодною. Съ нашей стороны тамъ были только двѣ кавалерійскія дивизіи, съ королемъ Мюратомъ во главѣ.

Дорога тутъ дѣлаетъ поворотъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ впереди этого поворота дивизія Брюйера выстроилась направо отъ дороги, наша дивизія налѣво отъ нея, а дорога насъ раздѣляла. Обѣ дивизіи расположены были въ линію по одному фронту, параллельно русской арміи, которая была растянута напротивъ насъ, а не доходила только до лѣвой стороны изъ-за лѣса. Слѣдовательно, вся тяжесть этого дня была выдержана легкой дивизіей генерала Брюйера и нашею, въ особенности моимъ полкомъ, правый флангъ котораго примыкалъ къ дорогѣ, и именно противъ насъ и по этой дорогѣ непріятель разставлялъ свои батареи.

Канонада началась съ той и другой стороны съ яростью, и непріятель, значительно превышающій насъ числомъ пушекъ, былъ къ счастью гораздо слабѣ насъ въ вѣрности стрѣльбы. Наша артиллерія покрыла себя славою, до такой степени ея пальба была жаркая и точная. Мы видѣли, какъ ея ядра попадали въ непріятельскія батареи и въ войска, выставленные для ихъ поддержки, и производили тамъ ужасныя опустошенія. Несмотря на то, что русскіе хуже стрѣляли, чѣмъ мы, они все-таки причинили намъ большія потери. Мы стрѣляли такимъ образомъ шесть часовъ, не мѣняя мѣста: 187 человекъ изъ моего полка были убиты, и на другой день мѣсто, занятое полкомъ наканунѣ, было покрыто двумя рядами лошадиныхъ труповъ; убитыхъ товарищей мы похоронили вечеромъ.

Въ началѣ сраженія я былъ замыкающимъ офицеромъ въ 1-мъ эскадронѣ, 4-мъ взводомъ котораго командовалъ лейтенантъ Ожеръ. Съ самаго начала его лошадь была убита и онъ исчезъ, не показавшись болѣе за весь день, тогда какъ онъ обязанъ былъ вернуться къ своему посту, взявъ какую-нибудь другую изъ своихъ лошадей.

Какъ только д'Ожеръ былъ сбитъ съ лошади и удалился, я предложилъ Лальманду, моему земляку, принять командование взводомъ, онъ былъ слѣдующимъ по старшинству, ему приходилось принимать команду, и время отъ времени я подходилъ къ нему и предлагалъ ему вина изъ моей фляжки; но послѣ того какъ онъ пробылъ тамъ часъ, ядро разбило ему бедро и разворотило внутренности. Я велѣлъ унести моего бѣднаго товарища въ походный госпиталь, гдѣ, послѣ двухъ часовъ страданія, онъ скончался. Онъ просилъ послать за мной, хотѣлъ меня видѣть, говорить со мною, хотѣлъ отдать мнѣ для своей матери поясъ, въ которомъ было зашито золото, и который въ мое отсутствіе онъ передалъ въ руки офицера-казначея для передачи мнѣ, что никогда не было исполнено, такъ какъ этотъ офицеръ поступалъ согласно новому варианту поговорки Фигаро: «Что хорошо получить, хорошо и сохранить».

Ему пришлось умереть въ Мецѣ, гдѣ, если бы при немъ назвали фамилію Лальмандъ, онъ долженъ былъ бы почувствовать угрызёніе совѣсти.

Мы оставались еще четыре часа, не мѣняя мѣста; мой взводъ больше всѣхъ пострадалъ въ полку, такъ какъ изъ 27 человѣкъ, составлявшихъ его, у меня осталось только 11 человѣкъ.

Это зависѣло отъ двухъ причинъ: первая заключалась въ томъ, что благодаря подъему почвы этотъ взводъ находился на возвышеніи, что дѣлало его болѣе удобной точкой прицѣла для непріятельской артиллеріи; вторая состояла въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ впереди меня находился, въ своемъ босвомъ ряду, командиръ Дюбуа верхомъ на бѣлой лошади, вслѣдствіе чего легко было узнать въ немъ начальника. Онъ былъ мишенью многихъ ядеръ, которыя въ него не попадали, мы получали ихъ за него. Несмотря на значительныя потери, понесенныя моимъ полкомъ въ этотъ день, мы должны были считать себя счастливыми, что не пострадали сильнѣе отъ русской артиллеріи. Она стояла ниже, чѣмъ мы, и большая часть ея снарядовъ пролетала надъ нами; у деревьевъ по бокамъ дороги, которыя позади насъ, составляли въ 150 метрахъ линію, параллельную нашей, были буквально изрублены стволы и вѣтви; мы могли на досугъ ихъ осмотрѣть, такъ какъ провели ночь на этой дорогѣ, привязавъ нашихъ лошадей къ обломкамъ этихъ изувѣченныхъ деревьевъ. Если спросить, чѣмъ жили наши лошади, находящіяся на полѣ битвы, я отвѣчу, что, снабженные косами и серпами, мы срѣзали жатву на корню для ихъ корма и въ этомъ отношеніи имъ было лучше, чѣмъ намъ, потому что мы ничего не могли найти поѣсть.

Однако, во время бивака подъ Островно у насъ не было недостатка въ жареномъ мясѣ, мы могли выбирать среди нашихъ убитыхъ лошадей самыхъ молодыхъ, съ болѣе нѣжнымъ мясомъ.

Въ теченіе дня Неаполитанскій король, желая заставить прекратить эту смертоубійственную канонаду, велѣлъ произвести атаку чернымъ прусскимъ гусарамъ, которые устремились на непріятеля по дорогѣ, но не смогли его прогнать. Эти гусары были встрѣчены очень сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, и два батальона пѣхоты, разставленные четырёхугольникомъ и поставленные по обѣимъ сторонамъ дороги, открыли по нимъ жаркую ружейную пальбу; поневолѣ пришлось имъ вернуться.

Эта атака, произведенная на дорогѣ, сдѣлана была рысью, спокойно, и, не добившись успѣха, эта кавалерія удалилась такъ же спокойно, какъ надвигалась. Это первый разъ видѣлъ я кавалерію, нападающую такимъ ходомъ и которая возвращалась бы такимъ же образомъ, безъ криковъ, въ порядкѣ. Не знаю почему, Неаполитанскій король не заставилъ насъ атаковать, какъ онъ намъ обѣщалъ, проѣзжая предъ нами, сказавъ намъ со смѣхомъ: «Сейчасъ будетъ ваша очередь, кирасиры».

Я предполагаю, что онъ хотѣлъ вынудить непріятеля къ отступленію превосходствомъ огня нашей артиллеріи.

(А. Туріонъ.)

* * *

Въ 3 часа утра (26-го іюля) принцъ Евгеній отправился въ Островно къ Неаполитанскому королю. 4-ый корпусъ былъ расположенъ лагеремъ около него; кавалерія, поставленная впереди, наблюдала за движеніями непріятели. Около 6 часовъ командиры арміи въ сопровожденіи своего штаба направились къ аванпостамъ и обошли то мѣсто, гдѣ наканунѣ шла битва. Не успѣли они обойти его, какъ всѣ донесенія принесли извѣстіе, что дивизія Коновницына пришла на подкрѣпленіе къ корпусу Остермана. Вице-король приказалъ тотчасъ же своей пѣхотѣ итти на подкрѣпленіе кавалеріи, которою командовалъ Неаполитанскій король.

Гусары, посланные въ качествѣ развѣдчиковъ, были встрѣчены огнемъ при вѣздѣ въ лѣсъ и принесли извѣстіе, что непріятель, повидимому, намѣренъ его упорно отстаивать. На самомъ дѣлѣ, со всѣхъ сторонъ раздавался огонь стрѣлковъ, и пушки, выставленныя русскими на дорогу, обстрѣливали наши колонны, двигавшіяся впередъ. Генераль Дантуаръ велѣлъ тотчасъ же выдвинуть наши орудія, и во время этой перестрѣлки ядромъ оторвало ногу командиру 8-го гусарскаго полка Феррари, бывшему адъютанту князя Нѣшательскаго. Тогда Неаполитанскій король, поспѣвавшій всюду, гдѣ его присутствіе могло быть полевно, приказалъ атаковать со стороны нашего лѣваго крыла, чтобы прогнать кавалерію, находившуюся на краю лѣса. Хотя это движеніе было хорошо задумано, оно не оправдало возлагавшихся на него надеждъ: гусары, которымъ было поручено его выполнение, были недостаточно сильны; они принуждены были отступить, правда, въ большомъ порядкѣ и безъ потерь, передъ многочисленными эскадронами, посланными противъ нихъ.

Пока мы были заняты на лѣвомъ крылѣ, русскіе пытались прорвать наше правое крыло; замѣтивъ это, вице-король направилъ къ этому пункту 13-ю дивизію; она остановила успѣхи русскихъ. Артиллерія нашихъ полковъ, занимавшая выгодное положеніе на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ, поддерживала въ насъ увѣренность, что эта линія не будетъ взята.

Наше правое крыло находилось, казалось, подъ хорошимъ прикрытіемъ, но вдругъ на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ началась внезапная атака и раздался страшный крики: непріятель явился въ огромномъ количествѣ, отгѣсилъ нашихъ стрѣлковъ, поставленныхъ въ лѣсу и заставилъ артиллерію поспѣшно отступить. Русская кавалерія воспользовалась этимъ успѣхомъ, чтобы произвести сильную атаку на Кроатовъ и на 84-й полкъ; къ счастью, Неаполитанскій король во время подоспѣлъ и остановилъ успѣхи русскихъ.

Два батальона 106-го полка, остававшіеся въ резервѣ, поддерживали Кроатовъ; въ то же время генераль Дантуаръ, соединявшій въ себѣ высшую степень таланта и храбрости, при помощи командира Деме и капитана Боннарделя, поднялъ духъ артиллеристовъ и своими умными распоряженіями заставилъ ихъ снова перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя они на время прекратили.

Когда дѣла поправились на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, неаполитанскій король и принцъ Евгений направились къ правому крылу и привали его къ дѣйствию. Русскіе, сидѣвшіе въ засадѣ въ лѣсу, оказывали живѣйшее сопротивленіе 92-му полку, который, несмотря на выгодное положеніе на возвышенности, оставался въ бездѣйствіи; чтобы подбодрить его, вице-король послалъ къ нимъ своего адъютанта Форестьера, которому удалось заставить его двинуться впередъ. Это движеніе показалось, однако, слишкомъ медленнымъ горѣвшему нетерпѣніемъ герцогу Абрантесу; этотъ неустрашимый генераль, привыкшій къ роли главнокомандующаго, покинулъ принца, чтобы воодушевить полкъ, за которымъ мы всѣ слѣдили; его присутствіе или, лучше сказать, его примѣръ наэлектризовали всѣ сердца, и въ одно мгновеніе храбрый 92-й полкъ, подъ предводительствомъ генерала Русселя, пошелъ въ атаку, опрокинулъ всѣ препятствія, встрѣтившіяся на его пути, и проникъ, наконецъ, въ лѣсъ, куда очевидно непріятель хотѣлъ загородить намъ доступъ.

На самомъ краю нашего праваго крыла замѣтили въ эту минуту, что русская колонна, посланная, чтобы обойти насъ, стала отступать, когда мы завладѣли лѣсомъ; король Неаполитанскій бросился немедленно къ кавалеріи и приказалъ ей летѣть къ этой колоннѣ, чтобы ее отрѣзать и заставить положить оружіе. Въ первую минуту кавалерія была въ нерѣшимости, опасаясь неровностей почвы, но королю хотѣлось, чтобы его мысль была немедленно приведена въ исполненіе: онъ пришпорилъ лошадь, выхватилъ шпагу изъ ноженъ и воскликнулъ съ пылкимъ воодушевленіемъ: «Пусть храбрѣйшіе слѣдуютъ за мной!» Это геройство привело насъ въ восторгъ, всѣ поспѣшили къ нему на помощь и, навѣрное, захватили бы русскихъ въ плѣнъ, если бы глубокіе овраги и густой кустарникъ не задержали нашихъ эскадроновъ; непріятельская колонна воспользовалась этимъ временемъ, чтобы уйти отъ насъ и соединиться съ отрядомъ, отъ котораго она отдѣлилась.

Хотя успѣхъ битвы былъ, очевидно, за нами, еще нельзя было рѣшиться пройти черезъ большой лѣсъ, лежавшій передъ нами; за нимъ находились холмы Витебска, гдѣ сгруппировались въ лагерѣ всѣ силы русскихъ. Пока обсуждали этотъ важный переходъ, въ нашихъ заднихъ рядахъ поднялся сильный шумъ; никто не зналъ его причины, и потому къ любопытству примѣшалось безпокойство, но оно тотчасъ разсѣялось при видѣ Наполеона, окруженнаго блестящей свитой. Его присутствіе возбудило, какъ всегда, всеобщій энтузіазмъ, и всѣ поняли, что онъ явился, чтобы увѣнчать славу этого прекраснаго дня. Неаполитанскій король и принцъ бросились къ нему навстрѣчу и дали ему отчетъ о совершившихся событіяхъ и о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ. Чтобы лучше обсудить ихъ, Наполеонъ поспѣшно направился къ самымъ передовымъ постамъ нашей арміи и съ возвышенія долго осматривалъ непріятельскія позиціи и свойства почвы. Въ силу своей проницательности онъ угадалъ и расположеніе лагеря русскихъ и ихъ планы; благодаря распоряженіямъ, даннымъ съ полнымъ хладнокровіемъ и выполненнымъ быстро и въ порядкѣ, армія прошла черезъ лѣсъ и, двигаясь все время скорымъ маршемъ, она

подошла къ холмамъ Витебска въ ту минуту, когда солнце только что садилось.

13-я дивизія, шедшая лѣсомъ съ правой стороны ради содѣйствія этому маневру, встрѣтила сильное сопротивление со стороны непріятеля; онъ отступалъ только постепенно, и его многочисленные стрѣлки заставляли дорого оплачивать почву, которую мы у нихъ отвоевывали; въ одну изъ такихъ непредвидѣнныхъ и несчастныхъ стычекъ русскій драгунъ подскакалъ къ генералу Русселю и выстрѣломъ изъ пистолета повалилъ его на землю.

Русскіе рѣдко назначали драгуновъ стрѣлками; благодаря этому обстоятельству распространился слухъ, что генераль Руссель былъ убитъ однимъ изъ нашихъ; время обнаружило истину и убѣдило насъ, что мы не должны упрекать себя въ смерти этого храбраго генерала, дѣйствительно, достойнаго сожалѣнія, какъ по боевымъ, такъ и по личнымъ своимъ качествамъ.....

Дивизія Бруссе (14-я) шла по большой дорогѣ и прибыла очень поздно на назначенную ей позицію между дорогой и Двиной. Что касается 15-й дивизіи и итальянской гвардіи, которыя составляли остальную часть пѣхоты 14-го корпуса, онѣ были оставлены въ резервѣ нѣсколько позади 14-й. Когда армія прекратила свои дѣйствія, Наполеонъ расположился со своей главной квартирой въ деревнѣ Куковячи; Неаполитанскій король и принцъ Евгений расположились лагеремъ въ плохенькой усадьбѣ, возлѣ деревни Добрижки; вокругъ нихъ расположились отряды, находившіеся подъ ихъ начальствомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня (27-го іюля) бригада Пире пошла на Витебскъ; отступая къ этому городу, русскіе дали нѣсколько пушечныхъ залповъ по этой кавалеріи, но они причинили ей мало вреда.

Затѣмъ они развернулись на большой площадкѣ, находившейся около города и господствовавшей надъ всѣми дорогами, ведущими къ городу. Съ холма, гдѣ мы находились, легко можно было видѣть непріятельскія войска, выстроенныя для битвы; численность ихъ должна была доходить теперь, послѣ присоединенія къ арміи отряда Дохтурова, до 80000 человекъ.

Въ этотъ день дивизія Бруссе шла впереди; она заняла съ раняго утра позицію на возвышенности, находившейся противъ площадки, занятой русскими. Въ то же время нѣсколько эскадроновъ гвардейскихъ казаковъ атаковали 16-й полкъ конныхъ егерей, и этотъ полкъ потерпѣлъ бы полное пораженіе, если бы его не выручили подоспѣвшіе съ лѣвой стороны 200 стрѣлковъ подъ командой капитановъ Гюяра и Савари. Эти воины обратили на себя вниманіе всей арміи, которая, стоя на холмѣ (имѣвшемъ форму амфитеатра), слѣдила за ихъ подвигомъ и высказывала справедливое одобреніе ихъ храбрости¹⁾. Наполеонъ, бывший свидѣтелемъ этого славнаго подвига, послалъ спросить, къ какому корпусу принадлежатъ эти сол-

¹⁾ Этотъ подвигъ при всей своей изумительности въполнѣ достовѣренъ и можетъ еще быть засвидѣтельствованъ всѣми военными 4-го корпуса.

даты; они отвѣтили: «къ 9-му полку, и три четверти — сыны Парижа!» «Скажите имъ», отвѣтилъ императоръ, «что они храбрецы и всѣ заслуживаютъ крестъ».

16-й егерскій полкъ, отступая за 14-й дивизіей, находился подъ прикрытіемъ 53-го полка, которымъ командовалъ полковникъ Гробонъ. Эта дивизія, выстроенная въ каррѣ, представляла собою фронтъ, неодолимый для непріятеля; всѣ усилія его разстроить были тщетны. Это обстоятельство внесло смятеніе въ наши ряды, но благодаря присутствію Наполеона оно не могло быть продолжительно. Стоя на возвышенности, онъ видѣлъ всѣ движенія войска и съ полнымъ хладнокровіемъ давалъ приказанія, необходимыя, по его мнѣнію, для одержанія побѣды; такъ онъ велѣлъ отступить одному кавалерійскому полку, чтобы освободить 13-й дивизіи проходъ къ мосту.

13-я дивизія вышла впередъ и двинулась направо; командовавший ею вице-король повелъ ее позади 14-й, по направленію къ возвышенностямъ, господствовавшимъ надъ площадкой, гдѣ стоялъ непріятельскій лагерь. Такъ какъ эти высоты не охранялись, мы подвигались впередъ безъ затрудненія и заняли позицію на вершинѣ, какъ разъ противъ русскаго лагеря; насъ отдѣляла отъ нихъ только рѣка Лучеса, крутые берега которой образовывали такой глубокой ровъ, что общее сраженіе было невозможно. Чтобы сдѣлать видъ, что хотятъ приступить къ нему, отдѣлили нѣсколько легкихъ отрядовъ, которые перебрались черезъ ровъ и расположились въ небольшомъ лѣсу; такъ какъ поддержки у нихъ не было, они дальше не пошли и вернулись къ своему корпусу, когда батареи замолкли и дивизіи прекратили свои дѣйствія.

Это прекращеніе военныхъ дѣйствій, когда войска были налицо, вызвало всеобщее недоумѣніе, и всѣ спрашивали другъ у друга, гдѣ же императоръ и каковы его намѣренія. Но въ это время часть 1-го корпуса и императорская гвардія присоединились къ намъ. Тогда одни подумали, что Наполеонъ ждалъ только соединенія всѣхъ своихъ силъ, чтобы приступить къ серіозному нападенію; другіе увѣряли наоборотъ, что герцогъ Эльхингенскій ¹⁾ и кавалерія генерала Монбрена, приближавшіеся къ намъ по ту сторону Двины, обойдутъ позицію Витебска и отрѣжутъ такимъ образомъ русскимъ отступленіе. Но этотъ маневръ былъ очевидно невыполнимъ, такъ какъ онъ не былъ приведенъ въ исполненіе...

Увѣренность, съ которой русскіе сохраняли позицію и стягиваніе большей части нашихъ войскъ въ одно мѣсто заставляли насъ предполагать, что завтрашній день будетъ днемъ большого сраженія; и каково же было наше удивленіе, когда съ разсвѣтомъ (28-го іюля) мы узнали, что врагъ отступилъ! Оказывается, Барклай де-Толли ночью получилъ отъ Багратіона извѣщеніе, что отброшенный послѣ сраженія при Салтановкѣ за Днѣпръ и принужденный отступить, онъ намѣчаетъ Смоленскъ, какъ наиболѣе удобный пунктъ для ихъ соединенія. Какъ только было замѣчено, что русскіе опять уклоняются отъ битвы, армія пустилась за ними въ погоню, кромѣ император-

¹⁾ Ней. Ред.

ской гвардіи, которая отправилась въ Витебскъ, гдѣ Наполеонъ, казалось, хотѣлъ остановиться. Этотъ городъ былъ почти пустъ; въ немъ оставались только евреи и нѣсколько подозрительныхъ типовъ.

По ту сторону дороги встрѣтились казаки, преслѣдовать которыхъ отправился генераль Лефевъ-Денуеъ, командиръ легкой кавалеріи гвардіи.

Уже больше 2 мѣсяцевъ мы встрѣчали въ Польшѣ и Литвѣ, на пространствахъ около 300 миль, однѣ только безлюдныя деревни и опустошенныя поля. Казалось, всюду наше приближеніе вызывало опустошеніе; все населеніе бѣжало при нашемъ приближеніи, предоставляя свои жилища казакамъ, уничтожавшимъ все, чего они не могли унести съ собой. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ лишеній мы смотрѣли съ завистью на эти чистые, щеголеватые дома, гдѣ, казалось, должны были царить покой и довольство, но мы и тутъ не находили отдыха, на который рассчитывали, и принуждены были продолжать походъ, оставляя налѣво отъ себя этотъ городъ, предметъ нашихъ желаній и надеждъ.

Всѣ были изумлены превосходнымъ порядкомъ, съ которымъ князь Барклай де-Толли отступилъ съ своихъ позицій. При этомъ трудномъ отступленіи генераль-майоръ графъ фонъ-Паленъ блестяще проявилъ свою прозорливость и военное искусство; на нашихъ глазахъ онъ маневрировалъ съ арьергардомъ и такъ хорошо прикрылъ остатки арміи, что мы не нашли на ея пути никакихъ слѣдовъ ея прохода; ни одной брошенной повозки, ни одной павшей лошади, даже ни одного отсталаго — ничего, что бы могло намъ указать ея направленіе. Мы были въ неизвѣстности, пожалуй, исключительной въ своемъ родѣ, когда полковникъ Клитскій, обзрѣвая мѣстность въ поискахъ какого-нибудь крестьянина, нашелъ спавшаго подъ кустомъ русскаго солдата; эта встрѣча показалась намъ счастливымъ случаемъ, вице-король воспользовался ею и допросилъ плѣнника, давшаго нѣкоторыя свѣдѣнія о коллонѣ, къ которой онъ принадлежалъ.

(Лабомъ.)

* * *

28 іюля. Какъ только занявшая заря расчистила горизонтъ, мы всѣ, какъ по общему соглашенію, не говоря ни слова, устремляемъ взглядъ на разстилающуюся передъ нами громадную равнину, вчера еще усѣянную врагами, на которыхъ намъ такъ хотѣлось напасть. Сегодня она лежитъ передъ нами пустынная, покинутая. Непріятель не только исчезъ, онъ не оставилъ никакого указанія относительно дороги, по которой пошелъ. Мюрать первый переправляется черезъ Лучесу, за нимъ идетъ сначала итальянская армія, потомъ и все войско; онъ отправляетъ во всѣхъ направленіяхъ отряды, чтобы обыскать всю мѣстность, и найти слѣдъ русскихъ, — но бесполезно! Невозможно даже получить какія-нибудь указанія отъ жителей, такъ какъ всѣ ушли. Мы находимся въ полной неизвѣстности относительно того, что происходитъ вокругъ насъ. Императоръ переправляется черезъ Лучесу одновременно съ арміей, потомъ принимаетъ депутацію отъ города Витебска, которая приноситъ ему ключи и умоляетъ о милосердіи.

(Ложье.)

Витебскъ.

...Витебскъ — большой городъ; тамъ я нашелъ своихъ прежнихъ товарищей и своихъ прежнихъ милыхъ начальниковъ. Мы остались въ Витебскѣ, чтобы подождать припасовъ. Страшные жары въ связи съ всякаго рода лишеніями, вызвали эпидемію дизентеріи, причинившей значительныя потери въ рядахъ арміи. (Куанье.)

* * *

Въ Витебскѣ мы нашли много помѣщеній, годныхъ для госпиталей, въ которыхъ чувствовалась большая нужда. Ихъ немедленно приготовили для пріема раненыхъ въ сраженіяхъ 27, 28 и 29 іюля. Со стороны французовъ раненыхъ было 750 чел. и почти столько же было ихъ со стороны русскихъ.

Я много усилій прилагалъ къ тому, чтобы всѣ раненые могли получать первую помощь на самомъ полѣ сраженія, при чемъ приходилось употреблять въ дѣло не только солдатское бѣлье, но и наши собственныя рубашки.

Въ городѣ въ домахъ разбѣжавшихся жителей было забыто, или брошено до 350 наиболѣе тяжело раненыхъ русскихъ.

Несмотря на всѣ мои розыски, я нашелъ ихъ лишь на 4-й день. Трудно описать, какой ужасный видъ имѣли эти несчастные; почти всѣ изуродованные артиллерійскими орудіями, они не могли встать изъ своихъ убѣжищъ, чтобы попросить о помощи. Они лежали на грязной соломѣ вповалку, другъ на другѣ, среди нечистотъ и можно сказать гнили въ этомъ смрадѣ. У большей части ихъ раны были поражены гангреней или страшно загрязнены. Всѣ они умирали съ голоду.

Прежде всего я позаботился объ ихъ продовольствіи. Затѣмъ я всѣмъ имъ перевязывалъ раны, а многимъ сдѣлалъ и серьезныя операціи. Наконецъ я велѣлъ перенести ихъ вмѣстѣ съ нашими ранеными въ приготовленные госпитали, гдѣ ихъ лѣчили и выхаживали совершенно одинаково съ нашими. (Ларей.)

* * *

Въ теченіе двѣнадцати дней, которые я стоялъ лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ Витебска, мнѣ пришлось, чтобы не умереть съ голоду, посылать партіи людей за провіантомъ для моихъ батальоновъ и для главнаго штаба. Эти партіи отправлялись за 20—25 верстъ переправлялись даже за рѣку и возвращались обыкновенно съ хорошей добычей; но нѣкоторые изъ нихъ попадались въ руки казакамъ. Известно, что мародерство дѣйствуетъ на арміи развращающимъ образомъ, уничтожаетъ дисциплину, способствуетъ дезертирству и вызываетъ со стороны солдатъ жестокіе поступки, коими они потомъ хвастаются; слушая ихъ, я содрогался. Война ожесточаетъ человѣ-

ческое сердце. Новобранцы были кротки и человеколюбивы, многіе же изъ старыхъ солдатъ утратили всякое нравственное чувство.

Нѣмецкіе корпуса соблюдали обыкновенно порядокъ и дисциплину даже при отступленіи. Голландцы менѣе всего переносили лишенія, форсированные переходы, холода. Ихъ нравственный духъ былъ вскорѣ поколебленъ. Ими были довольны въ отношеніи храбрости и обученія офицеровъ; но молодые люди въ особенности страдали сплиномъ, падали духомъ при мысли о томъ, что ихъ ведутъ далеко отъ родины, тосковали по своимъ методическимъ привычкамъ, и большинство изъ нихъ не отличалось той веселостью, любовью къ завоеваніямъ и господству, какими отличались французы, что, поддерживая въ нихъ бодрость духа, давало имъ возможность легче переносить лишенія и сутолоку, среди которой намъ приходилось жить. Маршалъ Даву пользовался еще по-прежнему вліяніемъ; дѣла шли еще на взглядъ достаточно хорошо для того, чтобы императоръ не имѣлъ повода упрекать его за то, что онъ совѣтовалъ ему начать походъ въ то время, когда Испанія причиняла еще Франціи довольно большія затрудненія. Наполеонъ надѣялся, что въ Витебскѣ къ нему явится русская депутація для переговоровъ, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ.

Пронесся слухъ, что императоръ Александръ убитъ! Эта новость не произвела непріятнаго впечатлѣнія на генеральный штабъ. Напротивъ, тамъ надѣялись теперь половить рыбку въ мутной водѣ. Благодаря горячему характеру великаго князя Константина, можно было ожидать революціи и перемѣны системы войны, которая была намъ прямо необходима. Чтобы выйти какъ-нибудь изъ нашего сомнительнаго положенія, мы все желали хотя бы разъ сразиться съ русскими! Императоръ собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить: идти ли на Москву и Петербургъ, или же остановиться, чтобы устраивать Польшу, устроить продовольственные магазины и двинуться дальше не ранѣе, какъ освободившись отъ русской арміи, возвращающейся съ границъ Турціи. Попробовали вступить въ переговоры съ казаками, которымъ пообѣщали создать собственное независимое государство¹⁾.

Отвѣтъ отъ нихъ получился неопредѣленный и уклончивый. Казаки совсѣмъ не вѣрили въ нашъ успѣхъ. Они хотѣли видѣть болѣе ясные результаты, прежде чѣмъ компрометировать себя передъ Россіей и они дали намъ понять, что не видятъ никакой выгоды въ томъ, чтобы, избавляясь отъ русскаго владычества, подпасть подъ иго Наполеона, который предлагалъ имъ перемѣну деспотизма, давая лишь слабую надежду на будущую свободу...

Въ окрестностяхъ Витебска населеніе проявило революціонныя чувства. Помѣщики со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ витеб-

¹⁾ Наполеону приписывали намѣреніе вызвать возстаніе народа противъ дворянства, и даже говорили, будто онъ принялъ къ этому мѣры. Но подобный образъ дѣйствій шель слишкомъ въ разрѣзъ съ его личными интересами и съ его деспотической системой правленія, чтобы можно было этому повѣрить. (Прим. автора.)

скому губернатору, генералу Шарпантье, съ просьбою прислать охрану для ихъ защиты отъ крестьянъ, которые грабили помѣщичьи дома и дурно обходились съ самими помѣщиками (я самъ видѣлъ, какъ многія семейства переѣхали въ Витебскъ, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что императоръ могъ бы возбудить возстаніе въ русскихъ губерніяхъ, если бы онъ хотѣлъ дать волю народу, такъ какъ народъ этого ожидалъ, но Наполеонъ былъ уже въ то время не генералъ Бонапартъ, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишкомъ важно упрочить монархізмъ во Франціи, и ему трудно было проповѣдовать революцію въ Россіи...

(Дедезь.)

* * *

Въ Витебскѣ Наполеонъ дѣйствительно поручилъ двоимъ изъ близкихъ себѣ людей вывѣдать настроеніе въ народѣ. Надо было привлечь ихъ свободой и болѣе или менѣе общимъ возстаніемъ втянуть ихъ въ наше дѣло. Но дѣйствовать пришлось только среди отдѣльныхъ, почти дикихъ крестьянъ, оставленныхъ русскими среди насъ, можетъ быть, въ качествѣ шпионовъ. Эта попытка послужила только къ разоблаченію его проекта и заставила русскихъ настроиться противъ него.

Кромѣ того, это средство претило Наполеону, природа котораго влекла его больше къ интересамъ королей, чѣмъ къ народнымъ. Онъ пользовался имъ небрежно. Позднѣе, въ Москвѣ, онъ получилъ нѣсколько прошеній отъ разныхъ отцовъ семействъ. Въ нихъ были жалобы на то, что помѣщики обращаются съ ними, какъ со скотомъ, который, сколько угодно, продаютъ и мѣняють. Въ нихъ просили, чтобы Наполеонъ отмѣнилъ крѣпостное право. Они предлагали себя въ вожди отдѣльныхъ возстаній, обѣщая обратить ихъ во всеобщее.

Эти предложенія были отвергнуты. Вѣдь у варварскаго народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распущенность! Это показали раньше бывшія отдѣльныя возмущенія. Русское дворянство, погибло бы какъ колонисты въ Санъ-Доминго во время возстанія негровъ. Такое опасеніе взяло верхъ въ мысляхъ Наполеона; это выразилось въ томъ, что онъ рѣшилъ не стараться подымать движеніе которое онъ не смогъ бы направить.

Впрочемъ, господа сами не довѣряли своимъ крѣпостнымъ. Среди всѣхъ опасностей они болѣе всего боялись возстанія крѣпостныхъ. Прежде всего они старались вліять на настроеніе своихъ несчастныхъ крѣпостныхъ, которые отупѣли отъ всевозможныхъ тягостей. Священники, которымъ крестьяне привыкли вѣрить, обманывали ихъ своими лживыми рѣчами; крестьянъ увѣрили, что мы легіоны дьявола подъ начальствомъ Антихриста, духи ада, видъ которыхъ вызываетъ ужасъ, что наше прикосновеніе оскверняетъ. Плѣнные французы замѣтили, что несчастные не рѣшались пользоваться посудой, которая служила имъ, и что они ее сохраняли для самыхъ нечистыхъ животныхъ.

Между тѣмъ мы приближались, и передъ нами должны были разсѣяться всѣ эти грубыя выдумки. Но вотъ помѣщики съ своими крѣ-

Французы въ Россіи.

6

постными спасаются въ глубь страны, какъ при наступленіи сильной заразы. Богатства, жилища, все что могло бы ихъ удержать или послужить намъ — все это приносится въ жертву. Они выдвигаютъ между собой и нами преграду — голодь, пожары и опустошеніе, и это направлено не только противъ Наполеона, но и противъ крѣпостныхъ. Приходилось уже вести не войну съ королями, но войну съ классами, войну съ партіями, войну религіозную и національную — всѣ войны разомъ.

Императоръ увидалъ тогда всю необъятность своего предпріятія. Пока на его пути были только короли, для него, болѣе великаго, чѣмъ они, побѣда надъ ними была бездѣлицей; но короли побѣждены, онъ передъ народами; и здѣсь, на другомъ концѣ Европы, онъ опять наталкивается на ту же Испанію, но далекую, бѣдную, безконечную. Онъ удивленъ, онъ колеблется и останавливается.

Каково же ни было его рѣшеніе, но въ Витебскѣ ему нуженъ былъ Смоленскъ, и онъ отложилъ свое рѣшеніе до Смоленска. Потомъ та же нерѣшительность охватила его; она становится сильнѣе подъ вліяніемъ этихъ пожаровъ, эпидеміи и тѣхъ жертвъ, которыя окружаютъ его; лихорадочное безпокойство охватываетъ его, его взоры обращаются къ Кіеву, Петербургу и къ Москвѣ.

Въ Кіевѣ онъ окружилъ бы Чичагова съ его арміей; онъ вывелъ бы изъ затрудненія правый флангъ и тылъ великой арміи; онъ прикрылъ бы польскія провинціи, наиболѣе богатыя людьми, провіантомъ и лошадьми, а въ то же время Могилевъ, Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Динабургъ и Рига, съ размѣщенными въ нихъ войскамъ, защищали бы остальное. Зимой за этой линіей онъ бы поднялъ и организовалъ всю старую Польшу, чтобы весной двинуть ее на Россію, противопоставить народъ народу и сдѣлать войну равной.

Между тѣмъ въ Смоленскѣ онъ находится какъ разъ въ узлѣ петербургской и московской дороги, въ двадцати девяти переходахъ отъ одной изъ этихъ двухъ станицъ и въ пятнадцати отъ другой. Въ Петербургѣ — центръ управленія, узелъ, гдѣ связаны всѣ административныя нити, голова Россіи: тамъ сухопутные и морскіе арсеналы, наконецъ, тамъ онъ завладѣетъ единственнымъ пунктомъ сообщенія между Россіей и Англійей. Полоцкая побѣда, о которой онъ только-что узналъ, кажется, толкаетъ его туда. Направившись вмѣстѣ съ Сенъ-Сиромъ на Петербургъ, онъ окружитъ Витгенштейна и заставитъ Ригу пасть передъ Макдональдомъ.

Съ другой стороны въ Москвѣ онъ нанесетъ ударъ имуществу и исконной чести дворянства и націи: дорога къ этой столицѣ короче, на ней меньше препятствій и больше средствъ къ существованію; на ней находится главная русская армія, которой онъ не можетъ пренебрегать, которую надо уничтожить, здѣсь же слѣдовательно и возможность сраженія и надежда поколебать націю ударомъ въ сердце, въ этой національной войнѣ.

Единственнымъ возможнымъ изъ этихъ трехъ проектовъ кажется ему послѣдній, не смотря на позднее время года. Однакожъ исторія Карла XII была у него въ рукахъ, не Вольтеровская, которую онъ нетерпѣливо отбросилъ, считая ее романтической и неточной, а жур-

наль Адлерфельда, который онъ читаль, но который не остановилъ его. Сравнивая эти два похода, онъ находилъ тысячи различій, которыя подчеркивалъ; ибо кто можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ? и къ чему можетъ сослужить примѣръ прошлаго въ мѣрѣ, гдѣ нѣтъ никогда двухъ сходныхъ людей, двухъ вещей, ни двухъ совершенно сходныхъ положеній? Во всякомъ случаѣ въ это время имя Карла XII часто было у него на устахъ. (Сезюръ.)

* * *

Въ то время какъ армія отдыхала и снова выступала въ походъ, императоръ занимался введеніемъ новаго управленія какъ въ Витебской, такъ и въ Могилевской губерніяхъ.

Ему хотѣлось придать нѣкоторый блескъ возрожденію Польши, и для того употребилъ онъ средство, почти всегда достигающее цѣли: обаяніе громкихъ именъ. Къ дѣйствию въ устройствѣ новаго управленія были вызваны: одинъ изъ князей Сапѣговъ, князь Огинскій, графъ Пржечекскій, графъ Тизенгаузенъ, графъ Косаковскій. Съ тѣмъ же расчетомъ произведены были выборы и въ Витебскѣ. Къ участию въ губернской комиссіи были призваны: князь Павелъ Сапѣга, князь Радазивилъ, графъ Борхъ, литовецъ, изъ семьи выдающейся своимъ состояніемъ. Шадурскій и Вейсенгофъ, родъ которыхъ почитался въ сѣверныхъ областяхъ; наконецъ, нѣкто Серить, простой дворянинъ, но изъ уважаемой семьи, многочисленныя члены которой пользовались большимъ довѣріемъ мѣстнаго населенія. Меня назначили интендантомъ...

Было тогда два значительныхъ препятствія, которыя должны были помѣшать всѣмъ начинаемымъ предпріятіямъ. Во-первыхъ, въ странѣ царилъ самый крайній беспорядокъ, распространяемый возстаніемъ крестьянъ, убѣжденныхъ тайными агентами революціи, что свобода, о которой шла рѣчь, состоитъ именно въ безудержномъ произволѣ. Во-вторыхъ, денежныхъ средствъ не было вовсе, а безъ нихъ обойтись было чрезвычайно трудно. Власть государя въ силахъ была уничтожить первое препятствіе, и оно было уничтожено. А что было предпринято противъ второго, я сейчасъ скажу.

Дворяне Витебской губерніи по собственному побужденію обратились къ императору, надѣясь, что ему удастся подавить эти беспорядки, наконецъ раздражавшіе ихъ, такъ какъ они посягали уже на ихъ права. Императоръ принялъ ихъ просьбу и приказалъ мнѣ обнародовать вмѣстѣ съ комиссіей и отъ ея имени прокламацію, которую онъ лично поправилъ и въ которой нѣсколько строкъ продиктовано имъ самимъ. Губернатору было поручено послать по деревнямъ летучіе отряды, которые должны были выполнить двойное назначеніе: подавить крестьянское возстаніе и перехватить мародеровъ. Благодаря ужасу, повсюду внушаемому этими войсками и благодаря суровости нѣкоторыхъ дворянъ, можетъ быть, получившихъ на то приказъ, скоро было подавлено это мимолетное возстаніе, которымъ наши враги не сумѣли воспользоваться, послѣ того какъ возбудили его.

6*

Менѣе удачною была попытка улучшить финансовое положеніе страны.

Русскимъ правительствомъ для порядка денежнаго обращенія была принята особая система, которая будто бы оправдывалась цѣлымъ рядомъ примѣровъ. На помощь къ ходячей монетѣ была призвана монета идеальная. Недостатокъ денежныхъ знаковъ былъ пополненъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ С.-Петербургскаго банка стоимостью въ 5, 10, 20, 50 и 100 рублей; а по соображеніямъ, можетъ быть, менѣе справедливымъ и менѣе благовиднымъ, правительство употребило всю свою власть, чтобы распространить эти билеты въ присоединенныхъ провинціяхъ и обмѣнивать ихъ на естественныя цѣнности. Это было бы еще зломъ терпимымъ, если бы количество выпущенныхъ билетовъ не превысило стоимости находящейся въ обращеніи звонкой монеты. Но русское правительство безъ всякихъ ограниченій воспользовалось тѣмъ правомъ, которое многія правительства воображаютъ себѣ присущимъ: оно насилывало довѣріе народа, принуждая его принимать въ уплату обмѣнные денежные знаки, стоимость которыхъ ничѣмъ не была обезпечена. Почти немедленно пришлось ему стать жертвой этой добровольной ошибки и видѣть, какъ его билеты пали сначала на 50%, потомъ на 65, на 75 и, наконецъ, когда появленіе французовъ удвоило всѣ страхи, на 78 и даже на 82%. Новое управленіе Бѣлоруссіей не было въ силахъ вернуть этимъ бумагамъ какую бы то ни было законную цѣну, потому что назначеніе имъ опредѣленной стоимости повело бы къ ихъ полному обезцѣниванію.

Между тѣмъ надо было предвидѣть, что императоръ въ своихъ расчетахъ со страной будетъ платить этими банковыми билетами по ихъ номинальной цѣнѣ, а населеніе согласится ихъ принимать по дѣйствительной стоимости. Дѣйствительно, въ концѣ концовъ добились, что императоръ сталъ ихъ принимать по обычному курсу дня и такъ, какъ это дѣлалось въ Литвѣ, т.-е. съ узаконенной потерей 75%, платя по рублю металлическому за четыре рубля кредитныхъ. Но этого еще не было довольно: въ торговыхъ сдѣлкахъ ихъ не хотѣли принимать по такому расчету. Кромѣ того, цѣлью всѣхъ надеждъ было тогда возрожденіе королевства Польскаго, и въ виду этого приходилось помышлять о пріисканіи средствъ, которыя могли бы вернуть странѣ ея старинное богатство. Я, съ своей стороны, предлагалъ финансовую систему, подобную предпріятію Лоу съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, вызываемыми требованіями времени и мѣста; я просилъ разрѣшенія испытать ее постепенно, примѣняя ея дѣйствія къ соляной торговлѣ, достигшей въ Витебскѣ громаднхъ размѣровъ. Но замыселъ мой былъ непроченъ въ самомъ его основаніи. Императоръ не одобрилъ его; онъ приказалъ мнѣ итти обычнымъ путемъ и постараться довести курсъ до признанной высоты 75%. Приказаніе это было выполнено довольно счастливо, не смотря на представлявшіяся трудности; какъ только положеніе дѣлъ нѣсколько окрѣпло, бумаги поднялись до 73 и 72%.

Намѣреніемъ императора въ то время было провести зиму въ Витебскѣ, дать тамъ отдыхъ войскамъ, образовать запасные склады

припасовъ, сосредоточить операционную линію на Двинѣ и заняться изъ Витебска или изъ Вильны преобразованиемъ и устройствомъ королевства Польскаго. Дней десять всѣ появившіеся приказы исходили изъ этихъ соображеній, и мы уже могли думать, что этотъ тридцатидневный походъ привелъ къ великимъ дѣйствительнымъ послѣдствіямъ. Но мы увлекались нашимъ злымъ рокомъ. Самохвальство короля Неаполитанскаго одержало верхъ надъ волей императора и надъ совѣтами истинной мудрости. Витебскъ былъ оставленъ, армія снова выступила въ походъ и двинулась на Смоленскъ. Императоръ выѣхалъ изъ Витебска 12-го августа и направился по назначенной дорогѣ. Главная квартира послѣдовала за нимъ на другой день.

(Маркизь Пасторе.)

Отъ Витебска до Смоленска.

Около 6 часовъ (Суражъ, 29 іюля) императоръ выходитъ изъ палатки. Королевская гвардія привѣтствуетъ его обычными восклицаніями. Наполеонъ безъ шляпы со шпагой на боку. Онъ садится на складной стулъ, который ему принесли и обращается съ разпросами къ двумъ велитамъ, стоящимъ на часахъ при входѣ въ палатку. Черты лица его выразительны, носятъ отпечатокъ силы и здоровья. Обращаясь къ офицеру тѣхъ же велитовъ, тому, который всѣхъ ближе къ нему, онъ спрашиваетъ, каковая дѣйствительная численность его полка; сколько людей потеряли при переходѣ; много ли больныхъ. Офицеръ отвѣчаетъ ему:

«Ваше величество, у насъ есть роты, которыя отъ самой Италіи не потеряли до сихъ поръ ни одного человѣка.

Не выказывая изумленія, императоръ говоритъ въ отвѣтъ: «Какъ! Они такъ же сильны, какъ были, уходя изъ Милана?

«Да, ваше величество».

Потомъ, послѣ небольшой паузы:

«Вашъ полкъ еще не мѣрялся силой съ русскими?»

— Нѣтъ, государь, но онъ страшно желаетъ этого.

— Я это знаю, — прервалъ императоръ. — Онъ покрылъ себя славой въ Испаніи, Далмаціи, Германіи, — всюду, гдѣ только ни былъ... А, вотъ они, старые аустерлицкіе усы! (этотъ шутливый намекъ относился къ гренадерамъ гвардіи). Итальянцы храбры... У нихъ такія славныя лѣтописи!... У васъ въ жилахъ течетъ кровь римлянъ... Вы не должны никогда этого забывать.

Слова императора всегда оставляли глубокое впечатлѣніе.

Дисциплина, чистота, порядокъ, ученіе, распредѣленіе времени, правила службы, установленныя въ Миланѣ, все это примѣняется и въ Суражѣ. Но самый отдыхъ вызываетъ массу заболѣваній, которыя до тѣхъ, въ виду напряженной дѣятельности и напряженія силъ, перемогались. Еще королевская гвардія вмѣстѣ съ одной дивизіей счастливо устроились и отдохнули отъ пережитыхъ бѣдствій, но далеко не для всѣхъ выпало такое счастье. Многіе отряды и теперь

испытываютъ слишкомъ тяжелыя лишенія; настоящаго отдыха, въ которомъ они такъ нуждаются, для нихъ нѣтъ...

Вѣрные своей системѣ, русскіе и здѣсь (повсюду, гдѣ успѣли) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили все, чего не могли захватить.

Отдѣльнымъ отрядамъ приходится для поддержки своего существованія прибѣгать къ собственнымъ средствамъ: они дѣлаютъ набѣги, которые въ результатѣ только подрываютъ основы дисциплины, разоряютъ населеніе и озлобляютъ его противъ насъ.

Армія уже уменьшилась на треть со времени перехода черезъ Нѣманъ. Многіе солдаты, подѣ влияніемъ голода, отдѣлялись отъ арміи, отыскивая пищу и были убиты на флангахъ; другіе заперлись въ покинутыхъ господскихъ домахъ, гдѣ нашли достаточно припасовъ, чтобы жить въ довольствѣ, выбрали себѣ начальника и охраняютъ себя по-военному, не помышляя объ арміи, къ которой принадлежатъ. Считите еще больныхъ, отсталыхъ, умершихъ и раненыхъ, и вы представите уменьшеніе наличнаго состава арміи.

Мнѣ тяжело постоянно говорить на эту тему. Уменьшеніе арміи слѣдуетъ, конечно, приписать недостатку провіанта, происходящему отъ запаздыванія въ подвозѣ, истребленію русскими всякихъ источниковъ продовольствія и препятствіямъ, которыя самый характеръ почвы и жаркое время года создаютъ намъ на каждомъ шагу; но все же, можетъ быть, предусмотрительность начальства могла бы предупредить такое сильное и быстрое развитіе зла.

Высшее начальство, насколько это возможно, все еще запрещаетъ мародерство и отдѣльные набѣги солдатъ въ поискахъ пропитанія. Но иногда, въ силу необходимости, приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ. Тогда дѣйствуютъ методически и съ возможнымъ соблюденіемъ требованій гуманности. Дѣломъ тогда завѣдуютъ особо выбранные офицеры изъ наиболѣе развитыхъ...

Довольно часто бывало, что расположимся на бивакѣ, раздобудемъ топлива, изготовимъ скудную порцію мяса, разобьемъ палатки, и вдругъ неожиданный приказъ — итти дальше. Тогда при новой остановкѣ приходится начинать все съ начала! Это можетъ быть единственные случаи, при которыхъ теряются и забрасываются припасы. Ничего неизвѣстно, далеко еще итти или нѣтъ; а можетъ быть даже предстоитъ сраженіе. И вотъ, солдаты, усталые, раздосадованные, приведенные въ уныніе этими приказами и контръ-приказами, опрокидываютъ котелокъ съ готовымъ уже супомъ и, придя на новый этапъ, подавленные усталостью, бросаются на землю и засыпаютъ, ни о чемъ больше не думая.

Мы часто теряемъ людей, остающихся на поляхъ, съ которыхъ мы уходимъ. Сколько разъ изъ-за стремительности нашихъ выступленій оставшіе солдаты не знали, гдѣ найти свой отрядъ. Они бродятъ тогда на-авось по здѣшнимъ обширнымъ равнинамъ, по громаднымъ лѣсамъ, прорѣзаннымъ столькими дорогами; охваченные усталостью, побѣжденные ею или сномъ, они становятся жертвою озлобленныхъ крестьянъ или добычей казаковъ, кружащихся около нашихъ фланговъ.

А между тѣмъ эти усиленные переходы мы дѣлаемъ, чтобы спастись отъ голода, скорѣе кончить войну и добраться до непріятеля. И тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ войско теряетъ пылъ первыхъ дней. Оно истощаетъ свои силы и съ каждымъ днемъ уменьшается. Войско ослабѣло, поэтому поневолѣ сокращается и число отрядовъ, отправляемыхъ на поиски провіанта. А питаться людямъ надо, и въ результатѣ, во имя гуманности, изъ состраданія, по тяжелой необходимости, мы должны терпѣть досадное мародерство, котораго хотѣли бы не допускать.

Поддаются мародерству и самые твердые люди: иногда они возвращаются; иногда — нѣтъ. Возвратившись, приносятъ съ собой очень немного. Биваки, недоѣданье, форсированные марши все болѣе разрѣживаютъ наши ряды. *(Ложье.)*

* * *

10-го августа. Погода прояснилась, и жаръ началъ понемногу спадать. На парадѣ, передъ тѣмъ, какъ намъ уходить, императоръ обратился къ группѣ офицеровъ и начальниковъ нашихъ съ такими словами:

— «Господа, служба у васъ идетъ плохо; у васъ слишкомъ много отсталыхъ. Офицеры останавливаются на походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Биваки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не беретъ въ расчетъ дурную погоду. И въ грязи сохраняется честь, Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія припасовъ, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Въ окрестностяхъ возникаютъ жалобы на ихъ насилія. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, господа, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ, полки наши не досчитались бы своихъ людей; личный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятеля. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что полки ихъ были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дрисы; особенно храбрый 84-й пѣхотный полкъ, который такъ отличился и понесъ наибольшую потерю ранеными»¹⁾.

Потомъ императоръ потребовалъ барона Ларрея, но какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то на мѣсто его явился докторъ Паулетъ, начальникъ походнаго госпиталя. Императоръ спросилъ его:

— «На сколько раненыхъ заготовлены у васъ перевязки?»

«На десять тысячъ», отвѣчалъ докторъ.

— «Скажите мнѣ», продолжалъ Наполеонъ, «сколько, примѣрно, необходимо дней для излеченія раненаго?»

«Тридцать дней», отвѣчалъ докторъ.

— «Въ такомъ случаѣ», возразилъ Наполеонъ, «не изъ чего подавать помощь 400 человекамъ. Намъ понадобится гораздо болѣе».

¹⁾ Я привожу буквально слова Наполеона. Меня удивила ссылка на полкъ, въ которомъ я служилъ. Императоръ далъ ему девизъ: «1 противъ 10». Мнѣ кажется, что рѣчь эта никогда не была записана исторіею. *Примѣч. автора.*

Тутъ глухой ропотъ прошелъ въ нашей толпѣ, а кто-то замѣтилъ: «Сколько-жъ, по его мнѣнію, должно быть убитыхъ?» — Наполеонъ, повидимому, разслышалъ эти слова, но, не обративъ на нихъ вниманія, продолжалъ разговоръ съ докторомъ и спросилъ:

— «Гдѣ находятся госпитальные припасы и аптека?»

«Они остались въ Вильнѣ, за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ».

— «Слѣдовательно», вскричалъ Наполеонъ, «армія лишена медикаментовъ, и если бъ мнѣ понадобилось принять лѣкарство, то я не могъ бы его получить?»

«Въ распоряженіи вашего величества собственная аптека», возразилъ докторъ. Эти слова разсердили императора.

— «Я первый солдатъ въ арміи», сказалъ онъ, воввысивъ голосъ, «и я имѣю право на лѣченіе въ войскѣ въ случаѣ нездоровья». Потомъ онъ спросилъ: «Гдѣ находится главный аптекаръ?» Ему отвѣчали: «Въ Вильнѣ».

— «Какъ?» возразилъ императоръ. «Одинъ изъ старшихъ изъ медицинскіихъ чиновъ не находится при арміи? Я приказываю отправить его обратно въ Парижъ. Пусть онъ отпускаетъ тамъ лѣкарства дѣвкамъ улицы Сентъ-Оноре. Назначить на его мѣсто другого, и чтобы вся госпитальная часть немедленно примкнула къ арміи».

Возвратясь на свои квартиры, мы принялись толковать обо всемъ, сказанномъ императоромъ. «Императоръ», сказалъ одинъ изъ насъ, «жалуется на войско, но войско имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на него; онъ требуетъ многого, тогда какъ недостатокъ у насъ во всемъ. Развѣ онъ не видитъ, что здѣшній край не Австрія и не Италія! Мѣстность дикая, дороги непроходимыя; каждый день намъ приходится бороться со всевозможными затрудненіями, испытывать усталость, превосходящую силы человѣческія; оставаться каждый день голодными, не получать даже водки, которая точно такъ же полезна для французскаго солдата, какъ для всякаго другого. На походѣ у насъ нѣтъ палатокъ и никакой защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Придетъ солдатъ усталый и голодный въ мѣстность, гдѣ нѣтъ припасовъ; какъ ему запретить итти на поиски пищи? Не заставляйте дѣлать усиленные переходы; подвигайтесь медленно, какъ слѣдуетъ поступать въ дальнихъ походахъ, когда идешь въ неизвѣстныя страны, гдѣ ничего не заготовлено для войска; оказывайте войску отеческое попеченіе, снабжая его исправно каждый день надлежащими припасами, а на ночь палатками, словомъ меньше опасайтесь издержекъ, а больше гибели солдатъ, тогда никто не подумаетъ бросить свое знамя, какъ это и было въ странахъ, гдѣ войско постоянно находило все необходимое. Что касается до обвиненія Наполеона, что офицеры заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, то надобно благодарить помѣщиковъ за ихъ гостепримство, спасавшее отъ голода не только отдѣльныхъ офицеровъ, но даже цѣлыя роты. Странно забывать, что люди не могутъ существовать безъ пищи, ни проводить ночи, подобно звѣрямъ, безъ крыши. Наконецъ, что касается отставшаго госпитальнаго обоза, то виноватъ ли былъ нашъ главный аптекаръ, ученѣйшій парижскій химикъ Сюрю, что для него

не хватило лошадей? Отставлять его было несправедливо. Но вот то-то и есть, что прежніе примѣры довольства и избытка въ цивилизованныхъ странахъ избаловали войско такъ, что уже трудно ему привыкать къ лишеніямъ, испытываемымъ въ краѣ, чуждомъ цивилизаціи. Человѣкъ, такъ скавать, рабъ привычки. Она-то и заставила Наполеона не обратить вниманія на разность климата. Здѣсь надо было подвигаться медленно, чтобы усиленными переходами не причинить столько же потери, сколько можетъ причинить неудачное сраженіе. Наконецъ, постоянное отступленіе русскихъ должно же надоумить насъ, что этимъ намъ готовятъ очевидную гибель, заманивая насъ все глубже въ страну, — страну, гдѣ на тысячу человѣкъ едва одинъ пользуется достаткомъ. Итакъ, не взирая на геній свой, Наполеонъ обмануть незнаніемъ того края, куда онъ перенесъ войну. Многіе его генералы не больше его свѣдущи. Только поляки могли бы съ успѣхомъ дѣйствовать на русское населеніе, и если бъ императоръ поручилъ князю Понятовскому окончить этотъ походъ, то не сдобровать бы русскимъ. Но Наполеонъ не довѣряетъ полякамъ; онъ помнитъ только ихъ революцію 1794 г., когда польскіе магнаты продавали русскимъ свою родину, а между тѣмъ времена уже не тѣ. Онъ такъ ошибается въ полякахъ, что говоритъ: «Если бъ я возстановилъ Польшу, поляки продали бы меня русскимъ; храбрость ихъ не болѣе какъ вспышка соломы». Вотъ къ чему ведетъ ложное мнѣніе великаго человѣка. Судя о польской націи по стариннымъ ея заблужденіямъ, Наполеонъ забываетъ, что ошибки польскихъ сеймовъ прошлыхъ столѣтій послужили націи урокомъ для будущиxъ временъ; новое поколѣніе, понявъ это, не возобновитъ стараго; такъ точно, какъ невозможны ужасныя религиозныя войны, возбужденныя суетвѣріемъ и іезуитствомъ».

(Де-ла-Флиэ.)

* * *

Причиной нашего спѣшнаго ухода изъ Витебска, повидимому, было то обстоятельство, что лагерное мѣсто производило впечатлѣніе только что брошеннаго русскими. Мы умчались очень далеко, и все-таки не нагнали ихъ въ этотъ день...

Отъ Рудни дорога шла на востокъ. Вскорѣ мы увидѣли въ отдаленіи помѣстье, сразу привлекшее наше вниманіе. Прекрасное, высокое каменное главное его зданіе въ три этажа ласково манило насъ: оно расположено было словно въ весенней рошѣ, на склонѣ отлого подымавшейся горы; за нимъ тянулись прекрасныя темныя еловые лѣса, а вокругъ виднѣлись почти созрѣвшіе хлѣба и сочныя луга.

Мы очень пріятно провели тамъ нѣсколько дней; прекрасныя поля давали нашимъ конямъ много корма, болѣе спѣлаго, чѣмъ до сихъ поръ; не было недостатка въ хлѣбѣ и мясѣ, ибо можно было ежедневно печь хлѣбъ и рѣзать скотъ. Погода стояла хорошая и теплая; солдаты увеселялись на качеляхъ, построенныхъ у дороги. Одно было непріятно: приходилось довольствоваться скверной водой, что плохо отзывалось на людяхъ и увеличивало поносы...

Къ намъ прибылъ полковой аудиторъ, Крафтъ, который за Нѣманомъ долженъ былъ взять на себя распоряженіе по доставкѣ намъ провіанта и фуража. Онъ привезъ съ собою захваченную добычу, деньги и вѣсти о томъ, что дѣлается въ тылу арміи; утѣшительнаго оказалось мало. Онъ рассказывалъ о великой нуждѣ и о все возраставшемъ бѣдственномъ положеніи людей, о пожарахъ, грабежахъ, разбоѣ, о развалинахъ, опустошенныхъ дорогахъ, поляхъ и лѣсахъ, объ огромномъ количествѣ труповъ солдатъ, погибшихъ отъ жары, голода и жажды, объ отощавшемъ скотѣ и о болѣзняхъ, царившихъ во всѣхъ лагеряхъ; и рассказы его были потрясающіе. Нашихъ земляковъ онъ встрѣтилъ въ лагерѣ подъ Лесной; грустно было видѣть, прибавилъ онъ, какъ офицеры и солдаты лежали по лагерю больные; поносъ захватилъ ихъ настолько сильно, что нельзя было производить ученья, больше того, — едва возможно было отправлять обычную службу. Всѣ дома наполнены были больными, многіе умирали, а въ самомъ лагерѣ замѣчалось такое непрерывное бѣганье изъ фронта, какъ будто всѣмъ полкамъ сразу дали слабительнаго.

Этотъ аудиторъ съ большимъ трудомъ и медленностью доставилъ въ Вильну транспортъ съѣстныхъ припасовъ, фуража и скота. Онъ убѣдился въ невозможности двигаться со всѣмъ этимъ дальше, и думалъ, что ему никогда не нагнать насъ, если бы даже истомленный вьючный скотъ выдержалъ дорогу. А потому онъ продалъ тамъ евреямъ все, что припасъ для насъ, за исключеніемъ убойнаго скота, зато привезъ много денегъ, которыя и передалъ полковнику. Самъ онъ, по его словамъ, ничего не удержалъ себѣ; однако, этому — странно сказать — не хотѣли вѣрить. Но какъ все земное тлѣнно, такъ и солдатское добро. Два дня спустя эти деньги были въ рукахъ русскихъ.

Должно быть, командиръ былъ освѣдомленъ, что намъ предстоитъ пробыть здѣсь нѣкоторое время. Вскорѣ послѣ нашего прибытія онъ послалъ одного знавшаго по-польски унтеръ-офицера съ шестью человекѣми въ мѣстность впереди и вправо отъ насъ раздобыть съѣстного....

Однако, свѣдѣнія, сообщенныя прибывшимъ, скорѣ заставили вытянуться всѣ лица, сначала столь радостныя вслѣдствіе обилія припасовъ. «Здѣсь», говорилъ онъ, «приходить конецъ такимъ мѣстамъ, гдѣ населеніе за насъ; дальше — люди становятся другими. Всѣ противъ насъ; всѣ готовы либо защищаться, либо бѣжать; вездѣ меня встрѣчали непріязненно, съ упреками и бранью. Никто ничего не хотѣлъ давать; мнѣ приходилось брать самому, насильственно и съ рискомъ, меня отпускали съ угрозами и проклятїями. Мужики вооружены пиками, многіе на коняхъ; бабы готовы къ бѣгству и ругали насъ такъ же, какъ и мужики. Верховые развѣзжаютъ отъ мѣста до мѣста, сообщаютъ о томъ, что дѣлается; есть у нихъ доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помѣщики».

(Роосъ.)

Бой подъ Смоленскомъ и Валутинной.

Утромъ 16-го числа Ней съ авангардомъ подошелъ къ Смоленску. Императоръ шелъ недалеко за нимъ. Замѣчено было менѣе укрѣпленное мѣсто и былъ отданъ приказъ взять его приступомъ. Съ рѣдкой неустрашимостью бросились сюда три колонны; непріятель встрѣтилъ ихъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Паскевичъ изъ половины своей дивизіи устроилъ засаду въ оврагѣ, а вторую половину укрылъ за брустверомъ артиллерійской цитадели. Два раза храбрецы Ней переходили рвы и достигали откосовъ контрескарпа цитадели, и оба раза они были отброшены, благодаря во время присланнымъ резервамъ Раевского и Паскевича. Корпусъ Дохтурова занялъ южныя предмѣстія. Французскіе полки тоже постепенно приближались, и къ ночи подъ стѣнами Смоленска расположились лагеремъ около 230.000 человекъ. Не имѣя возможности взять городъ приступомъ, Наполеонъ рѣшилъ обойти его. Онъ поручилъ генералу Гиллеминѣ отыскать переправу черезъ рѣку выше города, чтобы перекинуть мостъ и отрѣзать непріятелю путь къ Москвѣ. Жюно съ вестфальцами долженъ былъ это исполнить, но онъ заблудился и не могъ этого сдѣлать. Между тѣмъ разгорѣлся серьезный бой подъ Смоленскомъ, такъ что этотъ проектъ былъ оставленъ. Очень можетъ быть, что благодаря близости арміи Баграціона, которая стояла по дорогѣ къ Москвѣ, проектъ этотъ былъ трудно исполнимъ, но это былъ одинъ изъ лучшихъ исходовъ и необходимо было бы попытаться это сдѣлать.

17-го былъ горячій день! Русскіе генералы, расположившись на возвышенномъ правомъ берегу Днѣпра, выслали свѣжій корпусъ, состоящій изъ 30.000 человекъ, чтобы смѣнить отрядъ Раевского. Императоръ думалъ, что они намѣреваются вступить въ открытый бой и приготовился принять ихъ, но видя, что они не хотятъ сами перейти въ наступленіе, приказалъ начинать атаку. Слѣва Ней атаковалъ цитадель, справа, съ верховья Днѣпра, наступалъ Понятовскій, а Даву въ центрѣ атаковалъ Рославскія предмѣстья. Такая атака съ разныхъ сторонъ представляла массу опасностей, такъ какъ атакующіе подвергались огню ста орудій, расположенныхъ по берегу Днѣпра. Однако Понятовскому подъ защитой батареи удалось добраться до бреша, пробитой въ стѣнѣ города, а Ней почти завладѣлъ цитаделью. Въ центрѣ Даву послѣ ужасной битвы выбилъ изъ предмѣстій Дохтурова. Но несмотря на всѣ усилія храбрецовъ ничего нельзя было сдѣлать; около самаго города, который непріятель мужественно защищалъ, Наполеонъ велѣлъ собрать всю запасную артиллерію, чтобы пробить брешь въ стѣнѣ, но напрасная попытка — ядра застрѣвали въ этихъ огромныхъ каменныхъ стѣнахъ, не производя имъ никакого ущерба. Единственная возможность пробить брешь была бы если сконцентрировать огонь на одну изъ круглыхъ башенъ, но мы не имѣли никакого понятія о толщинѣ ихъ стѣнъ.

Такъ какъ наши гранаты произвели пожары въ городѣ, дома котораго были по большей части деревянные, и такъ какъ непріятель

потерпѣлъ большой уронъ и не хотѣлъ дать намъ сраженіе внѣ города, то Барклай рѣшилъ отступить ночью, предоставивъ Корфу прикрывать его отступление. И онъ дѣйствительно отступилъ, но уходя поджегъ сначала дома, не сгорѣвшіе еще отъ нашихъ гранатъ.

Вѣздъ Наполеона въ Смоленскъ былъ еще болѣе зловѣщъ, чѣмъ это было даже въ Вильнѣ, несмотря на то, что наше вступленіе въ Вильну сопровождалось ея полнымъ разрушеніемъ. Вся армія считала Смоленскъ концомъ своего утомительнаго похода. Всѣ рассчитывали войти въ городъ, изобилующій всѣмъ необходимымъ, и здѣсь отдохнуть какъ слѣдуетъ. Всѣ отважныя рискованныя предпріятія дѣйствуютъ на чернь совершенно особеннымъ образомъ. Войска, утомленныя тяжелымъ и гибельнымъ походомъ, видя, какъ цѣль этого похода все отъ нихъ удаляется и удаляется, начали беспокоиться, вспоминая огромное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ Франціи, было рѣшено остановиться въ Смоленскѣ, но теперь это стало невозможнымъ. Немудрено, что войска упали духомъ!

Этотъ городъ русскихъ считался у иностранцевъ главнымъ ба-зисомъ всего государства, и на него были обращены съ надеждой всѣ взоры французской арміи, и теперь этотъ городъ представлялъ изъ себя лишь огромный костеръ, покрытый трупами и ранеными. Пожаръ, причину котораго трудно выяснитъ, уничтожилъ половину города; жители бѣжали...

Съ большимъ трудомъ завоеванный и покинутый своими жителями городъ не могъ, конечно, избѣжать разграбленія, и все то малое, что осталось въ немъ, сдѣлалось жертвой солдатъ, раздраженныхъ постоянными лишеніями. Единственный священникъ, оставшійся въ городѣ и не желавшій покинуть своей паствы, доказалъ намъ своими отвѣтами, какъ настроены были жители противъ французовъ, которыхъ имъ описывали въ самыхъ чернахъ краскахъ. Все, что было связано съ религіознымъ или патріотическимъ чувствомъ, — все было сожжено. Можно было предвидѣть, что ко всѣмъ лишеніямъ перенесеннымъ нами въ Литвѣ, здѣсь еще присоединятся всѣ ужасы національной войны. Мы найдемъ здѣсь новую Испанію, но Испанію безъ полей, безъ виноградниковъ, безъ городовъ; мы не найдемъ здѣсь, конечно, Сарагоссы, такъ какъ всѣ деревянные дома были во власти огня, благодаря поджогамъ и гранатамъ, но не менѣе ужасныя препятствія, только въ другомъ родѣ, ожидали здѣсь наступающую армію...
(Жомини.)

* * *

15-го августа передъ Императоромъ продефилировали всѣ войска. Всѣ были воодушевлены по поводу дня его рожденія. Позабылись всѣ прошлыя невзгоды, и стойко выдерживались теперешнія лишенія, съ нетерпѣніемъ ждали дня сраженія въ надеждѣ, что миръ будетъ наградою за все.

Однако непріятель все отступалъ въ полномъ порядкѣ.

16-го утромъ на горизонтѣ передъ нами открылся Смоленскъ. Мы всѣ были увѣрены, что непріятель покинулъ городъ. Самъ императоръ раздѣлялъ это убѣжденіе и, призвавъ на разсвѣтъ около трехъ

часовъ утра генерала Коленкура, отдалъ ему приказъ перенести въ городъ главный штабъ. Мнѣ же было приказано находиться при немъ.

Мы отправились. Миповавъ дивизіи 3-го корпуса, разбросанныя колоннами по дорогѣ, мы очутились въ полуверстѣ отъ Смоленска впереди первой стрѣлковой линіи, обмѣнивающейся съ непріателемъ ружейными выстрѣлами.

Маршалъ Ней, недовольный медленнымъ передвиженіемъ своего отряда, появился среди своихъ стрѣлковъ: это самъ богъ Марсъ:—его видъ, ваглядъ, его увѣренность могутъ воодушевить самыхъ трусливыхъ. Вдругъ отрядъ изъ 700 или 800 казаковъ, находящихся до сихъ поръ подъ прикрытіемъ земли и хвороста, съ громкимъ крикомъ „ура!“ бросаются на насъ. Смявъ и обративъ въ бѣгство нашу кавалерію, они окружаютъ маршала и генерала Коленкура; они такъ тѣснятъ ихъ, что пуля, пущенная прямо въ упоръ въ герцога Эльхингенскаго, пробиваетъ ему воротникъ мундира. Однако смятеніе продолжалось недолго, такъ какъ бригада Доманже оправилась и, освободивъ маршала, преслѣдовала казаковъ до самаго Смоленска; пѣхота генерала Рау подкрѣпила ихъ и тѣмъ дала возможность маршалу дойти до самыхъ стѣнъ города и убѣдиться, что русскіе на мѣрны защищать его.

Тѣмъ не менѣе императоръ былъ настолько увѣренъ, что защита Смоленска не могла быть серьезной, и что русскіе не намѣревались тамъ удержаться, что онъ не придавалъ никакой вѣры рапортамъ, привозимымъ ему, до тѣхъ поръ, пока генералъ Коленкуръ не явился къ нему самъ и не подтвердилъ этого. Это обстоятельство объяснилось полнымъ незнаніемъ мѣстности, отсутствіемъ шпионажа и главнымъ образомъ неправильными указаніями, получаемыми императоромъ отъ людей, которые должны были знать страну.

Однако же всетаки послѣдовалъ приказъ взять Смоленскъ приступомъ, какъ будто бы все должно было преклоняться передъ императоромъ и его фортуной.

Печальная и пагубная самонадѣянность!

Во все время похода армія мужественно переносила всякія лишения, отважно подвѣргалась всевозможнымъ опасностямъ, побуждала непріателя при всевозможныхъ обстоятельствахъ и полила своею кровью весь путь, по которому влекла ее судьба...

Стѣны города были снабжены большимъ количествомъ орудій; но самый сильный и уничтожающій огонь шелъ съ батарей, поставленныхъ русскими на высотахъ внутри города. Императоръ самъ поставилъ нашу артиллерію на позиціи, и атака началась. Непритель, силы котораго совершенно не убывали, оказалъ упорное сопротивление геройскимъ усиліямъ нашихъ солдатъ. Ихъ гранаты и картечь опустошали наши ряды, и русскіе то нападая, то отступая, отстаивали шагъ за шагомъ каждую пядь земли до тѣхъ поръ, пока уже къ вечеру они быстрымъ натискомъ не были отброшены къ стѣнамъ города; тогда наши мѣтко направленными выстрѣлами усилились по всей линіи, хотя всетаки не смогли пробить стѣнъ. Наконецъ, наступила ночь, и вмѣсто того, чтобы хоть немного успокоить нервы отъ всѣхъ пережитыхъ сценъ, она только усилила весь ужасъ

дня, и видъ горящаго города, отъ котораго скоро останутся только груды пепла, былъ благодаря темнотѣ ночи еще ужаснѣе. Покидая городъ, русскіе подожгли его и оставили послѣ себя только однѣ развалины. Итакъ, исчезла надежда завладѣть городомъ, который мы, не безъ основанія, считали снабженнымъ всеѣмъ необходимымъ.

Вечеромъ дивизіи Морана и Гюдена расположились въ предмѣстьѣ и смогли войти въ городъ лишь на слѣдующее утро.

Между тѣмъ русскіе, отступая, сожгли мостъ, соединяющій Петербургскія предмѣстья съ городомъ, и заняли выгодныя позиціи по пути къ Москвѣ и Петербургу. Взятіе Смоленска стоило жизни 12.000 чело-вѣкъ: теперь необходимъ былъ продолжительный отдыхъ послѣ такого урона...
(*Баронъ Денне.*)

* * *

8 августа 1812 наша дивизія вновь выступаетъ въ походъ. 13-го августа мы переходимъ Днѣпръ, Борисѣенъ грековъ. 16-го французская армія идетъ тремя колоннами на Смоленскъ: въ 6 часовъ вечера она собрана у этого города. 17-го, въ три часа утра, она поднимаетъ оружіе. Линія застрѣльщиковъ 13-й легкой кавалеріи нашей дивизіи открываетъ огонь по лѣвой сторонѣ города, въ то время какъ 1-й корпусъ главной арміи маневрируетъ, всей массой по дивизіямъ, подъ огнемъ мѣстной артиллеріи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ маневровъ, все время подъ непріятельскимъ огнемъ, мы захватываемъ площадку Большовки, на которой разставлена батарея изъ шести-десяти пушекъ. Во время этой операціи нашъ полкъ получаетъ приказъ отъ маршала Даву итти впередъ и нападать. Мы теряемъ много людей, строясь къ сраженію подъ пальбою пушекъ русскихъ; но мертвые на своемъ мѣстѣ, такъ какъ мы находимся на кладбищѣ. Другіе полки нашей дивизіи подвигаются за 30-мъ. Мы стоимъ на небольшомъ разстояніи отъ города; и потому нашъ полкъ обстрѣливается не только орудіями съ вала, но еще пушками съ башни, которыя насъ сильно терзаютъ. И страдаемъ мы отъ этого до такой степени, что полковникъ Бюке велитъ намъ стать позади контрскарпа рва, окружающаго кладбище. Непритель, стоящій выше, чѣмъ мы, продолжаетъ осыпать насъ ядрами и чѣмъ-то въ родѣ гранатъ съ тремя отверстиями. Въ два часа граната, изрыгающая пламя чрезъ свои три отверстія, падаетъ предъ моею ротой. Я бросаюсь на нее, схватываю ее руками и бросаю ее въ колодець, который находится недалеко отъ меня, позади. Я обжигаю себѣ немного руки и перѣдъ моею одеждою. Мои начальники и весь батальонъ кричатъ *браво! Да здравствуетъ капитанъ Франсуа!* Если бы эта граната разорвалась, она взорвала бы два зарядныхъ ящика налѣво отъ батальона. Полковникъ Бюке, очень любившій меня, сдѣлалъ по этому поводу представленіе обо мнѣ, но меня опять забыли, какъ въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ, о которыхъ я говорилъ. Моею наградой, той, которая была самая лестная для меня, было одобреніе, громко выраженное моими начальниками и моими товарищами.

Въ три часа орудія установлены по всей линіи и выпускаютъ адскій огонь. Въ четыре часа начинается жаркая пальба по предмѣ-

стіямъ. Въ пять часовъ мы отталкиваемъ непріятеля, идемъ въ штыки, добираемся до прикрытаго пути¹⁾. Тогда битва дѣлается ужасною. Несмотря на убійственный огонь русской артиллеріи, мы захватываемъ укрѣпленные предмѣстія, дѣйствуя все штыками, доходимъ даже до самаго жерла пушекъ.

Въ шесть часовъ были установлены три батареи въ то время, какъ мы продолжаемъ атаку прикрытаго пути. Эти батареи начинаютъ стрѣлять и посредствомъ гранатъ, производящихъ пожаръ въ городѣ и во многихъ башняхъ, заставляютъ русскихъ покинуть эти башни. Мы мало подвигаемся на прикрытомъ пути, но двѣ батареи, стрѣляющія анфиладой, заставляютъ, наконецъ, русскихъ вернуться въ крѣпость. Двѣ роты минеровъ, поддержанные нашимъ полкомъ, заняты копаніемъ мотыкою у основанія вала. Въ семь часовъ непріятель защищается уже слабо, и мы слышимъ большой шумъ, идущій отъ города, который весь объятъ пламенемъ. Въ часъ утра этотъ шумъ прекращается. Русскіе отступили на другой берегъ Днѣпра и занимаютъ позиціи на возвышенностяхъ.

Въ два часа гренандеры нашей дивизіи входятъ въ Смоленскъ: всеѣ улицы въ огнѣ и наполнены мертвыми и ранеными. Дивизіи Морана и Фріана переѣзжаютъ Борисоенъ на поромѣ, соблюдая полнѣйшее молчаніе, и взбираются, какъ козы, на возвышенности, гдѣ выстраиваются къ сраженію. Они долго перестрѣливаются съ русскимъ арьергардомъ. Наша кавалерія нападаетъ на этотъ арьергардъ и побѣждаетъ его послѣ сраженія, даннаго 3-мъ корпусомъ.

Потеря русскихъ подъ Смоленскомъ была 4.000 убитыхъ, 7.000 раненыхъ и 2.000 плѣнниковъ; наша потеря равнялась 1.200 убитымъ и 3.000 раненымъ, причемъ ббольшая часть приходилась на долю нашей дивизіи, которая принимала самое дѣятельное участіе въ этой битвѣ. На долю 30-го выпало 90 убитыхъ и 107 раненыхъ.

18-го августа 1-й батальонъ 30-го входитъ въ Смоленскъ съ польскимъ батальономъ. Мы выстраиваемся для сраженія на плацъ-парадѣ, среди горящихъ домовъ. Полчаса спустя послѣ нашего вступленія, разставляютъ посты и охрану въ тѣ магазины, которыхъ пожаръ не достигъ еще. Потомъ составляютъ козлы, и каждый ищетъ что бы поѣсть, что отыскивается съ трудомъ въ городѣ, подожженномъ, опустошенномъ и потерявшемъ свое населеніе. Мы находимъ нѣкоторыхъ жителей, которые говорятъ по-французски и помогаютъ намъ въ нашихъ поискахъ. Въ пять часовъ мы покидаемъ Смоленскъ. Мы переѣзжаемъ Борисоенъ или Днѣпръ на поромѣ, и наша дивизія соединяется въ большомъ саду, на правомъ берегу рѣки. Мы уходимъ ночью и идемъ вдоль Днѣпра. Мы отбрасываемъ нѣсколько сотенъ казаковъ, которые хотятъ насъ тревожить. *(Франсуа.)*

* * *

Смоленскъ явился предъ нашими глазами со своими древними и толстыми стѣнами. Это былъ святой городъ. Религія заставляла русскихъ стараться изо всеѣхъ силъ не дать ему подпасть подъ чуже-

¹⁾ Часть вала, защищеннаго часисомъ.

земное иго; они выполнили свой долгъ. Французы нападали со своимъ обычнымъ мужествомъ на людей, которые съ яростью защищались. Нужно сказать, что русскіе были возбуждены обильными возліаніями водки; мы нашли на валахъ множество бочекъ почти пустыхъ. Французы, которымъ эта роскошь была запрещена, повиновались только духу чести, которая воодушевляеть ихъ въ присутствіи опасности; они стремились покончить съ этимъ, достигнувъ рѣшительной побѣды.

Я продвинулся впередъ чрезъ маленькій лѣсъ, въ концѣ котораго легко было видѣть движенія обѣихъ армій. Картечь, свалившая драгуна въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, напомнила мнѣ, что мнѣ слѣдовало бы умѣрить мое любопытство, и я вернулся назадъ къ госпиталю. Туда только что привели артиллериста, котораго молодой офицеръ поддерживалъ, и онъ горько рыдалъ; его рука была раздроблена; ампутація была произведена: во время операціи несчастный призывалъ смерть громкими криками. Глухой шумъ вдругъ возвѣщаетъ о прибытіи императора, который вскорѣ появился, въ сопровожденіи блестящаго штаба. — «Ваше Величество», восклицаетъ раненый, «подойдите ко мнѣ, подойдите ко мнѣ!» — Наполеонъ слышитъ его и подходитъ: — «Что тебѣ?» говоритъ онъ ему. — «Ваше Величество, трое изъ моихъ братьевъ были убиты на вашей службѣ; видите, я самъ теперь не въ состояніи вамъ долге служить; поручаю себя вашей милости». — «Твое имя?» — Наполеонъ сказалъ Бертье записать въ его памятной книжкѣ имя раненаго, а раненый болѣе не жаловался уже. Въ эту самую минуту прискакалъ галопомъ Мюратъ; на немъ былъ ментикъ, обшитый галуномъ; панталоны тѣлеснаго цвѣта обрисовывали его формы, на головѣ была шляпа, украшенная богатымъ султаномъ. Ней, облеченный въ свой мундиръ французскаго маршала, тоже только что прибылъ. Оба отдали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ своему начальнику, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, каждый удалился.

Послѣ двадцати четырехъ часовъ упорной и кровавой борьбы, наши солдаты вошли въ Смоленскъ, который былъ покинутъ русскими ночью. Довольно много домовъ не были охвачены пламенемъ: были употреблены всевозможныя усилія, чтобы остановить пожаръ. Я расположился бивуакомъ на ступеняхъ одного храма; камень служилъ мнѣ подушкой, и я глубоко заснулъ, завернувъ голову моимъ плащомъ.

Мосты были восстановлены на Борисоенѣ; армія совершила свой переходъ и пустилась въ погоню за непріятелемъ. Отъ семи до восьми тысячъ раненыхъ были покинуты русскими въ слободѣ, которая находится на противоположномъ берегу; они всѣ погибли, истребленные пожаромъ, который ихъ соотечественники зажгли, чтобы задержать наше наступленіе. Я прошелъ среди этихъ останковъ людей и обломковъ домовъ, избѣгая съ религіознымъ уваженіемъ наступить на трупы, обугленные огнемъ и ставшіе почти дѣтскими, и обходя со страхомъ рытвины, которыя образовались на каждомъ шагу, благодаря провалу погребовъ и колодецевъ, и едва были прикрыты плетомъ и углемъ.

(Дюверже.)

* * *

Городъ подвергался со всѣхъ сторонъ страшному бомбардированію, и подѣмными минами взорвало на воздухъ цѣлыя части стѣнъ. Непріятельская артиллерія не въ состояніи была отразить это нападеніе и бросила свою позицію; русскіе рѣшились отступить, потерявъ 12,000 человекъ убитыми, ранеными и плѣнными, и передъ отступленіемъ зажгли городъ со всѣми его магазинами. Общій пожаръ охватилъ городъ. Капонада прекратилась. Мы двинулись впередъ и увидали императора; онъ слѣзъ съ лошади у воротъ города и стоялъ, окруженный нѣсколькими генералами. Онъ отдавалъ приказанія, какъ въ это время изъ города выѣхали три кареты, направляясь въ его сторону. Изъ каретъ вышли нѣсколько русскихъ въ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ съ краснымъ воротникомъ; они держали шляпы въ рукѣ и низко кланялись императору. Наполеонъ поговорилъ съ ними съ четверть часа. То были русскія гражданскія власти, и во главѣ ихъ увѣдный предводитель дворянства. Они, какъ говорили, поднесли ключи города, объявляя, что армія русская выступила вонъ изъ города. Передавая его въ руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячамъ раненыхъ, разбросанныхъ по городу, и затѣмъ возвратились въ городъ. Императоръ вызвалъ впередъ нѣсколько дивизій для занятія Смоленска и приказалъ немедленно образовать группы врачей и лекарей съ служителями изъ гвардіи, съ тѣмъ, чтобы всѣ они раздѣлились по кварталамъ города, лечили бы всѣхъ раненыхъ, безъ разбора, и свезли бы въ госпитали. Приказаніе это было немедленно исполнено. *(Де-ла-Флишъ.)*

* * *

Около двухъ часовъ пополудни Наполеонъ приказалъ атаковать по всей линіи; битва была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ. Когда она уже завязалась, я былъ къ нему призванъ. «Скачи сейчасъ же въ Витебскъ съ этимъ вотъ ордеромъ, приказывающимъ всякому, къ такому бы роду оружія онъ ни принадлежалъ, помогать тебѣ разсѣдывать лошадь. Въ случаѣ необходимости смѣнить лошадь, всѣ лошади въ твоемъ распоряженіи, исключая артиллерійскихъ. «У тебя есть лошадь?» — «Есть, государь; у меня ихъ двѣ». — «Бери обѣихъ». Когда ты загонишь одну, пересаживайся на другую; вообще выполни дѣло со всей возможной быстротой. Я жду тебя завтра; теперь три часа, поѣзжай!» Я сажусь на лошадь. Графъ Монтіонъ говоритъ мнѣ: «Время не терпитъ, мой другъ, берите за поводъ другую лошадь, а первую потомъ бросите на пути». — «Но у меня онъ осѣдланъ». — «Лучшее сѣдло оставьте у моей прислуги и не теряйте ни минуты».

Я лечу, какъ молнія, держа въ рукѣ поводъ другой лошади. Когда первая стала сгибаться подо мной, я соскакиваю наземь, въ одинъ мигъ разсѣдываю ее, сѣдлаю другую и оставляю мое бѣдное животное на мѣстѣ. Продолжаю свой путь. Въѣзжаю въ лѣсъ и вижу тамъ маркитантовъ, которые спѣшили къ своему отряду. «Стой! Лошадь! Скорѣе!! Оставляя вамъ свою. Страшно торо-

Французы въ Россіи.

плюсь. Берите, разсѣдлайте мою лошадь!» — «Вотъ четыре прекрасныхъ польскихъ лошади — говоритъ маркитантъ, — какую хотите?» «Вотъ эту! Сѣдлай! Сѣдлай! Время не терпитъ, у меня ни минуты свободной».

Ахъ, какъ хороша была моя новая лошадь, какъ далеко она меня унесла! Въ этомъ лѣсу я нашелъ постъ для охраны пути. Являюсь къ начальнику поста и говорю: «Видите мой ордеръ. Скорѣе лошады! Храните мою!»

Я не терялъ ни часу, чтобы доскакать до Витебска. Передаю депеши начальствующему здѣсь генералу. Прочтя ихъ, онъ говоритъ: «Дайте обѣдать этому офицеру, положите его на часъ на постель, приготовьте ему хорошую лошадь и вооруженнаго проводника. Около лѣсу вы найдете стоящій тамъ полкъ. Можно и въ самомъ лѣсу, на сторожевомъ посту, перемѣнить лошадь».

Черезъ часъ генераль приходитъ. «Пакетъ для васъ готовъ, позвѣжайте, мой храбрець. Если вы не замедлите въ пути, то не потратите и 24 часовъ, включая сюда потерю времени на смѣну лошадей». Я ѣду на хорошей лошади и хорошо охраняемый. Въ лѣсу нахожу полкъ. Представляю полковнику ордеръ. Быстро прочитавъ его, онъ сказалъ: «Дайте вашу лошадь, адъютантъ, таковъ приказъ императора. Разсѣдлайте его лошадь; время не терпитъ».

Я рассчитывалъ встрѣтить въ лѣсахъ кавалерійскіе пикеты, но ихъ не оказалось. Всѣ или разбѣжались, или были смяты. Я совершенно одинъ, безъ спутника. Соображаю, замедляю шагъ и довольно далеко отъ себя вижу стоящихъ на бугоркѣ кавалеристовъ. Сворачиваю въ сторону, чтобы не быть замѣтнымъ, такъ какъ конечно это — казаки, поджидающіе врага. Пробираюсь дальше у самаго лѣса. Вдругъ оттуда выходитъ крестьянинъ и говоритъ мнѣ: «Казаки!» Я ясно его разглядѣлъ; безъ всякихъ колебаній слѣзаю съ лошади и, держа пистолеть, подхожу къ крестьянину, показывая ему въ одной рукѣ золото, въ другой пистолеть. Онъ понялъ и говоритъ мнѣ: «Такъ! такъ!», т.-е. онъ хочетъ сказать этимъ: «Хорошо!» Положивъ золото въ жилетный карманъ, взявъ лошадь за уздечку въ правую руку и продолжая держать пистолеть въ лѣвой, я иду справа отъ моего русскаго, который ведетъ меня по тропинкѣ. Продѣлавъ большой крюкъ, онъ опять выводитъ меня на дорогу со словами: «Нѣтъ, нѣтъ казаковъ!»

Вижу березы и по нимъ узнаю свою прежнюю дорогу. Полный радости, даю три наполеона моему крестьянину и сажусь на лошадь. Отчаянно гоню лошадь, и къ счастью достигаю какой-то фермы прежде чѣмъ лошадь окончательно не выбилась изъ силъ. Влетаю во дворъ, и вижу тамъ трехъ молодыхъ врачей, соскакиваю съ лошади и бѣгу въ конюшню. «Лошадь скорѣй! Оставляю вамъ свою. Читайте ордеръ».

Еще разъ сажусь на славную лошадь. Идетъ она хорошо, но мнѣ потребуется по крайней мѣрѣ еще одна, чтобы добраться до Смоленска. Между тѣмъ наступила ночь и я ничего не видѣлъ передъ собой. Къ счастью встрѣчаю четырехъ офицеровъ съ хорошими лошадьми и продѣлываю опять ту же церемонію. «Взгляните, если можете прочесть, на этотъ ордеръ императора и перемѣните мнѣ лошадь». Тол-

стый господинъ, котораго я принялъ за генерала, обратился къ одному изъ своихъ студниковъ: «Раасъдлайте вашу лошадь и дайте ее этому офицеру. Дѣло спѣшное, помогите ему». Я спасенъ. Въѣзжаю на поле битвы и отыскиваю императора.

(Куанье.)

* * *

Намъ хотѣлось отвернуться отъ этихъ сценъ рѣзни. Русскіе убѣгали, и кавалерія бросилась за ними въ погоню; вскорѣ она настигла арьергардъ. Корфъ хотѣлъ оказать сопротивленіе, но былъ подавленъ численностью нашихъ. Подоспѣлъ Барклай со своими силами, но и мы получили подкрѣпленія; завязалась отчаянная схватка. Ней атаковалъ съ фронта, Жюно съ фланга; непріятельская армія была бы разрѣзана пополамъ, если бы герцогъ ринулся впередъ. Раздраженный ожиданіемъ, Мюрать бросился къ нему: «что съ тобой? отчего ты не идешь впередъ?». «Мои вестфальцы начинаютъ колебаться. — Я ихъ расшевелю». Король неаполитанскій во главѣ нѣсколькихъ эскадроновъ бросается впередъ, ударяетъ на русскихъ, опрокидывая все на своемъ пути. «Вотъ маршальскій жезлъ уже наполовину и твой; доканчивай, русскіе пропали». Но Жюно не довель дѣло до конца; отъ усталости ли или изъ-за нерѣшительности, но храбрый изъ храбрыхъ дремалъ подъ пушечные выстрѣлы, а непріятель, возвратившійся на помощь своему арьергарду, возстановилъ свою боевую линію.

Схватка завязалась жестокая; храбрый Гюдень погибъ, и русская армія ускользнула отъ насъ. Наполеонъ посѣтилъ мѣста, гдѣ происходилъ бой. «Узелъ битвы былъ не у моста, а вонъ тамъ, въ деревнѣ, гдѣ долженъ былъ выйти восьмой корпусъ. А что дѣлалъ Жюно?» Король неаполитанскій попытался смягчить его вину. Онъ ссылаясь на численность непріятеля, на препятствія, пустилъ въ ходъ всѣ обычные доводы... Бертье, всегда любившій герцога, принялъ въ немъ участіе; Коленкуръ съ своей стороны тоже. Всѣ по мѣрѣ возможности говорили въ защиту храбреца, котораго можно было упрекнуть лишь въ минутной растерянности. Правда, изъ за этого мы потеряли весьма большія преимущества. Наполеонъ призвалъ меня къ себѣ. «Жюно теперь окончательно утратилъ всѣ шансы на маршальскій жезлъ. Я назначаю васъ командиромъ вестфальскаго корпуса: вы говорите на ихъ языкѣ, вы подадите имъ примѣръ и заставите ихъ сражаться». Я былъ польщенъ этимъ довѣріемъ и высказалъ ему это; но вѣдь Жюно былъ весь покрытъ ранами. Онъ отличился въ Сиріи, въ Египтѣ, вездѣ; я просилъ императора забыть одну минуту его разсѣянности во вниманіе къ двадцатилѣтнему мужеству и преданности. «Изъ-за него русская армія не сложила оружія: вѣдь это можетъ мнѣ помѣшать пойти на Москву. Примите команду надъ вестфальцами». Тонъ, какимъ онъ произнесъ эти слова, былъ уже значительно болѣе мягкій. Заслуги бывшаго адъютанта заставляли легче относиться къ бездѣйствію, проявленному восьмымъ корпусомъ. Я продолжалъ: «Ваше Величество только что говорили мнѣ о Москвѣ. Армія не ожидаетъ этого похода». — «Дѣло начато, надо довести его

до конца. Я только что получилъ хорошія извѣстія: Шварценбергъ на Вольни, Польша организуется; у меня будетъ всякаго рода помощь».

Я покинулъ Наполеона, чтобы сообщить князю Нешательскому и герцогу Виченцскому¹⁾ о немилости грозившей Жюно. «Мнѣ крайне тяжело, сказалъ мнѣ князь, что его лишаютъ командованія; но не могу не сознаться, что изъ-за него не удалась самая лучшая операція за всю кампанію. Вотъ отъ чего зависятъ успѣхи въ войнѣ: отъ забывчивости, отъ минутной разсѣянности и растерянности: не сумѣешь налету схватить подвѣртывающуюся случайность, а она ускользнетъ и уже не вернется болѣе. Вѣдь ни у кого нѣтъ такой отваги, такихъ способностей. Воинскія качества соединяются въ немъ съ обширными познаніями; онъ неустрашимъ, уменъ, привѣтливъ и добръ. Онъ забылся на часъ, а враговъ у него много. Впрочемъ, я поговорю съ Коленкурромъ». Оба дѣйствовали настолько успѣшно, что Жюно сохранилъ за собой командованіе; я былъ очень доволенъ этимъ, во-первыхъ, потому, что лишеніе командованія было бы для него ударомъ, а во-вторыхъ, потому, что для меня не было большой радости въ его солдатахъ. Къ несчастью, неукротимость и пылкость юныхъ лѣтъ смѣнились у него усталостью. Въ битвѣ подъ Москвой онъ не проявилъ того увлеченія и той энергіи, которыя онъ прежде неоднократно выказывалъ; а дѣло подъ Вереей довело недовольство имъ Наполеона до послѣднихъ предѣловъ.

Нѣсколько дней спустя мы узнали о движеніи Тормасова. Мы были въ тревогѣ и обсуждали эти отступленія въ сторону отъ намѣченного пути, говорили объ опасностяхъ, которымъ подвергаешься, чрезмѣрно удаляясь отъ операціонной базы. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ слышалъ наши разговоры. Онъ подошелъ къ намъ, много говорилъ о томъ, какъ онъ обезопасилъ свой арьергардъ, о войскахъ, составлявшихъ наши фланги, и о той цѣпи постовъ, которые тянулись отъ Нѣмана вплоть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы находились. «Тормасовъ, сказалъ онъ намъ, взбудоражилъ всѣхъ варшавянъ. Они уже видѣли его дѣйствующимъ въ Прагѣ! но, какъ видите, его выставили даже скорѣе, чѣмъ онъ пришелъ». Наполеонъ ушелъ въ свой кабинетъ и началъ диктовать совершенно равнодушно, но настолько громко, чтобы мы могли слышать все отъ слова до слова, свои инструкціи герцогу Беллуно²⁾.
(Раннѣ.)

* * *

Корпусъ, прикрывавшій отступленіе русскихъ, занялъ позицію на Валутиной горѣ, гдѣ находилась часть ихъ арміи, выстроенной для битвы. Герцогъ Эльхингенскій приказалъ 11-й дивизіи остановиться, чтобы дожидаться 10-й и 25-й; непріятель принялъ нашу осторожность за колебаніе; не видя за собой преслѣдованія, онъ захотѣлъ въ свою очередь перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ и съ удвоеннымъ усиленіемъ напалъ на дивизію Рау, но былъ отброшенъ. Храбрый 18-й полкъ выказалъ при этомъ энтузіазмъ, который не поддается

¹⁾ Бертье и Коленкуръ. *Ред.*

²⁾ Маршалъ Викторъ.

описанію: онъ одинъ прорвалъ 1-ую линію осаждавшихъ. Около 4-хъ часовъ дня началась снова перестрѣлка; герцогъ Абрантесъ, заблудившійся вправо отъ Смоленска, сдѣлалъ неправильное движеніе и и не могъ поспѣть во время на московскую дорогу, чтобы отрѣзать отступленіе нашимъ противникамъ. Поэтому первые непріятельскіе эшелоны вернулись обратно и послѣдовательно завязали сраженіе съ 4-мя дивизіями. Русскимъ было тѣмъ болѣе важно защитить эту дивизію, что, будучи на самомъ дѣлѣ сильной, она считалась въ странѣ неодолимой; въ прежнія войны поляки всегда терпѣли тутъ пораженія. Поэтому москвичи, по религіозной традиціи, связывали съ этой площадкой надежду на побѣду и дали ей громкое названіе «Священнаго поля».

Но если Барклай де-Толли придавалъ большое значеніе тому, чтобы сохранить за собой эту позицію, мы не менѣе горячо желали взять ее, тѣмъ болѣе, что это дало бы намъ возможность завладѣть обозомъ и телѣгами съ ранеными, выѣхавшими изъ Смоленска подъ охраной аррьергарда. Въ 6 часовъ вечера дивизія Гюдана, посланная въ помощь 3-му корпусу противъ многочисленныхъ войскъ, которыя непріятель собралъ, подошла въ видѣ колонны къ центру позиціи, поддерживаемая дивизіей Ледрю и дивизіей генерала Маршана, остававшейся въ резервѣ. Когда распоряженія были сдѣланы, наши солдаты, по данному сигналу, бросились на непріятеля, который бился съ яростью. 7-й легкій полкъ, полки 12-й, 21-й и 127-й, составлявшіе дивизію Гюдана, съ такой стремительностью ударили въ штыки, что русскіе бѣжали, оставивъ намъ позицію; они были, очевидно, увѣрены, что имѣютъ дѣло съ императорской гвардіей. Это геройское дѣло стоило жизни храброму генералу, командовавшему этой дивизіей; это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ арміи, достойный сожалѣнія по своимъ нравственнымъ качествамъ, талантливости и рѣдкой отвагѣ. Впрочемъ, эта смерть была хорошо отомщена: его дивизія произвела жестокую рѣзанію среди непріятелей, которые бѣжали къ Москвѣ, оставивъ Священное поле усѣянномъ тѣлами убитыхъ. Во время стычки одинъ генералъ изъ русской дивизіи былъ взятъ въ плѣнъ однимъ изъ нашихъ пѣхотныхъ офицеровъ...

На другой день Императоръ раздавалъ въ 3 часа утра на полѣ битвы награды отличившимся полкамъ, и такъ какъ вновь сформированный 127-й полкъ велъ себя хорошо, Наполеонъ далъ ему право носить орла; до сихъ поръ онъ не имѣлъ еще этого права, такъ какъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи. Эта раздача наградъ среди мертвыхъ и умирающихъ и къ тому же на мѣстѣ, прославленномъ побѣдой, представляла величественное зрѣлище, которое какъ бы уподобляло наши подвиги наиболѣе геройскимъ подвигамъ древности. Впечатлѣніе, произведенное этимъ смотромъ на Наполеона, имѣло пагубныя послѣдствія: говорятъ, что онъ предполагалъ закончить походъ этой битвой, но при видѣ валутинскихъ побѣдителей онъ былъ такъ восхищенъ ихъ военной выправкой, что сказалъ окружающимъ: «Будемъ продолжать побѣждать; съ такими войсками надо идти на край свѣта».

(Лобомъ.)

* * *

Прибытіе Наполеона, какъ всегда, вызвало шумныя клики; даже самыя тяжело раненыя дѣлали послѣднее усиліе, чтобы еще разъ привѣтствовать его... Онъ прошелъ мимо гренадера, занятаго перевязкой раны на ногѣ: «Ah Mon Empereur!» сказалъ этотъ служака: «почему не вы были вчера во главѣ насъ? мы бы раздавили русскихъ!» Видѣ поля битвы былъ ужасенъ. Намъ ежеминутно приходилось поворачивать лошадей, чтобы не наткнуться на груды труповъ; и въ награду за столько жертвъ ни одного трофея, ни одного орудія, ни одной муниціонной повозки! Захватъ этого участка, покрытаго мертвыми, — вотъ единственный плодъ побѣды. Лучезарное солнце заливало свѣтомъ это поле бойни.

Императоръ сдѣлалъ смотръ войскамъ Нея, вручилъ орла 127-му полку, который только что получилъ боевое крещеніе. Эта церемонія, сама по себѣ внушительная, приобрѣла на этомъ мѣстѣ прямо эпическій характеръ. Полкъ построился въ каре; въ рядахъ виднѣлось много лицъ, еще черныхъ отъ пороха, много окровавленной амуниціи. Полковникъ и офицеры построены были полукругомъ около императора. «Солдаты», сказалъ онъ: «вотъ вамъ орелъ! въ часы опасности онъ будетъ служить вамъ центромъ единенія. Клянитесь мнѣ никогда не покидать его, оставаться всегда на стезѣ чести, защищать отечество и никогда не давать въ обиду Францію, нашу Францію!» Всѣ, какъ одинъ человекъ, отвѣтили: «Клянемся!» Тогда императоръ взялъ орла изъ рукъ Бертье и вручилъ его полковнику, который передалъ его знаменосцу. Въ тотъ же моментъ каре разступилось, полкъ перестроился и знаменосецъ, предшествуемый барабанщиками и музыкой, занялъ свое боевое мѣсто въ центрѣ отборнаго взвода...

Сержантъ гренадерской роты того же полка тутъ же на мѣстѣ произведенъ былъ въ подпоручики. «Немедленно провозгласите объ этомъ производствѣ», сказалъ Наполеонъ. Полковникъ произнесъ обычныя торжественныя слова, но не подумалъ обнять новаго офицера. «Ну, что же вы, полковникъ! лобзанье-то, лобзанье!» живо произнесъ Наполеонъ. Дѣйствительно, было очень некстати забыть это. Ордена, производства, награды сыпались градомъ. Видно было, что Наполеонъ и въ себѣ и въ другихъ чувствовалъ повелительную потребность подавлять печальныя мысли... Подойдя къ 95-му полку, онъ попросилъ полковника позвать ему отличившихся накануне, и когда тотъ естественно началъ съ офицеровъ, императоръ прервалъ его на шестомъ или седьмомъ. «Какъ, полковникъ, значить, ваши солдаты — трусы?» И онъ самъ вызвалъ изъ рядовъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которыхъ ему указали, какъ достойныхъ производствѣ или отличій.

При видѣ этой сцены я понялъ, я самъ почувствовалъ то непреодолимое очарованіе, которое производилъ Наполеонъ, когда онъ этого хотѣлъ, и притомъ всюду, гдѣ онъ бывалъ. Но онъ не могъ быть вездѣ!

(Брандтъ.)

Смоленекъ послѣ Взятія.

Единственными свидѣтелями нашего вступленія въ опустошенный Смоленскъ являются дымящіяся развалины домовъ, лежащіе вперемежку трупы своихъ и враговъ засыпаютъ въ общей ямѣ.

Въ особенно мрачномъ и ужасномъ видѣ предстала предъ нами внутренность этого несчастнаго города. Ни разу, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, мы еще не видали такихъ картинъ; мы ими глубоко потрясены. При звукахъ военной музыки, съ гордымъ и въ то же время нахмуреннымъ видомъ проходимъ мы среди этихъ развалинъ, гдѣ валяются только несчастные русскіе раненые, покрытые кровью и грязью. Наши уже подобраны, но сколько труповъ, должно быть, скрыто подъ этими дымящимися грудами! Сколько людей сгорѣло и задохлось!

На порогахъ еще уцѣлѣвшихъ домовъ ждуть группы раненыхъ, умоляя о помощи. Подбираютъ наиболѣе пострадавшихъ и переносятъ ихъ на рукахъ. Я видѣлъ повозки, наполненныя оторванными частями тѣла; ихъ везли зарывать отдѣльно отъ тѣлъ, которымъ они принадлежали! Городъ кажется покинутымъ. Немногіе оставшіеся жители укрылись въ церквахъ, гдѣ они полные ужаса ждуть касающагося ихъ постановленія. На улицахъ встрѣчаемъ въ живыхъ только французскихъ или союзныхъ солдатъ, уже водворившихся въ городѣ. Они отправляются шарить по улицамъ, надѣясь отыскать что-нибудь, пощаженное огнемъ...

(Ложье.)

* * *

На другой день (19 августа) мы вошли въ Смоленскъ по предмѣстью, идущему вдоль рѣки; мы шли среди развалинъ и труповъ; дворцы еще догорали и представляли собою только стѣны, потрепавшіеся отъ пламени; подъ ихъ обломками виднѣлись почернѣвшіе отъ дыма скелеты сгорѣвшихъ жителей. Немногіе уцѣлѣвшіе дома были заняты солдатами, а на порогѣ ихъ стояли ихъ прежніе хозяева съ оставшимися членами своей семьи и оплакивали или умершихъ дѣтей своихъ, или гибель всего имущества, добытаго долгимъ и тяжелымъ трудомъ. Однѣ церкви доставляли нѣкоторое утѣшеніе несчастнымъ, оставшимся безъ крова. Соборъ, извѣстный въ Европѣ и очень почитаемый русскими, сдѣлался убѣжищемъ безпріютныхъ жителей, бѣжавшихъ съ пожарища. Въ этой церкви, вонлѣ самыхъ алтарей цѣлыя семьи лежали на лохмотьяхъ; въ одномъ мѣстѣ умирающій старикъ вглядывался потухающимъ взоромъ въ лики святыхъ, которымъ онъ молился всю жизнь; въ другомъ невинные младенцы сосали грудь у матери, поблекшей отъ горя и обливавшей ихъ слезами.

Вся эта картина бѣдствія представляла поражающій контрастъ съ видомъ арміи, вступавшей во внутреннюю часть города. Съ одной стороны было горе побѣжденныхъ, съ другой — гордость побѣдителей; одни все потеряли, другіе обогатились добычей и, не испытавъ ни одного пораженія, шли горделиво подъ звуки военной музыки, поражая ужасомъ и восхищеніемъ несчастные остатки покореннаго населенія.

(Лобомъ.)

* * *

Осада Смоленска не задержала насъ даже на три дня. На третій день городъ былъ уже пустъ; но онъ горѣлъ, и соединительные мосты черезъ Днѣпръ были сломаны.

Мы были принуждены пройти черезъ этотъ пылающій адъ. Достигнувъ берега рѣки, мы свели своихъ лошадей внизъ по откосу и, не тратя времени на розыски брода, переправились черезъ рѣку вплавь.

Съ цѣлью помочь моему молодому нормандцу, котораго я очень любилъ, я положилъ свою саблю на сѣдельную шишку и его голову, а самъ поплылъ рядомъ, поддерживая одной рукой патронташъ и пистолеть надъ поверхностью воды. Однако я вымочилъ себя совершенно напрасно, такъ какъ наши лошади почти повсюду доставали своими ногами дна; оставаясь подобно своимъ товарищамъ верхомъ, я вышелъ бы сухимъ, по крайней мѣрѣ большею частью; но я былъ молодъ, полонъ силъ и боялся, болѣзни такъ же мало, какъ смерти.

Впрочемъ на другомъ берегу мы нашли плававшій уже костеръ, который способенъ былъ высушить цѣлый фонтанъ.

Старый городъ, куда мы пришли, состоялъ, какъ я уже замѣтилъ, сплошь изъ деревянныхъ построекъ.

Русская армія, надѣясь, повидимому, на болѣе продолжительное сопротивленіе, эвакуировала въ Смоленскъ раненыхъ подъ Краснымъ, Могилевымъ и во всѣхъ другихъ предшествовавшихъ бояхъ.

И вотъ передъ нашими глазами предстало ужасное зрѣлище.

При приближеніи французской арміи всѣхъ этихъ раненыхъ собрали въ Старый городъ.

Въ первый же день осады нѣсколько гранатъ вызвали здѣсь пожаръ. Сила атаки и стремительность преслѣдованія дали непріятелю лишь время разрушить мосты, но не позволили ему эвакуировать раненыхъ; и эти несчастные, покинутые такимъ образомъ на жестокую смерть, лежали здѣсь кучами, обугленные, едва сохраняя человѣческій образъ, среди дымящихся развалинъ и пылающихъ балокъ.

Многіе послѣ напрасныхъ усилій спастись отъ ужасной стихіи лежали на улицахъ, превратившись въ обугленные массы, и позы ихъ указывали на страшныя муки, которыя должны были предшествовать смерти.

Я дрожалъ отъ ужаса при видѣ этого зрѣлища, которое никогда не исчезнетъ изъ моей памяти. Задыхаясь отъ дыма и жары, взволнованные этой страшной картиной, мы поспѣшили выбраться за городъ.

Казалось, что я оставилъ за собою адъ. *(Комбъ.)*

* * *

Штурмъ Смоленска былъ однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ, какіе только мнѣ удавалось видѣть. Ворота, бреши въ стѣнахъ, главныя улицы города — все это было завалено трупами и умирающими и притомъ почти исключительно русскими, потери которыхъ

были громадны. Трудно исчислить огромное количество труповъ, которые отыскивали постепенно и въ городскихъ ямахъ, и въ пригородныхъ оврагахъ, и по берегу рѣки, и подъ мостами. Мы съ своей стороны потеряли 1.200 чел. убитыми и 6.000 чел. ранеными; при этомъ большей части раненыхъ первая помощь была оказываемая на самомъ полѣ битвы по мѣрѣ того какъ ихъ приносили. Я сдѣлала въ походномъ госпиталѣ массу операцій; отсюда мы уносили раненыхъ со всей возможной поспѣшностью въ 15 обширныхъ зданій, превращенныхъ въ госпитали. Одни изъ послѣднихъ находились по близости отъ главныхъ пунктовъ сраженія, другія помѣщались въ слободахъ, третьи и самые обширные — въ городѣ.

Какъ и въ Витебскѣ, мы ощущали большой недостатокъ въ необходимыхъ матеріалахъ. Мнѣ, какъ и раньше, приходилось измышлять разныя средства, чтобы чѣмъ-нибудь замѣнить недостающее. Такъ вмѣсто бѣлья, которое мы, исключая бѣлья раненыхъ, израсходовали въ первые же дни, я пользовался бумагой, найденной въ архивѣ, зданіе котораго было обращено въ госпиталь. Пергамень замѣнялъ лубокъ: пакля и тонкая береста — корпію, на бумагу же клали раненыхъ. Но зато какъ много приходилось работать, какія затрудненія надо было преодолевать! Горожане почти всѣ разбѣжались, а большая часть удобныхъ зданій погибло отъ пожаровъ или было разграблено.

Большую помощь оказывали мнѣ коллеги главнаго штаба и гвардіи. День и ночь мы перевязывали пострадавшихъ отъ огня и холоднаго оружія людей и, несмотря на недостаточность нашихъ матеріаловъ, всѣ операціи мы успѣвали дѣлать въ теченіе первыхъ сутокъ послѣ пораненія...

Большое число больныхъ и раненыхъ, какъ французовъ, такъ и русскихъ, сильно затрудняло дѣло по продовольствію госпиталей. Русскіе лежали вперемежку съ нашими и пользовались одинаковымъ съ ними уходомъ.

Кое-какъ удалось спасти отъ огня и грабежа значительное количество самыхъ необходимыхъ медикаментовъ, а также вина и водки. Въ окрестныя деревни мы послали добыть мяса и провизіи. Изъ резервныхъ походныхъ госпиталей намъ прислали бѣлья и корпіи. Всѣ эти средства, а также неуспынный надзоръ нашихъ хирурговъ помогли выздоровѣть всѣмъ легко раненымъ, а тяжело раненыя получили необходимый уходъ. Однако мѣсяць спустя въ провизіи сталъ ощущаться недостатокъ и только муки было довольно, такъ какъ нѣсколько обозовъ ея было доставлено изъ отдаленныхъ мѣстностей. Военные, не раненые въ нижнія конечности, еще могли мириться съ этимъ недостаткомъ, но другія сильно страдали.

Необходимость обезпечить помощь почти 10.000 раненымъ русскихъ и французовъ, собраннымъ въ госпиталяхъ Смоленска, а также мое внутреннее убѣжденіе, что армія послѣ такого крупнаго успѣха и съ началомъ осеннихъ дождей не пойдетъ далеко на сѣверъ, побудили меня оставить въ Смоленскѣ, кромѣ всѣхъ военныхъ врачей резерва, 5 отдѣленій нашихъ легкихъ походныхъ госпиталей.

(Ларрей.)

* * *

Такъ какъ госпиталей съ трудомъ хватало для размѣщенія всѣхъ раненыхъ, пріемъ въ нихъ больныхъ былъ воспрещенъ, тѣмъ болѣе что число послѣднихъ было очень велико, и вотъ они, лишенные всякой, помощи принуждены были тащиться вслѣдъ за своими полками до тѣхъ поръ, пока не выпускали духа гдѣ-нибудь на дорогѣ или на бивакѣ. Что за ужасное зрѣлище, въ особенности для насъ, врачей, на чьей обязанности лежитъ облегчить страданія этихъ несчастныхъ, и когда въ то же время мы были лишены всякой возможности исполнить это! Позднѣе, во время дальнѣйшаго похода и въ особенности во время плѣна, мнѣ приходилось переносить жестокия, пожалуй даже ужасныя страданія, но мнѣ все-таки кажется, что я ни разу не переносилъ такихъ острыхъ душевныхъ мученій, какъ иногда при видѣ этихъ бѣдныхъ больныхъ и раненыхъ въ Смоленскѣ. Правда, это происходило, такъ сказать, въ началѣ кампаніи; впоследствии же, когда душу раздирающія сцены и картины успѣли притупить чувствительность нервовъ, моя восприимчивость была нѣсколько понижена, благодаря привычкѣ къ подобнымъ зрѣлищамъ.

(Руса.)

* * *

На слѣдующій день, 23-го августа, императоръ произвелъ смотръ корпусу Понятовскаго и обнаружилъ при этомъ ту же щедрость на награды. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ изгладить воспоминаніе о жестокомъ и несправедливомъ нагоняѣ, какой онъ задалъ князю, въ первые дни кампаніи, въ отвѣтъ на заявленныя имъ претензіи по поводу задержки жалованья и припасовъ. Письмо это, почти оскорбительное по тону, тайно распространено было во множествѣ экземпляровъ. Говорили также о посѣщеніи княземъ и его генералами императорскаго бивака передъ взятіемъ Смоленска. Императоръ сначала принялъ ихъ довольно хорошо. Но скоро, недовольный свѣдѣніями, которыя ему давали относительно убыли наличнаго состава войскъ съ момента начала кампаніи, онъ запальчиво сказалъ начальнику главнаго штаба, генералу Фишеру:

— Но, чортъ возьми! куда же вы дѣли своихъ людей?

— Государь! недостатокъ припасовъ, утомленіе...

— А! Вы все поете мнѣ ту же пѣсню; почему же другіе корпуса не потеряли половины своего состава въ дорогѣ? Но я отлично знаю, отчего все это происходитъ; вы только и хороши со своими варшавскими *танцовщицами*. (Нѣкоторые увѣряли даже, что онъ употребилъ еще болѣе характерное слово).

Къ этому добавляли, что Понятовскій, задѣтый этой новой выходкой, готовъ былъ покинуть армію. Наконецъ, ходили еще слухи, что послѣ этого смотра 21-го числа, когда императоръ обнаружилъ большую благосклонность къ полякамъ, Понятовскій отправился къ нему вмѣстѣ съ Даву и на *кольняхъ* умолялъ разрѣшить ему двинуться къ Кіеву для организаціи поголовнаго ополченія въ бывшихъ польскихъ областяхъ; но императоръ съ запальчивостью от-

клонилъ его просьбу и будто бы грозилъ даже разстрѣлять его, если онъ будетъ настаивать на своемъ проектѣ. Я воспроизвожу это происшествіе, — не ручаясь за его достовѣрность, — въ такой формѣ, въ какой я слышалъ его въ тотъ же день въ Смоленскѣ, отъ людей, обычно хорошо освѣдомленныхъ...

Послѣ насъ дошла очередь до старой гвардіи, которую я могъ въ этотъ день разглядѣть на досугѣ. Съ той поры мнѣ приходилось видѣть болѣ красивыя войска, но никогда — болѣ внушительныя. Смѣшное приключеніе, случившееся за нѣсколько дней до этого у нашего полковника съ однимъ изъ этихъ старыхъ солдатъ, отлично показываетъ, каково было ихъ положеніе въ арміи, положеніе, принуждавшее даже офицеровъ высокаго чина считаться съ ними.

Дѣло было на бивакѣ. Я былъ у нашего полковника Хлусевича, который какъ разъ брился около входа въ палатку. Чашка, полная воды, стояла на столѣ около него. Вдругъ въ палатку врывается огромный бѣлый пудель и, безъ всякаго стѣсненія, принимается лаять воду изъ чашки. Ни полковникъ, ни я не успѣли пошевелиться, какъ слѣдомъ появляется гренадеръ старой гвардіи и, пробормотавъ себѣ въ усы: «извините господа», принимается привязывать веревку къ шеѣ собаки. Собака отбивается, опрокидываетъ наземь чашку, — а надо сказать, что на этой лагерной стоянкѣ было необычайно много пыли и весьма мало воды. «Видали ли вы когда-либо подобнаго нахала?» сказалъ ввѣщенный полковникъ, схвативъ за плечи и вытолкавъ изъ палатки пораженнаго изумленіемъ гренадера, который исчезъ вмѣстѣ со своей собакой...

Полковникъ и думать пересталъ объ этой исторіи, какъ вдругъ, два часа спустя гренадеръ вернулся назадъ въ сопровожденіи офицера главнаго штаба; оба были въ парадной формѣ. «Господинъ полковникъ», сказалъ офицеръ: «вы поставили въ очень неловкое положеніе почтеннаго человѣка, который пользуется уваженіемъ всего своего полка. Я являюсь отъ лица маршала Бертье, чтобы уладить эту непріятную исторію, заранѣе увѣренный, что достаточно будетъ одного слова разъясненія съ вашей стороны». — «Дѣйствительно», сказалъ не смущаясь полковникъ, «я давеча погорячился: я сейчасъ уже пожалѣлъ объ этомъ и немедленно сказалъ бы это этому почтенному человѣку, если бы онъ не исчезъ такъ быстро. Я очень радъ, что это посѣщеніе избавляетъ меня отъ необходимости отыскивать его, чтобы сказать ему, какъ я раздосадованъ тѣмъ, что такъ грубо обошелся съ нимъ. Ну, а теперь, не правда ли, гренадеръ, вы ничего больше не имѣете противъ меня?» прибавилъ онъ, протянувъ руку ворчуну, который сердечно пожалъ ее, заявляя, «что получилъ самое лучшее удовлетвореніе въ мірѣ». Полковникъ, который въ глубинѣ души былъ совершенно доволенъ, сказалъ мнѣ потомъ, что онъ охотно покорился изъ страха, какъ бы эта исторія не имѣла дурныхъ послѣдствій для полка. Можетъ быть, она повредила бы и его производству, потому что какъ разъ въ ту пору шла рѣчь о его переводѣ въ гвардію; дѣйствительно, онъ былъ назначенъ майоромъ второго полка легкой кавалеріи...

(Брандтъ.)

* * *

Вотъ уже пять дней, какъ Наполеонъ съ главною квартирою пошелъ влѣдъ за арміею по Московской дорогѣ; итакъ, тщетно мы ожидали, что войска наши останутся въ Польшѣ и, сосредоточивъ силы свои, стануть твердою ногою. Жребій брошенъ; русскіе, отступая во внутреннія области, находятъ вездѣ сильныя подкрѣпленія, и, нѣтъ сомнѣнія, что они вступятъ въ битву лишь тогда, когда выгодность мѣста и времени дастъ имъ увѣренность въ успѣхѣ.

Нѣсколько дней раздача провіанта становится весьма безпорядочной: сухари всѣ вышли, вина и водки нѣтъ ни капли, люди питаются одной говядиною отъ скота, отнятаго у жителей и окрестныхъ деревень. Но и мясо надолго не хватаетъ, такъ какъ жители при нашемъ приближеніи разбѣгаются и уносятъ съ собою все, что только могутъ взять и скрываются въ густыхъ, почти неприступныхъ лѣсахъ.

Солдаты наши оставляютъ свои знамена и расходятся искать пищи; русскіе мужики, встрѣчая ихъ по одиночкѣ или нѣсколько человѣкъ, убиваютъ ихъ дубьемъ, пиками и ружьями.

Собранный въ Смоленскѣ провіантъ, въ небольшомъ количествѣ, отправленъ на возахъ за арміею, а здѣсь не остается ни одного фунта муки; уже нѣсколько дней нечего почти ѣсть бѣднымъ раненымъ, которыхъ здѣсь въ госпиталяхъ отъ 6 до 7 тысячъ. Сердце обливается кровью, когда видишь этихъ храбрыхъ воиновъ, валяющихся на соломѣ и не имѣющихъ подъ головою ничего, кромѣ труповъ своихъ товарищей. Кто изъ нихъ въ состояніи говорить, тотъ просить только о кускѣ хлѣба или о тряпкѣ, или корпѣи, чтобы перевязать раны; но ничего этого нѣтъ. Новоизобрѣтенныя лазаретныя фуры, еще за 200 верстъ отсюда, даже тѣ фуры, на которыхъ уложены самые необходимые предметы, не успѣваютъ за арміею, которая нигдѣ не останавливается и идетъ впередъ ускореннымъ маршемъ.

Прежде, бывало, ни одинъ генералъ не вступить въ сраженіе, не имѣя при себѣ лазаретныхъ фуръ; а теперь все иначе; кровопролитнѣйшія сраженія начинають, когда угодно; и горе раненымъ, зачѣмъ они не дали себя убить? Несчастные отдали бы послѣднюю рубашку для перевязки ранъ; теперь у нихъ нѣтъ ни лоскутка, и самыя легкія раны дѣлаются смертельными. Но всего болѣе губить людей голодъ. Мертвыя тѣла складываютъ въ кучу, тутъ же, подлѣ умирающихъ, на дворахъ и въ садахъ; нѣтъ ни заступовъ, ни рукъ, чтобы зарыть ихъ въ землю. Они начали уже гнить; нестерпимый смрадъ на всѣхъ улицахъ, она еще болѣе увеличивается отъ городскихъ рововъ, гдѣ до сихъ поръ навалены большія кучи мертвыхъ тѣлъ, а также множество мертвыхъ лошадей покрываютъ улицы и окрестности города. Всѣ эти мерзости, при довольно жаркой погодѣ, сдѣлали Смоленскъ самымъ несноснымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. *(Письмо отъ 27 августа.)*

Мы получили приказаніе отправить изъ Смоленска въ армію всѣхъ, кто только въ состояніи идти, даже и тѣхъ, которые еще не совсѣмъ выздоровѣли. Не знаю, зачѣмъ присылаютъ сюда дѣтей,

слабыхъ людей, не совѣмъ оправившихся отъ болѣзни; всѣ они приходятъ сюда только умереть. Несмотря на всѣ наши старанія очищать госпитали и отсылать назадъ всѣхъ раненыхъ, которые только въ состояніи вытерпѣть поѣздку, число больныхъ не уменьшается, а возрастаетъ, такъ что въ лазаретахъ настоящая зарава. Сердце разрывается, когда видишь старыхъ, заслуженныхъ солдатъ, вдругъ обезумѣвшихъ, поминутно рыдающихъ, отвергающихъ всякую пищу и черезъ три дня умирающихъ. Они смотрятъ выпуча глаза на своихъ знакомыхъ и не узнаютъ ихъ, тѣло ихъ пухнеть, и смерть неизбѣжна. У иныхъ волосы становятся дыбомъ, дѣлаются твердыми какъ веревки. Несчастные умираютъ отъ паралича, произнося ужаснѣйшія проклятія. Вчера умерли два солдата, бывшіе въ госпиталѣ только пять дней, и со второго дня до послѣдней минуты жизни не переставали пѣть.

Даже скотъ подверженъ внезапной смерти; лошади, которыя сегодня кажутся совѣмъ здоровыми, на другой день падаютъ мертвыми. Даже тѣ изъ нихъ, которыя пользовались хорошими пастбищами, вдругъ начинаютъ дрожать ногами и тотчасъ падаютъ мертвыми. Недавно прибыли пятьдесятъ телѣгъ, запряженныхъ итальянскими и французскими волами; они, видимо, были здоровы, но ни одинъ изъ нихъ не принялъ корма: многіе изъ нихъ упали и черезъ часъ околѣли. Принуждены были оставшихся въ живыхъ воловъ убить, чтобы имѣть отъ нихъ хоть какую-нибудь пользу. Созваны всѣ мясники и солдаты съ топорами, и, странно! несмотря на то, что волы были на свободѣ, не привязаны, даже ни одного не держали, — ни одинъ изъ нихъ не пошевелился, чтобы избѣжать удара, какъ будто они сами подставляли лобъ подъ обухъ. Таковое явленіе наблюдалось неоднократно, всякій новый транспортъ на волахъ представляетъ то же зрѣлище.

Въ то время, какъ я пишу это письмо, двѣнадцать человекъ спѣшатъ поскорѣе отпречь и убить сто воловъ, прибывшихъ сейчасъ съ фурами девятого корпуса. Внутренности убитыхъ животныхъ бросаютъ въ прудъ, находящійся посрединѣ той площади, гдѣ я живу, куда также свалено множество человѣческихъ труповъ со времени занятія нами города. Представьте себѣ зрѣлище, какое у меня передъ глазами, и какимъ воздухомъ долженъ я дышать! Зрѣлище до сихъ поръ врядъ ли кѣмъ видѣнное, поражающее ужасомъ самаго храбраго и неустрашимого воина, и, дѣйствительно, необходимо имѣть твердость духа выше человѣческой, чтобы равнодушно смотрѣть на всѣ эти ужасы».

(Письмо Пюбюска 5 сентября.)

Отъ Смоленска до Гжатска.

«Надежда на то, что мы отдохнемъ въ Смоленскѣ, не осуществилась. Я получилъ въ 4 часа утра приказаніе двинуться далѣе и занять укрѣпленія за Днѣпромъ, затѣмъ мы прошли по развалинамъ предмѣстья, и вся армія двинулась къ Москвѣ. Отъ Наполеона зависѣло окончить войну въ Смоленскѣ, возстановивъ королевство

польское, за что Европа была бы ему признательна. Если вѣрить тому, что я слышалъ, то русскіе ожидали этого. Говорили, будто генераль Вильсонъ, бывший представителемъ Англій въ главной квартирѣ, писалъ въ Петербургъ и Лондонъ, въ первой депешѣ: «Все погибло; Смоленскъ взятъ», а два дня спустя онъ послалъ второго курьера съ извѣстіемъ: «Все спасено, французы идутъ на Москву». Императоръ Наполеонъ не сумѣлъ остановиться въ Смоленскѣ...

(Дедемъ.)

* * *

Мы быстро догнали русскій арьергардъ. Была образована стрѣльцовая цѣпь наперерѣзъ большой дороги изъ Смоленска въ Москву, и такимъ образомъ мы преслѣдовали непріятеля до наступленія ночи, положившей конецъ бою.

Русскій генераль, впрочемъ, по обыкновенію, вполне ясно далъ намъ знать о своемъ намѣреніи не отступать дальше, занявъ позицію и пожелавъ намъ пушечными выстрѣлами спокойной ночи.

Быль конецъ августа. Въ русскомъ климатѣ, въ это время года жара не та, что въ южныхъ странахъ Европы. Намъ приходилось переносить не только солнечный зной, но и раскаленные испаренія земли.

Наши лошади подымали своими ногами облака жгучаго, мелкаго какъ пыль песку, который покрывалъ всѣхъ насъ настолько, что трудно было различить цвѣтъ нашей формы. Проникая въ глаза, этотъ песокъ причинялъ сильныя боли. Я едва могъ дышать. Но, несмотря на убійственную жажду, вызванную стеченіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мы не могли остановиться, чтобы освѣжить себя глоткомъ чистой воды изъ источниковъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Наши лошади были болѣе счастливы. Онѣ почти съ бѣшенствомъ погружали въ воду свои горячія морды, но также не имѣли ни времени ни возможности пить съ удилами во рту. Нѣкоторыя изъ нихъ съ наслажденіемъ валялись въ водѣ, несмотря на притворныя или дѣйствительныя усилія своихъ всадниковъ, которые вовсе не прочь были имѣть предлогъ сдѣлать то же самое. Словомъ, даже въ Италіи, я никогда не испытывалъ въ такой мѣрѣ невыносимой жары.

Бивуачный дымъ каждый вечеръ еще увеличивалъ полученное днемъ раздраженіе глазъ, и я не знаю, какимъ чудомъ я не потерялъ своего зрѣнія.

Однако, мы все же подвигались впередъ. Нашему авангарду ежедневно приходилось вступать въ бой съ русскимъ арьергардомъ; сопротивление непріятеля замѣтно становилось все болѣе упорнымъ.

Бой 4-го сентября явился уже настоящимъ сраженіемъ.

Русская армія имѣла несомнѣнно намѣреніе задержать наше наступленіе и тѣмъ выиграть время, чтобы закончить укрѣпленія, сооружавшіяся на знаменитомъ Можайскомъ полѣ, обширной равнинѣ, на которой, какъ утверждало національное преданіе, ни одна русская армія не могла быть побѣждена.

(Жомбъ.)

* * *

Переходъ отъ Смоленска до Гжатска (24 авг. — 3 сент.) былъ однимъ изъ самыхъ утомительныхъ. Жара стояла удручающая; бѣшеные порывы вѣтра поднимали вихри пыли, до того густой, что часто мы не могли уже видѣть деревьевъ, растущихъ по краямъ дороги.

Эта безпрестанная горячая пыль была прямо пыткой. Чтобы уберечь отъ нея хотя бы глаза, многіе солдаты устраивали себѣ изъ стеклъ что то въ родѣ очковъ. Другіе шли съ киверами подъ мышкой, обернувъ голову платкомъ и оставивъ самое маленькое отверстіе, чтобы можно было дышать. Третьи устраивали себѣ покрытія изъ листьевъ. Такимъ образомъ, армія въ эту пору имѣла иногда довольно странный видъ; но за то всякіе слѣды этого маскарада исчезали при малѣйшемъ ливнѣ. Ночные биваки были едва ли не тягостнѣе этихъ переходовъ. Очень сильная жара рѣзко смѣнялась довольно чувствительнымъ холодомъ; вода, въ большинствѣ случаевъ, была очень плоха, а порой ее и вовсе не было. Тогда солдатамъ приходилось жарить себѣ мясо на угольяхъ, а мясо это почти всегда было лошадиное, потому что крестьяне уводили свой скотъ настолько далеко, что его никакъ невозможно было поймать.

Недостатокъ припасовъ жестоко давалъ знать о себѣ въ этотъ вечеръ (5-го сент.). Пришлось пообѣдать поджаренными хлѣбными зернами и кониной. Ночь была холодная и дождливая; многіе офицеры и солдаты, оконченъшіе и, быть-можетъ, охваченные печальнымъ предчувствіемъ, тщетно пытались уснуть. Они вставали и, подобно блуждающимъ тѣнямъ, ходили взадъ и впередъ мимо лагерныхъ огней...
(Брандтъ.)

* * *

Въ Дорогобужѣ мы нашли объятими пламенемъ всѣ дома, которые могли бы послужить пріютомъ. Пожаръ быстро распространился и мы должны были ночевать на бивакахъ. Городъ подожгли русскіе солдаты, а горожане всѣ разбѣжались. Отсюда начались для насъ всевозможныя лишенія. И этотъ случай какъ бы предупредилъ насъ о иныхъ несчастіяхъ, которыя ожидали насъ на нашемъ дальнѣйшемъ пути къ Москвѣ. Но, увлекаемые какой-то необходимой силой и убаюкиваемые пустыми надеждами, мы все продолжали идти впередъ.

Вскорѣ мы достигли Вязьмы — довольно значительнаго города, служившаго посредникомъ въ торговлѣ между двумя половинами Россіи. Здѣсь имѣлись обширные склады масла, водки, мыла, сахара, кофе и мѣховъ.

Городъ весь пылалъ и армія проходила черезъ него съ большимъ трудомъ; дулъ сильный вѣтеръ и потому остановить пожаръ было невозможно. И здѣсь горожане покинули свои дома. Можно себѣ представить какъ мы страдали отъ такого разоренія.

Солдатамъ, однако, удалось добыть изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ домовъ и даже изъ погребовъ уже пылавшихъ домовъ, муку, масло, водку, сахаръ и немного кофе.

Изъ Вязьмы мы скоро пришли въ Гжатскъ — городъ менѣе значительный и въ которомъ почти всё дома были деревянные. Въ городѣ было всего одна, очень длинная улица. Черезъ Гжатскъ, какъ и черезъ два предыдущіе города, мы пришли окруженные съ обѣихъ сторонъ пылающими зданіями. Но проливной дождь, разразившійся надъ городомъ, когда мы туда входили прекратилъ пожаръ, такъ что штабъ и гвардія могли пріютиться въ уцѣлѣвшихъ домахъ. Кочанная капуста, росшая на окрестныхъ поляхъ, а также свиное сало и сухари, найденные въ одномъ магазинѣ, позволили солдатамъ на время утолить свой голодъ.

Дожди, хотя и непродолжительные, сдѣлали дороги непроходимыми для артиллеріи. Въ ожиданіи хорошей погоды армія должна была остановиться возлѣ Гжатска. Къ нашему большому и неожиданному удовольствію подулъ сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ и послалъ намъ сухую погоду.

Во время стоянки подъ Гжатскомъ пришло извѣстіе, что русская армія остановилась на Можайскихъ высотахъ, близъ Москвы.

Былъ отданъ приказъ готовиться къ большому сраженію; главнокомандующій увѣдомилъ меня, чтобы и я готовился по своей части. Извѣстіе это сильно меня взволновало, такъ какъ всё мои хирурги остались въ Смоленскѣ, а походныя госпитальныя фуры были назадъ. Для исполненія недостатка въ военныхъ врачахъ, я попросилъ отдать въ мое распоряженіе всёхъ полковыхъ хирурговъ, исключая главнаго хирурга и двухъ его помощниковъ для пѣхоты и главнаго хирурга съ помощникомъ для кавалеріи.

Такимъ образомъ, я получилъ 45 хирурговъ и ихъ помощниковъ, которыхъ и прикомандировалъ къ главной квартирѣ.

Продленіе на сутки нашей стоянки подъ Гжатскомъ позволило многимъ фурамъ походнаго госпиталя догнать насъ, и я былъ сравнительно счастливъ, что могу, несмотря на отдаленность резерва, оказать въ нужную минуту необходимую помощь.

(Ларрей.)

* * *

Для насъ, легкой кавалеріи авангарда, бой слѣдовалъ за боемъ безъ перерыва каждый день. Непріятельская армія отступала въ удивительномъ порядкѣ, оставляя послѣ себя очень мало убитыхъ и ни одного раненаго. Послѣ перехода черезъ Днѣпръ, мы начали испытывать уже большія лишенія вслѣдствіе рѣдкости сѣстныххъ припасовъ. Сдѣлали только одну раздачу провіанта въ Смоленскѣ; и, чѣмъ дальше мы подвигались впередъ въ этой дикой странѣ, тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать голодъ.

Оба полка саксонской и баварской легкой кавалеріи, входившіе въ составъ нашей дивизіи, настолько растаяли вслѣдствіе дезертирства, что едва могли выставить по два эскадрона каждый. Мы, слѣдовательно, были слишкомъ слабы, чтобы, подобно пѣхотѣ, посылать на фуражировку большіе отряды на значительное разстояніе отъ дороги. Если мы приходили въ деревню или хуторъ, мы находили ихъ въ огнѣ. Казаки покидали его, лишь поджегши, опустошивъ все,

что не могли унести съ собой, разбивъ бочки съ пивомъ и овсяной водкой, которая въ большомъ количествѣ потребляется въ этой странѣ.

Мы не могли найти ни одного ягненка, ни какого-либо другого животнаго, годнаго для пищи, развѣ только время отъ времени тощую курицу, спасающуюся отъ всеобщей эмиграціи, или молодого жеребенка, слишкомъ слабаго еще для того, чтобы слѣдовать за своєю матерью, и жалобно ржавшаго въ полѣ.

Сдѣлавъ такую находку, наши стрѣлки вводили его въ свои ряды; жеребенокъ волей-неволей долженъ былъ слѣдовать за передвиженіями полка. Ставъ лагеремъ, его убивали и съѣдали въ видѣ бифштексовъ безъ всякой приправы, что было вполне естественно.

Я никакъ не могъ привыкнуть питаться кониной и брался за нее лишь послѣ нѣсколькихъ дней вынужденной голодовки, когда я стоялъ уже передъ альтернативой или ѣсть или умереть съ голоду. Это мясо такъ жилисто и жестко, что, взявъ его въ ротъ, казалось, что растираешь зубами пучекъ конопли. Сердце и печень этого животнаго такъ же, какъ и мясо жеребенка, болѣе сносны. Но я съ удовольствіемъ обѣдалъ только тогда, когда мнѣ удавалось найти скрытый гдѣ-нибудь запасъ картофеля.

Благодаря ловкости моего деньщика Бастьена, на мою долю выпадали иногда великолѣпныя находки, которыми я дѣлился съ своими товарищами по ротѣ и особенно съ своимъ полковникомъ.

Такъ какъ лошади не были рѣдки, Бастьень легко доставалъ себѣ маленькую лошадку мѣстной породы.

Накинувъ на себя *овчинный тулупъ* и надѣвъ на голову шапку, снятую съ убитаго казака, онъ удалялся иногда на довольно большое разстояніе отъ арміи и, въ концѣ концовъ, всегда открывалъ не покинутую еще жителями деревню.

Здѣсь съ помощью переодѣванія и своихъ познаній въ русскомъ языкѣ, онъ выдавалъ себя за жителя соженной французами деревни и просилъ съѣстныхъ припасовъ для себя и своей семьи бѣжавшей отъ французовъ. Если иногда ему не хотѣли давать даромъ, то никогда не отказывались продавать; и, такъ какъ карманы убитыхъ не всегда оказывались пустыми и такъ какъ считали совершенно бесполезнымъ хоронить деньги вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, то онъ добывалъ себѣ, чѣмъ заплатить мѣстной монетой за то, что приводилъ съ собою вечеромъ въ лагерь...

Мы подвигались къ Москвѣ, но очень медленно: русская армія не отступала такъ, какъ до взятія Смоленска, а защищала каждую пядь земли, причиняя намъ большой уронъ артиллерійскимъ огнемъ всякій разъ, когда ея артиллерія находила удобную позицію для того, чтобы поставить батарею.

Каждый вечеръ послѣ захода солнца, еле живые отъ усталости, умирая отъ голода и жажды, мы разбивали свой лагерь въ полѣ или въ еловомъ лѣсу. Здѣсь, растянувшись у ногъ своихъ лошадей, мы ждали, пока мародеры не найдутъ деревни, хутора или даже покинутой хижины. Желаемую вѣсть приносили намъ стрѣлки, которые возвращались къ своимъ ротамъ, нагруженные соломой, картофелемъ, всѣмъ, что можно было спасти отъ пожара.

Тогда всё устремлялись туда въ надеждѣ найти немного пищи для себя или, по крайней мѣрѣ, для своей лошади, но только очень рѣдко въ селеніи находилось достаточное количество запасовъ, чтобы удовлетворить эту голодную толпу, и поневолѣ приходилось ограничиваться отложеннымъ еще днемъ кускомъ конины, поджареннымъ на остріѣ сабли, которая тогда выполняла роль вертела, на огнѣ лагернаго костра.

(Комбъ.)

* * *

Въ Дорогобужѣ мы, наконецъ, узнали обо всемъ, что дѣлалось въ Великой арміи за наше отсутствіе; что произошло у Смоленска и отъ Смоленска до Дорогобужа; какъ Наполеонъ побѣдоносно и быстро движется къ Москвѣ; что онъ уже въ Вязьмѣ, и что вся большая дорога отъ самаго Смоленска такъ же опустошена, какъ здѣсь, вкругъ насъ, у Дорогобужа. Намъ совѣтовали запастись всѣмъ необходимымъ, ибо на всемъ пути, позади арміи, ничего не найдешь ни для людей, ни для лошадей. Но гдѣ взять, когда брать нечего? Пришлось двигаться дальше наудачу, безъ всякихъ запасовъ.

Мы продолжали свой путь по разоренной дорогѣ. Раннимъ утромъ намъ попался курьеръ, отправленный Наполеономъ изъ Вязьмы въ Вильну. Ему некогда было отвѣчать на наши разспросы, однако, онъ крикнулъ намъ, что не помѣшало бы намъ поторапливаться, чтобы принять участіе въ генеральномъ сраженіи. Мы прошли въ этотъ день 42 версты.

На полдорогѣ, приблизительно на версту вправо отъ большой дороги, мы увидѣли монастырь (Болдино), о которомъ у насъ ходила молва, что это женскій монастырь, въ которомъ французы, помимо грабежа, насильственнымъ и весьма нехристіанскимъ образомъ предавались любви. Къ вечеру намъ опять ласково свѣтило солнце; мы расположились у прекраснаго помѣстья на возвышенности и въ изобиліи нашли созрѣвшіе хлѣба для своихъ усталыхъ коней; зато все остальное давно уже было съѣдено.

Въ глаза намъ бросались такіе же предметы, какъ и вчера. На прекрасной дорогѣ и близъ нея виднѣлись остатки сожженныхъ или брошенныхъ и начисто разграбленныхъ домовъ и деревень, шалаши русскихъ и французовъ, слѣды тѣхъ и другихъ, какіе часто остаются при быстрыхъ передвиженіяхъ: клочки одежды, сломанныя колеса и телѣги, сбруя, трупы, дохлый вьючный и убойный скоть. Жителей тѣхъ мѣстъ мы не видѣли даже тогда, когда мы, ради корма лошадамъ и пропитанія себѣ, далеко отклонялись отъ большой дороги. И не только города и села, но и прилегавшіе къ дорогѣ лѣса носили на себѣ самыя явные слѣды этой опустошительной войны.

Теперь мы ежедневно встрѣчали все больше отсталыхъ отъ Великой арміи въ странныхъ сочетаніяхъ и образахъ. Нерѣдко попадались небольшія телѣги, запряженные въ одну или въ пару тощихъ лошадей (ихъ звали въ ту пору не конями, а коняками); на телѣгѣ кое-какіе припасы и три-четыре гордыхъ гвардейца или гренадера,

довольствующихся кое-какъ. Телѣгу обычно окружало еще нѣсколько солдатъ, изнуренныхъ жарой и тяжестью своего вооруженія и багажа, либо спѣшенныхъ кавалеристовъ со своей поклажей, не приспособленной къ носкѣ. Иногда попадались огромные кирасиры на мелкихъ польскихъ крестьянскихъ лошадакахъ, волочившіе ноги по землѣ. Иногда такой всадникъ окруженъ былъ многими своими товарищами, но уже безъ лошадей. Въ другомъ мѣстѣ двое-четверо егерей гнали передъ собой усталую скотинку. То въ смѣшномъ, то въ жалкомъ видѣ такіе отряды грабителей, мародеровъ, легко раненыхъ и оставшихъ въ поискахъ за провизіей тянулись за Великой арміей къ одной великой цѣли — къ Москвѣ.

Борясь съ нуждой и кое-какъ перебиваясь, мы прибыли 4-го сентября въ Вязьму. Здѣсь военныя событія были еще свѣжѣе, а опустошеніе только что началось. Ласково встрѣтившая насъ часть города, со стороны нашего прибытія, пострадала лишь отъ грабежа, но не отъ огня; зато противоположная часть, откуда дорога повела насъ на Гжатскъ и Можайскъ, еще дымилась отъ пожара.

Мы встрѣтили много раненыхъ офицеровъ и солдатъ изъ легкой кавалеріи Мюрата, рассказавшихъ намъ, что за городомъ русская конница оказала упорное сопротивленіе, что могло показаться, будто здѣсь дѣло дойдетъ до настоящей битвы, что было много раненыхъ.

Мы шли дальше по большой дорогѣ, которая все болѣе и болѣе являла картину войны. Намъ попадались нагроможденія телѣгъ и лагерные огни, встрѣчались раненые, кругомъ валялись тѣла павшихъ воиновъ, и по всему можно было узнать, что мы все ближе къ Великой арміи...

Въ эту ночь и на слѣдующее утро въ первый разъ стало замѣтно холоднѣй; мы очень зябли, однако, полуденное солнце снова согрѣло насъ. Еще чувствительнѣе холодъ сталъ 5-го сентября, когда мы на зарѣ подошли къ городку Гжатску. Уже попадались всадники въ бабьихъ шубахъ и наушникахъ изъ овчины и т. п. Эти новые костюмы давали богатую пищу смѣху, однако, не были запрещены. Полковой маіоръ фонъ-Гайсбергъ въ послѣднюю ночь подарилъ мнѣ шубу. За этотъ даръ я по сію пору ему признателенъ. Я тщательнѣе берегъ этотъ даръ, — вообще въ то время хлѣбъ и другое необходимое цѣнилось дороже золота, — до тѣхъ поръ, пока на обратномъ пути, за Оршей, я не лишился лошади, и не былъ вынужденъ, идя пѣшкомъ, сбросить шубу; такъ она и осталась въ придорожномъ рвѣ.

Нерѣдко случалось, и въ эту войну въ особенности, что наши предшественники разбрасывали много соломы вокругъ опустѣвшихъ домовъ вдоль дороги; приходилось покидать лагерь, не потушивъ костровъ, огонь разгорался, охватывалъ уцѣлѣвшіе отъ прежнихъ пожаровъ деревянные дома, и мы покидали лагерныя свои стоянки въ огнѣ, вовсе не будучи сознательными поджигателями. Такова ужъ война! Трубачъ трубить, бьютъ барабаны; хватаешься за оружіе, идешь, и не приходится думать о томъ, что дѣлается позади.

(Роосъ.)

* * *

Мы стоимъ лагеремъ въ Веремеевѣ (2 сентября).

Вице-король занимаетъ очень красивый дворецъ, принадлежащій князю Кутузову. Спустя немного времени послѣ своего прихода въ сопровожденіи адъютантовъ и обычного конвоя драгунъ онъ пожелалъ ознакомиться съ окрестностями, но едва прошелъ версту, какъ увидаль, что впереди вся долина полна казаковъ. Они надвинулись, чтобы захватить довольно малочисленную группу, состоящую изъ вице-короля и его конвоя. Лейтенантъ Бокканера во главѣ нѣсколькихъ драгунъ, понимая опасность, которой подвергался принцъ, бросился смѣло имъ навстрѣчу, рѣшаясь скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить, чтобы рука опустилась на его начальника. Не знаю, случайно или благодаря отвагѣ, — которую выказали наши храбрецы, или, быть можетъ, въ силу новыхъ полученныхъ приказаній, но только казаковъ, собиравшихся помѣриться съ нами оружіемъ, стало значительно меньше. Ихъ скоро привели въ разстройство, и они спѣшно, галопомъ, поскакали догонять своихъ.

Намъ прочитанъ былъ приказъ императора, помѣченный сегодняшнимъ днемъ, въ Гжатскѣ, предписывающій дневной отдыхъ и общую переключку въ три часа дня; переключку, несомнѣнно, для того, чтобы знать число людей, которыми можно располагать въ сраженіи. Намъ было приказано тщательно осмотрѣть оружіе, патроны, артиллерію и госпитали; мы должны были также предупредить солдатъ, что моментъ большого генеральнаго сраженія наступилъ, что нужно быть къ нему готовыхъ.

Переключка показала, что боевыя силы состоятъ изъ 103,000 пѣхотинцевъ, 30,000 кавалеріи и 587 пушекъ.

Всѣ менѣе необходимыя повозки приказано поставить въ хвостѣ колонны и сжечь всѣ поврежденныя. Несомнѣнно, что движеніе артиллеріи, благодаря этому значительно облегчилось. Но многіе изъ генераловъ и начальниковъ войскъ не желали терять изъ вида, какъ своихъ лично имъ принадлежащихъ повозокъ, такъ равно и тѣхъ, которыя были нагружены провіантомъ для ихъ отрядовъ. Наконецъ, мы постоянно нуждаемся въ наиболѣе необходимой утвари для лагеря, для кухни, для съѣстныхъ припасовъ. И тѣмъ не менѣе, желая показать примѣръ, императоръ приказалъ въ своемъ присутствіи сжечь двѣ повозки своего адъютанта Нарбонна...

Въ виду Валуева, 5 сентября. Сегодня на зарѣ мы выступили въ походъ въ обычномъ порядкѣ; мы шли по кровавымъ слѣдамъ войскъ Коновницына. При выходѣ изъ лѣса, запруженнаго казаками, обращенными въ бѣгство итальянской кавалеріей, мы прошли нѣсколько деревень, опустошенныхъ русскими. Разореніе, которое оставляло за собой эти татарскія орды, укавывало намъ дорогу. Подойдя къ склону холма, мы увидали на одной изъ возвышенностей нѣсколько ихъ эскадроновъ, развернутыхъ въ боевомъ порядкѣ вокругъ прекрасной усадьбы, возвышавшейся надъ всей мѣстностью. Вице-король тотчасъ отдѣлилъ легкую кавалерію авангарда, которая, несмотря на трудности пути, вошла на возвышенія въ прекрасномъ

порядкѣ. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, врагъ отступалъ.

По другую сторону холма легкая артиллерія гвардіи, которая успѣла построить батарею въ нѣсколько орудій на терасѣ господскаго дома, послала имъ вдогонку нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, затѣмъ лишь, чтобы заставить ихъ только ускорить шагъ. И мы видѣли, какъ длинные ряды неприятельскихъ колоннъ удалялись, прогоняемые нашимъ авангардомъ; видѣли, какъ они взобрались потомъ на возвышенность, стоящую въ полъ-льѣ отъ насъ.

Трудно представить себѣ окружающую насъ картину опустошенія. Ни травы, ни соломы, ни деревца; нѣтъ ни одной деревни, которая не была бы разрушена въ конецъ. Невозможно найти въ нихъ хоть сколько-нибудь пищи для лошадей или сѣѣтныхъ припасовъ для себя, ночью нечѣмъ поддерживать огонь. Одно только притягиваетъ къ себѣ наше вниманіе въ этой печальной и жалкой картинѣ, это — Колочскій монастырь, который самъ по себѣ составляетъ цѣлую деревню. Онъ находится въ трехъ верстахъ отъ Гриднева и въ полъ-верстѣ отъ рѣчки Колочи, протекающей направо отъ него. Построенное во времена Готовъ, это сооруженіе часто служило цитаделью во время междоусобныхъ войнъ, да и до сихъ поръ оно окружено траншеями.

На первый взглядъ этотъ огромный монастырь, снизу поднимавшійся передъ нами, производилъ впечатлѣніе города. Разноцвѣтная крыша его блестяла подъ лучами солнца. Наша кавалерія торопилась и на бѣгу своимъ поднимала густыя облака пыли. Это было полнымъ контрастомъ печальному и безжизненному виду, окружающему насъ. Было два часа дня. Одни авангарды медленно подвигались. Итальянская армія остановилась и выстроила свои батальоны колоннами на нѣсколькихъ возвышенностяхъ.

Вице-король послѣ прогулки нѣкоторое время прохаживался по терасѣ господскаго дома, а затѣмъ направился къ авангарду, сопровождаемый гвардейскими драгунами, между которыми было и нѣсколько стрѣлковъ; онъ обозрѣвалъ русскія позиціи. Только что онъ прибылъ туда, какъ подъѣхалъ императоръ; они долго бесѣдовали вмѣстѣ, разсматривая окрестность. Затѣмъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, императоръ усккалъ галопомъ, чтобы присоединиться къ корпусу, съ которымъ онъ шель. Вице-король, не покидая занятаго имъ холма, разослалъ своихъ адъютантовъ съ приказаніями снова продолжать движеніе.

Мы — среди песковъ, съ длинными рядами ивъ и кустарника по сторонамъ; за ними скрывается Валуево, гдѣ императоръ устроилъ свою главную квартиру. Только что мы расположились въ нашемъ лагерѣ, какъ передъ нами открылось грандіозное зрѣлище: русскіе, стоящіе лагеремъ на возвышеніи въ формѣ амфитеатра, зажгли массу огня, которые въ цѣломъ образовали большой полукругъ. Огни отбрасывали яркій отблескъ на горизонтъ и производили поразительный контрастъ съ нашими слабо мерцавшими кострами. Дѣло въ томъ, что мы въ совершенно незнакомой мѣстности, ничего у насъ не приготовлено и въ топливѣ недостатокъ. То небольшое, что мы

находимъ второпяхъ и въ потемкахъ — мокро и сыро. Наши огни поэтому не только не сіяютъ, но они распространяютъ вокругъ насъ облака густого черного дыму и отбрасываютъ во мракъ лишь блѣдный отсвѣтъ. Они стараются какъ-нибудь устроить себѣ шалаши изъ листвъ, такъ какъ погода суровая. Другіе сидятъ вокругъ котловъ и присматриваютъ за своимъ скромнымъ ужиномъ. Тѣ, у кого есть ржаная мука, готовятъ родъ тѣста, который зовутъ, не знаю почему, пульта. Около полуночи начинается накрапывать мелкій холодный дождь при сильномъ вѣтрѣ: очень скоро нашъ лагерь становится сплошной топью.

На зарѣ мы съ радостью узнали, что русская армія осталась на своихъ позиціяхъ: мы смотрѣли, какъ они окапывались.

Императоръ самъ поѣхалъ подъ выстрѣлы батареи обозрѣвать передовые посты. Почти весь день, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, прешель въ развѣдкахъ и приготовленіяхъ.

Тишина нарушалась время отъ времени или пушечными выстрѣлами, или перестрѣлкой на аванпостахъ.

(Ложь.)

Шевардинскій редутъ.

Направо, ниже насъ виднѣлся Колочскій монастырь: большія башни придавали ему видъ города. Глянцевитыя черепицы его крышъ, освѣщенные солнечными лучами, блестѣли сквозь густую пыль, поднятую нашей многочисленной кавалеріей, и только еще сильнѣе заставляли выступать темные и мрачные тона, разлитые по всѣмъ окрестностямъ; русскіе, намѣреваясь остановить насъ передъ этой позиціей, ужасающимъ образомъ опустошили равнину, на которой мы должны были расположиться. Еще зеленая рожь была срѣзана, лѣса вырублены, деревни сожжены; словомъ, намъ нечего было ѣсть, нечѣмъ кормить лошадей и негдѣ пріютиться.

Мы остановились на одномъ холмѣ, между тѣмъ какъ центръ арміи усердно преслѣдовалъ непріятеля и принуждалъ его отступать на возвышенность, гдѣ онъ окопался. Въ такомъ бездѣйствіи мы оставались до второго часа пополудни, когда вице-король, сопровождаемый своимъ штабомъ, поѣхалъ осматривать траншеи позиціи, выбранной Кутузовымъ. Мы начинали объѣзжать строй, когда наши караульные драгуны сигнализировали о пріѣздѣ императора: его имя тотчасъ же передалось изъ устъ въ уста, и мы остановились, ожидая его; онъ скоро явился въ сопровожденіи своихъ главныхъ офицеровъ. Стоя на возвышенности, съ которой легко было увидеть лагерь русскихъ, онъ долго наблюдалъ ихъ позицію; потомъ онъ осмотрѣлъ окрестности и съ довольнымъ видомъ сталъ напѣвать какія-то незначительныя слова; поговоривъ съ вице-королемъ, онъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ галопомъ, чтобы сговориться съ командирами другихъ корпусовъ арміи, которые должны были содѣйствовать атакѣ...

У русскихъ около нашего крайняго праваго фланга былъ редуть, расположенный между двумя лѣсами надъ деревней Шевардино, его убійственный огонь несъ ужасъ въ наши ряды. Они устроили его для укрѣпленія лѣваго крыла, являвшагося слабой стороной ихъ укрѣпленнаго лагеря. Наполеонъ понялъ это: и съ этого момента вопросъ былъ только въ томъ, чтобы захватить этотъ редуть; честь захвата была ввѣрена солдатамъ дивизіи Компана (пятой дивизіи перваго корпуса). Эти храбрецы, построенные въ колонну для атаки, шли на деревню съ такой отвагой, которая обезпечила намъ успѣхъ всего предпріятія. Въ это время князь Понятовскій съ нашей кавалеріей на правомъ флангѣ обходилъ позицію; поднявшись достаточно высоко, дивизія Компана окружила редуть и вяла его послѣ часового боя. Попытавшійся вернуться непріятель былъ наголову разбитъ; наконецъ, послѣ десяти часовъ вечера, онъ покинулъ сосѣдній лѣсъ и въ беспорядкѣ бѣжалъ на большую возвышенность, чтобы соединиться съ центромъ своей арміи.

Дивизія Компана, выйдя съ честью изъ такого предпріятія, заплатилась значительными потерями. Тысяча нашихъ солдатъ купили своею кровью эту важную позицію и болѣе половины изъ нихъ полегли въ тѣхъ самыхъ окопахъ, которые они захватили съ такой славой. На другой день, дѣлая смотръ 61 полку, наиболѣе пострадавшему, императоръ спросилъ полковника, куда онъ дѣвалъ одинъ изъ своихъ батальоновъ: *Государь* — было отвѣтомъ — *онъ въ редуть.*

(Лабомъ.)

* * *

Прекрасное зрѣлище представляли наши войска въ своемъ одушевленіи. Ясное небо, лучи заходящаго солнца, отражавшіеся на сабляхъ и ружьяхъ, увеличивали красоту его. Остальная армія слѣдила со своихъ позицій за двигавшимися войсками, гордившимися тѣмъ, что имъ на долю выпала честь открыть сраженіе, она провожала ихъ криками одобренія. Разсужденія о способахъ атаки и возможныхъ препятствіяхъ пересыпались военными островами. И всѣ справедливо предполагали, что непріятель отступить передъ такими войсками; должно быть, и императоръ былъ убѣжденъ въ этомъ, если попытался въ такой поздній часъ итти на приступъ противъ сильной позиціи, которой непріятель видимо дорожилъ, да и долженъ былъ дорожить, такъ какъ взятіе этого редута открывало его лѣвый флангъ. Дѣло скоро стало очень горячимъ. Кавалерія произвела рядъ атакъ, но сраженіе не было еще рѣшено, когда мы получили приказъ двинуться на редуть. Когда же мы подошли, онъ былъ уже взятъ, и мы остались на позиціяхъ до 9-ти часовъ вечера. Непріятель отступилъ въ сосѣдній лѣсъ. Онъ пытался даже отбить редуть, но былъ отбитъ; все же онъ продолжалъ пальбу до полуночи, и снаряды падали на нашъ бивакъ.

(Грица.)

Бородино.

Наполеонъ, приказавъ произвести рекогносцировки, отдалъ приказанія двинуться и приготовиться къ слѣдующему дню. Король неаполитанскій считалъ всѣ эти распоряженія излишними: онъ овладѣлъ главнымъ редутомъ, лѣвая сторона позиціи была обойдена. Онъ не думалъ, чтобы русскіе пожелали принять бой; онъ полагалъ, что за ночь они отступятъ. Но не таково было ихъ намѣреніе: они копали окопы, носили землю и укрѣпляли свою позицію. На слѣдующее утро мы замѣтили, что всѣ они были за работой. Было 11 часовъ, когда Наполеонъ послалъ меня на рекогносцировку: мнѣ было поручено приблизиться насколько возможно къ непріятельской линіи. Я снялъ свои бѣлыя перья, надѣлъ солдатскую шинель и осмотрѣлъ все съ наивозможной тщательностью; сопровождалъ меня одинъ лишь гвардейскій стрѣлокъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я проникъ за линію русскихъ пикетовъ. Деревня Бородино отдѣлялась отъ нашихъ постовъ всего лишь однимъ узкимъ и глубокимъ оврагомъ. Я слишкомъ далеко зашелъ впередъ, и въ меня два раза выстрѣлили изъ пушки картечью; я удалился, и часамъ къ двумъ вернулся къ своимъ и явился къ Наполеону съ докладомъ обо всемъ видѣнномъ. Наполеонъ разговаривалъ съ королемъ Неаполитанскимъ и княземъ Нешательскимъ. Мюратъ измѣнилъ свое мнѣніе: къ удивленію своему увидѣвъ на разсвѣтѣ, что непріятельская линія была по прежнему развернута, онъ рѣшилъ, что предстоитъ бой и приготовился къ нему. Однако другіе генералы продолжали утверждать, что русскіе не рискнутъ на битву; что касается меня, я думалъ противное; я замѣтилъ, что у русскихъ много войска и довольно хорошая позиція; по моему убѣжденію, они должны были атаковать насъ, если мы не предупредимъ. Наполеонъ сдѣлалъ мнѣ честь согласиться съ моимъ мнѣніемъ, которое раздѣлялъ и Бертье. Онъ потребовалъ своихъ лошадей и лично произвелъ ту же рекогносцировку, что и я¹⁾. Подъ Бородинымъ его встрѣтили такъ же, какъ и меня, картечный огонь заставилъ его удалиться. Все видѣнное имъ укрѣпило его въ убѣжденіи, что онъ не ошибся, и, вернувшись, онъ отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Настала ночь. Я былъ дежурнымъ и спалъ въ палаткѣ Наполеона. Отдѣленіе, гдѣ онъ спалъ, обычно было отдѣлено полотняной перегородкой отъ другой, гдѣ спалъ дежурный адъютантъ. Императоръ спалъ очень мало. Я будилъ его нѣсколько разъ, чтобы передать ему рапорты съ аванпостовъ, которые всѣ доказывали, что русскіе ожидали атаки. Въ три часа ночи Наполеонъ позвалъ камердинера и приказалъ принести себѣ пунша; я удостоился чести пить его вмѣстѣ съ нимъ. Онъ освѣдомился у меня, хорошо ли я спалъ; я отвѣтилъ, что ночи стали уже свѣжими и что меня часто будили. Онъ сказалъ мнѣ: «сегодня намъ придется имѣть дѣло съ этимъ пресловутымъ Кутузовымъ. Вы, конечно, помните, что это онъ командовалъ подъ

¹⁾ 6 сентября 1812 г.

Браунау. Онъ оставался въ этомъ мѣстѣ три недѣли, ни разу не выйдя изъ своей комнаты; онъ даже не сѣлъ на лошадь, чтобы осмотрѣть укрѣпленія. Генералъ Бенигсенъ, хотя тоже старикъ, куда бойчѣе и подвижнѣе его. Я не знаю, почему Александръ не послалъ этого гановерца замѣстить Барклая». Онъ выпилъ стаканъ пунша, прочелъ нѣсколько донесеній и продолжалъ: «ну, Раппъ, какъ ты думаешь, хорошо у насъ пойдутъ сегодня дѣла?» — «Безъ сомнѣнія, Ваше Величество; мы исчерпали все свои ресурсы и должны побѣдить по необходимости». Наполеонъ продолжалъ свое чтеніе и потомъ замѣтилъ: «счастье самая настоящая куртизанка; я часто говорилъ это, а теперь начинаю испытывать на себѣ». — «Какъ, Ваше Величество, помните, Вы сдѣлали мнѣ честь сказать подъ Смоленскомъ, что дѣло начато и надо довести его до конца. Именно теперь это справедливо болѣе, чѣмъ когда-либо; теперь уже некогда отступить. Кромѣ того, армія знаетъ свое положеніе: ей извѣстно, что припасы она можетъ найти только въ Москвѣ, до которой ей осталось всего лишь 120 верстъ». — «Бѣдная армія! она сильно таки поубавилась; но зато остались лишь хорошіе солдаты; кромѣ того, и гвардія моя осталась неприкосновенной». Онъ послалъ за Бертье и работалъ до половины шестого. Мы сѣли на лошадей. Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска замѣтили императора, раздались единодушные клики.

— «Это энтузіазмъ Аустерлица. Прикажете прочесть воззваніе¹⁾.
«Солдаты!

Вотъ битва, которой вы такъ желали! Побѣда зависитъ отъ васъ; намъ она необходима; она дастъ намъ обильные припасы, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе на родину. Ведите себя какъ подъ Аустерлицемъ, Фридландомъ, Витебскомъ, Смоленскомъ, чтобы самое отдаленное потомство приводило въ примѣръ ваше поведеніе въ этотъ день. Пусть о васъ скажутъ: онъ былъ въ этой великой битвѣ подъ Москвою».

Клики усилились, войска сгорали нетерпѣніемъ сразиться, и бой скоро начался.

Италянцы и поляки стояли на флангахъ. Наполеонъ дѣйствовалъ противъ лѣваго фланга непріятели. Впрочемъ, никакихъ точныхъ свѣдѣній мы не имѣли; женщины, дѣти, старики, скотъ — все исчезло; не оставалось никого, кто могъ бы дать намъ малѣйшія указанія. Ней двинулся на непріятели и прорвалъ его съ той силой и стремительностью, которая онъ проявлялъ уже неоднократно. Мы овладѣли тремя редутами, поддерживавшими непріятели. Последній подоспѣлъ со свѣжими силами; въ нашихъ рядахъ произошло замѣшательство, и мы очистили два изъ этихъ укрѣпленій; даже третье было въ затруднительномъ положеніи. Русскіе стояли уже на гребнѣ ровъ. Король неаполитанскій замѣтивъ опасность, примчался, спѣшился, вошелъ въ редутъ и появился на парпетѣ; своимъ призывомъ онъ воодушевилъ солдатъ. Редутъ снова наполнился,

¹⁾ Помѣченное императорскимъ лагеремъ, подъ Бородинымъ, 7-го сентября, въ два часа утра.

огонь принялъ страшные размѣры, атакующіе не рѣшились рискнуть на приступъ. Появилось нѣсколько эскадроновъ; Мюратъ сѣлъ на лошадь и опрокинулъ колонны, разсѣянные по равнинѣ. Мы снова овладѣли ретраншементами и утвердились въ нихъ, чтобы больше уже не покидать ихъ. Этотъ отважный ударъ рѣшилъ судьбу дня.

Генераль Компанъ былъ раненъ; я принялъ командованіе его дивизіей. Она входила въ составъ корпуса маршала Даву. Она овладѣла одной изъ укрѣпленныхъ окопами неприятельскихъ позицій и сильно пострадала. По прибытіи къ ней, я сговорился съ маршаломъ Неемъ, на правомъ флангѣ котораго я находился. Наши войска были въ безпорядкѣ; мы собрали ихъ и, ринувшись на русскихъ, заставили ихъ дорого поплатиться за успѣхъ. Канонада, оружейный огонь не прекращались. Пѣхота, кавалерія съ ожесточеніемъ бросались другъ на друга въ атаку изъ одного конца боевой линіи въ другой. Мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть такой рѣзни.

Мы слишкомъ усилили свой правый флангъ, и король неаполитанскій одинъ подвергался губительному огню батарей Семеновскаго. У него были лишь конныя войска; глубокой оврагъ отдѣлялъ его отъ деревни, и овладѣть ею было нелегко: тѣмъ не менѣе это было необходимо, чтобы не быть въ концѣ концовъ разгромленнымъ картечнымъ огнемъ. Генераль Беллиаръ, видя передъ собой лишь неглубокіе ряды легкой кавалеріи, предлагаетъ оттѣснить ее подальше и, повернувъ на лѣво ударить на редутъ. «Скачи къ Латуръ-Мобургу¹⁾», отвѣчаетъ ему Мюратъ, «прикажи ему взять бригаду кирасиръ французскихъ и саксонскихъ, перейти оврагъ, изрубить всѣхъ, галопомъ влетѣть съ задней стороны на редутъ и заклепать орудія. Если это ему не удастся, пусть онъ возвращается въ томъ же направленіи. У тебя въ распоряженіи будетъ батарея въ сорокъ орудій и часть резерва, чтобы прикрывать отступленіе». Латуръ-Мобургъ двинулся, опрокинулъ и разсѣялъ русскихъ и овладѣлъ укрѣпленіями. Фріанъ явился и занялъ ихъ. Весь резервъ прошелъ и расположился съ лѣвой стороны деревни. Оставался лишь одинъ окопъ, обстрѣливавшій насъ съ фланга и сильно намъ мѣшавшій. Резервъ, только что овладѣвшій однимъ окопомъ, рѣшилъ, что можетъ справиться и съ другимъ. Двинулся впередъ Коленкуръ, сѣя издали смятеніе и смерть. Онъ внезапно обрушился на редутъ и овладѣлъ имъ. Но одинъ солдатъ, спрятавшійся въ амбразурѣ, убилъ его наповалъ. Онъ почилъ сномъ храбрецовъ и не былъ свидѣтелемъ нашихъ влуключеній²⁾.

Всѣ бѣжали, огонь прекратился, рѣзня пріостановилась. Генераль Беллиаръ отправился на рекогносцировку въ лѣсъ, находившійся на нѣкоторомъ разстояніи. Онъ замѣтилъ дорогу, ведущую по направленію къ намъ; она была наполнена удалявшимися войсками и обозами. Если бы перерѣзать ее, вся правая неприятельской

¹⁾ Генераль кавалерійской дивизіи.

²⁾ Битва подъ Москвой (Бородино) 7 сентября 1812 г. Кромѣ Коленкура въ этотъ день были убиты генералы: Монбрѣнъ, Тарро, Камперъ, Гюаръ, Марионъ, Маршанъ, Ланаберъ, Дюма, Ромѣфъ.

арміи была бы замкнута въ томъ сегментѣ, въ которомъ она теперь находилась. Онъ предупредилъ объ этомъ Мюрата. «Скажи и доложи объ этомъ императору», отвѣтилъ ему тотъ. Беліаръ по-скакалъ, но Наполеонъ не счелъ момента подходящимъ. «На моей шахматной доскѣ для меня еще не все ясно. Я жду извѣстій отъ Понятовскаго¹⁾. Поѣзжайте, осмотрите все и возвращайтесь». Генералъ вернулся, но время уже было упущено. Русская гвардія двигалась впередъ; пѣхота, кавалерія все надвигалась для возобновленія атаки. Генералъ еле успѣлъ собрать нѣсколько орудій.—«Картечь, опять картечь и все время картечь», — сказали онъ артиллеристамъ. Открыли огонь; результаты его были ужасны; въ нѣсколько минутъ земля покрылась трупами; разгромленная колонна разсѣялась подобно тѣни. Она не успѣла дать ни одного ружейнаго залпа. Артиллерія ея появилась лишь нѣсколько минутъ спустя, и мы овладѣли ею.

Битва была выиграна, но жестокій огонь все еще продолжался. Пули, гранаты сыпались градомъ вокругъ меня. Въ теченіе часа я былъ задѣтъ четыре раза, сначала двумя пулями довольно легко, затѣмъ въ лѣвую руку пулей, которая сорвала сукно съ моего рукава и рукавъ рубашки вплоть до тѣла. Я командовалъ въ это время 61-мъ полкомъ, который я зналъ еще съ верхняго Египта. Въ немъ отъ того времени оставалось еще нѣсколько офицеровъ, и странно было намъ встрѣтиться здѣсь. Вскорѣ я былъ раненъ въ четвертый разъ; картечью ударило меня въ лѣвое бедро и я свалился съ лошади. То была въ общей сложности двадцать вторая моя рана. Я вынужденъ былъ покинуть поле битвы и сообщилъ объ этомъ маршалу Нею, войска котораго перемѣшались вмѣстѣ съ моими.

Генералъ Дессе²⁾, единственный генералъ изъ этой дивизіи, еще не раненый, смѣнилъ меня; черезъ минуту у него была перебита рука. Фріанъ былъ раненъ позже.

Перевязку мнѣ дѣлалъ хирургъ Наполеона. Императоръ самъ навѣстилъ меня. «Опять, значить, твоя очередь? А какъ дѣла?» — «Ваше Величество, я думаю, Вамъ придется пустить въ дѣло гвардію». — «Я не сдѣлаю этого; не хочу рисковать ею. Я увѣренъ, что выиграю битву безъ ея участія». И дѣйствительно, гвардія въ бою не участвовала, за исключеніемъ тридцати орудій, сдѣлавшихъ прямо чудеса.

День кончился; пятьдесятъ тысячъ человѣкъ легли на полѣ битвы. Множество генераловъ было убито или ранено: ихъ вышло изъ строя около сорока.

Мы захватили плѣнныхъ, отняли нѣсколько орудій, но этотъ результатъ не вознаграждалъ насъ за потери, которыхъ онъ намъ стоилъ.

(Раннѣ.)

¹⁾ Понятовскій, племянникъ послѣдняго польскаго короля, сражался въ рядахъ французской арміи. За его блестящіе подвиги въ битвѣ подъ Вахау 16 октября 1813 г. онъ былъ возведенъ въ маршалы Франціи; но три дни спустя, во время битвы при Лейпцигѣ, онъ потонулъ вмѣстѣ съ лошадью при переправѣ черезъ Эльстеръ.

²⁾ Дессе, родился въ 1764 г. въ Ганонѣ, въ Савойѣ, былъ выдающимся дивизионнымъ генераломъ, ум. въ 1834 г. Его прозвали «Савойскимъ Баярдомъ».

* * *

7-го сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести на сырой землѣ, безъ огня. Дождливая и холодная погода рѣзко смѣнила жары. Внезапная перемена температуры вмѣстѣ съ необходимостью обходиться безъ огня заставила насъ жестоко страдать послѣдніе часы передъ разсвѣтомъ. Кромѣ того, мы умирали отъ жажды, у насъ не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной землѣ.

Въ эту ночь наконецъ пришелъ къ намъ приказъ о рѣшительной атакѣ. Наступалъ великій, столь нетерпѣливо ожидавшійся день. Вице-король долженъ будетъ овладѣть деревней Бородино и затѣмъ, перейдя три моста, занять высоты, а находящіяся подъ его начальствомъ генералы Моранъ и Жераръ должны будутъ двинуться впередъ для захвата главнаго непріятельскаго редута — все это въ порядкѣ и методически, съ соблюденіемъ возможно большей осторожности. Таковы распоряженія императора, поскольку они касаются насъ. Съ восходомъ солнца мы находимся уже на позиціи. Я не могу не провести параллели между русской арміей и нашей. Мы выступаемъ, плохо одѣтые, на половину замерзшіе, утомленные, невыспавшіеся. «Слава и честь, — шутятъ солдаты, — вотъ единственные напитки, которые даютъ намъ смѣлость для того, чтобы сражаться и побѣждать».

Вице-король нашелъ, что мы черезчуръ открыты, и сейчасъ же приказалъ заняться кое-какими защитительными работами — ихъ начинаютъ вести вокругъ итальянской батареи, стоящей подъ руководствомъ генерала Антуара. Батарея находилась въ разстояніи около 850 туазовъ отъ главной русской батареи, но ее двинули впередъ еще на 500 туазовъ. Русскіе, вопреки ожиданіямъ, нисколько этому не противились...

Въ 5¹/₂ часовъ утра солнце разсѣиваетъ туманъ. Тотчасъ же новые адъютанты рассылаются во всѣхъ направленіяхъ, чтобы окончательно увѣриться, хорошо ли выполнены приказанія, отданныя въ эту ночь. Бьетъ барабанъ, и каждый полковникъ громкимъ голосомъ читаетъ своему полку прокламацію императора...

Тысячекратные возгласы: «Да здравствуетъ императоръ» были отвѣтомъ на это лаконическое приглашеніе. Всѣ удивляются выразительности, простотѣ и мощной силѣ императорской прокламаціи, которая такъ хорошо соотвѣтствовала теперешнимъ обстоятельствамъ. «Она достойна главы арміи» — слышались замѣчанія. Пушечный выстрѣлъ послышался съ батареи правой стороны и далъ, наконецъ, сигналъ къ сраженію. Было ровно 6 часовъ.

Въ 6¹/₂ часовъ вице-король даетъ приказъ генералу Дельзону атаковать деревню Бородино, занятую егерскимъ полкомъ русской гвардіи. Въ моментъ, когда 106-й полкъ, которому поручено было это дѣло, пробирался въ деревню, стоявшій во главѣ его генералъ Пловозо падаетъ смертельно раненый. Деревня взята, и русскіе стрѣлки отступили по ту сторону Колочи.

Этимъ собственно ограничились инструкціи, данныя 106 полку; но, охваченный наступательнымъ пыломъ, онъ быстро переходитъ

мость, устронный непріятелемъ на Колочѣ позади деревни, и двигается къ непріятельскимъ рядамъ.

Русскіе стрѣлки, подкрѣпленные двумя новыми полками, ставятъ себѣ задачей отразить 106-й полкъ. Последнему дорого пришлось бы заплатить за свой рискъ, но 82-й полкъ на звуки пушечныхъ выстрѣловъ устремился на помощь къ нему бѣглымъ шагомъ, атакуя три непріятельскихъ полка, освободилъ 106-й и съ триумфомъ возвращается въ Бородино, согласно полученнымъ приказаніямъ.

Помощникъ полкового командира Буассерфей замѣнилъ несчастнаго Пловона. Онъ тотчасъ дѣлаетъ нѣсколько превосходныхъ распоряженій для сохраненія за собой Бородина, за которое, по общимъ инструкціямъ, нельзя было переходить въ данный моментъ. Въ 8 часовъ съ небольшимъ императоръ посылаетъ принцу Евгенію приказъ повести рѣшительное наступленіе на главный непріятельскій редутъ, поддерживая этимъ движеніе Нея и Даву...

Поле битвы скрыто было отъ королевской гвардіи возвышавшимся передъ ней холмомъ, и мнѣ рѣшительно ничего нельзя было видѣть. Но на другомъ склонѣ холма стояла итальянская батарея, и я выпросилъ у полковника Морони разрѣшеніе направиться къ ней. Капитанъ Дальштейнъ и лейтенантъ Гвидотти также получили разрѣшеніе, и мы трое пустились въ путь. Да, до конца жизни не позабуду я возвышеннаго впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ видъ этого длиннаго и широкаго поля сѣчи. Нельзя представить болѣе благоприятной для наблюденія позиціи, чѣмъ та, гдѣ мы находимся. Нашъ взглядъ обнимаетъ всѣ изгибы широкаго пространства, расположеніе различныхъ армій, всѣ дѣйствія, какія гдѣ-либо завязываются. Дивная панорама раскрывается передъ нами.

Прежде всего намъ бросается въ глаза позиція русскихъ; она образуетъ половину амфитеатра, или полукругъ, кривыя котораго соотвѣтствуютъ на другой сторонѣ мѣсту, гдѣ находится Наполеонъ. Находясь на лѣвомъ флангѣ этого полукруга я вижу передъ собой въ далекомъ разстояніи густой лѣсъ, заставляющей меня вспомнить о чудесныхъ описаніяхъ Тасса и Аріоста. Изъ этого лѣса все время вырываются громадныя столбы огня, сопровождаемаго страшными ударами; подъ дѣйствіемъ этихъ вихрей огня и дыма колеблются глубокія массы, чтобы итти навстрѣчу другимъ огнямъ, не менѣе страшнымъ. Подъ блескомъ солнца сверкаютъ оружіе и амуниція пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, марширующихъ навстрѣчу одни другимъ. Внизу холма на нашемъ лѣвомъ флангѣ бригада Пловона уже овладѣла Бородинымъ, этимъ необыкновенно важнымъ стратегическимъ пунктомъ при сліянніи Колочи и Войны. Покатости этого холма спускаются къ Колочѣ; нѣсколько мостовъ ведутъ къ широкой и открытой плоской возвышенности, черезъ которую идетъ большая дорога въ Москву, охраняемая расположеннымъ влѣво отъ нея главнымъ редутомъ.

Въ этотъ моментъ 30-й полкъ, подъ предводительствомъ генерала Бонами, бросается въ атаку. Солдаты держатъ себя удивительно, и я не могу оторвать глазъ отъ этой группы героевъ. Отвлекаетъ

меня только непрерывающій трескъ палбы, поднимаемый во всѣхъ пунктахъ, гдѣ завязывается стычка, при различныхъ шансахъ на успѣхъ. Мною овладѣваетъ неопишемое волненіе. Вѣдь я смотрю на все это, какъ посѣтитель цирка можетъ смотрѣть на все происходящее передъ нимъ на аренѣ.

Но экстазъ, овладѣвшій мною, внезапно уступаетъ мѣсто чувству состраданія. Несчастный полкъ, которымъ я только что восторгался, въ данный моментъ подставляетъ себя на убой, и новыя русскія батареи выдвинуты для отраженія итальянскихъ батарей, расположенныхъ на возвышенности, на которой я стою¹⁾).

Въ тотъ же моментъ звуки барабана заставляютъ меня вопреки желанію покинуть свою позицію. Сила обстоятельствъ вынуждаетъ королевскую гвардію браться за оружіе. Я спѣшно возвращаюсь къ своему полку, который идетъ, чтобы принять участіе въ дѣлѣ. Теперь я уже не могу видѣть того, что происходитъ на нашемъ правомъ флангѣ. Я могу говорить лишь о томъ, что дѣлается около насъ. Несчастный 30-й полкъ не могъ удержаться на занятой позиціи. Русскіе, окрыленные успѣхомъ, стараются выгнать насъ съ высотъ и атакуютъ правый флангъ дивизіи Морана; и вице-король немедленно противопоставляетъ имъ дивизію Жерара. Нашъ 1-й полкъ легкой кавалеріи, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на ряды, которые подпускаютъ къ себѣ русскихъ, затѣмъ открываютъ палбу рядами. Палба отличается такой силой, что въ мгновеніе ока площадь покрывается тѣлами людей и лошадей, мертвыхъ или раненыхъ — и они создаютъ новый барьеръ вокругъ нашихъ доблестныхъ батальоновъ²⁾).

Русская кавалерія исчезаетъ. Батальоны 7-го полка, прикрытые дивизіей Бруссье и итальянской артиллеріей, и выступомъ холма защищенные отъ огня русскихъ батарей, пытаются сохранить свои позиціи. Часть холма открывается нашимъ взорамъ, и мы видимъ ужасное зрѣлище корчащихся и изуродованныхъ тѣлъ людей и лошадей, дѣлающихъ послѣднія усилія въ борьбѣ со смертью; передъ нами и вокругъ насъ обезображенные трупы, туловища, оторванныя части тѣла — все это покрываетъ землю.

Русскіе опять получили новыя подкрѣпленія и удваиваютъ усилія, чтобы выгнать съ позиціи наши дивизіи.

¹⁾ 30-й полкъ дѣйствительно былъ буквально разстрѣлянъ. Оторванныя части тѣлъ летали въ воздухъ, и солдаты умирали съ криками: «да здравствуетъ императоръ!» Русская дивизія Паскевича, защищавшая фортъ, должна была уступить. Только нѣсколько человекъ 30-го полка проникли въ фортъ вмѣстѣ со своимъ генераломъ. Въ этой атакѣ особенное удивленіе вызываетъ адъютантъ Мармона Фавье. Наканунѣ онъ прискакалъ изъ Испаніи, чтобы сообщить Наполеону о проигранной битвѣ. Онъ принять былъ очень плохо. Желая показать, чего стоила испанская армія, онъ на другой день добровольно сражался въ первыхъ рядахъ. Онъ палъ раненый на этомъ фортѣ рядомъ съ ген. Бонами, который также былъ раненъ.

²⁾ Въ этомъ именно дѣлѣ убитъ былъ наповаль русскій генераль Кутайсовъ, смѣло ведшій въ огонь своихъ кавалеристовъ.

Вице-король, видя, что его первая линия удерживается съ трудомъ, даль приказъ отрядамъ легкой артиллеріи, гренадерамъ и стрѣлкамъ гвардіи броситься впередъ на небольшой бугорокъ подлѣ Колочи. Въ королевской гвардіи мы получаемъ приказъ перейти эту рѣчку, чтобы пойти на помощь атакваннмъ дивизіямъ.

Огонь нашихъ новыхъ батарей въ концѣ концовъ совершенно истребилъ русскую дивизію, стоящую противъ насъ, но взазмѣнъ ея мы сейчасъ же видимъ другую. Вся ярость битвы сосредоточивается теперь на пунктѣ, гдѣ мы стоимъ. Четыре часа мы держимся подъ градомъ желѣза и свинца. Стойкость принца Евгенія и доблесть его солдатъ выше всякой похвалы.

Общій бой ведется и въ деревнѣ Бородино и захватываетъ пространство до старой Смоленской дороги. Болѣе тысячи орудій сѣютъ смерть. Пальба непрерывная, ужасная.

Вотъ новое положеніе, въ какомъ мы очутились: дивизіи Жерара, Морана и Бруссье, поддерживаемыя королевской гвардіей, борются съ многочисленными русскими силами, упорно стремящимися къ тому, чтобы выгнать ихъ съ возвышенности, которая ведетъ къ главному редуту.

Вице-король, въ свою очередь, рѣшается сдѣлать еще одно усиліе; онъ соединяетъ войска, чтобы накрыть непріятеля со всѣхъ сторонъ и овладѣть форткомъ. Королевская гвардія, до сихъ поръ пассивно страдавшая отъ потерь, причиненныхъ ей пушечными выстрѣлами, не будучи въ состояніи произвести отвѣтныя выстрѣлы, теперь волнуется отъ своего бездѣйствія. Она убѣждена, что отъ взятія этого окопа можетъ зависѣть результатъ дня; она ревниво хочетъ взять на себя всю честь за это дѣло и черезъ посредство своихъ начальниковъ добивается отъ вице-короля, чтобы исключительно ей порученъ былъ натискъ. Вице-король уступилъ. Всѣ мы испускаемъ радостныя крики. Полки строятся справа во взводную колонну. Легкіе отряды открываютъ путь, за ними идутъ гренадеры, стрѣлки и драгуны. Радость, гордость, надежда сіяютъ на всѣхъ лицахъ.

Русскіе замѣтили наше движеніе, и тотчасъ же направляютъ въ нашу колонну огонь изъ сотни орудій. Одни только крики: «Да здравствуетъ императоръ!», «Да здравствуетъ Италія!» раздаются въ шумѣ падающихъ бомбъ и гранатъ, неперестающаго свиста желѣза и свинца. Почти въ тотъ же мигъ приходятъ спѣшныя донесенія вице-короля, что многочисленныя отряды непріятельской кавалеріи выступаютъ изъ лѣса, чтобы отрѣзать нашъ лѣвый флангъ, и угрожаютъ насъ обойти. Послѣдній прибывшій адъютантъ сообщаетъ намъ, что Дельзонъ и Орнано смяты превосходящими силами непріятеля и вынуждены отступить для прикрытія итальянской батареи, Бородина, Войны и провіанта. Они требуютъ поддержки прежде чѣмъ непріятель получитъ подкрѣпленія и еще подвинется впередъ.

Въ сопровожденіи своего штаба принцъ Евгенийъ самъ скачетъ къ этимъ мѣстамъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ положеніи дѣла, предупреждаетъ объ этомъ императора, задерживаетъ движеніе впередъ королевской гвардіи, заставляетъ ее повернуть и приказываетъ ей

слѣдовать за собой бѣглымъ шагомъ на другую сторону Колочи. Королевская гвардія къ огорченію своему видитъ, что ея движеніе впередъ остановлено, но не теряетъ надежды, что найдетъ случай вознаградить себя за вынужденный перерывъ. Мы идемъ назадъ и въ хвостъ колонны доходимъ до атакованнаго пункта.

Новые непріятельскіе отряды (корпуса Уварова и Платова) съ каждымъ мгновеніемъ увеличиваются, выступаютъ изъ лѣса, испускающая пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельсона и Орнано.

Эти послѣднія, какъ слишкомъ слабыя, отступаютъ въ полномъ порядкѣ послѣ отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянскія батареи. Русскія батареи съ удвоенной яростью стрѣляютъ по нашему правому флангу и покрываетъ своими огнями деревню. Артиллерійскій полковникъ Демѣй убитъ.

Генераль Литуаръ и полковникъ Милло, не прекращая огня впереди, вынуждаютъ теперь обратить все вниманіе на аріергардъ. Они немедленно ставятъ туда нѣсколько орудій, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянскіе артиллеристы, сохраняя порядокъ и хладнокровіе, быстро продѣлываютъ все маневры, хотя все пространство покрыто трупами нашихъ товарищей.

Вице-король галопомъ прискакалъ на позицію и, не находя другого, болѣе подходящаго мѣста, выѣзжаетъ въ карре 84-го полка, на который тутъ же поведена была атака. Вице-король подбодряетъ людей, обѣщая, что скоро на помощь имъ явится королевская гвардія; и дѣйствительно, мы въ этотъ моментъ переходимъ уже вбродъ Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренній пылъ, усиливающийся отъ слуховъ, что принцъ находится въ опасности, мы сохраняемъ величайшее хладнокровіе. А тѣмъ временемъ силы русской кавалеріи, непрерывно увеличивающіяся, возобновляютъ свои атаки противъ колонны 8-го кроатскаго, 84 и 92 полковъ.

Мы безъ конца повторяемъ свои крики, чтобы предупредить о нашемъ приближеніи принца и войска, его окружающія. Но наши крики въ то же время привлекаютъ къ себѣ и вниманіе нашихъ противниковъ (т.-е. войскъ Уварова и Платова). Тодько что прибывшіе полки королевской гвардіи очутились лицомъ къ лицу съ непріятельской кавалеріей. Разбившись на карре, мы устремились ей навстрѣчу. Русскіе почти ужъ подступили къ итальянскимъ батареямъ и заставили ихъ прекратить огонь; затѣмъ они опрокинули полки Дельсона. Въ этотъ-то моментъ они очутились передъ королевской гвардіей, поджидающихъ ихъ со скрещенными штыками. Послѣ одной неудачной попытки русскіе, въ концѣ концовъ, были отброшены сильнымъ огнемъ съ нашей стороны и побѣжали во всю прыть. Легкая кавалерія Орнано, которая передъ тѣмъ должна была укрыться за нашими рядами, теперь желаетъ взять свой реваншъ. Съ помощью драгунъ и отряда почетной стражи она вновь нападаетъ на русскіихъ. Эти послѣдніе, страшно напуганные, спѣшно бѣгутъ черезъ Войну и Колочу и не осмѣливаются возвращаться.

Вице-король оставляетъ тогда кавалерію гвардіи на этой позиціи, лицомъ къ лицу, и галопомъ возвращается на возвышенность

къ главному редуту въ сопровожденіи гвардейской пѣхоты. Было около 3-хъ часовъ.

Всѣ усилія сосредоточиваются теперь на редутѣ, который представляется поистинѣ адской пастью. Но вотъ, какъ-то внезапно, на этой самой высотѣ, которая господствуетъ надъ нами, и которая въ теченіе столькихъ часовъ сѣяла смерть намъ нами и кругомъ насъ, мы не замѣчаемъ болѣе огня; все приняло видъ какой-то горы изъ движущейся стали.

Кирасы, каски, оружіе — все это блеститъ, движется и искрится на солнцѣ и заставляетъ насъ забыть объ остальномъ. Это — кирасиры Коленкура. Вице-король слѣдуетъ за ними во второй линіи.

Командиръ батальона Дель-Фанте, изъ штаба вице-короля, обходитъ тогда слѣва редутъ во главѣ 9-го и 35-го полковъ и, несмотря на храбрую защиту отчаянно бьющихся русскихъ, захватываетъ его. Осажденные не хотятъ сдаваться, и тамъ происходитъ поэтому ужасная рѣзня. Самъ Дель-Фанте, увидавъ въ схваткѣ русскаго генерала, — это былъ генералъ Лихачевъ, — бросился къ нему, обезоружилъ, вырвалъ его изъ рукъ освирѣпѣвшихъ солдатъ и спасъ ему жизнь противъ его воли. «Ваше поведеніе, бравый Дель-Фанте», — сказалъ ему вице-король, — «было нынче геройскимъ!» Онъ тутъ же, на полѣ битвы, назначилъ его адъютантомъ, награда украшающая и принца и солдатъ. Въ тотъ же приступъ мы завладѣли 21-й русской пушкой, которую наши враги не успѣли увести съ редута.

Взятіе этого редута, воздвигнутаго нашими противниками съ такими работами, кажется, заканчивается въ данный моментъ наши подвиги. Дѣйствительно, приходитъ приказаніе держатся на немъ въ ожиданіи новыхъ предписаній. Обѣ арміи опять располагаются лицомъ къ лицу, при чемъ наша на полѣ битвы, захваченномъ цѣною такихъ героическихъ усилій.

Ночь настала, и битва вездѣ прекратилась. (Ложье.)

* * *

Наполеонъ хотѣлъ обойти лѣвое крыло русскихъ; для отвращенія нашей атаки они помѣстили весь корпусъ Тучкова (третьяго) и московское ополченіе въ засаду за густымъ кустарникомъ, прикрывавшимъ ихъ крайній лѣвый флангъ, а ихъ корпуса второй, четвертый, пятый и шестой образовали свади двѣ линіи пѣхоты, прикрытой флангами, соединявшими лѣсъ съ главнымъ редутомъ. Несмотря на это препятствіе, наши стрѣлки возобновили бой съ новымъ ожесточеніемъ; и хотя день кончался, огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался съ тѣмъ же пыломъ. Въ то время распространился ужасный свѣтъ отъ нѣсколькихъ подоженныхъ направо деревень; горячность сражающихся, желѣзо и огонь, изрыгаемые сотней пушекъ, несли всюду опустошеніе и смерть; солдаты нашего корпуса, построеныя въ боевомъ порядкѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣчали смертельные удары и безъ замѣшательства смыкали ряды, какъ только ядро уносило нѣсколькихъ товарищей.

Темнота ночи ослабила перестрѣлку, но не уменьшила нашего пыла; каждый, не будучи увѣренъ въ наносимыхъ имъ ударахъ, рѣ-

Французы въ Россіи.

9

шилъ, что лучше сохранить силы и боевые запасы назавтра. Какъ только мы прекратили стрѣльбу, русскіе, расположенные амфитеатромъ, зажгли многочисленные огни. Яркіе симметрично расположенные огни приводили этому холму почти волшебный видъ и составляли сильный контрастъ съ нашими биваками, гдѣ лишенные дровъ солдаты отдыхали впотьмахъ, слыша вокругъ только стоны несчастныхъ раненыхъ...

Окрыленный достигнутыми успѣхами Кутузовъ приказалъ двинуть резервъ, чтобы попытаться въ послѣдній разъ счастье: императорская гвардія участвовала въ этомъ дѣлѣ. Собравъ всѣ вспомогательные войска, онъ атаковалъ нашъ центръ, на который опирался нашъ правый флангъ, былъ моментъ, когда мы боялись, что будемъ опрокинуты въ этомъ мѣстѣ и потеряемъ захваченный третьяго дня редутъ. Однако, первому польскому баталіону послѣ большихъ усилий удалось взять штурмомъ холмъ, господствующій надъ всей равниной; но, несмотря на поддержку батальоновъ, сопротивление неизмѣримо большей силѣ было невозможно. Отброшенные съ этого холма, они держались въ перелѣскѣ. Императоръ послалъ имъ приказъ стойко держаться и осыпать потерянную ими позицію снарядами большого калибра. Въ это время генераль Дюфуръ защищалъ во главѣ 15-го полка легкой кавалеріи высоты впереди деревни, примыкающей къ одному редуту; подоспѣвшій съ остатками своей дивизіи и двадцатью четырьмя пушками генераль Фрианъ остановилъ непріятельскія колонны, которыя въ теченіе двухъ часовъ продержались подъ картечью, не смѣя двигаться впередъ и не желая отступать. Этою ихъ нерѣшительностію воспользовался неаполитанскій король и вырвалъ у нихъ побѣду, которая, казалось, уже была въ ихъ рукахъ; сейчасъ же онъ отдаетъ приказъ всей кавалеріи захватить за редуты; корпусъ Латуръ-Мобура, бывший въ резервѣ, послѣдовалъ за нею: король приказалъ ему, перейдя оврагъ, ударить на массы русскихъ и на ихъ кирасирскіе эскадроны. Приведенные въ замѣшательство такимъ смѣлымъ наступленіемъ, они отступаютъ и разсѣиваются во всѣ стороны.

Принцъ Евгенийъ пользуется удобнымъ моментомъ, летитъ на правый флангъ и приказываетъ одновременно начать атаку первой, третьей и четырнадцатой дивизіямъ, которыя все еще сражались. Построенные въ боевомъ порядкѣ, спокойно двинулись эти полки впередъ; они уже приближались къ непріятельскимъ окопамъ, когда всѣ пушки батареи стали стрѣлять картечью, что внесло въ наши ряды опустошеніе и ужасъ. Наши солдаты сначала пришли въ замѣшательство отъ этого губительнаго отпора; замѣтивъ это, вице-король сталъ ободрять ихъ, напоминая каждому полку заслуженную имъ въ различныхъ обстоятельствахъ славу, говоря одному: *Сохраните доблесть, которая дала вамъ имя непобѣдимыхъ*, другимъ: *Подумайте, вѣдь ваша слава зависитъ отъ этого дня*; потомъ, обратившись къ 9-му линейному полку, онъ воскликнулъ съ волненіемъ: *«Храбрые солдаты, вспомните, что при Ваграмѣ вы были со мной, когда мы опрокинули центръ врага. Онъ настолько воспламенилъ ихъ такими словами, а еще больше своимъ примѣромъ, что повсюду*

прошло радостное волненіе, и, двинувшись снова на редутъ, всё поклялись честью и родиной, что ни пули, ни ядра, ни раны не заставят ихъ ни на шагъ отступить. Принцъ хладнокровно командовалъ атакой, объѣзжая ряды, и велъ ее самъ, ободряя дивизию Бруссе, — въ то время какъ генераль Нансути во главѣ первой дивизіи кавалеріи генерала Сень-Жермена, мужественно атаковалъ все, что было направо отъ редута и очищалъ равнину до оврага передъ одной сожженной деревней. вмѣстѣ съ нимъ во главѣ шла стрѣлковая бригада, подъ начальствомъ генераловъ Пауоля и Шуара, опрокидывая все, что встрѣчалось ей на пути. Она покрыла себя славой, равно какъ и стрѣлки генерала Пауоля.

Только что генераль Монбранъ во главѣ своей кавалеріи закончилъ свою доблестную жизнь, какъ принадлежащая къ тому же корпусу кирасирская бригада получила приказъ атаковать бывшаго налѣво врага и итти на приступъ большого редута, который обстрѣливалъ всё фланги нашей кавалеріи. Эта бригада подъ командой генерала Коленкура сейчасъ же бросилась на редутъ, и мы были поражены представившимся намъ изумительнымъ зрѣлищемъ; казалось, что вся возвышенность, господствующая надъ нами, обратилась въ движущуюся желѣзную гору: блескъ оружія, касокъ и панцырей, освѣщенныхъ солнечными лучами, смѣшивался съ огнемъ орудій, которыя, неся смерть со всѣхъ сторонъ, дѣлали редутъ пожимимъ на вулканъ въ центрѣ арміи.

Стоявшая вблизи за оврагомъ непріятельская пѣхота встрѣтила такимъ ужаснымъ залпомъ нашихъ кирасиръ, что принудила ихъ отступить; наша пѣхота заняла ихъ мѣсто... Наши полки, выйдя изъ окоповъ, произвели страшное избіеніе русскихъ, всё усилія которыхъ были направлены къ тому, чтобы помѣшать намъ захватить окопы снова. Несмотря на ужасающій огонь непріятеля, вице-король и его штабъ шель впереди дивизіи Бруссе, за которой слѣдовали 7-й и 13-й легкой кавалеріи, 21-й и 30-й полки. Добѣжавъ до редута, они ворвались въ него черезъ горловину и перебили артиллеристовъ на орудіяхъ, которыя тѣ обслуживали. Изумленный этой атакой, Кутузовъ сейчасъ же выдвинулъ гвардію, чтобы постараться взять обратно позицію; это была лучшая часть его кавалеріи. Туда поспѣшили генераль Лагусе, принявшій командование послѣ того, какъ былъ раненъ графъ Груши и генералы Шастель и Думеръ; столкновение русскихъ кирасиръ и нашихъ драгунъ было ужасно. Генераль Тири и полковникъ де-Лафорсъ были ранены; ожесточеніе боя обнаружилось, когда послѣ отступления непріятеля поле битвы оказалось покрытымъ убитыми...

Внутренность редута была ужасна; трупы были навалены другъ на друга, и среди нихъ было много раненыхъ, криковъ которыхъ не было слышно; всевозможное оружіе было разбросано на землѣ; всё амбразуры разрушенныхъ наполовину брустверовъ были снесены и ихъ можно было только различить по пушкамъ; но большинство послѣднихъ было опрокинуто и сорвано съ разбитыхъ лафетовъ. Я замѣтилъ среди этого безпорядка трупъ русскаго артиллериста, у котораго было три ордена въ петлицѣ: казалось, что храбрецъ еще

дышитъ; въ одной рукѣ онъ держалъ обломокъ сабли, а другой крѣпко обнималъ пушку, которой такъ хорошо послужилъ.

Непріятельскіе солдаты, занимавшіе редутъ, предпочли погнубнуть, чѣмъ сдаться; та же участь постигла бы и командовавшаго ими генерала, если бы уваженіе передъ его храбростію не спасло ему жизнь. Этотъ достойный воинъ хотѣлъ сдержатъ данное слово и умереть на своемъ посту; оставшись одинъ, онъ бросился намъ навстрѣчу, чтобы погнубнуть; онъ былъ бы задушенъ, если бы честь захвата такого плѣнника не остановила жестокость солдатъ. Вице-король ласково принялъ его. Принцъ, желая уважить храбрость и въ несчастіи, поручилъ полковнику Асселинъ отвести его къ императору, который въ теченіе этого памятнаго дня все время оставался за центромъ, нетерпѣливо ожидая результатовъ горячаго боя на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, въ которомъ участвовали первый корпусъ и поляки. Обойдя русскихъ въ этомъ мѣстѣ, принцъ Экмюльскій облегчилъ герцогу Эльхингенскому кровавую, повторную атаку, сдѣланную третьимъ корпусомъ, чтобы опрокинуть центръ непріятеля. На его лѣвомъ крылѣ Багратионъ стойко выдерживалъ нашъ напоръ; подкрѣпленный гренадерскими дивизіями Строганова и Воронцова, онъ сперва нанесъ большой уронъ полякамъ; но когда нашъ успѣхъ въ центрѣ былъ обезпеченъ, князь Понятовскій повелъ новую атаку на холмъ, съ котораго раньше былъ отброшенъ; успѣхъ былъ полный благодаря помощи кавалеріи генерала Себастиани. Подкрѣпивъ наше правое крыло вестфальцами, герцогъ Эльхингенскій не только облегчилъ возобновленіе на моментъ упущеннаго съ этой стороны наступленія, но и содѣйствовалъ отраженію всѣхъ усилій непріятеля захватить позиціи. Соединивъ дивизію Ледрю съ дивизіей генераловъ Морана и Жерара, этотъ маршалъ дѣйствовалъ одновременно съ принцемъ Евгениемъ; обойдя лѣвый флангъ русскихъ, онъ послалъ впередъ многочисленныя батареи, которыя внесли ужасъ въ ряды непріятеля. Такая отвага укрѣпила за нами, наконецъ, поле битвы и дала потомъ герцогу Эльхингенскому славный титулъ¹⁾, связавшій его имя съ одной изъ наиболѣе достопамятныхъ нашихъ побѣдъ.

Вниманіе вице-короля сосредоточивалось на центрѣ, когда сильное движеніе непріятельской кавалеріи, направленное на его лѣвый флангъ, привлекло его туда. Генералъ Дельзонъ, которому уже съ утра угрожала эта кавалерія, построилъ свою первую бригаду въ карре налѣво отъ Бородина: нѣсколько разъ ему грозила атака, но непріятель, видя, что не сможетъ его поколебать, напалъ на нашъ крайній лѣвый флангъ и неожиданно ударилъ на нашу легкую кавалерію подъ командой графа Орнано и на минуту привелъ ее въ замѣшательство, потомъ напалъ на кроатовъ, которые и отразили его батальнымъ огнемъ. Находившійся недалеко принцъ сталъ въ серединѣ карре, образованнаго 84-мъ полкомъ подъ командой полковника Пего: онъ уже готовился двинуть его, когда казаки, въ свою

¹⁾ Князя Московскаго. Ред.

очередь, были отбиты и, пустившись въ бѣгство, освободили наше лѣвое крыло; тогда былъ возстановленъ полный порядокъ.

Между тѣмъ вице-король объѣзжалъ ряды во всѣхъ направле- нияхъ, убѣждая генераловъ и полковниковъ честно исполнить ихъ долгъ, напоминая имъ, что отъ этого дня зависитъ слава французовъ; подѣвжая къ каждой батарее, онъ велѣлъ продвигать пушки впе- редъ, по мѣрѣ того какъ русскіе отступали, и, презирая опасность, указывалъ артиллеристамъ, куда они должны цѣлить. Посѣщая съ нимъ всѣ эти опасныя мѣста съ начала битвы, его адъютантъ Морисъ Межанъ былъ раненъ въ бедро; лошади были убиты подъ самимъ принцемъ, подъ генераломъ Жифленга и подъ шталмейсте- ромъ Беллизоми. Стоя на брустверѣ большого редута и не обращая вниманія на летавшія вокругъ него пули, принцъ съ своими офице- рами наблюдалъ въ амбразуры движеніе непріятеля...

Мы захватили два редута, но у непріятеля все еще оставался третій, расположенный на другой возвышенности, за оврагомъ; установивъ тамъ хорошо дѣйствующія батареи, онъ осыпалъ ужас- нымъ огнемъ наши полки, изъ которыхъ одни были въ закрытыхъ траншеяхъ, другіе—за окопами. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы бездѣйствовали, увѣренные, что Кутузовъ отступаетъ; одна артиллерія изрыгала повсюду огонь и смерть...

Хотя побѣда была на нашей сторонѣ, но пушки не прекращали сильную пальбу и постоянно вырывали все новыя жертвы. Подъ градомъ картечи и пуль, презирая опасность, всегда неутомимый вице-король объѣзжалъ поле битвы; огонь не утихалъ и вечеромъ былъ настолько силенъ, что пришлось поставить на колѣно распо- ложенный за большимъ редутомъ Привислинскій легіонъ подъ командой генерала Клапареда. Болѣе часа были мы въ этомъ мучительномъ положеніи; когда у князя Нешательскаго началось совѣщаніе съ вице-королемъ, длившееся до ночи: по окончаніи его принцъ Евгенийъ разослалъ различныя приказанія своимъ дивизіямъ и прика- залъ прекратить огонь. Тутъ и непріятель сталъ спокойнѣе; онъ далъ еще нѣсколько залповъ съ промежутками, и тишина его послѣд- няго редута убѣдила насъ, что онъ отступаетъ по Можайской дорогѣ.

Прекрасная въ теченіе всего дня погода стала къ ночи холодной и сырой; армія расположилась на полѣ битвы и частями размѣстилась по редутамъ, захваченнымъ съ такой славой. Это былъ плохой при- валъ; корма не было ни людямъ, ни лошадямъ, а недостатокъ дровъ былъ очень чувствителенъ въ эту дождливую, холодную¹⁾ ночь.

(Лабомъ.)

* * *

Послѣ дождливой холодной ночи 6-го былъ прекрасный день и мы могли обстоятельно рассмотретьъ непріятельскій лагерь, весь освѣщенный яркимъ солнцемъ.

¹⁾ Здѣсь въ сентябрѣ такъ же холодно, какъ въ Моравіи въ декабрѣ (XVIII бюллетень).

Съ утра я отправился на захваченный наканунѣ редутъ. Множество лежавшихъ кучами труповъ свидѣтельствовало объ энергичномъ сопротивленіи и объ усиліяхъ нашихъ солдатъ. Парашеты были во многихъ мѣстахъ разрушены нашими пушками; русскія орудія сзади были сброшены съ лафетовъ и опрокинуты; артиллеристы, обслуживавшіе ихъ, лежали тутъ же мертвые. Особенно много убитыхъ было во рвахъ и на внутренней сторонѣ валовъ. На наружной ихъ сторонѣ лежали трупы французскихъ солдатъ, которыхъ во время приступа погибло еще больше, чѣмъ русскихъ гренадеръ на противоположномъ концѣ вала, куда они насколько разъ пытались взобраться, послѣ того, какъ мы заняли редутъ. Когда я подъѣхалъ, на редутѣ было нѣсколько маршаловъ и командировъ корпусовъ, между ними генералъ Монбрень, который былъ убитъ на слѣдующій день; я нѣкоторое время разговаривалъ съ нимъ.

6-го сентября обѣ стороны наблюдали другъ друга и хотя во многихъ мѣстахъ наши позиціи были очень близки отъ непріятельскихъ, не было даже перестрѣлки. Готовившееся великое событіе дѣлало отдѣльныя атаки позицій и патрулей ненужными, почти смѣшными и только къ вечеру открыли огонь батареи, установленныя императоромъ на позиціи противъ праваго фланга противника; пальба продолжалась часть ночи и возобновилась на разсвѣтѣ. Въ сопровожденіи маршаловъ и генераловъ Наполеонъ проѣхалъ вдоль фронта арміи, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія и указать ей на завтра арену ея славы, по его выраженію.

Въ сущности, трудно себѣ представить видъ нашего лагеря въ эту ночь. У насъ царила шумная радость, вызванная мыслью о битвѣ, исходъ, который никому не казался сомнительнымъ. Со всѣхъ сторонъ переключались солдаты, слышались взрывы хохота, вызываемые веселыми разказами самыхъ отчаянныхъ, слышались ихъ комически-философскія разсужденія относительно того, что можетъ завтра случиться съ каждымъ изъ нихъ. Горизонтъ освѣщали безчисленные огни, довольно безпорядочно разбросанные у насъ, симметрично расположенные у русскихъ вдоль укрѣпленій; огни эти напоминали великолѣпную иллюминацію и настоящей праздникъ. Мало-по-малу шумъ стихаетъ, огни блѣднѣютъ, потомъ гаснутъ и людей охватываетъ сонъ, для многихъ — послѣдній.

На разсвѣтѣ 7-го, на пространствѣ обоихъ лагерей раздаются звуки трубъ и барабановъ, сливающихся вскорѣ съ кононадой установленныхъ ночью батарей. Люди берутся за оружіе, строятся, и въ каждой колоннѣ прочитываютъ приказъ императора.

Нашъ корпусъ приближался къ большому редуту. Мы построились за глубокимъ рвомъ, отдѣлявшимъ насъ отъ него. Я же перевелъ свою артиллерію за оврагъ и поставилъ батарею, тотчасъ открывшую огонь противъ артиллеріи редутовъ, бывшихъ направо и налѣво отъ насъ, и противъ массъ пѣхоты и кавалеріи впереди. Скоро весь кавалерійскій резервъ собрался въ этомъ пунктѣ и построился нѣсколькими рядами вправо отъ моихъ батарей. Огонь все усиливался. Пули, ядра, гранаты и картечь градомъ сыпались на

насъ со всѣхъ сторонъ и дѣлали большія бороады въ рядахъ нашей кавалеріи, простоявшей нѣсколько часовъ неподвижно подъ огнемъ. Равнина была покрыта ранеными, направлявшимися къ перевязочнымъ пунктамъ, и лошадьми безъ всадниковъ, скачущими въ безпорядкѣ. Недалеко отъ меня былъ полкъ вюртембергскихъ кирасиръ, на который какъ будто всего больше сыпалось снарядовъ; каски и латы, сверкая взлетали надъ всѣми рядами. Французскіе стрѣлки, поставленные впереди, тоже сильно пострадали, въ особенности отъ ружейныхъ выстрѣловъ, при чемъ пули звенѣли, ударяясь объ ихъ латы. Здѣсь былъ смертельно раненъ въ низъ живота молодой Ларибуазберъ, капитанъ этого корпуса, сынъ генерала отъ артиллеріи. Моя артиллерія тоже очень потерпѣла; вскорѣ два орудія были сдвинуты съ лафетовъ и убито много людей и лошадей. Въ это время генераль Груши подѣхалъ со своимъ штабомъ къ краю оврага позади меня и велѣлъ меня позвать. Не успѣлъ я подойти къ нему, какъ непріятель сталъ стрѣлять по нашей группѣ и въ нѣсколько минутъ были убиты или ранены картечью многіе ординарцы и штабъ-офицеры; раненая пулей въ грудь лошадь генерала Груши упала, придавивъ его; мы думали, что онъ убитъ, но онъ отдѣлался сильной контузіей. Одновременно былъ раненъ въ шею картечью ординарецъ изъ стрѣлковаго полка, бывший при мнѣ.

Съ той и другой стороны продолжалась сильная пальба, не приводившая къ окончательнымъ результатамъ, когда въ 2 или 3 часа дня появился Неаполитанскій король съ многочисленной блестящей свитой. Съ самага начала сраженія мы видѣли одного принца Евгенія, но и онъ былъ около насъ только на минуту, потому что его отвлекало направо нападеніе казаковъ, и теперь мы были очень рады прибытію короля Мюрата. Мы были увѣрены, что онъ, прекративъ убійственную, ни къ чему не ведущую канонаду, которая уже ослабѣвала изъ-за недостатка снарядовъ, сумѣетъ воспользоваться такимъ количествомъ войска собраннаго въ одномъ мѣстѣ и поведетъ открытую рѣшительную атаку. Дѣйствительно, ознакомившись съ положеніемъ и осмотрѣвъ мѣсто, на которомъ нѣсколько часовъ тѣснилась наша кавалерія, онъ замѣчаетъ, что насыпь большого редута почти снесена нашими снарядами. Онъ приказываетъ кавалеріи атаковать этотъ редутъ и войско прикрытія. Тотчасъ все приходитъ въ движеніе; многочисленная кавалерія строится въ колонны; во главѣ идутъ кирасиры 2-го корпуса, — это былъ, насколько я помню, 5-й кирасирскій полкъ, — они переходятъ въ галопъ, опрокидываютъ все передъ собою и, обойдя редутъ, устремляются на него по узкому проходу и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ осыпавшаяся земля облегчаетъ подъемъ. Тѣмъ временемъ вице-король со своею пѣхотой атакуютъ редутъ справа.

Но скоро каски и сабли нашихъ храбрыхъ кирасиръ сверкаютъ уже на редутѣ, огонь котораго сразу прекращается. Онъ взятъ! Трудно представить, что мы почувствовали при видѣ этого блестящаго подвига, которому нѣтъ, можетъ быть, равнаго въ военныхъ лѣтописяхъ народовъ. Каждый слѣдилъ глазами и хотѣлъ бы помочь руками этой кавалеріи, когда она переправлялась черезъ рвы,

перескакивала черезъ загражденія подь картечью и восторженные крики понеслись отовсюду, когда редуть былъ взять. Эту атаку велъ Коленкуръ, нашедшій себѣ здѣсь славную смерть.

Отъ обладанія этимъ укрѣпленіемъ зависѣла судьба сраженія. Чувствуя его значеніе, къ нему устремились многочисленныя колонны русскихъ. Моментъ былъ важный. Мы получаемъ приказъ наступать. Вскорѣ мы сталкиваемся съ непріятелемъ. Послѣ нѣсколькихъ атакъ онъ въ безпорядкѣ отступаетъ отъ редута. Но успѣхъ дорого стоилъ намъ, и мы потеряли здѣсь много людей

День кончался. Я присоединился къ своему корпусу, опять вступившему въ битву такъ же, какъ и моя артиллерія вправо отъ редута, гдѣ мы оставались еще часъ послѣ того, какъ стемнѣло. Ибо, хотя битва и была выиграна, непріятель все еще стоялъ противъ насъ на сильныхъ позиціяхъ; на насъ сыпались пули и ядра. Пальба прекратилась только, когда совѣтъ стемнѣло. Тогда всѣ корпуса расположились биваками и я провелъ ночь съ частью своихъ пушекъ на позиціи, которую мы первую взяли въ это утро. Холодъ былъ очень чувствительный, у насъ не было топлива и почти не было припасовъ, но въ сознаніи успѣха мы забывали о лишеніяхъ за разказами о подвигахъ. Но усталось скоро заставила насъ погрузиться въ глубокой сонъ.

Эта битва, названная французами битвой на Москвѣ, а русскими — Бородинской, началась въ 6 часовъ утра и продолжалась до наступленія ночи безъ перерыва. Съ обѣихъ сторонъ огонь былъ ужасенъ. Обширное пространство, на которомъ шла битва, было во всѣхъ направленіяхъ изрыто ядрами и потери были громадны съ обѣихъ сторонъ. Русскіе весь день шагъ за шагомъ отстаивали свои позиціи, становясь на новую, когда не могли удержать старой, съ которой мы ихъ отгѣснили, и только среди ночи массы ихъ начали окончательно отступать къ Можайску.

Во время битвы они по обыкновенію отправили намъ въ тылъ и на фланги многочисленныя отряды казаковъ, которые внесли безпорядокъ въ наши обозы, оставленные въ 4 верстахъ отъ поля сраженія. Даже на утро они произвели нападеніе на наше правое крыло неподалеку отъ императорской квартиры; но первый отрядъ, взявшійся за оружіе, прогналъ ихъ къ ихъ арміи.

Я увѣренъ, что если бы использовано было одушевленіе войскъ, если бы движенія ихъ были цѣлесообразны и атаки единодушны, сраженіе вышло бы рѣшительное, и русская армія была бы уничтожена. И такого успѣха можно было добиться въ 9 часовъ утра послѣ взятія большого редута. Общій натискъ на русскую армію, поколебленную этимъ блестящимъ успѣхомъ, вѣроятно загналъ бы ее въ бывшій у нея съ тылу лѣсъ, въ которомъ были проложены только узкія тропинки. Но для этого было необходимо присутствіе императора; онъ же оставался все время на одномъ мѣстѣ праваго фланга съ зрительной трубой въ рукѣ и не показывался вдоль остальной цѣпи. Если бы онъ употребилъ тѣ рѣшительныя приемы, которые дали ему столько побѣдъ, если бы онъ показался солдатамъ и генераламъ,

чего бы только онъ не сдѣлалъ съ такою арміею въ подобный моментъ? Можетъ быть, война закончилась бы на берегахъ Москвы. Такія мысли приходили на другой день офицерамъ и старымъ солдатамъ при видѣ количества пролитой крови: непріятель уступилъ намъ нѣсколько миль опустошенной страны, и надо было опять сражаться.

(Грица.)

* * *

7-го сентября, въ день кровавой битвы при Бородинѣ, я былъ съ пяти часовъ утра около офицеровъ, которые ожидали приказаній Наполеона. Мы находились у подножія редута, отнятаго наканунѣ у непріятеля; это былъ центръ, откуда шли всѣ движенія и всѣ приказанія... Отсюда-то я видѣлъ, какъ поскакалъ полнымъ галопомъ, весь горя боевымъ пыломъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ витязей, генералъ Монбрень. Онъ только что получилъ отъ Наполеона приказаніе атаковать большою и грозною редутомъ, расположеннымъ въ центрѣ непрятельской арміи, который изрыгалъ уже смерть во всѣ стороны. Я не могу выразить той боли, которую я испыталъ, когда два часа спустя сообщили Наполеону, что этотъ славный воинъ палъ подъ огнемъ непріятеля въ моментъ атаки, которую можно считать одною изъ самыхъ блестящихъ. Я зналъ и любилъ графа Монбрена, который былъ моимъ землякомъ. Онъ унесъ съ собою уваженіе, привязанность, сожалѣніе всей арміи и, можетъ быть, также маршальскій жезлъ, который онъ получилъ бы, переживъ все то мужество и славу. Я выражалъ свои сожалѣнія Огюсту Коленкуру, который былъ въ нашей группѣ, когда императоръ, бросивъ взгляды въ нашу сторону, замѣтилъ его, подо-звалъ и передалъ ему командованіе славными воинами, которыхъ смерть генерала Монбрена оставила безъ начальника. Коленкуръ вернулся къ намъ съ сердцемъ, полнымъ благородной радости, которую я не раздѣлялъ и которая навѣяла на меня самую грустную предчувствія. Онъ велѣлъ привести своихъ лошадей, пожалъ руку лучшему изъ братьевъ, попрощался съ нами и помчался какъ молнія, сопровождаемый своимъ адъютантомъ... И онъ также! Во главѣ пятаго полка кирасировъ онъ палъ въ этомъ убійственномъ редутѣ, который былъ взятъ приступомъ и гдѣ была рѣшена участь сраженія. Онъ умеръ, оставивъ молодую и прекрасную жену, съ которою онъ обвинчался за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда въ армію. Онъ былъ похороненъ въ редутѣ, скорбномъ театрѣ столькихъ славныхъ подвиговъ.

Утромъ того дня, который былъ такимъ гибельнымъ и такимъ славнымъ для французской арміи, надъ головой Наполеона и той группы, въ которой были мы позади него, пролетѣло нѣсколько ядеръ. Онъ отдалъ приказъ генералу Сорбье придвинуть нѣсколько батарей гвардейской артиллеріи, чтобы избавить насъ отъ такихъ неожиданныхъ. Черезъ два часа ядра стали пролетать снова и одинъ моментъ мы думали, что непріятель беретъ верхъ... Но мало-по-малу огонь сталъ ослабѣвать, и ядра на излетѣ катились и останавливались у ногъ Наполеона; онъ ихъ тихо отталкивалъ, какъ будто от-

брасывалъ камень, который мѣшаетъ во время прогулки. Онъ разговаривалъ съ маршаломъ Даву, подъ которымъ только что была убита лошадь и который, страдая отъ контузіи, съ трудомъ слѣдовалъ за Наполеономъ на маленькомъ пространствѣ, по которому онъ ходилъ взадъ и впередъ. Къ двумъ часамъ пополудни огонь русскихъ пушекъ сталъ удаляться.

Большой рудуть былъ взятъ, беспорядокъ воцарился въ рядахъ непріятельской арміи, которая стала отступать и билась еще только затѣмъ, чтобы не понести бѣльшихъ потерь. Побѣда была полная... трофеи громадны... но безжалостная смерть бросила на полѣ битвы болѣе пятидесяти тысячъ воиновъ всѣхъ націй; говорятъ, что русскіе тамъ оставили болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, не считая раненыхъ и плѣнныхъ.

Часто случается, что въ самое серіозное дѣло врывается комичный элементъ. Молодые солдаты пользовались обстоятельствами, чтобы покинуть опасные ряды подъ предлогомъ доставки на перевалочный пунктъ раненыхъ товарищей... Вотъ собралось нѣсколько человѣкъ, чтобы нести легко раненаго товарища; къ ихъ несчастью, имъ пришлось проходить мимо маршала Лefевра, который командовалъ гвардіей и былъ около насъ... «Виданое ли дѣло, чтобы эти проклятые солдаты вчетверомъ несли Мальбука? На мѣста!» крикнулъ онъ имъ, прибавляя еще болѣе энергичные эпитеты. Они повиновались; но что было еще смѣшнѣе, такъ это то, что раненый герой нашелъ достаточно силы, чтобы подняться и дойти одному до перевалочнаго пункта... Многіе русскіе генералы, тяжело раненые, получили, по приказанію Наполеона, первую помощь: между другими князь Потемкинъ, получившій ударъ саблей по головѣ... Докторъ Ивонъ, хирургъ императора, наложилъ ему въ нашемъ присутствіи первую повязку.

Въ 12 часовъ дня я спросилъ Наполеона, не хочетъ ли онъ завтракать... Битва не была еще выиграна, и онъ сдѣлалъ мнѣ отрицательный жестъ: я неосторожно сказалъ ему, что не существуетъ причины, которая могла бы помѣшать завтракать, разъ это можно; тогда онъ довольно рѣзко попросилъ меня удалиться... Позднѣе онъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ краснаго вина, не разбавляя его водой. Онъ выпилъ стаканъ пунша въ десять часовъ утра, такъ какъ у него былъ сильный насморкъ.

Штабъ артиллеріи показалъ, что съ нашей стороны было выпущено болѣе пятидесяти пяти тысячъ выстрѣловъ. Русскіе дали по крайней мѣрѣ столько же: я предоставляю такимъ образомъ судить объ адскомъ грохотѣ, который сопровождалъ эту памятную битву.

Къ четыремъ часамъ Наполеонъ съѣлъ на лошади и поѣхалъ къ авангарду, которымъ командовалъ неаполитанскій король, и къ корпусамъ вице-короля и маршала Нея, которые сражались такъ мужественно. Было 7 часовъ вечера, когда онъ вернулся въ свою палатку, которая была устроена позади Шевардинскаго редута, впереди котораго императоръ находился во время сраженія. Онъ пообѣдалъ съ княземъ Нешательскимъ и маршаломъ Даву. Его палатка была раздѣлена на нѣсколько комнатъ: первая служила

гостиной и столовой, во второй была его походная кровать, а послѣдняя служила кабинетомъ для его секретарей.

Я замѣтилъ, что противъ обыкновенія лицо его было разгоряченное, волосы въ беспорядкѣ и видъ усталый. Онъ страдалъ, потому что потерялъ столько храбрыхъ генераловъ и храбрыхъ солдатъ. Должно быть впервые ему показалось, что слава куплена слишкомъ дорогою цѣной; и это чувство, которое дѣлаетъ ему честь, было навѣрное одною изъ причинъ, которыя заставили его отказаться двинуть кавалерію гвардіи¹⁾, какъ того просили неаполитанскій король, вице-король и маршалъ Ней, чтобы преслѣдовать непріятеля и сдѣлать побѣду еще болѣе полной... А можетъ быть, занятый больше общимъ положеніемъ дѣла, чѣмъ деталями, которые имѣли въ виду эти три героя, и видѣлъ онъ гораздо дальше, чѣмъ они. Что касается меня, то, по-моему, его нужно только благодарить за то, что онъ пощадилъ свое отборное войско, изъ котораго состояла гвардія, потому что мы были обязаны нашимъ спасеніемъ при отступленіи; именно въ отступленіи мы найдемъ ее благородной, великой, великодушной, вѣрной, и она единственная сохраняла свое оружіе въ то время, какъ остальные части арміи упали духомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но побѣда была полная, настолько полная, что русская армія ни одной минуты не могла повѣрить въ возможность отстоять свою столицу. Но это не помѣшало имъ служить тамъ молебны. Благодарили Бога за успѣхъ, когда сраженіе было проиграно... Эти молебны теперь ничего не означаютъ... Каждая сторона преувеличиваетъ и умаляетъ... Напримѣръ, въ Австріи, есть правило, которое обяываетъ каждаго офицера, приносящаго вѣсти изъ арміи, собирать всѣхъ почтальоновъ изъ всѣхъ сосѣднихъ съ Вѣною почтъ, — у нихъ у всѣхъ есть маленькіе рожки, въ родѣ охотничихъ — и входятъ въ столицу подъ рѣзкіе и громкіе звуки фанфары. Но всѣ эти выдумки этикета ничуть не мѣняютъ содержанія депешъ которыя онъ привозитъ: часто бывало, что вслѣдъ за такимъ шумнымъ выраженіемъ торжества слѣдовалъ приказъ укладывать наиболѣе драгоцѣнныя вещи и отправлять ихъ въ Венгрію; туда же направлялся и дворъ, выходя изъ храма, гдѣ только что пѣли молебны въ благодарность Богу за «большую побѣду».

Въ Петербургскихъ церквахъ раздавались подобныя же пѣсни побѣды, и Лондонская биржа, получивъ соотвѣтствующія свѣдѣнія отъ англійскихъ комиссаровъ въ Россіи, ликовала въ продолженіе 24 часовъ; но ликованіе скоро исчезло, когда они прочли 19-й бюллетень великой арміи, который возвѣщалъ наше вступленіе въ старую столицу Россіи...

(Боссе.)

¹⁾ На томъ разстояніи, на которомъ мы находились отъ Франціи, ему казалось необходимымъ сохранить отборное войско. Если бы гвардія пострадала подъ Бородиною, то французская армія, ядро которой все время составляла эта гвардія и которая поддерживала мужество во время отступленія, едва ли перешла бы обратно Нѣманъ.

* * *

Наконецъ, 5-го сентября отыскали главную часть непріятельской арміи. Она была въ 20 верстахъ отъ Гжатска (и, приблизительно, въ 100 верстахъ отъ Москвы) и рѣшилась принять сраженіе. Она занимала прекрасную позицію, которую еще укрѣпила линіей редутовъ, снабженныхъ многочисленными артиллерійскими орудіями. Одинъ изъ этихъ редутовъ, который, господствуя надъ позиціей нашей арміи, мѣшалъ ей развернуться, былъ захваченъ вечеромъ того же дня дивизіей генерала Компана. Весь слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ предстоящему большому сраженію. Императоръ объѣхалъ съ фронта всю русскую линію. Каждый изъ насъ могъ дѣлать свои наблюденія относительно находившихся передъ нами или бывшихъ у насъ на виду пунктовъ и судить, какіе изъ нихъ будетъ болѣе или менѣе трудно взять. Весь тотъ день 6-го сентября, какъ мнѣ помнится, ни разу не стрѣляли. Корпуса, пришедшіе на линію наканунѣ, какъ, на примѣръ, нашъ, имѣли возможность отдыхать цѣлый день, но другіе, бывшіе въ арьергардѣ, едва успѣли прийти на мѣсто. Всѣ были рады, что наконецъ-то дождались той желанной битвы, которую считали рѣшительной. Между тѣмъ, для сколькихъ насъ день этотъ оказался послѣднимъ.

Я, послѣ довольно продолжительной поѣздки, посвященной изученію, насколько позволяло мое зрѣніе, взаимнаго положенія двухъ армій, вернулся къ своему биваку, гдѣ бралъ первые уроки шахматной игры у командира Фанфета, страстнаго любителя той игры. Онъ всегда возилъ съ собою маленькую складную картонную шахматную доску, которую самъ же очень искусно сдѣлалъ.

Я долженъ былъ прервать игру и ѣхать верхомъ, но когда я вернулся, онъ показалъ мнѣ прерванную партію, записавъ положеніе всѣхъ фигуръ; мѣсяца 3—4 спустя мы доиграли ее въ Берлинѣ. Храбрый командиръ Фанфетъ былъ большой оригиналъ и, если бы рассказъ о нашей партіи въ шахматы не отклонилъ слишкомъ въ сторону моего рассказа о Бородинскомъ сраженіи, я не устоялъ бы противъ искушенія нарисовать здѣсь портретъ этого человѣка. Но надо вернуться къ партіи, интересной совершенно въ иномъ смыслѣ и которую императоръ собирался разыграть вблизи старинной русской столицы и такъ далеко отъ нашей родины.

6-го вечеромъ онъ приказалъ созвать къ себѣ всѣхъ маршаловъ и главныхъ генераловъ, чтобы дать имъ инструкціи на слѣдующій день, которыя тѣ должны были передать по своимъ дивизіямъ. Генералъ Десэ только въ полночь получилъ инструкціи, касавшіяся его дивизіи. Мы стали читать ихъ при свѣтѣ костра, вокругъ котораго отдыхали въ полудремотѣ. Но это чтеніе (сулившее намъ успѣхъ въ виду пріобрѣтеннаго знакомства съ непріятельскими позиціями, которыя предстояло брать) не могло не возбудить въ насъ наивысшаго интереса. Приказъ гласилъ, чтобы наша дивизія двинулась на разсвѣтѣ и слѣдовала бы на близкомъ разстояніи сомкнутыми колоннами за дивизіей Компана, которую должна была подкрѣпить въ ея атакахъ на непріятельскіе редуты, которые нужно было взять.

И дѣйствительно, еще до разсвѣта мы уже выстроились. Погода была пасмурная. Жара прекратилась уже нѣсколько дней тому назадъ и природа уже была окрашена осенними красками.

Каждому корпусу была прочитана прокламація Императора при повторныхъ крикахъ: «да здравствуетъ Императоръ!»

Изъ нашего 85-го два батальона были оставлены при батареяхъ императорской гвардіи, которая открыла балъ пальбой 60-ти орудій, искусно разставленныхъ на площадкѣ, слегка господствовавшей надъ непріятельскими позиціями. Это было на разсвѣтѣ.

Слѣдуя за дивизіей Компана, мы съ остальной частью нашей дивизіи сошли съ этой площадки и среди густого тумана стали спускаться по довольно крутому откосу. Едва мы вышли изъ лѣсу, какъ командование дивизіей перешло къ генералу Десѣ, такъ какъ Компанъ былъ опасно раненъ. Онъ во главѣ дивизіи пустился галопомъ сопровождаемый только капитаномъ Буржэ, (поручикомъ) Магнатомъ (адъютантъ генерала Бресанда) и мной. Мы прискакали въ тотъ моментъ, когда редуты только что были взяты. Эти редуты были простые реданы или лагерныя работы въ формѣ Шеврона, не закрытыя у входа, такъ что вторыя позиціи непріятели оружейными и картечными залпами выметали находившихся внутри ихъ. Удержаться въ нихъ было несравненно труднѣе, чѣмъ завладѣть ими. Солдаты 5-й дивизіи поэтому помѣстили за этими редутами и въ углубленіяхъ, находившихся въ той мѣстности, стараясь въ ожиданіи новой атаки, по возможности, укрыть ихъ отъ непріятельскаго огня.

Генераль Десѣ, которому нельзя было отказать въ личной храбрости, оставался нѣсколько минутъ совершенно открытымъ возлѣ одного изъ редутовъ, изслѣдуя позиціи и движеніе русскихъ войскъ, бывшихъ передъ нами. Я находился возлѣ него, созерцая ту же картину. Вдругъ пуля попала въ кобуру у его сѣдла и разбила бутылку съ водкой, которой онъ запасся. Онъ очень огорчился и съ досадой воскликнулъ, обращаясь ко мнѣ: «Этимъ я обязанъ вашей проклятой бѣлой лошади». Моя лошадь, одна изъ тѣхъ, которыя я приобрѣлъ у генерала Бресана, была дѣйствительно ослѣпительно бѣлой масти, а такіе лошади, правда, часто служатъ мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ, обыкновенно, ѣздятъ генералы, да и примѣтитъ ихъ издали гораздо легче, чѣмъ лошадей темныхъ мастей.

Пока мы такъ стояли въ теченіе нѣсколькихъ минутъ капитанъ Буржэ, желая лучше укрыться, столкнулъ свою лошадь въ яму самого редана, когда мы поѣхали дальше впередъ, онъ выѣхалъ изъ ямы, но тутъ же упалъ мертвый: пуля пробила ему черепъ. Вечеромъ, проѣзжая по этому мѣсту, я увяналъ его трупъ, хотя всѣ одежды были съ него сняты. Бѣдный малый не намѣревался остаться на службѣ. Имѣя хорошее состояніе, онъ желалъ только получить чинъ командира эскадрона или старшаго офицера и затѣмъ выйти въ отставку, но ему не было суждено снова увидѣть берега озера Буржэ.

Нѣсколько времени спустя генералу Десѣ пришлось снова взять на себя командование своей дивизіей, такъ какъ командовать 5-й былъ по-

сланъ императоромъ одинъ изъ его адъютантовъ, генераль Раппъ. Эта дивизія, вслѣдствіе понесенныхъ ею при взятіи редутовъ потерь, была отведена на вторую позицію, а дивизія Десэ перешла на первую.

Пройдя нѣкоторое разстояніе впередъ, мы на опушкѣ лѣса, тянувшася вправо отъ насъ, выстроились колоннами. Въ это время мы замѣтили отрядъ русскихъ кирасировъ, мчавшихся какъ ураганъ. Они направлялись не прямо на насъ, а на батарею изъ 30 орудій, которая вслѣдствіе нашего движенія заняла позицію нѣсколько сзади и лѣвѣ насъ. Проходя мимо насъ, отрядъ отвѣдалъ нашихъ пуль, но это не замедлило его движеніе; не сдѣлала этого и картечь нашей батареи; онъ опрокинулъ послѣднюю и изрубилъ на мѣстахъ не успѣвшихъ укрыться артиллеристовъ. Однако нѣсколько французскихъ эскадроновъ быстро смяли кирасиръ, и тѣмъ пришлось еще разъ проѣхать мимо фланга нашей колонны, перенести ея огонь и штыки солдатъ, которые, выйдя массами изъ рядовъ, побѣждали имъ навстрѣчу, преграждая путь наступленія. Въ этомъ отрядѣ было, по нашему счету, до 1500 русскихъ кирасировъ, а вернулось изъ нихъ къ своимъ линіямъ едва ли болѣе 200 человекъ. Остальные, и люди и лошади, пали на мѣстѣ, и я даже не помню, чтобы кого-нибудь изъ нихъ взяли въ плѣнъ. Они были забронированы только спереди; ихъ брони и каски были чернаго цвѣта.

Едва скрылись послѣдніе изъ отряда кирасиръ, какъ мы увидѣли на близкомъ разстояніи массу пѣхоты, продвинувшейся во время атаки первыхъ. Эта пѣхота послѣ отступленія кирасировъ оказалась открытой и одинокой. Одну минуту мы видѣли, какъ она какъ-будто закружилась на одномъ мѣстѣ и затѣмъ отступила слегка въ беспорядкѣ. Но, уходя, она въ свою очередь обнаружила присутствіе батареи, пославшей намъ нѣсколько картечныхъ залповъ, причинившихъ намъ большой вредъ, и, между прочимъ, въ это самое время пуля перебила генералу Десэ правое предплечье. Мы съ поручикомъ Магнаномъ отвели его назадъ, такъ чтобы непріятельскіе выстрѣлы не могли до него долетать. Здѣсь намъ попалось нѣсколько хирурговъ, шедшихъ навстрѣчу раненымъ, и среди нихъ былъ главный хирургъ неаполитанскаго короля. Онъ оказалъ генералу первую помощь и по изслѣдованіи его раны сталъ уговаривать его согласиться на ампутацію предплечья.

Явившійся почти вслѣдъ затѣмъ главный хирургъ Ларей держался того же мнѣнія и еще рѣшительнѣе настаивалъ на операціи, на которую генераль ни за что не соглашался. Впрочемъ, у Ларея это было системой — удалять серіозно пораненные члены, и онъ приводилъ въ ея защиту краснорѣчивые аргументы. Онъ говорилъ генералу: «Конечно, можно съ нѣкоторымъ шансомъ на успѣхъ постараться сохранить вамъ руку, но для этого долгое время вамъ необходимъ тщательный уходъ и извѣстныя условія, на которыя въ походѣ и въ странѣ, подобной этой, за тысячу лье отъ родины, вы не можете навѣрное рассчитывать. У васъ впереди еще долгія лишенія и тяжелые труды и, наконецъ, вы не застрахованы отъ несчастныхъ случайностей. А между тѣмъ ваша рана при ампутаціи прекрасно зарубцуеться черезъ какіе-нибудь 2 недѣли».

Генераль Десэ не внималъ никакимъ увѣщаніямъ и оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи сохранить свою руку. Онъ былъ правъ, какъ будетъ видно дальше, но лишь благодаря стеченію невѣроятно счастливыхъ обстоятельствъ. И, кромѣ этого, онъ страдалъ отъ своей раны всю жизнь, и еще 10 лѣтъ спустя изъ нея продолжали выходить обломки костей.

Помѣстивъ генерала въ безопасное мѣсто, гдѣ за нимъ былъ обезпеченъ нужный уходъ, я счелъ своимъ долгомъ вернуться въ гущу сраженія и перейти подъ начальство генерала Фредерикса, принявшаго на себя, послѣ раны Десэ, командованіе 4-ой дивизіей. Поручикъ Магнанъ остался при Десэ, къ которому присоединились еще два брата, докторъ, командиръ и прислуга.

Возвращаясь къ дивизіи, я встрѣтилъ нѣсколько въ арьергардѣ отъ нея полковника Ашара изъ 108-го съ знаменемъ и кучкой людей. «Вотъ, все что осталось отъ моего полка», — печально сказалъ онъ мнѣ.

4-ую дивизію я нашелъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ — за мое отсутствіе въ этомъ пунктѣ не произошло ничего важнаго.

Генераль Фредериксъ похвалилъ меня за мое возвращеніе и почти немедленно послалъ меня за инструкціями къ маршалу Нею.

Маршаль Даву былъ сильно контуженъ пушечнымъ ядромъ, сбросившимъ его съ лошади, и оказался вынужденнымъ въ это самое время покинуть поле сраженія. Маршаль Ней, когда я къ нему явился (это было въ 2 часа пополудни) одинъ командовалъ по всей линіи. Слѣдуетъ замѣтить, что огонь съ той и другой стороны сталъ затихать и можно было надѣяться на скорый конецъ сраженія въ виду недостатка сражающихся — такъ велики были потери обѣихъ армій въ теченіе утра. Только батареи продолжали на очень значительномъ разстояніи переговариваться частыми залпами, и я по пути къ маршалу Нею, направляясь по дну небольшой долины, слышалъ какъ пули скрецивались надъ моей головой и летѣли со свистомъ. Очевидно, утреннія волненія сильно возбудили мою добрую, обычно смирную лошадь. Она упрямылась до того, что я былъ вынужденъ слѣзть и вести ее въ поводу. Особенно удивительно то, что она дрожала всѣмъ тѣломъ не отъ гула пушекъ, а отъ жужжанія пуль, очевидно, она понимала, что въ нихъ, а не въ варывѣ кроется опасность.

Маршаль Ней послалъ меня къ генералу Фредериксу съ приказомъ идти впередъ, и то же самое велѣлъ передать герцогу Абрантесу, стоявшему съ вестфальскимъ корпусомъ вправо отъ насъ.

Насколько было возможно быстро я исполнилъ это двойное порученіе. Генераль Фредериксъ повиновался приказу и занялъ позицію, такъ что имѣлъ вестфальцевъ въ арьергардѣ, соприкасаясь справа съ польскимъ корпусомъ князя Понятовскаго.

Жюно я нашелъ на лѣсной полянѣ. Онъ сошелъ съ лошади и приказалъ солдатамъ составить ружья въ козлы. Повидимому, онъ не былъ расположенъ тронуться съ мѣста. На все сказанное мною онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и велъ себя такъ же, какъ и при Валутиной горѣ¹⁾.

¹⁾ См. выше стран. Ред.

Приближался вечеръ. Непритель вездѣ отступилъ. Мы всё ожидали, что вотъ императоръ со своей гвардіей сойдетъ съ площадки, на которой онъ пребылъ все утро и рѣшительнымъ движеніемъ завершитъ поражение русскихъ. Но онъ не трогался съ мѣста, и генералъ Кутузовъ могъ спокойно отступить, увозя съ собой всё орудія, экипажи и походные госпитали, оставляя только убитыхъ и тѣхъ изъ раненыхъ, которые пали на занятой нами территоріи, отбитой у него.

Я въ этотъ день былъ по обыкновенію очень счастливъ — ни одна пуля не задѣла даже мое платье или головной уборъ. Лошадь моя была задѣта пулей выше колѣна, но получила только царапину, а другая пуля пролетѣла у нея вдоль шеи, опаливъ шерсть, но не тронувъ кожи.

Вечеромъ я отправился къ бивуаку генерала Деса. Я нашелъ его среди своихъ терпѣливо переносившимъ боль отъ раны. Онъ поручилъ мнѣ немедленно составить рапортъ на имя маршала Даву и подписалъ его лѣвой рукой. *(Жиро де-л'Энъ.)*

* * *

Въ слѣдующіе два дня, 5-го и 6-го сентября, мы продвинулись впередъ лишь на очень небольшое разстояніе, такъ какъ русская армія всюду оказывала намъ самое рѣшительное сопротивленіе, пользуясь всеми удобными для артиллеріи позиціями для того, чтобы громить насъ изъ пушекъ, и прикрывая свое отступленіе частой цѣпью стрѣлковъ, составленной изъ казаковъ, калмыковъ и башкиръ.

Послѣдніе были вооружены луками и стрѣлами, свистъ которыхъ былъ для насъ новъ, и ранили нѣсколькихъ изъ нашихъ стрѣлковъ. Шея лошади капитана Депену, изъ моего полка, была пронзена подъ гривой одною изъ этихъ стрѣлъ, имѣвшихъ, приблизительно, четыре фута въ длину.

Мы убили нѣсколькихъ башкиръ, и я никогда не видалъ болѣе безобразной расы людей.

Наконецъ, вечеромъ шестого сентября русская армія стянулась на равнинѣ у г. Можайска и заняла тамъ позиціи. Нашъ авангардъ получилъ приказаніе сдѣлать движеніе налѣво: стало яснымъ, что мы займемъ наши боевыя позиціи. Мы остановились недалеко отъ дороги изъ Смоленска въ Москву.

Эта ночь прошла очень тревожно. Все время непрерывно слышался заглушенный шумъ передвигающихся артиллерійскихъ обозовъ и кавалерійскихъ отрядовъ. Каждая дивизія, каждый армейскій корпусъ передвигался на боевую линію и занималъ мѣсто, указанное ему адъютантами императора и главнокомандующихъ.

Многими овладѣло безпокойство; многіе не закрывали всю ночь глазъ. Немало разсуждали о важномъ значеніи той драмы, которая должна была разыгратъ на слѣдующій день, арена которой, столь далекая отъ нашей родины, дѣлала возможнымъ для насъ или побѣду или смерть.

На разсвѣтѣ мы получили приказаніе двинуться впередъ вдоль Московской дороги и остановиться противъ Бородина. Дивизія выстроилась въ колонну по-бригадно передъ тянувшимся черезъ все поле оврагомъ, на днѣ котораго протекалъ ручей.

Едва только солнце начало освѣщать горизонтъ, прискакаль адъютантъ генерала Груши и передалъ полковнику для прочтенія передъ полкомъ замѣчательную прокламацію императора.

Едва успѣли закончить чтеніе этого воззванія, какъ показалось лучезарное солнце. Погода была великолѣпная, и передъ нашими глазами открылось все поле битвы.

Мы должны были защищать двадцать пять орудій, поставленныхъ между нами и дивизіей Монбрена, наблюдать и слѣдить за дорогой въ Москву и селомъ Бородиноиъ.

Битва завязалась почти въ одно и то же время по всей линіи.

Противъ насъ на крайнемъ правомъ флангѣ непріятельской линіи находился редуть, огонь котораго былъ направленъ противъ нашей артиллеріи, расположенной вправо отъ насъ. Но нѣсколько орудій обстрѣливали и насъ.

Всѣ ядра попадали рикошетомъ въ наши ряды, и мы ждали ихъ, обнаживъ сабли.

Въ такомъ ужасномъ положеніи мы пробыли шесть часовъ...

Бѣдный восьмой стрѣлковый полкъ понесъ очень большія потери; его ряды были сильно разрѣжены; большое количество труповъ людей и лошадей покрывало позицію, которую мы занимали съ восхода солнца.

Было около одиннадцати часовъ. По всей равнинѣ раздавался ужасный артиллерійскій грохотъ. Земля дрожала отъ кавалерійскихъ атакъ. Наконецъ, во весь опоръ къ намъ прискакаль адъютантъ генерала Груши и передалъ приказаніе двинуться въ атаку, сдѣлавъ движеніе налѣво, чтобы перейти дорогу немного выше Бородина. Никогда осужденный на казнь, получая помилованіе, не чувствовалъ больше радости, чѣмъ мы, когда намъ поручили выполнить этотъ маневръ, освобождавшій насъ отъ этого ужаснаго бездѣйствія.

Полки построились въ эскадроны на скаку и мчались галопомъ, пока, достигнувъ праваго фланга непріятеля, не очутились передъ русскими кирасирами.

Мы выстроились въ боевой порядокъ — колоннами по цѣлому полку.

Шестой гусарскій находился во главѣ отряда; онъ произвелъ рѣшительную атаку и смялъ русскихъ кирасиръ. Восьмой стрѣлковый, бывшій вторымъ, налетѣвъ съ быстротою молніи, докончилъ ихъ пораженіе.

Въ полномъ беспорядкѣ они повернули назадъ, и мы начали бѣшено рубить, какъ бы стараясь вознагражить себя за потерянное время.

Такъ какъ русскіе кирасиры носятъ панцырь только на груди, мы могли съ особымъ успѣхомъ колоть ихъ именно во время бѣгства.

Мы настолько ожесточились, что многіе изъ насъ продолжали преслѣдованіе еще долгое время, послѣ того, какъ трубы уже протрубили отбой, такъ что для того, чтобы соединиться съ нашей дивизіей, намъ пришлось прокладывать себѣ дорогу черезъ густую цѣпь казаковъ.

Русскіе кирасиры, которымъ удалось, наконецъ, выстроиться, бросились впередъ въ атаку.

Они остановились на разстояніи ста шаговъ отъ нашего фронта. Мы, твердо держась на стременахъ, сабли наголо, были готовы встрѣтить ихъ.

Казаки, по своему обыкновению, разступились въ стороны, чтобы оставить свободнымъ поле битвы.

Видя нашу твердость, непріятель началъ колебаться; онъ не осмѣлился произвести атаку и выполнилъ повзводно шагомъ полуоборотъ съ такою правильностью, какъ-будто дѣло происходило на маневрахъ на Марсовомъ полѣ. Казаки бросились въ промежутокъ, какъ стая свирѣпыхъ волковъ, и съ не большимъ порядкомъ. Чтобы сдержать ихъ, выслали значительное количество стрѣлковъ. Но, такъ какъ битва не была еще окончательно выиграна, и такъ какъ намъ было дано приказаніе не наступать, то остальная часть дня прошла безъ какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій, и мы разбили свой лагерь передъ Бородиномъ.

Такъ какъ я сильно страдалъ отъ полученной въ ногу раны, полковникъ разрѣшилъ мнѣ устроиться на ночь самымъ удобнымъ образомъ, какой только окажется возможнымъ, съ тремя товарищами, также ранеными, и полковымъ врачомъ хирургомъ Жераромъ, котораго очень любили въ полку.

Наступившее за этимъ достопамятнымъ днемъ утро было очень смертоносно для 8-го стрѣлковаго полка. Наступила наша очередь стать во главѣ колонны.

На разсвѣтѣ наши аванпосты были атакованы, и мы бросились къ нимъ на помощь. Но намъ пришлось сражаться, не говоря уже объ очень сильномъ арьергардѣ, съ безчисленной массой казаковъ и батареей изъ тридцати орудій, которая, подпустивъ на короткое разстояніе, стала осыпать насъ градомъ картечи.

Болѣе шестидесяти стрѣлковъ было убито; очень много людей было ранено, въ особенности унтеръ-офицеровъ.

Слѣва отъ насъ находились польскіе уланы. Сражаться вмѣстѣ съ ними было прямо наслажденіемъ; удивительна была ихъ блестящая храбрость и та ярость, съ которою они бросались на врага, гдѣ бы тотъ ни появлялся, и какова бы ни была его сила.

Мы сдѣлали фланговое движеніе, чтобы слѣдовать за стрѣлками и не подставлять себя безъ пользы подъ непріятельскій огонь, какъ вдругъ я, стараясь увидѣть что-нибудь въ окружавшемъ насъ облакѣ дыма и пыли, почувствовалъ, какъ кто-то схватилъ обѣими руками за мою ногу и цѣплялся за нее съ крайними усилиями.

Я уже былъ готовъ освободить себя ударомъ сабли отъ этого крѣпкаго объятія, какъ увидѣлъ молодого, замѣчательно красиваго польскаго офицера, который, волочась на колѣняхъ и устремивъ на меня свой горящіе глаза, воскликнулъ:

— Убейте меня, убейте меня, ради Бога, ради вашей матери!

Я соскочилъ съ лошади и нагнулся къ нему. Чтобы обследовать рану, его наполовину раздѣли, а затѣмъ оставили, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ выдержать переноски.

Разорвавшаяся граната отрѣзала ему позвоночникъ и бокъ; эта ужасная рана, казалось, была нанесена острой косой.

Я вадрогнулъ отъ ужаса и, вскочивъ на лошадь, сказалъ ему: — Я не могу помочь Вамъ, мой храбрый товарищъ, и мой долгъ зоветъ меня.

— Но вы можете убить меня, — крикнулъ онъ въ отвѣтъ: — единственная милость, о которой я прошу васъ.

Я приказалъ одному изъ моихъ стрѣлковъ дать мнѣ свой пистолетъ и взять себѣ другой въ первой кобурѣ, которую онъ найдетъ, и, передавъ заряженное оружіе несчастному, я удалился, отвернувъ голову.

Я все-же успѣлъ замѣтить, съ какой дикой радостью схватилъ онъ пистолетъ, и я не былъ отъ него еще на разстояніи крупа лошади, какъ онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Не думаю, чтобы, оказавъ ему эту услугу, я совершилъ дурной поступокъ, и, чтобы ни говорили ригористы, моя совѣсть никогда не упрекала меня за это: смерть была адъсь несомнѣнна, а мученія ужасны.

Наконецъ, мы вышли изъ сферы дѣйствія непріятельской артиллеріи, и, послѣ того, какъ дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что находимся на правой сторонѣ отъ той позиціи, которую она занимала.

(Комбъ.)

* * *

Во все время сраженія Наполеонъ не садился на лошадь. Онъ шелъ пѣшкомъ со свитою офицеровъ и не переставалъ слѣдить за движеніемъ на полѣ битвы, ходя взадъ и впередъ по одному направленію. Говорили, что онъ не садился на лошадь оттого, что былъ нездоровъ. Адъютанты безпрестанно получали отъ него приказанія и отъѣзжали прочь. Позади Наполеона стояла гвардія и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. Мы были выстроены въ боевой порядокъ, оставаясь въ бездѣйствіи и выжидая приказаній. Полковья музыки разыгрывали военные марши, напоминавшіе побѣдныя поля первыхъ походовъ революціи: *Allons, enfants, de la patrie*, когда дрались за свободу. Тутъ же эти звуки не одушевляли воиновъ, а нѣкоторые старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи. Я отдалъ лошадь свою солдату и пошелъ впередъ къ группѣ офицеровъ, стоявшихъ за спиною императора. Передъ нами разстилалось зрѣлище ужаснаго сраженія; но ничего не было видно за дымомъ тысячи орудій, гремѣвшихъ непрерывно. Въ воздухѣ подымались густыя облака одни за другими, вслѣдъ за молніями выстрѣловъ. По временамъ у русскихъ взлетали ракеты, должно быть сигналы, но значеніе ихъ было для меня непонятно. Бомбы и гранаты лопались въ воздухѣ, образуя бѣловатое облачко; нѣсколько пороховыхъ ящиковъ влетѣли на воздухъ у непріятеля, такъ что земля дрогнула. Такого рода случаи гораздо рѣже встрѣчаются у насъ, нежели у русскихъ, потому что ящики у нихъ дурного устройства. Я нѣсколько придвинулся къ императору, который не переставалъ смотрѣть въ трубку на поле сраженія. Онъ одѣтъ былъ въ свою сѣрую шинель и говорилъ мало. Случалось, что ядра подкатывали къ его ногамъ; онъ сторонился, такъ же какъ и мы стоявшіе позади. (Де-ла-Флиэ.)

* * *

Генераль Нури привезъ мнѣ печатный приказъ, который я и прочелъ артиллеристамъ и солдатамъ. Это былъ приказъ объ обходномъ движеніи нашей батареи: маневръ, благодаря которому мы прославились. Насъ называли побѣдителями Аустерлица, Иены и Фри-ланда; еще одно подобное сраженіе здѣсь, и мы войдемъ въ Москву, гдѣ найдемъ удобныя квартиры, гдѣ будетъ заключенъ продолжительный миръ и получится, наконецъ, увѣренность въ быстромъ возвращеніи во Францію... Всѣ кричали «ура»!

Немного спустя генераль Нури приказалъ мнѣ именемъ фельд-маршала поставить мою батарею на передовую линію, чтобы прикрыть императорскую стоянку.

Я велѣлъ стать на позицію и сняться съ передковъ. Какъ сейчасъ вижу всю картину боя: сзади и сбоку отъ меня стоитъ въ полномъ порядкѣ пѣхота старой гвардіи; въ центрѣ пѣхота молодой гвардіи; налѣво кавалерія; въ центрѣ же моей батареи находился императоръ въ своей сѣрой шинели, со скрещенными на груди руками, ходившій въ большой ажитации по маленькому пространству; немного далѣе офицеры съ подворными трубами въ рукахъ. Двѣ конныхъ батареи подъ командой Марена помѣстились налѣво, прикрывая собой фронтъ кавалеріи. Моя батарея простояла такимъ образомъ до четырехъ часовъ дня. Мы слышали со всѣхъ сторонъ ужасную перестрѣлку, едва разбирая сквозь дымъ, позицію непріятеля. Болѣе ста офицеровъ главнаго штаба подбѣгали одинъ за другимъ къ императору; онъ выслушивалъ ихъ рапорты и отсылалъ движеніемъ руки, ни разу не промолвивъ слова.

Я не сводилъ съ него глазъ и могу поручиться, что съ самаго начала битвы и до четырехъ часовъ, онъ не покинулъ своего мѣста, не отдалъ ни одного приказанія.

(Пьонъ-де-Лозъ.)

* * *

Справа отъ дороги возвышался громадный редуть, откуда разстрѣливали все, что къ нему ни приближалось. Понадобились страшныя усилія, чтобы его взять. Наконецъ, это удалось кирасирамъ, и тогда наши колонны высыпали на равнину. Главный резервъ помѣщенъ былъ слѣва отъ большой дороги; боевыхъ колоннъ не было видно, такъ какъ деревья и кустарникъ заслоняли ихъ. Ночью войска были разставлены, а на разсвѣтъ все было уже на ногахъ и артиллерія начала дѣйствія съ обоихъ фланговъ. Императоръ приказалъ своимъ резервамъ сдѣлать большое движеніе и размѣстилъ ихъ на этотъ разъ справа отъ большой дороги у глубокаго оврага, гдѣ они и выстояли, не трогаясь, цѣлый день. Здѣсь находилось 20 или 25 тысячъ чело-вѣкъ, отборныя силы Франціи; всѣ они были въ парадной формѣ. Наши войска дѣлали всѣ усилія, чтобы захватить редуты, раз-

стрѣливавшіе на нашемъ правомъ флангѣ нашу пѣхоту; но ихъ все время отражали, а между тѣмъ занятіе этой позиціи рѣшало побѣду.

Генераль проводилъ меня къ императору. «У тебя хорошая лошадь?» — «Да, государь!» — «Скачи сейчасъ же и передай этотъ приказъ Коленкуру, ты найдешь его справа отсюда, вдоль лѣса; ты заметишь тамъ кирасирь, которыми онъ командуетъ. Возвращайся только по окончаніи дѣла».

Пріѣзжаю, являюсь генералу и передаю ему приказъ. Онъ прочелъ и обратился къ своему адъютанту со словами: «Вотъ приказъ, котораго я ждалъ. Трубите, чтобы сѣлились на лошадей и зовите сюда полковниковъ». Они прибыли верхами и стали въ кругъ. Коленкуръ прочелъ имъ приказъ, чтобы редуты были взяты, распредѣлилъ, кому какой редутъ брать и прибавилъ: «Я беру на себя второй. Вы, офицеръ штаба, слѣдуйте за мной и не теряйте меня изъ виду». — «Слушаю, генераль!» — «Если я паду, то вы, полковникъ, примите командованіе. Редуты надо брать при первой же атакѣ». Затѣмъ онъ обратился ко всѣмъ полковникамъ: «Вы слышали мои слова, становитесь во главѣ своихъ полковъ. Гренадеры насъ ждутъ. Не терять ни минуты! За мной рысью; а какъ только подойдемъ на ружейный выстрѣлъ — галопомъ. Гренадеры атакуютъ съ фронта».

Кирасиры понеслись вдоль лѣса и ринулись на редуты съ задней стороны, тогда какъ гренадеры устремились къ валу. Кирасиры и гренадеры вразсыпную сражались съ русскими. Храбрый Коленкуръ упалъ подлѣ меня, убитый наповаль. Я присоединился къ старому полковнику, принявшему на себя начальствованіе, и все время не выпускалъ его изъ виду. Атака кончена, и редуты въ нашихъ рукахъ. Старый полковникъ говоритъ мнѣ: «Поѣзжайте, скажите императору, что побѣда наша. Я сейчасъ отправлю ему штабъ-офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ на редутахъ».

Всѣ силы русскихъ двинулись на помощь къ этимъ редутамъ, но маршаль Ней разстрѣливалъ ихъ съ ихъ праваго фланга. Я поскакалъ галопомъ черезъ поле битвы, видѣлъ, какъ ядра взрывали поле, и не надѣялся выбраться оттуда. Подѣхавъ къ императору, соскакиваю съ лошади, подхожу къ нему, снимаю шляпу, и тутъ замѣчаю, что у ней недостаетъ задняго угла. — «Ну, сказалъ императоръ — ты дешево отдѣлался». — «Я и не замѣтилъ этого; редуты ваяты, генераль Коленкуръ убитъ». — «Ахъ, какая потеря!» — «Къ вамъ сейчасъ приведутъ много офицеровъ».

Императоръ потребовалъ свою медвѣжью шкуру; онъ находился въ это время на склонѣ оврага въ полулежачемъ положеніи. Сюда привели взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ, сопровождаемыхъ гренадерской ротой. Ихъ размѣстили въ порядкѣ ихъ чиновъ. Императоръ обошелъ ихъ и спросилъ, не сдѣлали ли имъ солдаты чего дурного; они отвѣтили, что ни одинъ солдатъ не задѣвалъ ихъ. Старый гренадеръ выходитъ изъ строя и говоритъ, передавая оружіе императору: «Я взялъ въ плѣнъ этого старшаго офицера». Императоръ выслушалъ гренадера, спросилъ его имя и затѣмъ задалъ вопросъ: «А что сдѣлалъ твой капитанъ?» — «Онъ первымъ вошелъ на третій

редуть». Обращаясь къ капитану императоръ говоритъ: «Я назначаю тебя батальоннымъ командиромъ, твои офицеры получаютъ по кресту. Капитанъ! — закончилъ онъ — скомандуй имъ равненіе направо и отправляйтесь всѣ на поле чести». «Да здравствуетъ императоръ!» — кричатъ они и быстро несутся къ своему знамени. Ночь мы провели на полѣ битвы, а на другой день императоръ приказала подобрать раненныхъ. Зрѣлище, которое мы увидали, привело насъ въ дрожь; русскія ружья покрывали землю; около ихъ громаднхъ походныхъ госпиталей лежали груды труповъ; кучей лежали части тѣла, оторванные отъ туловища. Мюратъ преслѣдовалъ русскихъ такъ энергично, что они сжигали всѣхъ своихъ раненныхъ; мы видѣли ихъ обуглившіяся тѣла. Вотъ какъ преступно обращаются они съ солдатомъ.

(Жуанье.)

* * *

Странное и удивительное явленіе — современный бой: двѣ противныя арміи медленно подходятъ къ полю сраженія, открыто и симметрично располагаются другъ противъ друга, имѣя въ 140 шагахъ впереди свои артиллеріи, и всѣ эти грозныя приготвленія исполняются съ спокойствіемъ, порядкомъ и точностью учебныхъ упражненій мирнаго времени; отъ одной арміи до другой доносятся громкіе голоса начальниковъ; видно, какъ поворачиваютъ противъ васъ дула орудій, которыя вслѣдъ за тѣмъ понесутъ вамъ смерть и разрушеніе; и вотъ, по данному сигналу, за зловѣщимъ молчаніемъ внезапно слѣдуетъ невѣроятный грохотъ, — начинается сраженіе.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обѣ арміи остаются неподвижны, одна только артиллерія говоритъ и дѣйствуетъ; число орудій и мѣткость стрѣльбы — вотъ что даетъ первый успѣхъ; тотъ, кто подобьетъ болѣе орудій, тотъ, кто, произведя въ линіяхъ противника болѣе опустошеній, внесетъ въ ряды его болѣе ужаса, тотъ и вынудитъ своего противника къ отступленію.

Нужно отдать справедливость французской артиллеріи, что она превосходила артиллеріи другихъ государствъ живостью и мѣткостью огня, что признавалось всей Европой. Послѣ нѣсколькихъ часовъ оживленной канонады, потому ли, что непріятель замѣтилъ нѣкоторое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, или наше нетерпѣніе нашло этотъ обмѣнъ снарядовъ слишкомъ продолжительнымъ, но только мы перешли въ наступленіе, и наша пѣхота атаковала редутъ, расположенный посреди равнины и посылавшій намъ смертоносный огонь. Этотъ редутъ, ключъ поля сраженія, былъ блистательно атакованъ и столь же мужественно обороняемъ. Вся мѣстность передъ редутомъ была завалена тѣлами французовъ, а самый редутъ и мѣстность позади — тѣлами русскихъ. На этомъ пунктѣ русскіе переходили нѣсколько разъ въ наступленіе, но новая атака въ штыки заставила ихъ отступить. Тѣла убитыхъ затрудняли движеніе сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать.

Наконецъ, императоръ, утомившись сопротивленіемъ и чувствуя, что отъ успѣха на этомъ пунктѣ поля сраженія зависитъ успѣхъ дня, приказалъ пѣхотѣ отступить, что было принято русскими съ торжествомъ: они думали, что мы уже сдались передъ ихъ сопротивленіемъ и уже было восхваляляи побѣду. Но напрасно, такъ какъ пѣхота была замѣнена лишь кавалеріею, въ составѣ всѣхъ почти кирасирскихъ полковъ арміи, въ числѣ до 15, считая въ томъ числѣ саксонцевъ и полкъ голландцевъ. Мгновенно развернутая, эта желѣзная линія, предводимая Мюратомъ, понеслась въ атаку. Ничто не устояло, все было опрокинуто, пройдено и взято (т.-е. только до оврага). 5-й кирасирскій полкъ, бывший фронтомъ къ редуту, перешелъ ровъ, взобрался на небольшой валъ и ворвался въ редутъ, рубя и давя пѣхоту своими конями.

Мы продолжали нашу атаку на равнинѣ вплоть до артиллеріи, поддерживаемой русскими кирасирами и драгунами. Доскакавъ до нихъ, мы были поражены ихъ неподвижностью, не понимая, почему непріятельская кавалерія не вынеслась передъ своей артиллеріей, для ея защиты и для встрѣчи нашей конницы; только очутившись въ 100—110 шагахъ отъ русской артиллеріи, мы поняли, въ чемъ дѣло, ибо причина стала ясна—это условіе мѣстности, что не могло быть нами принято въ соображеніе. Та часть Россіи, по которой мы двигались, представляла изъ себя равнину, частью покрытую лѣсами, но никакія возвышенія не представлялись взору, а между тѣмъ, на пути было не мало крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что равнины эти (т.-е. равнины для глазъ) изборожжены оврагами, которые только тогда и замѣтишь, когда они уже у васъ подъ ногами, и подобный же оврагъ находился теперь передъ линіею русскаго расположенія, играя роль рва и вала, которые и помѣшали намъ атаковать эту линію. Доказывая наше желаніе видѣть русскую армію поближе, мы спустились въ оврагъ, съ цѣлью выскочить на противоположный берегъ, но дно оврага оказалось болотистымъ, передовыя лошади въ немъ завязли, и намъ, волей-неволей, пришлось вернуться обратно и стать въ боевомъ порядкѣ фронтомъ къ непріятелю, по сю сторону оврага и на краю его.

Въ подобныхъ условіяхъ расположенія мы очутились въ 100 шагахъ отъ русскихъ орудій, которыя не замедлили встрѣтить насъ бѣглымъ огнемъ. Признаюсь, рѣдко когда приходилось мнѣ переживать подобную передрагу. Во время атаки, которая къ тому же и не можетъ быть продолжительной, каждый всадникъ, находясь въ оживленіи, наноситъ удары, отражаетъ, если можетъ, ему наносимые, вообще, тутъ существуетъ движеніе, дѣйствіе, борьба чело-вѣка съ чело-вѣкомъ, но въ данномъ случаѣ было нѣчто совсѣмъ другое. Неподвижно стоя передъ русскими, мы отлично видѣли, какъ орудія заряжались тѣми снарядами, которые должны были летѣть въ нашу сторону, и какъ производилась наводка орудій наводчиками; требовалось извѣстное хладнокровіе, чтобы оставаться въ этомъ неподвижномъ состояніи. Къ счастью, вслѣдствіе ли взволнованнаго состоянія прислуги или плохой стрѣльбы, или по причинѣ близости разстоянія, но только картечь перелетала наши головы

въ нераскрытыхъ еще жестянкахъ, не успѣвъ разсыпаться и разсѣяться своимъ безобразнымъ вѣромъ.

Долго простояли мы здѣсь, ожидая пѣхоты.

Наконецъ, подошла вестфальская дивизія и стала позади насъ, отдѣленная отъ русскихъ двумя шеренгами нашихъ лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотомъ «по-взводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которымъ пѣхота могла бы пройти впередъ, стать передъ нами и вступить въ бой, то бѣдные вестфальцы, на половину рекрута, изумленные подобной близостью орудій, а также и подъ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: «Wir bleiben nicht hier, Wir bleiben nicht hier» и пожелали присоединиться къ нашему отступательному движенію.

Это обстоятельство вынудило насъ вернуться, чтобы поддержать или, вѣрнѣе, успокоить пѣхоту, по пятамъ которой шли наши лошади. Этимъ маневромъ мы продвинули пѣхоту эту къ краю оврага, въ который и заставили ее спуститься на нѣсколько шаговъ, съ расчетомъ укрыть людей отъ огня русской артиллеріи, которая не могла ужъ теперь дѣйствовать внизъ оврага. Эта пѣхота изъ оврага немедленно открыла огонь по артиллеріи и прикрывающей ее кавалеріи. Тогда русской артиллеріи и кавалеріи, очутившейся въ 85 шагахъ подъ огнемъ пѣхоты вестфальцевъ, только и оставалось, что отойти назадъ и дать мѣсто своей пѣхотѣ, которая и завязала ружейный огонь съ вестфальцами. Насъ отодвинули назадъ, чтобы вывести изъ сферы ружейнаго огня.

(Туріонъ.)

* * *

Въ два часа мы получили приказъ продолжать наше движеніе впередъ. Мы перешли рѣчку, очевидно, Семеновку, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлись замѣтные слѣды прохода значительнаго отряда кавалеріи. Но въ то время, когда мы взбирались на холмъ по ту сторону оврага, насъ вдругъ окутала настоящая тьма пыли. Одновременно съ этимъ ужасный крикъ, вырвавшійся изъ тысячъ грудей, покрылъ собою грохотъ орудій, чьи снаряды врывались въ наши колонны. И когда эта пыль стала разсѣиваться, мы увидѣли, что большой центральный редутъ только что былъ взятъ, и что французская кавалерія неслась уже на другую сторону его, непрестанно рубя русскихъ, которые все еще бились, хотя уже отступали.

Насъ поставили позади редута. Очевидно, насъ предназначили поддерживать, а въ случаѣ надобности и смѣнить этихъ первыхъ атакующихъ. Они выиграли дѣло, но какую цѣною! Редутъ и его окрестности представляли собою зрѣлище, превосходившее по ужасу, все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укрѣпленій, — все это исчезало подъ искусственнымъ холмомъ изъ мертвыхъ и умирающихъ, средняя высота котораго равнялась шести-восьми человѣкамъ, наваленнымъ другъ на друга. Предъ моими глазами такъ и встаетъ лицо одного штабнаго офицера, человѣка среднихъ лѣтъ, лежавшаго поперекъ русской гаубицы, съ огром-

ной зіяющей раной на головѣ. При мнѣ уносили генерала Огюста де Коленкура; смертельно раненый, онъ былъ обернуть въ кирасирскій плащъ, весь покрытый огромными красными пятнами. Тутъ лежали вперемѣшку пѣхотинцы и кирасиры, въ бѣлыхъ и синихъ мундирахъ, саксонцы, вестфальцы, поляки. Среди послѣднихъ я узналъ друга, эскадроннаго командира Яблонскаго, красавца Яблонскаго, какъ его звали въ Варшавѣ!
(Брандтъ.)

* * *

Въ 6 часовъ утра пушечный выстрѣлъ гвардейской артиллеріи является сигналомъ начала боя. 120 жерлъ начинаютъ дѣйствовать съ нашего праваго фланга. Нашъ полкъ спускается въ оврагъ и взбирается по другую его сторону по линіи сраженія; трудный утомительный путь, особенно когда гранаты разрываются надъ нашими головами и несутъ смерть въ наши ряды. Пока мы маршируемъ, всѣ другіе части арміи производятъ свое движеніе. Въ 8 часовъ нашъ полкъ взобрался на холмъ и перешелъ Колочу, маленькую рѣчку, впадающую въ Москву рѣчку и отдѣляющую насъ отъ русскихъ. Не доходя на 10 футовъ до уровня равнины, скрытой гребнемъ оврага, мы строимся въ боевую линію и генераль Моранъ ведетъ насъ на большую непріятельскую батарею. Обѣзжая линію, чтобы ободрить солдатъ, генераль подъѣзжаетъ и къ моему отряду и видя, что я серьезно раненъ, говоритъ мнѣ: «Капитанъ, вы не можете итти, отойдите къ стражѣ знамени». — Я отвѣчаю: — «Генераль, этотъ день слишкомъ привлекателенъ для меня: я хочу раздѣлить несомнѣнную славу полка». — «Узнаю васъ», сказалъ генераль, пожимая мнѣ руку, и продолжалъ обѣзжать боевой линіи среди сыпавшихся со всѣхъ сторонъ ядеръ. Нашъ полкъ получаетъ приказъ итти впередъ. Мы достигаемъ гребня оврага и уже находимся на разстояніи половины ружейнаго выстрѣла отъ русской батареи. Она осыпаетъ насъ картечью, ей помогаютъ нѣсколько прикрывающихъ ее батарей, но мы не останавливаемся. Я, несмотря на раненую ногу, скачу, какъ и мои стрѣлки, перескакивая черезъ ядра, которыя катятся среди нашихъ рядовъ. Цѣлые ряды, полувзводы падаютъ отъ непріятельскаго огня, оставляя пустыя пространства. Стоящій во главѣ 30-го генераль Бонами, приказываетъ намъ остановиться и подъ пулями выстраиваетъ насъ, а затѣмъ мы снова идемъ.

Русская линія хочетъ насъ остановить; въ 30 шагахъ отъ нея мы открываемъ огонь и проходимъ. Мы бросаемся къ реду, взбираемся туда черезъ амбразуры, я вхожу туда въ ту самую минуту, какъ только что выстрѣлили изъ одного орудія. Русскіе артиллеристы бьютъ насъ банниками, рычагами. Мы вступаемъ съ ними въ рукопашную и наталкиваемся на страшныхъ противниковъ. Много французовъ вперемежку съ русскими падаетъ въ волчьи ямы. Я защищаюсь отъ артиллеристовъ саблей и убиваю нѣсколькихъ изъ нихъ. Солдаты были до того разгорячены, что перешли реду въ шагъ на 50. Но другіе полки, имѣвшіе свои схватки съ русскими, не послѣдовали

за нами и намъ помогаетъ только одинъ батальонъ 13-го легкаго. Мы вынуждены отступить и пройти черезъ редутъ русскую линію, успѣвшую оправиться, и черезъ волчьи ямы. Полкъ нашъ разгромленъ. Мы снова строимся позади редута, все подъ пулями непріятеля, и пытаемся сдѣлать вторую атаку, но безъ поддержки насъ слишкомъ мало, чтобы имѣть успѣхъ. Мы отступаемъ, имѣя 11 офицеровъ и 257 солдатъ — остальные убиты или ранены. Храбрый генераль Бонами, все время сражавшійся во главѣ полка, остался въ редутѣ: онъ получилъ 15 ранъ и взятъ русскими въ плѣнъ.

Я участвовалъ не въ одной кампаніи, но никогда еще не участвовалъ въ такомъ кровопролитномъ дѣлѣ и съ такими выносливыми солдатами, какъ русскіе. Видъ мой былъ ужасенъ: пуля сорвала съ меня киверъ; полы моего платья остались въ рукахъ русскихъ солдатъ во время моей рукопашной схватки съ ними; повсюду у меня были ссадины, а рана моей лѣвой ноги причиняла мнѣ сильныя страданія. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха на площадкѣ, гдѣ мы снова выстраиваемся, я ослабѣлъ отъ потери крови и падаю безъ сознанія. Мои стрѣлки приводятъ меня въ чувство и относятъ въ госпиталь, гдѣ въ то время перевязывали раненаго въ подбородокъ генерала Морана. Онъ узнаетъ меня, пожимаетъ мнѣ руку и, когда перевязка его сдѣлана, дѣлаетъ знакъ хирургу, чтобы онъ оказалъ мнѣ помощь. Подходить докторъ, изслѣдуетъ мою рану — счастливое пораненіе, говоритъ онъ, и вынимаетъ осколки. Затѣмъ, наложивъ первоначальную повязку, онъ велитъ мнѣ отправиться въ госпиталь въ Колочскій монастырь, гдѣ собраны тысячи раненыхъ, но среди нихъ изъ 30-го мало: они остались въ редутѣ. Я вхожу въ палату; 27 офицеровъ полка, изъ нихъ 5 ампутированныхъ, лежатъ на соломѣ или на полу и нуждаются рѣшительно во всемъ. Въ госпиталѣ находится слишкомъ 10,000 раненыхъ; ими полны всѣ помѣщенія монастыря.

Мой вѣрный солдатъ, уцѣлѣвшій среди рѣзни, идетъ вечеромъ на поле сраженіе, чтобы отыскать меня; товарищи говорятъ ему, что я въ госпиталѣ, и онъ является туда, ведя моихъ лошадей. Ему и нѣсколькимъ моимъ товарищамъ обязанъ я своей жизнью, они такъ энергично добывали мнѣ пищу. Я платилъ за яйцо 4 франка, за 1 фунтъ говядины 6 франковъ и за трехфунтовой хлѣбъ 15 франковъ. Къ счастью, у меня имѣлись 400 франковъ, присланные мнѣ въ госпиталь моими начальниками.

На другой день въ госпиталь пришло нѣсколько легко раненыхъ солдатъ изъ 30-го. Замѣта меня, одинъ изъ моихъ стрѣлковъ воскликнулъ: «Боже мой, капитанъ! А говорили, что вы убиты. Какъ я радъ васъ видѣть. Почему, чертъ возьми, вы не удовольствовались одной вашей раной?»

Это выраженіе участія, которое я всегда видѣлъ со стороны своихъ служащихъ, заставило меня на минуту позабыть свое печальное положеніе. Тотъ же стрѣлокъ сообщилъ мнѣ, что мой поручикъ убитъ, а подпоручикъ тяжело раненъ, мой фельдфебель, 3 унтеръ-офицера, 6 капраловъ и 57 солдатъ убиты и что изъ всей моей рота осталось только 5 человекъ. Изъ 4100 человекъ полка уцѣлѣло всего 300.

(Франсуа.)

* * *

7-ое сентября. Сигналь былъ данъ около 7 часовъ и 300 нашихъ пушекъ немедленно открыли пальбу по такому же приблизительно числу русскихъ орудій, ядра которыхъ съ неподдающимся описанію шумомъ и свистомъ бороздили наши ряды. Къ несчастію, въ этотъ роковой моментъ начала сраженія наши резервы, даже кавалеріи, стояли на слишкомъ близкой позиціи и изъ гордости, или скорѣе, чтобы не подать повода къ фальшивой тревогѣ, не захотѣли отступить хотя бы на нѣсколько сотенъ шаговъ, гдѣ бы могли укрыться и избѣжать бесполезныхъ потерь. Мы были свидѣтелями, какъ тысячи храбрыхъ всадниковъ и крайне нужныхъ намъ лошадей гибли безъ всякой пользы для арміи.

Стоявшій влѣво отъ насъ корпусъ вице-короля дивизіей Дельвона храбро атаковалъ и взялъ укрѣпленную деревню Бородино. Принцъ Евгений не вѣрилъ, чтобы атака эта кончилась успѣшно и приказалъ только взять Бородино. Но 106-й полкъ, увлеченный побѣдой, перешелъ вслѣдъ за русскими по мельничному мосту черезъ ручеекъ Колочу и продолжалъ ихъ преслѣдовать въ то время, какъ они поднимались на высоты укрѣпленій деревни, закрытой длинной насыпью редановъ. Скакавшіе не переводя духу солдаты этого полка при подъемѣ на крутой косогоръ отдѣлились отъ колонны, которая еще только переходила мость.

Генераль Планзонъ, замѣтя это разстройство и зная въ то же время, что эта атака не была подготовлена и не будетъ поддержана, приказалъ 106-му полку остановиться, выстроиться и приготовиться отразить нападеніе русской колонны, спускавшейся къ намъ сверху. Генераль Планзонъ былъ въ ту минуту убитъ. Немедленно среди его солдатъ произошло замѣшательство, которымъ и воспользовались русскіе, такъ что въ живыхъ остались лишь немногіе изъ этихъ храбрецовъ.

Между тѣмъ къ нимъ на помощь пришелъ 92-ой полкъ, и Бородино осталось за нами, несмотря на всѣ старанія русскихъ его отбить.

Какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, я докладывалъ императору объ его подробностяхъ, когда маршалъ Ней овладѣлъ высотами, гдѣ во всю ихъ длину были устроены редуты, стояла артиллерія, громившая наши ряды. Маршалъ былъ прекрасенъ: спокойно стоялъ онъ на парапетѣ одного изъ редутовъ и командовалъ сражавшимися, толпившимися у его ногъ и терявшихъ его изъ виду лишь въ тѣ моменты, когда его заволакивали густые клубы дыма. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда ядро только что сразило нашего блестящаго генерала Монбрена. Принцъ Экмюльскій продолжалъ отстаивать занятые имъ редуты, откуда непріятель старался его вытѣснить. Мнѣ было поручено передать ему грустное извѣстіе, что князь Понятовскій, который, маневрируя слѣва, долженъ былъ обойти съ польскимъ корпусомъ лѣвый флангъ русскихъ и произвести среди нихъ замѣшательство, не могъ этого сдѣлать, такъ какъ встрѣтилъ препятствіе въ слишкомъ частомъ и болотистомъ лѣсу.

Въ эту минуту положеніе маршала было на самомъ дѣлѣ критическое, такъ какъ хотя кавалерія короля Мюрата и покрывала

впереди равнину и довольно удачно атаковала русскую кавалерію, но страшный огонь сыпался на его войско со стороны русской пѣхоты и артиллеріи. Онъ былъ раненъ въ руку, но продолжалъ командовать, а его начальника штаба генерала Ромефа пуля пронзила въ то время, какъ онъ говорилъ съ нами. Смущенный тѣмъ, что приходилось брать съ фронта позицію, которая по его предложенію должна была быть сразу атакована съ трехъ сторонъ, маршалъ сказалъ мнѣ съ досадою: — «Чортъ возьми, хотятъ, чтобы я взялъ быка за рога».

Я поскакалъ къ королю Мюрату, чтобы указать на затруднительное положеніе Даву и тотъ немедленно выстроилъ значительную часть своей кавалеріи въ подкрѣпленіе дивизіи генерала Фріана, которому я доставилъ приказъ взять Семеновское. Я увидѣлъ, какъ моментально равнина покрылась безчисленной кавалеріей; русскіе, казаки, французы, союзники сплетались самымъ прихотливымъ образомъ и, наконецъ, послѣ получасового боя поле осталось за французами, которые заняли Семеновское, превращенное во время схватки въ пепель.

Эту радостную вѣсть я повесть императору. Когда я подѣхалъ къ нему, онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за этимъ зрѣлищемъ, самымъ поразительнымъ въ этотъ день. Было, вѣроятно, 3 часа.

Русская артиллерія продолжала наносить большія потери нашимъ рядамъ изъ большого центрального редута. Императору было необходимо овладѣть этимъ редутомъ, и соотвѣтственные приказы были посланы генералу Жерару, пѣхота котораго стояла у подошвы возвышенія, а королю Мюрату было поручено поддержать атаку Жерара многочисленнымъ корпусомъ кавалеріи. Генераль Беліаръ, его начальникъ штаба, отдалъ приказъ Коленкуру, уловивъ моментъ, когда инфантерія Жерара начнетъ подниматься на холмъ къ редуту, немедленно выстроиться въ колонну, имѣя во главѣ 4 кирасирскихъ и 2 стрѣлковыхъ полка и вести колонну рысью направо, немного объѣхать редуть какъ бы съ намѣреніемъ атаковать корпусъ русской кавалеріи, стоявшей на равнинѣ справа, и, давъ пѣхотѣ время подняться на холмъ, внезапно пуститься голопомъ влѣво къ входу въ редуть и войти туда въ моментъ, когда Жераръ будетъ готовъ напасть на парапеты; такимъ образомъ непріятель буденъ обойденъ съ тылу и поставленъ между двухъ огней.

Коленкуръ понялъ и прекрасно выполнилъ этотъ маневръ, паразившій непріятели. Въ мгновеніе ока внутренность этого огромнаго укрѣпленія была заполнена кирасирами и артиллеристы неожиданно перебиты воалъ своихъ орудій кавалеристами; въ то же время пѣхота проникла черезъ амбразуры и парапеты.

Генераль Кутузовъ, считавшій этотъ редуть какъ бы ключомъ всей позиціи, немедленно, чтобы насъ оттуда вытѣснить велѣлъ направить на этотъ пунктъ 100 пушечныхъ жерлъ, а значительная избранная колонна русскихъ гренадеровъ, спрятанная позади редута въ оврагѣ, полѣзла отбивать редуть штурмомъ.

Въ эту минуту не перестававшій дуть сильный вѣтеръ, поднялъ на редуть огромный столбъ пыли и дыма, доходившій чуть не до облаковъ и въ которомъ чуть не задохлись люди и лошади, и эта

густая туча все росла благодаря ожесточенной схваткѣ. Наконецъ, когда дымъ разсѣялся, мы отбросили русскую колонну въ оврагъ. Редуть былъ нашъ. Артиллеристы лежали убитые у своихъ орудій; намъ достались 30 пушекъ, такъ какъ неожиданность и быстрота натиска нашей кавалеріи не дали неприятелю времени ихъ вывезти. Въ плѣнъ были взяты одинъ генералъ, нѣсколько полковниковъ и много другихъ военныхъ.

Съ своей стороны, мы понесли тяжкую потерю въ лицѣ генерала Коленкура, убитаго при нашемъ вступленіи въ редуть, и многихъ другихъ достойныхъ офицеровъ.

Я смотрѣлъ на всю эту картину еще и глазами живописца. Очень эффектно выдѣлялись столбы пыли и серебристаго дыма. Вотъ осколокъ гранаты разбилъ боченокъ съ дегтемъ, которымъ русскіе смазываютъ оси орудій и повозокъ, и немедленно багровое пламя полилось по землѣ, извиваясь какъ разсерженная змѣя и поднялось вверхъ, сливаясь съ облаками и отбрасывая на землю темныя пятна. Проживи я еще 100 лѣтъ, и то никогда не забуду этой третей картины.

Довольный этой удачей, а также успѣхомъ генерала Фріана и другихъ дивизій маршала Даву, императоръ рѣшилъ, что наступилъ моментъ пустить въ дѣло всю гвардію, чтобы завершить побѣду. Внутренній голосъ нашептывалъ ему, что Парижъ остался за 800 лье, что передъ нимъ Москва. Мысль вступить въ этотъ городъ съ торжествомъ побѣдителя казалась оживила его взоръ и онъ сказалъ мнѣ: «Отыщите Сорбье; пусть онъ поставитъ всю артиллерію моей гвардіи на позицію, занятую генераломъ Фріаномъ, куда вы съ нимъ поѣдете; онъ развернетъ 60 орудій подъ прямымъ угломъ надъ неприятельской линіей, чтобы раздавить ее съ фланга, а Мюратъ его поддержитъ. Идите».

Я мчусь галопомъ къ горячему генералу Сорбье. Онъ не вѣритъ мнѣ, едва даетъ мнѣ время объясниться и нетерпѣливо отвѣчаетъ: — «Мы должны были это сдѣлать болѣе часу тому назадъ» — и велитъ слѣдовать за нимъ рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудій съ лязгомъ цѣпей и звономъ подковъ 2000 лошадей спускается, пересѣкаетъ долину, поднимается по отлогому скату, гдѣ неприятель устроилъ укрѣпленія, находящіяся теперь въ нашихъ рукахъ, и пускается галопомъ, чтобы занять пространство, гдѣ бы они могли развернуться.

Далеко впереди себя по равнинѣ я вижу короля Мюрата, гарцующаго на лошади среди своихъ стрѣлковъ, гораздо менѣе занятыхъ имъ, — чѣмъ многочисленные казаки, которые узнали его, вѣроятно, по султану, по его бравурности, а главное по его короткому плащу съ длинной козьей шерстью, какъ у нихъ. Они рады ему, окружили его съ надеждой взять и кричатъ — «Ура! ура! Мюратъ!»). Но приблизиться къ нему никто не смѣлъ, а нѣсколько наиболѣе дерзкихъ онъ ловко сразилъ острымъ лезвіемъ своей сабли. Когда я принесъ ему приказъ, король Мюратъ покинулъ линію стрѣлковъ, чтобы поспѣшить на помощь Сорбье. Его движеніе казаки приняли за бѣгство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая какъ прекрасный арабскій скакунъ Мюрата рыжей масти, была за-

дѣта мчавшимся галопомъ орудіемъ. Ударъ ранилъ и опрокинувъ животное, но оно встало, не выбивъ меня изъ сѣдла, и я помчался къ Сорбье, въ самый пылъ сраженія, откуда на непріятельскую линію по всей ея длинѣ посыпался градъ картечи, ядеръ и гранатъ. Тщетно непріятельская кавалерія пыталась разбить эту линію орудій. Кавалерія Мюрата сильно ей мѣшала своими блестящими атаками, о которыхъ историки не преминуть упомянуть.

Ихъ укрѣпленная позиція, которую они считали неприступной, осталась въ нашихъ рукахъ.

Я поѣхалъ къ императору доложить о подробностяхъ.

День клонился къ вечеру. Дорогой цѣной купили мы успѣхъ на всѣхъ пунктахъ, но не было никакихъ доказательствъ тому, чтобы и на слѣдующій день бой не возобновился.

Когда я прибылъ къ императору, онъ уже имѣлъ время убѣдиться въ благотворной дѣятельности артиллеріи своей гвардіи и колебался, не повторить ли ея выступленіе, прибавивъ блестящую колонну гвардейской кавалеріи (чего многие изъ насъ очень желали).

Въ это время къ нему привели плѣннаго русскаго генераль-лейтенанта. Поговоривъ съ нимъ очень вѣжливо нѣсколько минутъ, императоръ сказалъ одному изъ свиты: «Принесите мнѣ его шпагу». Немедленно была принесена русская шпага, которую императоръ любезно вручилъ генералу со словами: «Возвращаю вамъ вашу шпагу». Случайно оказалось, что это не была шпага того генерала и онъ, не понимая, что было почетнаго въ предложеніи императора, отказался ее принять. Удивленный такой нетактичностью генерала, Наполеонъ пожалъ плечами и, обращаясь къ намъ, сказалъ настолько громко, чтобы тотъ слышалъ: «Уведите этого глупца».

Между тѣмъ, сраженіе, казалось, замирало; замѣтно стихалъ гулъ артиллерійскихъ орудій; солнце близилось къ закату.

Скоро ночь стала очень темной. Мало-по-малу по той и другой линіи зажглись огоньки черезчуръ многочисленные, чтобы можно было сомнѣваться въ важности слѣдующаго дня.

Въ ожиданіи простаго обѣда, который долженъ былъ подкрѣпить наши силы, я мысленно подводилъ итоги всему видѣнному за этотъ день. Сравнивая это сраженіе съ другими, бывшими при Ваграмѣ, Эслингѣ, Эйлау, Фридландѣ, я удивлялся тому, что сегодня мы не видѣли, чтобы императоръ проявлялъ, какъ раньше, ту энергію, которая рѣшала нашу побѣду. Онъ только пріѣхалъ на поле сраженія и сѣлъ поблизости отъ своей гвардіи на холмѣ, откуда ему все было видно и надъ которымъ пролетѣло много пуль.

Возвращаясь изъ всѣхъ своихъ поѣздокъ, я неизмѣнно находилъ его на этомъ мѣстѣ. Онъ сидѣлъ все въ одной и той же позѣ, съ помощью карманной зрительной трубы наблюдалъ за всѣми движеніями арміи и съ невозмутимымъ спокойствіемъ отдавалъ свои приказанія.

Мы не имѣли счастья видѣть его такимъ, какъ прежде, когда однимъ своимъ присутствіемъ онъ возбуждалъ бодрость сражающихся въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ непріятель оказывалъ серіозное сопротивленіе и успѣхъ казался сомнительнымъ. Всѣ мы удивлялись, не видя этого

дѣятельнаго человѣка Маренго, Аустерлица и т. д. и т. д. Мы не знали, что Наполеонъ былъ боленъ, и что только это не позволяло ему принять участіе въ великихъ событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ единственно въ интересахъ его славы. Между тѣмъ татары изъ предѣловъ Азіи, сто сѣверныхъ народовъ, всѣ пароды Адриатики, Италіи, Калабріи, народы центральной и южной Европы — всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей въ лицѣ отборныхъ солдатъ. Въ этотъ день эти храбрецы проявили всѣ свои силы, сражаясь за или противъ Наполеона; кровь 80000 русскихъ и французовъ лилась ради укрѣпленія или ослабленія его власти, а онъ съ наружнымъ спокойствіемъ слѣдилъ за кровавыми перепетіями этой ужасной трагедіи.

Мы были недовольны; сужденія наши были суровы.

(Леженъ.)

Послѣ битвы.

Съ поля сраженія Наполеонъ отправился въ бивакъ, въ которомъ провелъ предшествующую ночь. Усталый и сильно страдая отъ насморка онъ нуждался въ отдыхѣ и уходѣ. Однако, и эту ночь онъ провелъ въ палаткѣ, что увеличило его недомоганіе, и онъ совершенно потерялъ голосъ. На разсвѣтѣ я явился въ императорскій бивакъ, чтобы узнать новости и получить инструкціи отъ оберштаймейстера. Передъ палаткой, занятой Наполеономъ, былъ разведенъ большой костеръ, вокругъ котораго грѣлись дежурные офицеры. Вскорѣ подошелъ къ намъ погрѣться Неаполитанскій король; онъ справился о здоровьѣ императора и о томъ, можно ли его видѣть. Нѣсколько минутъ спустя явился маршалъ Ней. Оба героя сраженія дружелюбно поздоровались другъ съ другомъ, и король сказалъ маршалу:

— Вчера былъ жаркій день, я никогда не видалъ сраженія съ такимъ артиллерійскимъ огнемъ. При Эйлау не меньше стрѣляли изъ пушекъ, но то были ядра, а вчера обѣ арміи такъ близко стояли другъ отъ друга, что почти все время стрѣляли картечью.

— Мы не разбили яйца, возразилъ маршалъ. Потери непріятеля должны быть громадны и нравственно онъ долженъ быть страшно потрясенъ. Его надо преслѣдовать и воспользоваться побѣдой.

— Онъ однако отступилъ въ полномъ порядкѣ», замѣтилъ король.

— Просто не вѣрилъ этому, возразилъ маршалъ. Какъ это могло быть послѣ такого удара?

Тутъ этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ, такъ какъ императоръ позвалъ къ себѣ маршала.

Утромъ Наполеонъ сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи многочисленной свиты, среди которой былъ и я, отправился на поле вчерашней битвы и сдѣлалъ смотръ разнымъ корпусамъ, такъ храбро на немъ сражавшимся. Я замѣтилъ значительное уменьшеніе въ составѣ нашихъ батальоновъ, такъ что нѣкоторые на мой взглядъ не насчитывали въ своихъ рядахъ и 100 человѣкъ. Эта громадная потеря

не можетъ быть приписана исключительно гибели солдатъ въ сраженіи; многіе изъ солдатъ были посланы подбирать раненыхъ и относить ихъ въ госпитали, другіе были отправлены добывать припасы по окрестнымъ деревнямъ.

Подъѣхавъ къ маленькой дотла сожженной деревнѣ, мы увидѣли, что земля была сплошь покрыта убитыми; попадались цѣлые ряды московскихъ гвардейцевъ — это были полки Семеновскій и Литовскій, совершенно разгромленные.

Оттуда мы направились къ Бородину вдоль высотъ, гдѣ была выстроена русская армія. Онѣ также были покрыты трупами. Мы замѣтили, что по всей линіи въ общемъ на 1 убитаго француза приходилось 3 русскихъ, и это можетъ дать понятіе о пропорціональности потерь обѣихъ армій, тѣмъ болѣе, что мертвыхъ еще не успѣли похоронить и они лежали тамъ, гдѣ пали. Что касается нашихъ раненыхъ, то подъ центральный госпиталь былъ приспособленъ Колоцскій монастырь. Этотъ обширный монастырь, расположенный всего въ 8 верстахъ отъ поля сраженія, могъ вмѣстить большое ихъ число. Съ появленіемъ на полѣ сраженія Наполеона этотъ долгъ гуманности былъ исполненъ и по отношенію русскихъ раненыхъ; онъ самъ указывалъ, кого изъ нихъ слѣдовало перенести, по мѣрѣ того какъ онъ ихъ находилъ или до него доносились ихъ стоны. Постепенно онъ разослалъ всѣхъ офицеровъ своего штаба, чтобы ускорить дѣло и оказать этимъ раненымъ быструю помощь. Наполеонъ принималъ въ нихъ самое горячее участіе, и я видѣлъ, какъ его глаза не разъ наполнялись слезами. Безстрастный и спокойный во время сраженія, онъ былъ гуманенъ и чувствителенъ послѣ побѣды.

(Солтыкъ.)

* * *

Бородино 8-го сентября. Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую въ грязи, истребивъ, несмотря на всю нашу бережливость, весь провіантъ до послѣдней крохи, мы остались безъ продовольствія: нечего ѣсть, нечего пить. Колоча, куда многіе кидались, чтобы избѣгнуть рѣани, запружена трупами; вода окрашена кровью. Намъ пришлось расположиться среди мертвецовъ, стонущихъ раненыхъ и умирающихъ. Усталые и изнуренные, мы не можемъ помочь имъ. Наконецъ, погода, прекрасная въ теченіе всего дня, съ наступленіемъ ночи стала сырой и холодной. Большинство полковъ осталось безъ огня, его разрѣшили зажечь только въ полночь, когда усталымъ людямъ, умирающимъ отъ голода, не оставалось другого средства отъ страданій, какъ согрѣться!

Утромъ мы были изумлены; русская армія исчезла. Какое грустное зрѣлище представляло поле битвы! Никакое бѣдствіе, никакое проигранное сраженіе не сравняется по ужасамъ съ Бородинскимъ полемъ, на которомъ мы остались побѣдителями. Всѣ потрясены и подавлены. Армія неподвижна; она теперь больше походитъ на авангардъ. Многіе солдаты отправляются въ окрестности искать пропитанія или дровъ; другіе стоятъ на часахъ, а нѣкоторые, наконецъ, заняты подачей помощи и переноской раненыхъ. Несчастливыхъ от-

правляютъ или въ Колочскій монастырь, въ 4 верстахъ отъ поля битвы, или въ сосѣдніе дома. Но мѣста для всѣхъ не хватаетъ.

Часть утра Наполеонъ употребилъ на осмотръ вчерашнихъ русскихъ позицій.

Рѣшительно ни на одномъ полѣ сраженія я не видалъ до сихъ поръ такого ужаснаго зрѣлища. Куда ни помотришь, вездѣ трупы людей и лошадей, умирающіе, стонущіе и плачущіе раненые, лужи крови, кучи покинутаго оружія; то адѣсь, то тамъ сгорѣвшіе или разрушенные дома.

Огромная площадь трехъ главныхъ редутовъ взрыта ядрами; на ней виднѣются тѣла, разбросанные члены, глубокія ямы, вырытыя снарядами, съ погребенными на днѣ ихъ трупами. Ясно видны тѣ мѣста, гдѣ разорвавшимся снарядомъ разбиты лафеты пушекъ, а кругомъ убиты всѣ — люди и лошади. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены тамъ кучами. Солдаты роются не только въ мѣшкахъ, но и въ карманахъ убитыхъ товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу. Говорять, что Наполеонъ велѣлъ переворачивать трупы офицеровъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ они убиты. Почти всѣ изранены картечью. Трудно представить себѣ что-нибудь ужаснѣе внутреннихъ частей главнаго редута. Кажется, что цѣлые взводы были разомъ скошены на своей позиціи и покрыты землей, взрытой безчисленными ядрами. Тутъ же лежатъ канониры, изрубленные кирасирами около своихъ орудій; погибшая тутъ почти цѣликомъ дивизія Лихачева, кажется, и мертвая охраняетъ свой редутъ.

Иногда подъ кучами мертвецовъ завалены раненые, призывовъ и стоновъ которыхъ никто не услышалъ въ теченіе ночи. Съ трудомъ извлекаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одежда и оружіе, все покрыто грязью и кровью; штыки согнулись отъ ударовъ по лошадямъ.

Пасмурное небо гармонируетъ съ полемъ битвы. Идетъ мелкій дождь, дуетъ рѣзкій однообразный вѣтъ и тяжелыя, черныя тучи тянутся на горизонтѣ. Всюду угрюмое уныніе.

Не одинъ императоръ объѣзжаетъ поле сраженія; генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытствомъ, молча бродятъ вездѣ, осматривая съ изумленіемъ каждый кусочекъ земли. Они смотрятъ другъ на друга, какъ бы изумляясь, что еще живы. Незнакомые начинаютъ разговаривать, каждому хочется рассказать, что съ нимъ случилось за этотъ день. Вокругъ рассказчиковъ образуются кружки слушателей; разговоръ оживляется, и картинные рассказы нѣсколько оживляютъ это унылое мѣсто.

(Ложь.)

* * *

Я возвращаюсь къ главной квартирѣ, гдѣ мы еще находились восьмого числа. Въ то время какъ мы отдыхали, около 12 часовъ дня поднялась тревога: многочисленный отрядъ казаковъ, отдѣлившись отъ русской арміи, по ошибкѣ приблизился къ намъ. Достаточно было небольшой демонстраціи, чтобы заставить ихъ повернуть обратно и разсѣяться; черезъ часъ послѣ этого Наполеонъ сѣлъ на ло-

шадь, сопровождаемый своим штабомъ и объѣхалъ поле битвы. Я слѣдовалъ за нимъ и мнѣ приходили на умъ самыя горькія размышленія объ ужасныхъ результатахъ недоразумѣній, между земными царями. Цѣлыми линиями русскіе полки лежали расprostерты на окровавленной землѣ и этимъ свидѣтельствовали, что они предпочли умереть, чѣмъ отступить хоть на одинъ шагъ. Въ этихъ грустныхъ мѣстахъ Наполеонъ собиралъ всѣ свѣдѣнія и приказывалъ замѣчать даже номера на пуговицахъ мундировъ, чтобы знать, какія части дѣйствовали со стороны непріятеля. Эти свѣдѣнія нужны были ему для его бюллетеней. Но что его занимало больше всего, это забота о раненыхъ. Онъ приказалъ перенести ихъ въ сосѣдній обширный монастырь, который былъ обращенъ въ госпиталь. Вслѣдъ за нимъ вошли мы въ тотъ самый большой редутъ, взятіе котораго стоило крови столькихъ славныхъ жертвъ. Двое изъ насъ не послѣдовали за Наполеономъ, это Коленкуръ и Канвилль; проливая слезы они отвернулись отъ этого печальнаго мѣста, въ которомъ лежали славные останки ихъ братьевъ. Скорбь ихъ была вполне понятна.

(Боссе.)

* * *

При наступленіи утра 8-го сентября я прошелся по полю битвы; я увидалъ, что во многихъ мѣстахъ трупы были навалены одинъ на другой; текли ручьи крови; поле было все осыпано ядрами и картечью, точно градомъ послѣ сильной бури; въ мѣстахъ, которыя больше подверглись огню, особенно противъ нашей батареи, ядеръ, осколковъ гранатъ и картечи было такое множество, что можно было подумать, что находишься въ плохо убранномъ арсеналѣ, гдѣ разбросали кучи ядеръ и разсыпали картечь. Я не могъ постичь, какимъ образомъ хоть одинъ человѣкъ могъ уцѣлѣть здѣсь. Я еще больше удивился, подойдя къ рвамъ, здѣсь была такая масса гранатъ, что не выдавши невозможно себѣ это представить!

Признаюсь, что первая моя мысль при видѣ всего этого хаоса была, что я нахожусь въ какомъ-то складѣ; ничего подобнаго я раньше не видалъ и не могъ увѣрить себя, что все это произошло! Я стоялъ, какъ только что проснувшійся человѣкъ, который не вѣритъ своимъ собственнымъ глазамъ; я оплакивалъ несчастныхъ раненыхъ, которые по какому-то инстинкту забрались въ эти рвы, гдѣ они хоть немного были защищены отъ вѣтра. Эти несчастные, не получая помощи, молили какъ милости, чтобы ихъ прикончили. Ихъ было такое огромное количество, что походныхъ госпиталей не хватало; кто не могъ до нихъ дотащить, тотъ оставался на полѣ битвы, подвергаясь опасности быть раздавленнымъ ногами лошадей и колесами фургоновъ. Почти всѣ они погибли или отъ ранъ или же отъ голода. Я видѣлъ французскаго солдата, ему оторвало ногу ядромъ, но она еще немного держалась на кожѣ и онъ самъ отрѣзалъ ее своей саблей, чтобы она не мѣшала ему доползти до какого-нибудь мѣста, гдѣ онъ могъ бы умереть спокойно, не рискуя быть растоптаннымъ ногами. Онъ доползъ до маленькаго костра, который зажгли мнѣ солдаты; я велѣлъ насколько только возможно удобнѣ помѣ-

стить его; другіе раненые увидали это и также поползли ко мнѣ. Я видѣлъ русскаго сержанта съ двумя оторванными ногами, онъ говорилъ немного по-французски: онъ былъ плѣнникомъ во Франціи и присутствовалъ при свиданіи въ Тильзитѣ. Вскорѣ мой бивуакъ былъ настолько переполненъ ранеными, что мнѣ пришлось покинуть его и искать другого убѣжища. Мои слуги и вѣстовые сердились на мою доброту и унесли съ собой то небольшое количество дровъ, которые они разыскали и несчастные вновь остались безъ всякаго утѣшенія.

Я продолжалъ ходить по полю битвы и осматривать позиціи. Я убѣдился, что атака нашимъ лѣвымъ крыломъ была бы невозможна и что если бы мы попытались это сдѣлать, то гибель наша была неизбѣжна. Пока я продолжалъ мой обходъ и дѣлалъ свои наблюденія, мой поваръ отрѣзалъ кусокъ конины и приготовилъ мнѣ жаркое къ моему возвращенію, онъ сварилъ мнѣ еще кашу, которая должна была замѣнить мнѣ хлѣбъ. Все это я нашелъ очень вкуснымъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

(Вьоне де Маренгоне.)

* * *

Намъ приказано было расположиться на этомъ самомъ мѣстѣ, посреди умирающихъ и мертвыхъ. У насъ не было ни воды, ни дровъ, за то въ патронницахъ у русскихъ найдена была водка, каша и иная провизія. Изъ ружейныхъ прикладовъ и обломковъ нѣсколькихъ фургоновъ удалось развести огни, достаточные для того, чтобы поджарить конину, — основное наше блюдо. Для варки супа приходилось снова спускаться за водой къ рѣчкѣ Колочѣ. Но вотъ что было ужаснѣе всего: около каждаго огня, какъ только блескъ его начиналъ прорѣзывать мракъ, собирались раненые, умирающіе, — и скоро ихъ было больше, чѣмъ насъ. Подобные призракамъ, они со всѣхъ сторонъ двигались въ полумракѣ, тащились къ намъ, доползали до освѣщенныхъ кострами круговъ. Одни, страшно искалѣченные, затратили на это крайнее усиліе послѣдній остатокъ своихъ силъ: они хрипѣли и умирали, устремивъ глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другіе, сохранившіе дуновение жизни, казались тѣнями мертвыхъ! Имъ оказана была всякая возможная помощь не только доблестными нашими докторами, но и офицерами и солдатами. Всѣ наши биваки превратились въ походные госпитали.

(Брандтъ.)

* * *

Двѣ трети всѣхъ раненыхъ прошли черезъ нашъ госпиталь, который вся армія знала и благодаря сдѣланному извѣщенію и потому еще, что онъ находился близъ главной квартиры. Едва только я успѣлъ окончить необходимыя приготовленія, какъ раненые стали появляться массами.

Я дѣлалъ трудныя операціи безъ перерыва до поздней ночи слѣдующаго дня. Работу затрудняла очень холодная, временами туманная погода.

Сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, дувшіе весь этотъ мѣсяць, были очень холодны; приближалось равноденствіе. Ночью съ большимъ трудомъ удавалось держать передо мной зажженную восковую свѣчу, въ которой я впрочемъ нуждался только при наложеніи на кровеносные сосуды лигатуры....

Въ общемъ раны, полученныя въ этомъ сраженіи, были тяжелыя, такъ какъ почти всѣ они были причинены артиллерійскимъ огнемъ, раны отъ ружейныхъ пуль были получены въ упоръ и на очень близкомъ разстояніи. Къ тому же, какъ мы неоднократно замѣчали, русскія пули были гораздо крупнѣе нашихъ.

Большая часть артиллерійскихъ ранъ требовала ампутаціи одного или двухъ членовъ. Въ теченіе первыхъ сутокъ я сдѣлалъ до 200 ампутацій. Исходъ ихъ могъ быть вполне благопріятнымъ при наличности у нашихъ раненыхъ убѣжища, соломы для постелей, одѣяль и достаточной пищи. Всего этого мы были, къ сожалѣнію, лишены, а мѣстности, гдѣ бы мы могли добыть пужное, были далеко.

Прежде всего недостатокъ перевязочныхъ средствъ принудилъ насъ оставлять больныхъ въ окрестныхъ деревняхъ, въ томъ числѣ и въ Колочскомъ монастырѣ, гдѣ ихъ больше всего скопилось.

Пребываніе кавалеріи въ лѣсномъ районѣ, занятомъ ранеными, истребило весь запасъ фуражу и мы съ большимъ трудомъ могли найти количество соломы, чтобы хотя на первые дни уложить раненыхъ.

Небольшой запасъ муки, имѣвшейся въ арміи, скоро былъ съѣденъ. Раненые остались при конинѣ, картофелѣ и капустѣ, изъ которыхъ имъ варили супъ. Скоро и эта пища изъсякла, а провѣду нашихъ обозовъ мѣшали казаки, наводнявшіе дороги.

Повсюду мы терпѣли недостатокъ въ бѣльѣ и корпіи. Многіе предметы первой необходимости, какъ-то: хлѣбъ, муку, пиво, медикаменты, бѣлье для перевязокъ можно было бы привезти изъ мѣстъ, гдѣ мы отыскивали запасы ихъ и высшее начальство, согласившись съ моимъ представленіемъ, дало соотвѣтствующій приказъ. Но обыкновенно выполненіе такихъ приказовъ затрудняется тѣмъ, что въ томъ замѣшано слишкомъ много чиновниковъ. Время шло, а раненые не получали того, надѣятыя на что они имѣли полное право.

Хирурги, единственные утѣшители этихъ несчастныхъ, вынуждены были стирать сами, или заставлять дѣлать это при себѣ, бѣлье, уже употребленное для перевязокъ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность мѣнять его ежедневно. Именно хирургамъ, ихъ неутомимому труду и искусству обязана большая часть раненыхъ своимъ спасеніемъ...
(Ларрей.)

* * *

Человѣкъ тридцать, раненыхъ болѣе или менѣе тяжело, но еще способныхъ къ передвиженію, предпочли во всякомъ случаѣ отправиться въ путь съ нами. Увидѣвъ одного изъ этихъ несчастныхъ, такого, который едва въ состояніи былъ тащиться, я тщетно уговаривалъ его остаться въ походномъ госпиталѣ. «Не разставаясь съ полкомъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, «я имѣю хоть какую-нибудь надежду спасти

«свою шкуру; въ худшемъ случаѣ я, по крайней мѣрѣ, похороненъ буду товарищами. Иначе, я увѣренъ, меня все равно съѣдятъ волки, живого или мертваго».

Я чуть было не забылъ одного характернаго обстоятельства: три дня кряду совсѣмъ не раздавали продовольствія; приходилось жить припасами, найденными на мертвыхъ русскихъ. Бѣшеные порывы вѣтра неоднократно разметывали наши бивуачные костры. Уже поговаривали, что эти ураганы обѣщаютъ ужасную зиму.

(Брандтъ.)

Путь въ Москву.

Въ этотъ день (8-го сентября) наше движеніе началось лишь въ три часа пополудни и мы мало ушли впередъ. Въ семь часовъ вечера сдѣланъ былъ привалъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ небольшого городка Можайска, еще занятаго русскимъ арьергардомъ. Мы стояли по сосѣдству съ 13-мъ полкомъ польскихъ уланъ, принадлежавшихъ къ 5-му корпусу. Офицеры рассказали намъ, что наканунѣ, во время битвы, имъ удалось послѣ удачной атаки на казаковъ пробиться черезъ лѣсъ и ударить въ тылъ непріятельской арміи, достигнувъ возлѣ этого самаго Можайска, гдѣ появленіе ихъ вызвало ужасъ. Это происходило между тремя и четырьмя часами, въ тотъ самый моментъ, когда дивизіи Княжевича и Красинскаго энергично атаковала русскихъ съ фронта. Этой кавалерійской атакой руководилъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ, по имени Гавронскій. Извѣстно, что Даву задумалъ направить въ эту сторону главное усиліе арміи, что онъ просилъ императора дать ему руководить этимъ движеніемъ и присоединить къ его корпусу войска Понятовскаго и что онъ былъ страшно обозленъ упорнымъ отказомъ императора. Другой непосредственный очевидецъ, состоявшій въ штабѣ Понятовскаго, говорилъ также, что генераль Тулинскій, посланный со своими гусарами по направлению къ Можайску, пробилъ себѣ дорогу черезъ лѣсъ и неожиданно напалъ на тылъ непріятельской арміи въ равнинѣ, загромажденной бѣглецами, ранеными, муниціонными повозками и обозомъ. Не имѣя приказанія и не поддержанный пѣхотой, онъ ограничился тѣмъ, что захватилъ попавшееся подъ руку и дальше не пошелъ. Генераль Толль, занимавшій видный постъ въ русской арміи, также говоритъ въ своихъ Мемуарахъ, что поляки пытались обойти армію съ лѣваго фланга, но это движеніе осталось безрезультатнымъ, такъ какъ они могли пустить здѣсь въ ходъ лишь одну кавалерію. Во всякомъ случаѣ, 5-й корпусъ одинъ взялъ въ плѣнъ 2.000 человекъ, т.-е. больше, чѣмъ вся остальная армія.

Справедливо или нѣтъ, но мы остались при убѣжденіи, что, если бы императоръ усилилъ Понятовскаго всего лишь на одну дивизію и предоставилъ ему свободу дѣйствій, онъ достигъ бы Можайска и взялъ бы его до заката солнца. Русская армія, у которой оказалось бы

отрѣзанной главная линия отступленія, лишилась бы, по меньшей мѣрѣ, большинства своихъ военныхъ припасовъ... Какое бы въ этомъ случаѣ окончательный результатъ кампаніи? Никто не можетъ сказать этого; но, во всякомъ случаѣ, непосредственный результатъ сраженія былъ бы инымъ. Мы преслѣдовали бы русскихъ по пятамъ и заняли бы Москву подъ впечатлѣніемъ рѣшительнаго превосходства.
(Брандтъ.)

* * *

Проѣзжаемъ Можайскъ, гдѣ наши войска одержали 8-го новую побѣду. Мы находимъ здѣсь громадную массу раненыхъ, какъ русскихъ, такъ и французовъ. Переѣзжаемъ поле сраженія; сотни лошадей тяжело раненыхъ или съ сломанными ногами мирно пасутся на немъ. Русскіе солдаты еще живые, съ ампутированными ногами тащутся по этому полю рѣзни, гдѣ ихъ бросили. Они корчились только тѣмъ, что находили въ ранцахъ мертвыхъ не прибранныхъ солдатъ. Среди другихъ я вижу одного, который притащился къ краю дороги. Его разбитая нога повязана тряпками. Онъ влѣзъ наполовину во внутренности лошади и, какъ собака, пожираетъ ея мясо. Только шумъ нашихъ шаговъ заставилъ несчастнаго отойти; Мы дали ему воды и немного провизіи и поѣхали дальше.

(Кап. Франсуа.)

* * *

При дорогѣ, по которой намъ пришлось итти, покинувъ лѣсъ, лежала небольшая деревушка, которая вчера переполнена была русскими ранеными и загорѣлась. Нѣсколько домовъ обращено было въ пепель. Вблизи нихъ намъ показали обгорѣлые, черные, обуглившіеся скелеты и разрозненные кости этихъ несчастныхъ жертвъ вчерашняго дня, которые сначала истекали кровью подъ Бородинымъ, среди мученій доставлены были сюда и, наконецъ, пожраны были пламенемъ, казалось, для того, чтобы испытать до конца муки столь горькой иногда геройской смерти.

У этого мѣстечка мы отклонились вправо отъ большой дороги, все время держась близко къ непріятелю, иногда подходя совѣмъ вплотную, такъ что разъ, во время остановки и взаимнаго обозрѣнія, какой-то казачій офицеръ подмигнувъ одному изъ нашихъ, лейтенанту фонъ-Менцингену. Нашъ выступилъ, подошелъ и тотъ. Долго оба гонялись другъ за другомъ въ странствѣ между обоими фронтами. Всѣ взоры обращены были на нихъ; оба ревностно дѣйствовали саблями, но ни одинъ не могъ даже задѣть другого, ибо оба умѣли ловко отпарировать ударъ противника. Наконецъ, утомившись отъ бесплоднаго и безкровнаго боя, оба вернулись на свое мѣсто, и это зрѣлище такъ и осталось веселымъ приключеніемъ.

Было уже темно, пасмурно, дождливо и холодно, когда мы стали лагеремъ на разстояніи около часа пути вправо отъ Можайска, позади высоко расположенной деревни. Едва привязали мы лошадей и развели костры, какъ уже часть команды отправилась въ деревню искать припасовъ. Вскорѣ они притащили съ собой столько, что

можно было рассчитывать наѣсться досыта; вмѣстѣ съ тѣмъ они рассказали, что встрѣтились съ русскими, которые пришли въ деревню съ тою же цѣлью; что обѣ стороны разошлись, не мѣшая другъ другу, и что лагерь русской кавалеріи такъ же близко расположенъ къ деревнѣ, какъ и нашъ, только съ другой стороны. Ночью до насъ доносился лагерный шумъ русскихъ, какъ, вѣроятно, до нихъ — нашъ, и костры обѣихъ сторонъ озаряли ночную тьму.

Здѣсь, можно сказать, природа предъявила къ человѣку свои права: потребовала, чтобы онъ былъ человѣкомъ. Съ самаго Смоленска мы были другъ для друга тягостной помѣхой, ежедневно встрѣчались врагами, бились два послѣднихъ дня, — и почти, назначенныя послѣ этого боя для отдыха, должны были пойти на то, чтобы добыть пропитаніе людямъ и конямъ. Если бы поиски происходили подъ командой офицеровъ, несомнѣнно, потревожены были бы оба лагеря. Солдаты же не находили ни малѣйшаго повода къ ссорѣ. Этому обстоятельству обязаны тѣмъ, что наѣлись и спокойно выпалили въ эту ночь.

(Россъ.)

* * *

Въ Можайскѣ мы застали многіе кварталы въ огнѣ. Жители разбѣжались, а наиболѣе удобные дома были полны тѣми русскими ранеными, которые не могли слѣдовать за арміей, были оставлены безъ всякой помощи. Все это были калѣки, не имѣвшіе возможности сами отыскивать себѣ пищу. Больше всего мучила ихъ, если оставить въ сторонѣ необходимость перевязки ранъ, страшная жажда. Я думаю, что отъ нея и умерли многіе изъ этихъ несчастныхъ, лежавшіе теперь вперемежку съ живыми. Лишь нѣсколькимъ изъ нихъ русскіе хирурги сдѣлали ампутаціи...

При помощи гвардейскихъ солдатъ, гуманность которыхъ я не разъ испытывалъ, я постарался удовлетворить насущныя потребности этихъ несчастныхъ. Я далъ имъ воды и немного сухарей, найденныхъ въ одномъ складѣ, затѣмъ я велѣлъ унести мертвыхъ. Всѣ неперевязанныя раны были немедленно перевязаны.

Для французскихъ раненыхъ были приготовлены церкви и общественное зданіе. Русскіе размѣщены были по купеческимъ домамъ.

При нихъ я оставилъ немногихъ имѣвшихъ у меня санитаровъ подъ наблюденіемъ главнаго хирурга. Проведя въ Можайскѣ два дня, главная квартира, слѣдуя за арміей, направилась къ Москвѣ.

Отойдя нѣсколько миль отъ Можайска, мы къ нашему удивленію очутились на песчаной, бесплодной и совершенно пустынной равнинѣ. И это по сосѣдству съ одной изъ самыхъ обширныхъ столицъ свѣта! Унылый видъ этого пустыря произвелъ на солдатъ удручающее впечатлѣніе и являлся какъ бы провозвѣстникомъ полнаго запустѣнія Москвы и ожидающихъ насъ бѣдствій въ этомъ городѣ, когда то сулившемъ намъ совершенно иное.

Армія подвигалась съ большимъ трудомъ. Лошадей мучили голодъ и жажда, такъ какъ вода была такой же рѣдкостью, какъ и фуражъ. Люди страдали отъ чрезмѣрной усталости и недоѣданія. Раздача войску провизіи давно прекратилась, а небольшіе запасы,

найденные въ Можайскѣ, были съѣдены молодой и старой гвардіей. Очень многіе изъ рекрутовъ этой молодой гвардіи умирали отъ излишняго употребленія мѣстной водки. Напившись, они отходили покачиваясь на нѣскольکو шаговъ отъ товарищей, кружились, падали на колѣни или садились и, просидѣвъ нѣскольکو минутъ неподвижно, тутъ же умирали безъ всякихъ стонувъ. Угнетенное душевное состояніе, всевозможныя лишенія и чрезмѣрная усталость дѣлали ихъ воспримчивыми къ вреднымъ элементамъ этого напитка...
(Ларрей.)

* * *

Продолжая путь среди кустарника, мы пришли къ большой деревнѣ, называвшейся Вруинково, гдѣ, намъ сказали, должна остановиться главная квартира. Оттуда виднѣлись красивые дома и четыре симметрично стоявшія колокольни. Мы готовы были устроиться въ Вруинковѣ, гдѣ, казалось, царило изобиліе, если бы не получили извѣщенія, что нашъ корпусъ долженъ направиться къ городу Рузѣ, колокольни котораго ясно виднѣлись. Вскорѣ мы увидали множество крестьянъ съ запряженными повозками, которыя были нагружены всѣмъ, что у нихъ могло быть самаго цѣннаго. Такое новое для насъ зрѣлище изумило насъ; я спросилъ у полковника Асселина, почему эти крестьяне были такимъ образомъ собраны, и вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

«По мѣрѣ того, какъ наши арміи подвигались внутрь Россіи, императоръ Александръ захотѣлъ, поддерживая намѣренія дворянства и подражая Испаніи, обратить эту войну въ народную. По этой системѣ дворяне и деревенскіе священники своими деньгами и рѣчами побуждали находившихся въ ихъ зависимости крестьянъ подыматься противъ насъ. Изъ всѣхъ приставшихъ къ этому плану защиты уѣздовъ Рузскій проявилъ себя наиболѣе рьянымъ. Возбужденное помѣщикомъ, поднявшимъ это движеніе, все населеніе организовалось по-военному и готовилось присоединиться по первому приказу къ русской арміи. Такъ какъ Руза лежитъ въ пяти или шести миляхъ отъ главной дороги, то жители надѣялись, что мы не пройдемъ черезъ ихъ городъ; они спокойно жили въ этомъ убѣжденіи. Каково же ихъ было изумленіе, или, вѣрнѣе, страхъ, продолжалъ полковникъ Асселинъ, когда посланный принцемъ явился передъ Рузой съ баварскими стрѣлками! надо было видѣть всѣхъ этихъ крестьянъ, въ ужасѣ выбѣжавшихъ изъ домовъ, запрягавшихъ лошадей и гнавшихъ ихъ, чтобы скорѣе убѣжать.

Однако же тѣ, которые должны были принять участіе въ ополченіи, вооруженные кольями, копьями или косами, собрались на площади, призываемые своимъ помѣщикомъ, и сейчасъ же двинулись противъ насъ; но это родное населеніе не могло сопротивляться нѣсколькимъ привычнымъ къ бою солдатамъ, и сейчасъ же пустилось въ бѣгство. Только помѣщикъ выказалъ большое мужество; онъ ждалъ насъ на площади и вооруженный кинжаломъ грозилъ всѣмъ, требовавшимъ, чтобы онъ сдался. *«Какъ могу я пережить безчестіе моей родины? воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ; у насъ нѣтъ больше*

алтарей, наша имперія обезчещена! Берите мою жизнь, она мнѣ ненавистна... Его хотѣли успокоить и отобрать у него кинжалъ; но разсвирѣпѣвъ еще больше, онъ ударилъ имъ нѣсколько нашихъ солдатъ, которые и приколоты его своими штыками.

Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ нашъ авангардъ вступилъ въ Рузу. Когда я разсказалъ все солдатамъ, продолжалъ полковникъ, они сейчасъ же пустились въ погоню за крестьянами, бѣжавшими со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ; ихъ скоро настигли. И вотъ эти тоже изъ бѣглецовъ; но входите въ городъ и вы ихъ увидите еще больше».

По мѣрѣ приближенія мы встрѣчали массу маленькихъ повозокъ, сопровождаемыхъ нашими кавалеристами; онѣ были нагружены дѣтьми и немощными стариками; съ сокрушеннымъ сердцемъ думалось о томъ, что скоро всѣ эти повозки, лошади — все, являвшееся единственнымъ достояніемъ этихъ отчаявшихся семействъ, будетъ отобрано и раздѣлено.

Наконецъ, мы вступили въ Рузу, и вплоть до середины площади видѣли только толпу грабившихъ дома солдатъ; они не слушали ни криковъ хозяевъ, ни слезъ матери, которая, чтобы тронуть побѣдителей, указывала на своихъ стоящихъ на колѣняхъ дѣтей; сложивъ руки, обливаясь слезами, эти невинныя созданія умоляли только, чтобы ихъ оставили живыми. Эта горячность грабежа у нѣкоторыхъ вполне оправдывается тѣмъ, что, умирая отъ голода, они стремились только найти пищу; но многіе другіе подъ тѣмъ же предлогомъ грабили и тащили все вплоть до платя съ женщинъ и дѣтей.

Какъ только слухъ о томъ, что мы ваяли Рузы (9-го сентября) дошелъ до окрестныхъ крестьянъ и они узнали, какъ безжалостно мы расправились съ тамошними жителями, такъ тотчасъ же все населеніе лежащихъ намъ по пути въ Москву деревень обратилось въ бѣгство. Мы всюду нагоняли ужасъ, и многіе, бѣжавшіе въ послѣднемъ порывѣ отчаянія, сжигали свои дома, усадьбы, хлѣбъ и новый урожай и только что снятый съ луговъ сѣнокосъ.

Большинство этихъ несчастныхъ, убѣдившись въ полной неудачѣ защищавшей Рузы милиціи, побросали данныя имъ, какъ вооруженіе, пики, чтобы легче можно было бѣжать и скрылись съ женами и дѣтьми въ лѣса, подальше отъ нашего пути. Сначала мы было надѣялись, что ближе къ Москвѣ все будетъ иначе. Тамъ, ближе къ культурному центру, все сильнѣе поднимаетъ нервы, духъ, жажду власти и обладанія, что вполне нормально для большого города, тамъ, казалось бы, городъ будетъ вліять на сосѣднихъ деревенскихъ жителей, и они не покинутъ своего жилья, понимая, что опустошенія, произведенныя нашими солдатами, были естественнымъ слѣдствіемъ, полной заброшенности тѣхъ деревень, которыя попадались намъ до сихъ поръ по пути. Оказалось, что сосѣднія Москвѣ земли со всѣмъ не принадлежали горожанамъ, а все было владѣніями магнатовъ, нашихъ заклятыхъ враговъ. Ихъ крѣпостные крестьяне были такими же покорными рабами своихъ господъ, какъ на Волгѣ и на Днѣпрѣ. Имъ было приказано подъ страхомъ смерти бѣжать при первомъ нашемъ приближеніи и прятать въ лѣсахъ все, что

могло бы быть намъ полезнымъ. Весь ужасъ этихъ мѣропріягій мы испытали на себѣ при вѣздѣ въ деревню Апальшицу: и дома и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизія расхищена; все это представляло изъ себя полную картину разрушенія, которая ясно доказывала намъ на какія крайности способенъ народъ, достаточно великій, чтобы предпочесть полное разореніе, потери независимости...

...Звенигородскій монастырь. При видѣ его высокихъ башенъ и стѣнъ мы, конечно, рѣшили, что и внутри должны быть огромныя зданія, удобныя для насъ, и что мы найдемъ у монаховъ обычное для всякаго богатаго монастыря изобиліе. Огромныя желѣзные ворота, казалось, только подтверждали всѣ наши надежды на то, что въ монастырѣ много припасовъ. Мы уже собирались высаживать ворота, когда ихъ неожиданно отперъ намъ старикъ въ бѣлой одеждѣ и съ длинной бѣлой бородой. Мы попросили, чтобы насъ сейчасъ же отвели къ игумену монастыря. Когда мы вошли во дворъ, то крайне удивились, увидавъ, что строенія далеко не соответствовали тому высокому понятію, которое мы себѣ составили о монастырѣ. Нашъ гидъ не повелъ насъ въ помѣщеніе игумена, а направился къ маленькой келейкѣ, гдѣ было нѣсколько монаховъ, стоявшихъ на колѣняхъ передъ алтаремъ, устроенномъ по греческому образцу. Когда мы вошли, эти старцы бросились къ нашимъ ногамъ, умоляя насъ именемъ Бога не оскорблять ихъ церкви и тѣхъ нѣсколькихъ могилъ святыхъ отцовъ, оберегать которыя они здѣсь остались. «Вы можете судить по нашей нищетѣ, передали они намъ черезъ переводчика, что у насъ нѣтъ никакихъ спрятанныхъ сокровищъ, а наша пища такъ груба, что многіе солдаты способны отказатьсь отъ нея. Кромѣ нашихъ реликвій и нашихъ алтарей у насъ ничего нѣтъ. Не оскорбляйте ихъ изъ уваженія къ нашей религіи, столь схожей съ вашей». Имъ обѣщали исполнить ихъ просьбу, что подтвердилъ и пріѣхавшій вице-король, который остановился въ церкви, что спасло ее отъ грозившаго ей ограбленія

(Лабомъ.)

* * *

Мы подошли къ большому монастырю — настоящей крѣпости, окруженной зубчатыми стѣнами и подъемными мостами. Кажется, это Звенигородъ, находящійся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Тамъ еще было нѣсколько монаховъ; на ихъ истощенныхъ лицахъ, обрамленныхъ густой бородой, были написаны ненависть и отчаяніе. Совершенно закутанные въ широкія синія одежды они казались призраками. При видѣ насъ они удалялись, укрывались въ самыхъ потайныхъ мѣстахъ своего монастыря; когда же мы находили ихъ и начинали разспрашивать, то отъ нихъ ничего нельзя было добиться, на всѣ вопросы они хранили полнѣйшее молчаніе или отвѣчали отрицательными жестами.

Обширныя зданія монастырскія въ общемъ все еще производили впечатлѣніе роскоши и великолѣбія, хотя въ нихъ уже не было ме-

бели и они большею частью были опустошены. Одна зала была вся украшена портретами древних князей московскихъ. Ихъ разнообразныя одежды и головные уборы, соответствующіе вѣкамъ, когда они жили, соперничали въ богатствѣ и оригинальности, а длинныя бороды, украшавшія всѣ эти лица, придавали имъ дѣйствительно необыкновенное выраженіе. Исполненіе нѣкоторыхъ портретовъ было довольно художественно

Среди зданій стояла небольшая, но богато отдѣланная церковь; кажется, она была мѣстомъ погребенія царей, когда они жили въ Москвѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, судя по многочисленнымъ гробницамъ, наполнявшимъ ее. Эти гробницы причудливой и болѣе или менѣе изысканной архитектуры съ русскими непонятными для меня надписями, были покрыты металлическими плитами, кажется, изъ позолоченнаго серебра. Пришедшіе въ Звенигородъ раньше насъ солдаты 4-го корпуса проникли въ церковь и унесли часть этихъ серебряныхъ или, можетъ быть, позолоченныхъ мѣдныхъ плитъ, принявъ ихъ за чистое золото. Они даже открыли или валомали часть гробницъ, надѣясь найти въ нихъ украшенія или драгоценности, и одинаково тяжелое зрѣлище, какъ для глазъ, такъ и для сознанія представлялъ безпорядокъ въ этомъ храмѣ, чти-момъ цѣлымъ народомъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Мы покинули до ночи монастырь и расположились бивакомъ въ деревнѣ на нѣкоторомъ разстояніи впереди; 14-го сентября утромъ мы продолжали нашъ путь къ Москвѣ. (Грѣя.)

* * *

9-го сентября мы продолжали подвигаться къ Москвѣ; мы прошли маленькій губернской городокъ Можайскъ. Онъ стоитъ на холмѣ и окруженъ двумя большими равнинами, одной болѣе возвышенной, другой низменной. Я увидалъ прекрасную, еще строящуюся церковь. Городъ былъ полонъ русскими ранеными, которыхъ армія не могла увести съ собой. Еще большее количество ихъ мы видѣли по дорогѣ; многіе умирали здѣсь, и тогда русскій арьергардъ складывалъ ихъ трупы въ канавы, засыпалъ немного землей и воздвигалъ надъ ними крестъ.

Нашему арьергарду пришлось сражаться весь день.

Ночевали мы въ селѣ въ 12 верстахъ отъ Можайска. Мы мерзли ночью отъ холода, который еще увеличился отъ жестокаго вѣтра.

Мы помѣстили нашихъ лошадей въ домѣ, гдѣ нашли на соломѣ четырехъ раненыхъ солдатъ и сержанта; еще двое, лежащіе рядомъ съ ними, были мертвы, но раненые даже не постарались вытащить ихъ изъ комнаты; они такъ же мало обращали на нихъ вниманіе, какъ будто это были не трупы, а живые уснувшіе только товарищи. Мы зарыли ихъ въ саду, поступая однако такъ же, какъ и русскіе, т.-е. обративъ ихъ головы на востокъ и воздвигнувъ надъ ихъ могилами крестъ.

Армія все также не получала ни хлѣба, ни говядины, воду тоже рѣдко можно было найти, и я платилъ по шесть франковъ за бутылку

чистой воды. Многія лошади погибли отъ жажды, нѣкоторыя изъ нихъ шли по три дня, не получая ни капли воды.

10-го сентября у русскихъ празднуется день Александра Невского, именемъ котораго названъ русскій императоръ. Мы выступили въ 8 часовъ утра. Авангардъ сражался весь день. Мы переходили съ мѣста на мѣсто подъ рѣдкими пушечными выстрѣлами и подвигались такъ медленно, что къ ночи прошли всего 16 верстъ. Мы прошли черезъ Щелковку и ночевали около села Краймскаго на равнинѣ, покрытой пескомъ и пылью. Впереди нашихъ сложенныхъ въ козлы ружей мы нашли оврагъ, въ которомъ и провели ночь, защищаясь отъ сильнаго и холоднаго сѣвернаго вѣтра. Голодъ продолжалъ дѣлать опустошенія въ нашей арміи; мясо лошади и то стало рѣдкимъ, его ѣли наполовину тухлое и продавали по дорогой цѣнѣ; цѣны на хлѣбъ уже не существовало — его у насъ больше не было...

(Вьоне де Маренгоне.)

* * *

Долженъ тебѣ замѣтить, что 12-го сентября всѣ несчастія, случившіяся съ арміей, были мнѣ предсказаны офицеромъ русской гвардіи, посланнымъ своимъ главнокомандующимъ съ порученіемъ къ намъ. Я разговаривалъ съ нимъ около двухъ часовъ. Отрѣшившись отъ всякой національности и не ставя другъ друга въ неловкое положеніе, мы бесѣдовали съ нимъ по-пріятельски. Мы обоюднo попросили другъ друга высказать свое мнѣніе о войнѣ. Онъ сказалъ мнѣ: «Мы такъ же, какъ и вы, прекрасно знаемъ, что будемъ побиты. Мы ждемъ спасенія только отъ зимы, которая вознаградитъ насъ сторицей. Зима и голодъ» — предсказывалъ онъ мнѣ — «будетъ такое оружіе, противъ котораго вы не сможете бороться. Повѣрьте мнѣ», говорилъ онъ, «я знаю климатъ своей страны, дай Богъ, чтобы онъ не оказалъ своего вреднаго вліянія на васъ!» Я рассказалъ все это нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, и послѣдующія событія намъ явно доказали, что онъ говорилъ правду.

Вернемся однако къ московской дорогѣ, которая поистинѣ великолѣпно устроена. По ней могутъ проѣхать десять каретъ въ рядъ. По обѣ стороны дороги расположены два ряда очень высокихъ деревьевъ, между которыми пролегаетъ дорога для пѣшеходовъ. Эти деревья очень напоминаютъ плакучія ивы; они, благодаря своей гостепріимной тѣни предохраняютъ лѣтомъ отъ сильной жары, а зимой, когда снѣгъ засыпаетъ всѣ овраги и канавы и земля сливается съ небомъ, они служатъ для указанія дороги.

(Изъ письма кирасирскаго капитана.)

Вступленіе въ Москву и начало пожара.

На слѣдующій день (14-го сентября) мы выѣхали рано, желая поспѣть какъ можно скорѣй въ Москву. По дорогѣ намъ попадались только разрушенныя и безлюдныя деревни; слѣва, по берегамъ Москвы-рѣчки тянулись великолѣпныя дворцы-усады, которые

уничтожали и разоряли татары, чтобы лишить насъ тѣхъ удобствъ, которыя мы бы могли тамъ получить; спѣлый хлѣбъ еще на корню былъ вытопанъ лошадьми, а скирды сѣна были подожжены на всемъ протяженіи окрестныхъ полей, и густой дымъ стлался по воздуху. Когда мы подѣхали къ деревнѣ Черепково, вице-король поднялся на возвышенность и долго смотрѣлъ, не видать ли Москвы, цѣли нашихъ общихъ стремленій, потому что въ достиженіи этой цѣли мы видѣли конецъ нашимъ мученіямъ, нашей усталости и нашему странствованію. Москва была конечной цѣлью нашего похода. Ее еще не были видно за пригорками; намъ видно было только облако пыли, которое шло параллельно нашему пути, указывая намъ направление, по которому слѣдовала великая армія. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, долетѣвшихъ до нашего слуха, очень отдаленныхъ и рѣдкихъ, показывали намъ, что наши войска подходили къ Москвѣ безъ особаго сопротивленія. Спускаясь, мы услышали отчаянные крики: это были нѣсколько отрядовъ казаковъ, выскочившихъ изъ сосѣдняго лѣса и нападавшихъ со свойственной имъ манерой на нашихъ стрѣлковъ, порываясь остановить нашъ авангардъ. Наши храбрецы не струсили и не поддались этому неожиданному нападенію, они смѣло отпарировали напрасныя усилія орды, желавшей задержать нашъ вѣздъ въ столицу Россіи. Ихъ отчаянныя усилія дѣйствительно были послѣдними. Ихъ отбили и разсѣяли такъ, что имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ скрыться за стѣнами Кремля, такъ же какъ и раньше у береговъ Колочи. Вдали сквозь пыльное облако мелькала длинная непріятельской кавалеріи, идущая по направленію къ Москвѣ; она постепенно, въ полномъ порядкѣ, по мѣрѣ того какъ мы приближались, скрывалась за городомъ. Отступленіе это продолжалось все утро.

Пока строили переправу черезъ Москву-рѣку, къ одиннадцати часамъ генеральный штабъ расположился на высокому пригоркѣ. Оттуда мы вдругъ увидѣли тысячи колоколенъ съ золотыми куполообразными главами. Погода была великолѣпная, все это блестяло и горѣло въ солнечныхъ лучахъ и казалось безчисленными свѣтящимися шарами. Были купола, похожіе на шары, стоящіе на шпицѣ колонны или обелиска, и тогда это напоминало висѣвшій въ воздухѣ аэроstatъ. Мы были поражены красотой этого зрѣлища, приводившимъ насъ еще въ больший восторгъ, когда мы вспоминали обо всемъ томъ тяжеломъ, что пришлось перенести. Никто не въ силахъ былъ удержаться и у всѣхъ вырвался радостный крикъ: «Москва! Москва!!!» Услышавъ такъ давно жданный возгласъ, всѣ толпой кинулись къ пригорку; всякій старался высказать свое личное впечатлѣніе, находя все новыя и новыя красоты въ представшей нашимъ глазамъ картинѣ, восторгаясь все новыми и новыми чудесами. Одинъ указывалъ на прекрасный видный слѣва отъ насъ дворецъ, архитектура котораго напоминала восточный стиль, другой обращалъ вниманіе на великолѣпный соборъ или новый другой дворецъ, но всѣ до одинаго были очарованы красотой панорамы этого огромнаго расположеннаго на равнинѣ города. Москва-рѣка течетъ по свѣтлымъ лугамъ; омывъ и оплодотворивъ все кругомъ, она вдругъ поворачи-

васть и течеть по направлѣнію къ городу, прорѣзываетъ его, раздѣляя на двѣ половины и отрывая такимъ образомъ другъ отъ друга цѣлую массу домовъ и построекъ; тутъ деревянныя, и каменные, и кирпичныя; нѣкоторые построены въ готическомъ стилѣ, смѣшанномъ съ современными, другіе представляли изъ себя смѣсь всѣхъ отличительныхъ признаковъ каждой изъ отдѣльныхъ національностей. Дома выкрашены въ самыя разнообразныя краски, купола церквей — то золотыя, то темныя, свинцовыя и крытыя аспиднымъ камнемъ. Все, вмѣстѣ взятое, дѣлало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большія террасы у дворцовъ, обелиски у городскихъ воротъ и высокія колокольни на манеръ минаретовъ, все это напоминало, да и на самомъ дѣлѣ представляло изъ себя, картину одного изъ знаменитыхъ городовъ Азіи, въ существованіе которыхъ какъ-то не вѣрится и которые, казалось бы, живутъ только въ богатомъ воображеніи арабскихъ поэтовъ.

15-го сентября нашъ отрядъ снялся съ мѣста рано утромъ и вышелъ изъ деревни, гдѣ была послѣдняя стоянка, направляясь въ Москву. Подходя къ городу, мы съ удивленіемъ замѣтили, что не было стѣнъ. Простая земляная насыпь указывала на первоначальное его зарожденіе.

Ничего, казалось, не давало намъ слѣда обитаемости города; дорога, по которой мы шли, была такъ пустыня, что мы не только ни одного москвича, но даже и французскаго солдата не встрѣтили. Въ этой торжественной тишинѣ и полномъ одиночествѣ не слышно было ни звука, ни возгласа; руководилъ нами одинъ страхъ, увеличившійся еще болѣе при видѣ густаго дыма, высокімъ столбомъ поднимавшагося въ центрѣ города. Сперва, мы было подумали, что загорѣлось нѣсколько магазиновъ, которые по своему обыкновенію передъ уходомъ зажгли русскіе. *(Лабомъ.)*

* * *

Мы не захотѣли переходить первую заставу, которую встрѣтили по пути и рѣшили, взявъ влѣво, продолжать огибать городъ. По приказанію принца Евгенія я сталъ разставлять войска для охраны Петербургской дороги. Тринадцатая и пятнадцатая дивизіи расположились у Петровскаго дворца; четырнадцатая стояла въ деревнѣ на полпути отъ Москвы къ дворцу; легкій баварскій кавалерійскій полкъ подъ началомъ графа Орнано занялъ позицію въ семи верстахъ отъ вышеупомянутой деревни. Подъ такой охраной вѣхалъ вице-король въ Москву и остановился во дворцѣ князя Мамонова на Санктпетербургской улицѣ. Эта часть Москвы, отданная въ наше пользованіе, была одной изъ лучшихъ въ городѣ. Сплошь стояли чудесныя, большія зданія и дома, хотя и деревянныя, но они намъ казались и громадными и поразительно богатыми.

Магистраты (судьи), оставшись безъ дѣла и занятій, могли каждый по желанію выбрать для своего жилья одинъ изъ дворцовъ, и каждый простой офицеръ жилъ въ огромномъ великолѣпно отдѣланномъ помѣщеніи, гдѣ чувствовалъ себя вполне хозяиномъ, не видя никого кругомъ, кромѣ послушнаго и робкаго дворника, отдавашаго въ полное

распоряженіе всё ключи отъ дома. Наканунѣ съ вечера Москва принадлежала намъ, но не смотря на это, въ томъ кварталѣ, гдѣ мы расположились, не видно было ни солдатъ, ни обитателей, до того городъ былъ великъ и казался безлюденъ. Тяжелое безмолвіе царило въ немъ. Самые смѣлые изъ насъ и тѣ были потрясены. Улицы были такъ длинны, что всадники не узнавали своихъ на другомъ концѣ ихъ; когда кто-нибудь медленно приближался съ другого конца улицы, видѣвшій это, не могъ разобрать врагъ это или другъ, и такъ приближаясь осторожно одинъ къ другому, они вдругъ испуганно поворачивали назадъ и бѣжали другъ отъ друга, воображая, что встрѣтили врага, хотя оказывалось потомъ, что служили подъ одними и тѣми же знаменами.

Прежде чѣмъ занять новый кварталъ, туда отправляли развѣдчиковъ; они осматривали дворцы и церкви, но никого не находили кромѣ дѣтей и стариковъ, и только изрѣдка имъ попадались русскіе офицеры, рашены въ прежнихъ бояхъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, алтари были разукрашены какъ въ дни большихъ праздниковъ; горѣли тысячи свѣчей у престола, что свидѣтельствовало о томъ, что москвичи неустанно продолжали молиться до послѣдней минуты своему любимому святому. Торжественность и святость окружающей обстановки внушали намъ сильное уваженіе къ побѣжденному нами народу и невольный страхъ, который порождаетъ всякая сдѣланная большая несправедливость. Мы робко подвигались среди этого ужасающаго опустошенія, часто останавливались, оглядываясь назадъ, часто прислушивались, такъ какъ страхъ передъ огромностью нашей побѣды, внушалъ намъ постоянно мысль о какой-нибудь западнѣ или засадѣ. Малѣйшій шумъ — и намъ вездѣ чудились крики нападающихъ и бряцаніе оружія. По мѣрѣ приближенія къ центру города, особенно около базара¹⁾ намъ стали попадаться изрѣдка жители Москвы, собравшіеся у кремлевскихъ стѣнъ. Эти несчастные, вѣря въ старинную легенду о неприкосновенности этихъ стѣнъ, рѣшились даже, наканунѣ, оказать сопротивленіе нашему авангарду подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго. Наши войска моментально разогнали ихъ, и они, пораженные своей неудачей, въ слезахъ смотрѣли на высокія башни Кремля, твердыню, которую до сихъ поръ считали «палладіумомъ» города. Тутъ же попалась намъ толпа солдатъ, открыто торговавшихъ краденными товарами. Охрана была поставлена только у главныхъ магазиновъ съ съѣтными припасами. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше намъ попадалось солдатъ, возвращавшихся съ цѣлыми свертками различныхъ товаровъ; они тащили за спиной огромные куски сукна и цѣлыя головы сахару. Мы положительно не знали чѣмъ оправдать весь этотъ беспорядокъ, но фюзелеры гвардіи объяснили намъ, что дымъ, который бросился намъ въ глаза при входѣ въ городъ, шелъ отъ пожара въ огромномъ зданіи, гдѣ были собраны все товары; зданіе это называлось «Биржей»²⁾. Русскіе сами подожгли его, отступая. Вчера, рассказывали намъ солдаты, мы вошли въ городъ

¹⁾ Большая площадь въ Китай-городѣ, окруженная галлереей изъ кирпича, гдѣ помѣщается безконечное количество маленькихъ лавочекъ.

²⁾ Торговые ряды на Красной площади.

Ред.

въ полдень, а сегодня утромъ мы увидѣли огонь. Сначала мы, было, хотѣли тушить его, думая, что загорѣлось отъ какой-нибудь неосторожности на нашихъ бивакахъ, но намъ пришлось отказаться отъ этого, такъ какъ мы узнали, что само русское правительство отдало приказъ поджечь городъ и убрать пожарныя трубы, чтобы мы не могли ничего спасти. Очевидно, правительство рассчитывало этой отчаянной мѣрой нарушить дисциплину въ нашемъ лагерѣ и разорить классъ торговцевъ, возставшихъ усиленно противъ общаго бѣгства изъ города.

Вполнѣ понятное любопытство тянуло меня впередъ: чѣмъ ближе мы подходили къ горящему зданію, тѣмъ больше улицы были заполнены солдатами и нищими, тащившими всевозможные предметы, при чемъ менѣе цѣнные тутъ же бросались на землю, и скоро вся улица была забросана разными вещами.

Наконецъ-то, я добрался до желанной цѣли. Отъ прежняго, извѣстнаго своимъ великолѣпіемъ зданія, почти ничего не осталось. Это былъ просто огромный горящій костеръ — печь, откуда валились горящія балки. Двигаться можно было только по галлереймъ, гдѣ шли рядами магазины; въ этихъ магазинахъ солдаты и хозяйничали, они выламывали крышки сундуковъ, разбивали кассы и дѣлили затѣмъ между собой добычу.

Въ этой ужасающей обстановкѣ даже не было слышно ни криковъ, ни возни; всего было такъ много, что можно было насытить самый алчный аппетитъ. Слышался только трескъ пламени, шумъ высаживаемыхъ дверей и изрѣдка страшный гулъ, когда обваливался вдругъ подгорѣвшій сводъ. Бумажныя ткани, бархатъ, кисея, самыя дорогія матеріи Европы и Азіи, все неудержимо горѣло; въ подвалахъ горѣли склады сахара, деревяннаго и постнаго масла, смолы и купороса и изъ этихъ подвальныхъ этажей пламя потоками вырывалось наружу сквозь желѣзныя толстыя рѣшетчатыя отверстія. (Лабомъ.)

* * *

14-го сентября, вечеромъ, мы вступили въ одно изъ московскихъ предмѣстій. Мы узнали здѣсь, что, уходя изъ города, русская армія увела съ собой всѣхъ горожанъ и чиновниковъ, такъ что осталось только немного престоляродья и прислуга. На слѣдующій день, проходя по главнымъ улицамъ, мы почти никого не встрѣчали. Дома были покинуты. Особенно удивило насъ появленіе огня во многихъ отдаленныхъ кварталахъ, въ которые еще не вступилъ ни одинъ изъ нашихъ солдатъ. Горѣли и кремлевскіе ряды — огромное зданіе съ портиками, похожее на парижскій Палэ-Рояль.

Послѣ всего видѣннаго нами, насъ не могли не удивлять и обширность, Москвы и большое число ея церквей, и прекрасная архитектура ея зданій, а также удобное расположеніе зажиточныхъ домовъ, богатство ихъ мебелировки и наличность въ большей части изъ нихъ различныхъ предметовъ роскоши. Улицы были просторны, правильно расположены, и все вообще гармонировало

³⁾ Наши саперы и солдаты рубили горящія балки, желая остановить огонь, но огонь появлялся отовсюду и мѣра эта не достигала цѣли.

одно съ другимъ. Все указывало на богатство города, на его огромную торговлю товарами всѣхъ странъ свѣта. Красоту города значительно увеличивало разнообразіе построекъ дворцовъ, церквей, домовъ. Нѣкоторые кварталы особенностью своихъ построекъ указывали, какая народность ихъ населяла; такъ легко было отличить кварталы французскій, китайскій или индійскій, нѣмецкій. Кремль можно назвать московской крѣпостью. Онъ находится въ центрѣ города на довольно значительной возвышенности и окруженъ зубчатыми стѣнами, тамъ и здѣсь пересѣкаемыми башнями вооруженными пушками.

Упомянутые выше кремлевскіе ряды обычно наполненные индійскими товарами и дорогими мѣхами, стали добычей пламени, такъ что воспользоваться можно было только вещами, сложенными въ подвалы, куда наши солдаты проникли по окончаніи пожара. Наружныя же части этого прекраснаго зданія были до тла истреблены огнемъ.

Остальную часть Кремля занимали дворецъ императоровъ, сенатъ, арсеналъ и два очень старинные храма. Всѣ эти памятники роскошной архитектуры величественно взымались вокругъ военной площади. Кавалось, что васъ перенесли на общественную площадь древнихъ Аѳинъ, гдѣ можно было любоваться съ одной стороны Ареопагомъ и храмомъ Минервы, а съ другой — академіей и арсеналомъ.

Между двумя храмами возвышалась въ видѣ колонны почти цилиндрическая башня, извѣстная подъ именемъ колокольни Ивана Великаго. Она походила на египетскій минаретъ. Внутри ея было повѣшено множество колоколовъ различной величины, а одинъ — удивительной величины, о которомъ упоминаютъ историки, стоялъ вовлѣ нея на землѣ. Съ высоты башни можно видѣть весь городъ, который представлялся въ видѣ звѣзды съ четырьмя раздвоенными концами, а разноцвѣтныя крыши домовъ и покрытыя золотомъ и серебромъ верхушки многочисленныхъ церквей и колоколенъ придаютъ картинѣ весьма живописный видъ.

Едва ли найдется что-либо богаче одного изъ храмовъ Кремля (того, гдѣ хоронили императоровъ). Его стѣны покрыты золотомъ и вызолочеными пластинками, толщиной въ 5—6 линій, на которыхъ рельефно изображена вся исторія ветхаго и новаго завѣта. Массивныя серебряныя паникадилы поражаютъ своими огромными размѣрами.

Привлекшія мое особенное вниманіе больницы, сдѣлали бы честь самой цивилизованной націи. Онѣ дѣлятся на военныя и гражданскія.

Въ обширномъ военномъ госпиталѣ мы нашли очень немного больныхъ, которыхъ и перевели въ другой меньшій, устроенный при институтѣ для сиротъ военныхъ.

Больницы гражданскія менѣе примѣчательны. Четыре главныя изъ нихъ это: Шереметьевская, Голицынская, Александровская и Воспитательный домъ.

Воспитательный домъ расположенъ по берегу Москвы-рѣки подъ охраной кремлевскихъ пушекъ. Это, безъ сомнѣнія, лучшее во всей Европѣ изъ учрежденій подобнаго рода. Зданіе дѣлится на двѣ части. Первая, та, гдѣ входная дверь, заключаетъ въ себѣ помѣщеніе для

завѣдующаго, назначаемаго изъ старыхъ заслуженныхъ генераловъ, квартиры служащихъ, контору и т. п.

Вторая часть въ видѣ правильнаго четырехугольника. Внутри расположенъ довольно обширный дворъ, по срединѣ котораго фонтанъ и резервуаръ, снабжающій рѣчной водой всѣ части зданія. Каждая сторона представляетъ собой 4 высокиихъ этажа, окруженныхъ изнутри довольно широкимъ корридормъ, далѣе идутъ залы, въ однихъ помѣщаются дѣвочки, въ другихъ мальчики. Кроватки съ пологами стоятъ въ 2 ряда и соотвѣтствуютъ росту дѣтей. Повсюду образцовый порядокъ и чистота.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ первой части зданія и въ главныхъ залахъ второй потолоки сводчатые и постройка настолько прочна, что можетъ противупостоять пожару. Кухни и всѣ принадлежности устроены прекрасно.

Русскіе, покидая Москву; увезли всѣхъ дѣтей обоаго пола старше 7 лѣтъ, такъ что осталось всего небольшое число дѣтей меньшаго возраста. Ихъ помѣстили въ особомъ отдѣленіи, а больницу приготовили для французскихъ больныхъ, которыхъ нельзя было перевезти. Выбрали это убѣжище въ надеждѣ, что казаки скорѣе его пощадятъ если бы арміи пришлось внезапно покинуть Москву. (*Ларрей.*)

* * *

Въ виду Москвы, 14-го сентября. Сегодня утромъ за деревней Черепково, при нашемъ приближеніи къ Хорошеву, пока саперы перекидывали мостъ черезъ Москву-рѣку для третьаго перехода черезъ нее, кто-то изъ развѣдчиковъ, прикрывающихъ сбоку колонны, указал на одинъ холмъ... послѣдній!

Новый мѣръ, — такъ буквально говорятъ они, — открылся имъ. Прекрасная столица подъ лучами яркаго солнца горѣла тысячами цвѣтовъ: группы золоченыхъ куполовъ, высокія колокольни, невиданные памятники. Обезумѣвшіе отъ радости, хлопая въ ладоши, наши, задыхаясь, кричатъ: «Москва! Москва!» Я не смогу, конечно, лучше и красивѣе выразить наше впечатлѣніе при видѣ этого города, какъ напомнивъ стихи Тассо, когда онъ въ третьей пѣснѣ изображаетъ армію Готфрида Бульонскаго, увидавашаго впервые башни Іерусалима:

«У каждаго какъ бы крылья выросли на сердцѣ и на ногахъ; какъ легко стало итти. Солнце лило свои горячіе лучи на безплодные поля, оно дошло до зенита, когда Іерусалимъ предсталъ передъ нами! Да, это Іерусалимъ, мы видимъ его, мы осязаемъ его, тысячи голосовъ, какъ одинъ, звучатъ въ воздухѣ, привѣтствуя Іерусалимъ!»...

При имени Москвы, передаваемомъ изъ устъ въ уста, всѣ кучей бросаются, карабкаются по собственной охотѣ на холмъ, откуда мы слышали этотъ громкій крикъ. Каждому хочется первому увидѣть Москву. Лица освѣтились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемъся, и поднимаемъ съ благодарностью руки къ небу; многіе плачутъ отъ радости, и отовсюду слышишь: «Наконецъ-то! Наконецъ-то Москва!»

Мы не устаемъ смотрѣть на огромный городъ съ его разнообразными и причудливыми формами, съ куполами, крытыми свинцомъ

или аспидомъ; дворцы съ цвѣтущими террасами, островерхія башни, безчисленныя колокольни заставляютъ насъ думать, что мы на границѣ Азіи.

Отъ нетерпѣнія войти въ Москву мы, не дождавшись постройки моста, вбродъ переходимъ Москву-рѣку. Вице-король, видя настроеніе войскъ, даетъ своей кавалеріи приказъ тронуться; пѣхота слѣдуетъ за ней.

Наше сердце разрывается отъ радости по мѣрѣ приближенія; но насъ изумляетъ то, что всѣ окрестные дома покинуты, какъ вездѣ, гдѣ мы только проходили. Мы всматриваемся въ огромный городъ и не рѣшаемся вѣрить, что и онъ пусть, какъ его окрестности.

Мы скорѣе склонны думать, что жители предмѣстій, утраченные нашимъ приближеніемъ, массами укрылись въ столицу. Всякаго, высказывающаго предположеніе, что Москва покинута, сейчасъ же поднимаютъ на-смѣхъ товарищи. И, дѣйствительно, можно ли предположить, что столько роскошныхъ дворцовъ, великолѣпныхъ церквей, богатыхъ магазиновъ покинуты своими обитателями?

Бесѣдуя такъ, дошли мы до деревни Хорошево, находящейся въ разстояніи полутора мили отъ Москвы. Колонна остановилась, чтобы привести себя въ порядокъ, надѣтъ парадную форму и подождать возвращенія адъютанта вице-короля съ приказаніями отъ императора. Приказанія эти жестоко насъ разочаровали. Наше вступленіе въ столицу царей было отложено на завтра.

Москва, 15-го сентября. Съ зарею мы покинули это скверное Хорошево и въ парадной формѣ двинулись къ Москвѣ. Приближаясь, мы замѣтили, что городъ открытъ. Простой земляной валъ служить ему единственной защитой. Въ то же время мы не замѣчаемъ ни одного дыма надъ домами, — это плохой знакъ. Дорога наша идетъ прямо въ городъ: мы нигдѣ не видимъ ни одного русскаго и ни одного французскаго солдата.

Страхъ нашъ выростаетъ съ каждымъ шагомъ; онъ доходитъ до высшей точки, когда мы видимъ вдали, надъ центромъ города, густой столбъ дыма.

Сначала мы всѣ думали, что горитъ какой-нибудь магазинъ; русскіе пріучили насъ къ такимъ пожарамъ. Мы увѣрены, что огонь скоро будетъ потушенъ солдатами и жителями. Мы приписываемъ казакамъ всѣ эти ненужныя разрушенія и опустошенія...

Вице-король во главѣ королевской гвардіи въѣзжаетъ въ Москву по прекрасной дорогѣ, ведущей отъ предмѣстья Петровско-Разумовскаго. Этотъ кварталъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ въ городѣ, назначенъ для квартированія итальянской арміи. Дома, хотя большею частью и деревянные, поражаютъ насъ своей величиной и необычайной пышностью. Но всѣ двери и окна закрыты, улицы пусты, вездѣ молчаніе! — молчаніе, нагоняющее страхъ.

Молча, въ порядкѣ проходимъ мы по длиннымъ, пустыннымъ улицамъ: глухимъ эхо отдается барабанный бой отъ стѣнъ пустыхъ домовъ. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, тогда какъ на душѣ у насъ неспокойно: намъ кажется, что должно случиться что-то необыкновенное.

Москва представляется намъ огромнымъ трупомъ; это — царство молчанія: сказочный городъ, гдѣ все зданія, дома вoadвигнуты какъ бы чарами для насъ однихъ!...

Мы выходимъ на красивую и широкую площадь и выстраиваемся въ боевомъ порядкѣ въ ожиданіи новыхъ приказовъ. Они скоро приходятъ, и мы одновременно узнаемъ о вступленіи императора въ Москву и о пожарахъ, начавшихся со всѣхъ сторонъ.

(Ложье.)

* * *

Раннимъ утромъ 14-го сентября мы снова очутились на большой дорогѣ, которая по холмамъ и долинамъ повела насъ къ цѣли. Быстро вызванные полки съ артиллеріей указывали на серьезность предпріятія, и всеобщее ожиданіе стало крайне напряженнымъ. Скоро все стихло, и разнеслась быстрая вѣсть о перемиріи. Но наше ожиданіе оставалось напряженнымъ, ибо передъ нами, въ получасѣ пути, лежала огромная Москва, раскинувшаяся на такомъ протяженіи, какого я еще никогда не видѣлъ ни у одного большого города.

Мы теперь стояли по лѣвую сторону дороги, въ можжевеловомъ кустарникѣ. Голодъ вынуждалъ насъ подкрѣпляться ягодами послѣдняго, а лошади пожирали его вѣтки. Затѣмъ мы вступили на большую дорогу и двинулись впередъ.

Вправо близъ дороги ѣхалъ по полю Наполеонъ въ сѣромъ сюртукѣ, на бѣломъ конѣ; онъ прибылъ сегодня къ самой главѣ авангарда, въ сопровожденіи небольшой свиты; съ лѣвой стороны его шель длинный польскій еврей въ своемъ національномъ костюмѣ. Наполеонъ устремилъ свои взоры на столицу, лежавшую теперь еще ближе къ намъ, а еврей дѣлалъ укаванія и разъясненія, повидимому, касавшіяся нѣкоторыхъ пунктовъ города. Тутъ мы увидѣли и окопы, сооруженные русскими передъ нашимъ прибытіемъ. Когда мы со всѣмъ подошли къ первымъ домамъ города, во главѣ дивизіи сталъ Мюрать, а Наполеонъ ускакалъ отъ дороги вправо, какъ бы направляя свой путь въ близкую усадьбу...

Напряженное вниманіе къ грядущимъ событіямъ; мысль, что мы послѣ столькихъ страданій, лишеній и трудовъ дожили до этого дня; что мы въ числѣ первыхъ вошли въ эти любопытныя стѣны, — все это заставляло насъ забыть о прошломъ.

Всякій болѣе или менѣе охваченъ былъ гордостью побѣдителя, а гдѣ эта гордость не подсказывала соотвѣтствующихъ чувствъ, тамъ всегда находился офицеръ или старый вояка, умѣвшій проникновенными словами объяснить величіе мѣста и момента.

Нашей дивизіи отданъ былъ строжайшій приказъ, чтобы никто, подъ страхомъ неминуемой смертной казни, не смѣлъ слѣзать съ коня или выѣзжать изъ строя. Намъ, врачамъ, этотъ приказъ внушенъ былъ съ такою же настойчивостью, какъ и войскамъ, и мы охотно ему повиновались.

Пока мы ѣхали по улицѣ до рѣки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мостъ былъ разобранъ, мы поѣхали въ бродъ; пушки ушли въ воду до оси, а лошади до колѣнъ. По ту сторону рѣки мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у оконъ и дверей,

но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасныя зданія, каменные и деревянные, на балконах иногда видѣлись мужчины и дамы.

Наши офицеры привѣтливо отдавали честь; имъ отвѣчали столь же вѣжливо; но все-таки мы видѣли еще очень мало жителей, а около двorcовъ все стояли люди, имѣвшіе видъ прислуги. Во внутреннихъ частяхъ города мы наткнулись на истомленныхъ русскихъ солдатъ, отсталыхъ, пѣшихъ и конныхъ, на брошенный обозъ, на сѣрыхъ убойныхъ быковъ и т. п. Все это мы пропускали мимо. Медленно, съ постоянными поворотами продвигались мы по улицамъ, въ которыхъ наше вниманіе привлекало множество церквей съ ихъ столь для насъ чуждой архитектурой, особенно многочисленностью башенъ и внѣшнимъ ихъ убранствомъ, а также прекрасныя дворцы и окружавшіе ихъ сады. Мы проѣхали черезъ рынокъ; его деревянные лавки были открыты, товары, разбросанные въ безпорядкѣ, валялись и на улицѣ, словно передъ нами здѣсь хозяйничали грабители. Шестіе наше совершалось крайне медленно, остановки были очень часты, и вотъ наши пронюхали, что у валявшихся по улицамъ отсталыхъ и спящихъ русскихъ во фляжкахъ есть водка. Не смѣя слѣзть съ коня, они ухитрились перерѣзывать кончиномъ сабли ремни, которыми фляжки привязаны были къ ранцамъ, и подхватывать самыя фляжки крючечками, выточенными на концахъ сабель. Этимъ хитроумнымъ способомъ добыта была водка, которая давно уже была большою рѣдкостью.

Мурать проѣзжалъ взадъ и впередъ по нашимъ рядамъ, былъ очень серьезенъ и дѣятеленъ и глядѣлъ даже туда, куда не успѣвалъ попасть самъ. Онъ шелъ во главѣ насъ, когда мы, идя между большими старыми зданіями, добрались до арсенала. Арсеналъ былъ открытъ, и всякаго рода люди, въ большинствѣ, повидимому, мужики, выносили оттуда оружіе, нѣкоторые старались пробраться внутрь. На улицѣ и на площади, гдѣ мы теперь остановились, валялось множество всякаго оружія разнаго вида, по большей части новаго.

Въ воротахъ арсенала возникла перебранка адъютантовъ короля съ выносившими оружіе. Нѣсколько адъютантовъ вѣхало внутрь зданія, перебранка стала очень громкой. Тѣмъ временемъ было замѣчено, что на площади позади арсенала собралось много народа, шумнаго и безпокойнаго. Все это заставило короля придвинуть ко входу на площадь наши пушки и дать залпъ. Трехъ выстрѣловъ оказалось достаточно, чтобы толпа съ невѣроятною поспѣшностью разсѣялась по всѣмъ направленіямъ...

...Въ это время заходило солнце при ясной погодѣ, совсѣмъ не такой, какъ утромъ, когда было пасмурно и холодно. Болѣе трехъ часовъ продолжалось наше вступленіе, и съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ часомъ росла наша надежда на столь желанный и необходимый для насъ миръ, и мы сладко мечтали объ отдыхѣ. Это настроеніе еще болѣе усилилось, когда мы, выбравшись за городъ, увидѣли нѣсколько русскихъ драгунскихъ полковъ, частью построенныхъ, частью проходившихъ мимо. Мы съ самими мир-

ными намѣреніями выстроились противъ нихъ. Они обнаружили подобное же настроеніе, офицеры и солдаты сблизились, протягивали другъ другу руки и фляжки съ водкой и разговаривали, какъ умѣли. Все это, однако, продолжалось лишь короткое время; подсказалъ съ своимъ адъютантомъ какой-то крупный русскій офицерскій чинъ и настрого воспретилъ всякіе переговоры. Мы остались, русскіе медленно потянулись дальше.

Тѣмъ временемъ мы подмѣтили, что русскимъ такъ же, какъ и намъ, миръ былъ желателенъ, и мы видѣли, что лошади у нихъ такъ же истощены, какъ и у насъ, ибо при переправѣ черезъ канаву многія изъ лошадей попадали, поднявшись потомъ медленно и съ трудомъ, совсѣмъ какъ это бывало и у насъ.

Наступила, наконецъ, ночь и съ нею время отдыха. вмѣстѣ съ артиллеріей и одной дивизіей кирасиръ мы стали лагеремъ въ недалекомъ разстояніи отъ города, вправо отъ дороги, ведущей на Владимиръ и Казань. Влѣво отъ нея находится огромное, широко раскинувшееся зданіе, которое мы принимали за монастырь. Лагерные костры наши горѣли необычайно ярко, а невдалекѣ передъ нами виднѣлись и русскіе костры. Военственный шумъ вокругъ насъ, яркое пламя костровъ, а въ особенности наше удовлетвореніе, что мы дожили до этого знаменательнаго дня, и все еще напряженное ожиданіе грядущихъ событій, суматоха близкаго города и кое-какіе раздобытые припасы, — все это ободряло насъ, и давно нашъ лагерь не былъ такъ полонъ оживленія при всей необходимости отдыха.

Много разнаго вида людей изъ русской арміи проходило мимо нашего лагеря по Казанской дорогѣ. Среди нихъ были и раненые: одни — уже перевязанные, другіе — окровавленные, страдающіе отъ ранъ, полученныхъ недавно при отдѣльныхъ случаяхъ насилія и близъ воротъ. Наши офицеры отправляли ихъ къ нашему костру. Пока я перевязывалъ одного такого пѣхотнаго офицера, у котораго на головѣ было нѣсколько ранъ, онъ разсказалъ мнѣ, что отправился перемѣнить бѣлье къ роднымъ и хотѣлъ явиться къ нимъ здоровымъ и невредимымъ; ихъ онъ дома не засталъ, и тутъ-то съ нимъ и произошло несчастье.

Послѣ перевязки я направилъ этого офицера къ русскимъ лагернымъ огнямъ; мы и вообще направляли туда всѣхъ этихъ отсталыхъ.

Вокругъ и среди насъ настроеніе было настолько бодрое, что всякій забывалъ объ усталости и снѣ; да если бы этого и не было, обстоятельства, вскорѣ наступившія, отняли бы всякую охоту ко сну.

Не могу сказать, въ центрѣ ли города, или на окраинѣ — вѣдь ночью такъ легко ошибиться, но я скорѣе склоняюсь къ первому, — вдругъ послѣдовалъ взрывъ такой ужасающей силы, что у всякаго должна была явиться мысль, что это взорванъ складъ снарядовъ, пороховой погребъ, либо такъ называемая адская машина очень большой силы. Изъ возникшаго сразу огромнаго пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разомъ выпустили массу бомбъ и гранатъ, и на далекое пространство разсѣивался со страшнымъ трескомъ ихъ губящій огонь. Этотъ взрывъ, далеко распространившій страхъ и ужась, длился минуты

три-четыре и казался намъ сигналомъ къ началу столь рокового для насъ пожара Москвы. Вначалѣ пламя виднѣлось только на этомъ мѣстѣ, но уже нѣсколько минутъ спустя мы увидѣли, какъ пламя поднимается во многихъ мѣстахъ города; мы увидѣли скоро восемнадцать такихъ мѣстъ, и ихъ число быстро возрастало.

При такомъ зрѣлищѣ мы смолкли и съ изумленіемъ глядѣли другъ на друга; казалось, мы читали на всѣхъ лицахъ, что каждый считаетъ это за дурное предзнаменованіе. Тогда штабъ-ротмистръ фонъ-Рейнгардтъ сказалъ: «Это — скверное событіе, оно сулитъ много зла, оно разомъ уничтожаетъ надежду на миръ и разрушаетъ то, что намъ такъ необходимо. Это — не злая воля нашихъ, это — признакъ большого озлобленія нашихъ противниковъ, это — жертва, которую они приносятъ, чтобы погубить насъ».

Мы съ перваго момента ясно видѣли всю эту потрясающую картину, ибо нашъ лагерь стоялъ выше города. Вскорѣ пламя стало вспыхивать и въ частяхъ города, лежавшихъ ближе къ намъ, — озаряя насъ и всѣ окрестности; но съ увеличеніемъ свѣта и пламени нашъ только было вострепнувшійся духъ снова началъ падать, и мы сквозь этотъ яркій свѣтъ грустно глядѣли навстрѣчу тѣмъ болѣе темному будущему.

Наступила полночь. Широко раскинувшееся пламя подобно морю бушевало надъ огромнымъ городомъ. Шумъ все усиливался, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось количество отсталыхъ и бѣгущихъ изъ города, которые валили мимо нашего лагеря.

Страшное зрѣлище, въ концѣ концовъ, утомило насъ, и мы легли спать. Послѣ короткаго сна мы замѣтили, что пламя значительно усилилось, а съ наступленіемъ дня стали видимы и огромныя облака дыма, разноцвѣтныя и различныя по очертанію.

Такимъ образомъ, я видѣлъ старую, славную Москву, городъ царей, въ послѣдній ея день, и видѣлъ самое начало того пожара, который уничтожилъ ее и погубилъ насъ. Много нашихъ уже погибло; съ нами была лишь половина тѣхъ, кто стоялъ на Дунаѣ; въ такомъ же положеніи были и другіе полки нашей дивизіи; и все-таки мы гордились настоящимъ, питали суетныя надежды и предъ-являли большія требованія къ будущему!

Утромъ, съ восходомъ солнца, я рѣшилъ пройтись, и зашелъ во дворъ ближайшаго, похожаго на монастырь, зданія, ища возможности умыться, что мнѣ и удалось. Къ удивленію своему я увидѣлъ тамъ людей, занятыхъ обычными дѣлами, какъ будто все, происшедшее со вчерашняго дня въ городѣ, не оказало на нихъ никакого вліянія или даже не было замѣчено ими. Я былъ единственный чужой среди нихъ, но не привлекъ на себя ихъ вниманія.

Вернувшись въ лагерь, я засталъ всѣ подготовленія къ посадкѣ на коней.

Съ наступленіемъ дня было замѣчено, что русскіе бросили свой лагерь поблизости отъ насъ. Мы послѣдовали за ними, увидѣли ихъ скорѣе, чѣмъ ожидали, и снова расположились на глазахъ у нихъ у первой пригородной деревни, которая лежитъ по Казанской дорогѣ. Передовые посты казаковъ были такъ близко отъ нашихъ, какъ еще

ни разу въ эту войну, и все-таки мы позволили себѣ нѣкоторыя удобства въ этотъ холодный день. Лежавшее впереди нашей линіи картофельное поле доставило работу многимъ изъ насъ и накормило всѣхъ. Долженъ признаться, плоды тамошней почвы были настолько вкусны и привлекательны, что у меня на родинѣ такихъ не бываетъ даже отъ лучшихъ голландскихъ сѣмянъ. (Роосъ.)

* * *

14-го сентября въ семь часовъ утра мы выступали. Мы рассчитывали на сопротивленіе, вмѣсто этого въ четырехъ километрахъ отъ Москвы появился парламентаръ, поручавшій раненныхъ милосердію короля неаполитанскаго и просившій не обстрѣливать города, наполненнаго пьяными русскими солдатами. Я обезоружилъ и взялъ въ плѣнъ двѣнадцать изъ нихъ.

Въ этомъ не было большой заслуги — достаточно было только ихъ встрѣтить. Съ казачьей пикой въ рукѣ я отвелъ ихъ въ штабъ императора, устроенный въ предмѣстьѣ; затѣмъ, минуя Кремль, вернулся въ городъ, чтобы устроить помѣщеніе для моего генерала. Кое-какіе жители еще оставались. Я вынужденъ былъ заставлять впускать себя съ саблей въ рукѣ. Я былъ одинъ среди дюжины непонимавшихъ меня русскихъ; они мнѣ дали поужинать и хорошаго вина, и я заснулъ въ этомъ брошенномъ жилищѣ. Это было не слишкомъ благоразумно, такъ какъ въ кварталѣ было много отсталыхъ русскихъ солдатъ. Меня разбудилъ пожаръ, вспыхнувшій въ ту же ночь въ Гостиномъ дворѣ. Русское правительство оставило своихъ полицейскихъ для выполненія этой операціи. (Изъ дневника Кастеллана.)

* * *

Маршалъ доложилъ императору, что въ Кремлѣ собралось множество вооруженныхъ людей — большею частью преступниковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, и что они стрѣляютъ въ кавалерію Мюрата, составлявшую авангардъ. Несмотря на многократныя требованія, они отказывались отпереть ворота: «Всѣ эти негодяи — пьяны, добавилъ маршалъ — и не хотятъ слушать никакихъ резонновъ». — «Пусть же выбьютъ ворота пушками!» отвѣчалъ императоръ, «и выгонять оттуда все, что тамъ засѣло».

Такъ и сдѣлали; король Мюратъ взялъ на себя эту обязанность: два пушечныхъ выстрѣла — и весь сбродъ рассыпался по городу. Послѣ того король Мюратъ двинулся дальше по городу, преслѣдуя русскій арьергардъ.

Послышались раскаты всѣхъ барабановъ, затѣмъ раздалась команда: *Garde à vous!* То былъ сигналъ вступленія въ городъ. Въ половинѣ четвертаго пополудни мы вступили колонной, тѣсно сплоченной по ввидамъ. Авангардъ, въ составъ котораго входилъ и я, состоялъ изъ тридцати человекъ, командовалъ имъ Цезарисъ, поручикъ нашей роты.

Только что вступили мы въ предмѣстье, какъ увидели идущихъ на насъ тѣхъ самыхъ негодяевъ, которыхъ выгнали изъ Кремля: у всѣхъ были убійственныя рожи и вооружены они были ружьями,

пиками, вилами. Едва перешли мы через мостъ, отдѣлявшій предместье отъ города, какъ изъ-подъ моста выскочилъ какой то субъектъ и направился на встрѣчу войскамъ: онъ былъ въ овчинномъ полушубкѣ, стянутомъ ремнемъ, длинные сѣдые волосы развѣвались у него по плечамъ, густая бѣлая борода спускалась по поясъ. Онъ былъ вооруженъ вилой о трехъ зубьяхъ, точь въ точь, какъ рисуютъ Нептуна, вышедшаго изъ водъ.

Онъ гордо двинулся на тамбуръ-мажора, собираясь первый нанести ему ударъ; видя, что тотъ въ парадномъ мундирѣ, въ галунахъ, онъ вѣроятно принялъ его за генерала. Онъ нанесъ ему ударъ своей вилой, но тамбуръ-мажоръ успѣлъ уклониться и, вырвавъ у него смертоносное оружіе, взявъ его за плечи и спустилъ съ моста въ воду, откуда онъ только что передъ тѣмъ вылѣзъ; онъ скрылся въ водѣ и уже не появлялся, его унесло теченіемъ: больше мы его и не видали.

Далѣе намъ встрѣтились и другіе русскіе, стрѣлявшіе въ насъ; но такъ какъ они никого не ранили, то у нихъ просто вырывали ружья, разбивали, а ихъ самихъ спроваживали, ударяя прикладами въ задъ. Часть оружія была взята ими изъ арсенала въ Кремлѣ; оттуда же были взяты ружья съ трупомъ вмѣсто кремней, трупъ кладутъ всегда, когда ружья новы и стоятъ въ козлахъ. Мы узнали, между прочимъ, что эти несчастные покушались убить одного офицера изъ генеральнаго штаба короля Мюрата.

Пройдя мостъ, мы продолжали путь по широкой прекрасной улицѣ. Намъ удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины и некому было слушать нашу музыку, игравшую «Побѣда за нами!». Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смѣя показываться, смотрѣли на насъ сквозь щелки оконныхъ ставень. Кое-гдѣ попадались только лакеи въ ливреяхъ, да нѣсколько русскихъ солдатъ.

(Бургонь.)

* * *

Въ надеждѣ, что французская армія дѣйствительно смѣнила арьергардъ русскихъ, мы осмѣлились открыть ставни. Подняли стору; прижавъ лица къ стекламъ, мы старались узнать, что происходило на улицѣ, какъ вдругъ сильные удары въ дверь снова возбудили въ насъ ужасъ. Мы поскорѣй закрыли окна и ставни. Опять стучать. То же молчаніе съ нашей стороны. Наконецъ, энергическое восклицаніе на чистомъ французскомъ языкѣ уничтожило всякое сомнѣніе въ томъ, кто были наши посѣтители. Это французы, освободители! Мы суетимся, спѣшимъ, летимъ отворять... «Чортъ возьми, сударыня! когда люди сдѣлали двѣ съ половиной тысячи верстъ бѣглымъ шагомъ, чтобы имѣть удовольствіе видѣть васъ, вы могли бы, кажется, проворнѣе отворить, потому что, если я не ошибаюсь, судя по кокардѣ нашего великаго императора, вы француженка, не такъ ли?» Субъектъ столь любезно, обошедшійся со мною, былъ унтеръ-офицеръ егерей императорской гвардіи. Онъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, такъ же, какъ и онъ, умиравшихъ съ голоду. Съ полной готовностью мы дали имъ все, чѣмъ только могли распо-

лагать. По нашей заботливости скорѣе, быть можетъ, чѣмъ по языку, они могли узнать, что находятся у соотечественниковъ...

Между тѣмъ какъ солдаты занимали опустѣлые дома, иностранцы стали показываться на улицахъ. Число ихъ, считая и тѣхъ обывателей, которые не рѣшились бросить свои очаги, доходило все-таки тысячъ до двадцати пяти. Но разсѣянные тамъ и сямъ или скрываясь въ глубинѣ своихъ подваловъ, они терялись въ громадномъ, безмолвномъ городѣ, имѣющемъ 35 верстъ въ окружности. Пустота, запертые дома, оставленные богатства — все это заставляло французскую армію подозрѣвать, нѣтъ ли тутъ какой ловушки. Вслѣдствіе этого, офицеры и солдаты запирались въ своихъ квартирахъ и ложились спать не раздѣваясь, имѣя подъ рукою оружіе. Эти предосторожности дѣлались по инстинкту, потому что никакого приказа въ этомъ родѣ не было отдано. Этого было достаточно, чтобы снова возбудить подозрѣнія въ несчастныхъ иностранцахъ. Что значила подобная осторожность, недовѣрчивость, которыми сопровождался малѣйшія движенія французовъ, столь довѣрчивыхъ и легкомысленнымъ по природѣ? Не было ли это запустѣніе только притворнымъ, не скрывало ли оно какой-нибудь обширный заговоръ? А куда дѣлись тѣ злодѣи, разбойничьи пѣсни которыхъ еще недавно леденили насъ ужасомъ?

Въ то время какъ императорская гвардія и нѣкоторые другіе полки занимали Москву, остальная часть арміи, не предназначенная войти въ городъ, стояла лагеремъ въ окрестностяхъ. Запрещеніе входить въ городъ исполнялось этими войсками только до наступленія ночи. Но какимъ образомъ помѣшать изнуреннымъ людямъ взять то, что находится у нихъ подъ руками? Многіе солдаты, тайкомъ пробравшись въ городъ, разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, чтобы поискать только пищи, но, найдя опустѣлые дома, они безъ церемоніи стали брать вещи, которыя имъ нравились и которыя прежніе владѣльцы, казалось, молча имъ уступали. Французскіе солдаты встрѣтили также нѣсколько отсталыхъ русскихъ, на которыхъ приманка добычи и вино оказали больше дѣйствія, чѣмъ страхъ непріятели. Вслѣдствіе этой встрѣчи, послѣдовали съ обѣихъ сторонъ ружейные выстрѣлы, но сраженіе скоро прекратилось, такъ какъ и тѣ и другіе явились сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы драться.

Около двѣнадцати часовъ ночи намъ едва не пришлось подвергнуться нападенію войскъ, бывшихъ въ лагерѣ; это были итальянцы. Они уже влѣзли на стѣну, окружавшую садъ, когда наши гвардейцы, при первой тревогѣ бывшіе уже на ногахъ, мужественно ихъ отразили. Бѣдняки говорили, что умираютъ отъ голода. Имъ подали черезъ заборъ нѣсколько хлѣбовъ, послѣ чего они ушли.

Повидимому, всѣ дома одинъ за другимъ подвергались подобной же участи. Москва, несмотря на громадное протяженіе и обезлюдѣніе, царствовавшее въ ней, не представляла для французовъ никакого затрудненія относительно распознаванія мѣстности, что обыкновенно случается въ незнакомомъ городѣ. Самыя положительныя свѣдѣнія, мельчайшія топографическія подробности, доставлены

были еще до начала войны нашимъ консуломъ Дорфланомъ. Онъ находился тутъ же, при арміи, такъ что указанія его переходили ко всѣмъ, начиная съ офицеровъ и до послѣдняго солдата. Любопытно было видѣть, какъ французы среди громаднаго города, за 2500 верстъ отъ родины, ориентировались и расходились отрядами въ Кремль, въ Китай-городъ, въ Бѣлый-городъ, какъ-будто все это происходило въ городѣ, отлично извѣстномъ. (Домерзъ.)

* * *

Наконецъ, 14-го сентября, когда наши стрѣлки, выѣхавъ изъ лѣсу, поднялись на возвышеніе, у подошвы котораго простиралась великолѣпная равнина, перерѣзанная рѣкой Москвой, мы увидѣли вдаль на горизонтѣ огромную древнюю столицу этого обширнаго государства — великую Москву, гдѣ мы надѣялись насладиться нѣсколькими днями покоя, купленного такой дорогой цѣной.

Эта роскошная картина рѣшительно превосходила все, что рисовало себѣ наше воображеніе относительно азіатской роскоши. Невѣроятное количество раскрашенныхъ въ яркіе цвѣта колоколенъ и церквей, съ золочеными крестами, которые соединялись между собой также вызолоченными цѣпями, рѣзко выдѣлялось на красноватомъ фонѣ, солнечнаго заката. Надъ всей этой панорамой доминировалъ Кремль, древній и обширный, и его колокольня, на вершинѣ которой сверкалъ большой крестъ, сдѣланный, если и не изъ массивнаго золота, то, по крайней мѣрѣ, изъ позолоченнаго серебра. Рѣка Москва, очень широкая въ этомъ мѣстѣ, протекала черезъ весь этотъ аггломератъ пышныхъ дворцовъ и роскошныхъ садовъ и извивалась по равнинѣ, куда мы должны были спуститься.

Все это произвело на насъ магическое впечатлѣніе, и наша радость была тѣмъ живѣе, что, такъ какъ орудійные выстрѣлы перестали раздаваться, по всей линіи начали говорить о перемиріи, которое должно было явиться преддверіемъ мира. Въ веселомъ настроеніи подошли мы поэтому къ берегу рѣки, переправились черезъ нее въ бродъ и разбили лагерь на противоположной сторонѣ.

Было около пяти часовъ вечера. Я и одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Паскаль, сынъ богатаго землевладѣльца въ Дофине, тотъ самый, которому было поручено захватить тирольскаго партизана Андрея Гоффера, услаждали себя мыслью объ удовольствіяхъ, которыя мы надѣялись вкусить въ Москвѣ, какъ вдругъ почти въ одно и то же самое время, подъ вліяніемъ одной и той же мысли, мы оба воскликнули: «Э! да зачѣмъ дожидаться до завтра? Сядемъ на своихъ коней и ѣдемъ въ Москву провести тамъ ночь! Мы возвратимся рано утромъ, чтобы быть уже на сѣдлѣ, когда выступитъ полкъ». Эта смѣлая идея была почти безуміемъ; но мы были слишкомъ молоды, слишкомъ вѣтренны, у насъ слишкомъ уже разыгрался аппетитъ, чтобы устоять передъ искушеніемъ тонкаго ужина и ночи, полной удовольствій.

Мы были готовы въ одно мгновеніе, несмотря на доводы нашихъ старыхъ и болѣе благоразумныхъ товарищей. Я сѣлъ на сѣрую найденную Бастеномъ лошадь, и мы галопомъ отправились по большой дорогѣ въ Москву.

Достигнувъ аванпостовъ, занятыхъ легкой кавалеріей нашей дивизіи, мы спросили командующаго офицера, очистила ли неприятельская армія городъ, и можно ли будетъ намъ направиться туда.

Онъ нашелъ наше предпріятіе очень опаснымъ; сообщилъ намъ, что рекогносцировки доходили до внѣшней стѣны, но что, хотя ворота были отперты, еще не рѣшились проникнуть внутрь города.

Одинъ баварскій офицеръ прибавилъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ другомъ мѣстѣ неаполитанскій король въ сопровожденіи своего генеральнаго штаба встрѣтился съ казаками, которые высказали ему свой восторгъ, и что онъ, въ отвѣтъ на ихъ похвалы его рыцарской храбрости, хорошо извѣстной большинству изъ нихъ, роздалъ имъ часы всѣхъ своихъ адъютантовъ и другихъ офицеровъ своего штаба.

Несмотря на неопредѣленность этихъ указаній, мы дали лошадымъ шпоры. Мы скакали уже около десяти минутъ, какъ вдругъ увидѣли вполнѣ отчетливо кавалерійскую колонну, которая направлялась въ нашу сторону. Такъ какъ разстояніе, отдѣлявшее ее отъ насъ, не позволяло еще узнать форму, и такъ какъ мы не знали, съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло, съ друзьями или русскими, то мы обнажили сабли и, нѣсколько развѣхавшись, двинулись впередъ съ большой осторожностью. Когда мы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, отъ авангарда отдѣлились подъ командой унтеръ-офицера нѣсколько человекъ и направились къ намъ, и мы могли узнать французскую форму. Тогда, вложивъ сабли въ ножны, мы подвѣхали къ колоннѣ. Ею командовалъ генераль Брюйеръ. Онъ спросилъ насъ, откуда мы пріѣхали, куда направляемся, и къ какой части войска принадлежимъ. Зайдя слишкомъ далеко впередъ, чтобы отступать, не находясь къ тому же подъ его начальствомъ, ободренные его добрымъ видомъ, мы сознались ему во всемъ.

— Я слишкомъ радъ узнать, гдѣ находится итальянская армія, съ которою мнѣ приказано соединиться, и за которою я гоняюсь уже въ теченіе трехъ часовъ, чтобы дѣлать вамъ какіе-либо замѣчанія или упреки, сказалъ онъ намъ. Отправляйтесь въ Москву веселиться... если можете.

Мы не заставили говорить себѣ это два раза. Пустивъ лошадей во весь опоръ, мы проскакали мимо кавалерійской колонны и скоро очутились передъ въѣздомъ въ городъ, на что указывали большія ворота, оба створа которыхъ были широко раскрыты, какъ бы для того, чтобы оказать намъ гостепріимство.

Мы готовы были переѣхать уже ихъ порогъ, какъ я увидѣлъ старуху, которая, остановивъ одной рукой за узду мою лошадь и поддерживая другою края своего фартука, криками и жестами приглашала меня взять его содержимое. Я нагнулся къ ней и, опустивъ въ ея фартукъ руку, вытащилъ оттуда большую печеную грушу, похожую на тѣ, что продаютъ во всякую погоду на набережныхъ или на Новомъ мосту въ Парижѣ. Но, въ надеждѣ на болѣе утонченный ужинъ, я съ презрѣніемъ бросилъ назадъ то, что принялъ бы наканунѣ съ благодарностью.

Мы проникли въ великолѣпную улицу, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись тротуары, и стояли прекрасные особняки. Мы замѣтили, что эти особняки отдѣлялись другъ отъ друга обширными садами, обнесенными высокими стѣнами, что объяснило намъ величину этой огромной столицы.

Но, хотя ночь только что наступила, мы не встрѣтили ни одного жителя. Нигдѣ не видно было свѣта, всѣ ставни были закрыты. Ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго признака жизни, какъ внутри домовъ, такъ и снаружи: всюду царствовало глубокое молчаніе, молчаніе могилы...

Мы остановили своихъ лошадей. Намъ было страшно.

Великое рѣшеніе, принятое непріателемъ, покинуть городъ предстало предъ нашими глазами, какъ призракъ, угрожающій и ужасный. Всѣ иллюзіи разрушены. Прощайте наши надежды на отдыхъ, на спокойное возвращеніе на родину, которая была такъ далеко отъ насъ. Передъ нами — цѣпь безчисленныхъ битвъ и лишеній. Таковы были тѣ жестокія мысли, которыя сами пришли намъ въ голову, и которыя выразились въ одномъ скорбномъ восклицаніи, охватывавшемъ ихъ всѣхъ:

«Городъ покинуть!...»

Въ данный моментъ нечего было уже думать о хорошемъ ужинѣ, о ночи, полной удовольствій. Я почти сожалѣлъ о печеныхъ грушахъ старухи.

Мы были ошеломлены этимъ внезапнымъ ударомъ судьбы, словно въ насъ ударила молнія. Мы стояли неподвижно, предаваясь нашимъ печальнымъ размышленіямъ и не зная, что предпринять, какъ вдругъ послышался шумъ, сначала глухой и смутный, но потомъ все болѣе и болѣе отчетливый и ясный, указывавшій намъ на приближеніе артиллерійскаго обова.

Скоро мы стали отличать голоса и проклятія на французскомъ языкѣ. Улица освѣтилась красноватымъ свѣтомъ факеловъ, которые несли шедшіе впереди артиллеристы. Мы подѣхали и познакомились съ маіоромъ Шопеномъ, который, проникнувъ въ городъ, уже довольно давно старался теперь выйти изъ него, двигаясь почти наугадъ, къ счастью, въ вѣрномъ направленіи.

Мы дали ему всѣ нужныя указанія, и въ свою очередь, спросили его, не замѣтилъ ли онъ по дорогѣ, по которой онъ сейчасъ прошелъ, что-нибудь въ родѣ гостиницы, ресторана, трактира или даже кабака, такъ какъ мы не собирались уже быть очень разборчивыми.

Онъ разсмѣялся и сталъ увѣрять насъ, что не встрѣтилъ ни одной живой души.

«Если вы, мои юные безумцы, прибавилъ онъ, — желаете сдѣлать то же, что и мои канониры, которые только что выломали дверь въ двухстахъ шагахъ отсюда, то присоединяйтесь къ нимъ и берите удачу, то, что найдете».

Я сознаю, что мы должны были бы устоять передъ этимъ искушеніемъ, чтобы не компрометировать честь мундира. Но, съ одной стороны, печальная перспектива вернуться съ пустыми руками въ лагерь и стать предметомъ насмѣшекъ товарищей, съ другой

стороны, гнѣвъ, охватившій насъ, когда мы увидѣли, что всѣ наши надежды обмануты благодаря эвакуации города, наконецъ, голодъ, который пожиралъ насъ; все это вмѣстѣ привело насъ къ тому, что мы совершили поступокъ, который мы не только не позволили бы себѣ, еслибы жители остались въ городѣ, но и подавили бы всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами, если бы кто-либо другой попытался его сдѣлать.

Какъ бы то ни было, послѣ нѣкоторыхъ колебаній мы продолжили свой путь и скоро очутились передъ очень красивымъ домомъ. Въ немъ раздавались голоса и смѣхъ. Дверь, выходящая на тротуаръ, была вышиблена, и изъ подвальныхъ оконъ ярко сверкалъ среди глубокой тьмы, окружавшей насъ, свѣтъ, словно огненные глаза.

Мы слѣзали съ лошадей и, привязавъ ихъ, проникли внутрь дома. Осторожно ступая и руководясь исключительно шумомъ раздававшихся подъ землею голосовъ, мы нащупали первыя ступени лѣстницы, и черезъ нѣсколько мгновений передъ нами открылся рядъ сводчатыхъ погребовъ, ярко освѣщенныхъ прислоненными къ стѣнѣ или вставленными среди бочекъ факелами.

Успѣвшіе уже изрядно выпить артиллеристы пѣли пѣсни во все горло. Но при нашемъ неожиданномъ появленіи среди нихъ воцарилось глубокое молчаніе; несмотря на молчаливое разрѣшеніе маіора Шопена, они сочли себя пойманными на мѣстѣ преступленія. Мы постыжили успокоить ихъ и принялись за осмотръ подваловъ.

Написанныя на бочкахъ крупными буквами имена наиболѣе извѣстныхъ французскихъ виноградниковъ заставили насъ почувствовать большую радость и живо напомнили намъ родину.

Можно было прочесть: Château-margaux 1804, 1805; Médoc, Sauterne, 1803, 1804 и т. д. Мы нашли множество мелкихъ боченковъ вмѣстимостью отъ десяти до двадцати бутылокъ. Въ нихъ было фронтиньянское вино и нѣсколько лучшихъ сортовъ испанскихъ винъ. Словомъ, мы не могли напасть на лучшее мѣсто; было, изъ чего выбрать. Узнавъ отъ одного изъ артиллеристовъ, что мы находимся у аптекаря, мы рѣшили, что онъ продавалъ своимъ кліентамъ скорѣе тоническія, чѣмъ фармацевтическія средства.

Переходя изъ подвала въ подвалъ, мы замѣтили мертвецки-пьянаго русскаго солдата, который валялся въ лужѣ вина, вытекшаго черезъ кранъ изъ почти уже пустого боченка.

Далѣе, мы увидѣли двухъ высокихъ, свирѣпыхъ на видъ субъектовъ, которые прислонившись къ стѣнѣ, надвинувъ свои широкополыя шляпы на глаза и закутавшись въ овчинные тулупы, стояли неподвижно, какъ статуи, съ скрещенными на груди руками. Они кидали на насъ дикіе и удивленные взгляды, но не выражали ни малѣйшаго опасенія.

Можетъ быть, въ рукахъ у нихъ были спрятанные кинжалы, и я думаю, что, если бы мы были вдвоемъ, то они могли бы оказаться для насъ очень опасными. Но, такъ какъ у нихъ не было видно оружія, то они не вызвали въ насъ никакихъ подозрѣній.

Однако, мнѣ трудно было объяснить ихъ присутствіе. Наполняя одинъ боченокъ бордо, а другой малагой, я спросилъ Паскаля, какъ

могло случиться, что эти люди вмѣсто того, чтобы послѣдовать за общей эмиграціей своихъ соотечественниковъ, остались здѣсь и спрятались въ подвалѣ. Были ли это дезертиры русской арміи или крѣпостные крестьяне, стремившіеся стряхнуть съ себя неволю, воспользовавшись вступленіемъ французской арміи въ Москву?

Мы терялись въ догадкахъ, потому что, если великій актъ эвакуаціи города былъ очевиденъ, то еще не начали приводить въ исполненіе отчаянное рѣшеніе сжечь городъ: огонь показался только въ слѣдующій день, день торжественнаго вступленія французовъ.
(Комбъ.)

* * *

Наконецъ, 14-го сентября, въ полдень, мы подошли къ Москвѣ, не встрѣтивъ ни одного непріятели. Подъ предводительствомъ Неаполитанскаго короля, авангардъ проникъ въ городъ и прогналъ казаковъ, которые безжалостно грабили послѣднихъ жителей, непожелавшихъ удалиться изъ города. Между регулярными казаками и Неаполитанскимъ королемъ на одной изъ главныхъ площадей, было нѣчто въ родѣ переговоровъ о пріостановкѣ враждебныхъ дѣйствій. Они просили и получили отсрочку, чтобы подобрать всѣхъ своихъ и удалиться, не дѣлая безпорядка. Въ особенности обращались они къ великодушію побѣдителя, поручая ему многочисленныхъ раненыхъ, которыхъ они должны были оставить. Это и было справедливо, хотя сомнѣваться въ лояльности французской арміи, значило не знать ея. Къ несчастью, зажженный самими же русскими пожаръ долгое время не давалъ возможности оказывать имъ помощь, которая была обѣщана. Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видѣвшіе Неаполитанскаго короля, одѣтаго всегда очень эффектно, бывшаго всегда впереди авангарда, подошли къ нему съ чувствомъ уваженія, смѣшаннаго съ восторгомъ и радостью. Онъ одинъ во всей арміи носилъ на шляпѣ большой султанъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ и былъ одѣтъ въ какой-то особенный польскій плащъ, цвѣта сѣраго льна, опушенный соболемъ и куницей. Король отдалъ имъ всѣ деньги, бывшія при немъ, даже часы, а когда у него уже больше ничего не оставалось, онъ занялъ часы у полковника Гурго, у своихъ адъютантовъ и офицеровъ (его щедрость не была обременительна для храбрцевъ, которые его окружали, такъ какъ позднѣе они получили подарки стоимостью значительно превышающей тѣ предметы, которые они ему одолжили). Казаки выражали свой восторгъ и громко говорили, что великодушіе этого героя французской арміи равно его храбрости.

Наполеонъ сошелъ съ коня у Московской заставы и остановился тамъ, гдѣ русскіе устроили нѣсколько укрѣпленій. Онъ ждалъ, пока авангардъ не очиститъ города отъ послѣднихъ непріятелей, а, можетъ быть, и ожидалъ онъ какихъ-нибудь мѣстныхъ властей, которыя пришли бы къ нему и преподнесли ключи столицы. Но губернаторъ Растопчинъ сумѣлъ навести тамъ порядокъ. Городъ былъ совершенно пустъ, не считая двухъ трехъ тысячъ колодниковъ. Все, что можно было собрать, — это какихъ-нибудь пятьдесятъ шесть-

десять человекъ разныхъ націй, которые издавна жили въ Москвѣ, и которые, далекіе отъ мысли о какихъ бы то ни было подношеніяхъ, сами приходили просить помощи и защиты, потому что они подвергались насиліямъ и грабежамъ со стороны ухидившихъ русскихъ. Наконецъ, Наполеонъ рѣшился войти въ ту часть города, которая называется Дорогомилово, и устроилъ свою главную квартиру въ прекрасномъ деревянномъ домѣ. Армія тоже расположилась въ этомъ предмѣстьѣ города, которое почти отдѣлено отъ лучшей части Москва-рѣкою. Не успѣли мы прійти, какъ графъ Филиппъ де Сегюръ и я получили приказаніе тщательно осмотрѣть Кремль съ отрядомъ жандармовъ. По разсказамъ русскихъ плѣнныхъ и иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, мы знали, что съ нѣкоторыхъ поръ были приготовлены горючія вещества и воспламеняющіеся снаряды однимъ химикомъ, про котораго говорили, что онъ нѣмецъ и который, какъ позднѣе мы узнали, былъ настоящимъ англичаниномъ. Этотъ субъектъ, которому помогали многочисленные рабочие, долгое время скрывался въ усадьбѣ Воронова, недалеко отъ Москвы, подъ покровительствомъ губернатора Раstopчина. Чтобы больше успокоить жителей, официально было объяснено, что тамъ сооружается большой воздушный шаръ, который долженъ былъ поднять пятьдесятъ человекъ, снабженныхъ горючими веществами, для того, чтобы бросить ихъ на палатку Наполеона: простодушные москвичи повѣрили этому. Но вполнѣ вѣроятно и даже достоверно, что въ этомъ притонѣ заготовлялось громадное количество пакли, напитанной дегтемъ, сѣрой и смолой, для распространенія задуманнаго пожара такою силы, чтобы невозможно было его потушить. Дѣйствительно, все это можно было найти въ оставленныхъ домахъ. И даже трубы печей губернаторскаго дома, который не былъ сожженъ и въ которомъ жилъ генералъ Делабордъ, были полны маленькими адскими машинами¹⁾, взрывомъ которыхъ стѣны должны были обрушиться и задавить нашихъ солдатъ. Я знаю объ этомъ отъ нашего доктора Жоанна, который состоялъ при корпусѣ генерала Делаборда и жилъ во дворцѣ Раstopчина все время нашего пребыванія въ Москвѣ. Къ счастью догадались осмотрѣть трубы и печи²⁾.

Было вполнѣ естественно предполагать, что подобныя вулканическія манипуляціи были заготовлены и въ Кремлѣ, единственномъ подходящемъ мѣстѣ для главной императорской квартиры. Но послѣ очень тщательнаго и кропотливаго осмотра мы убѣдились, что никакихъ приготовлений въ этомъ родѣ не существовало и опасности никакой не было. Кремль представлялъ изъ себя довольно грустную резиденцію для великаго государя, и, можетъ-быть, графъ Раstopчинъ льстилъ себя надеждою, что Наполеонъ захочетъ поселиться у него во дворцѣ. Но этого не случилось, потому что по докладу, сдѣланному

¹⁾ Предусмотрительность въ дѣлѣ разрушенія была доведена до такой степени совершенства, что только послѣ того, какъ разрубили полѣнья, которыя казались предназначенными для топки печей, они оказались начинены порохомъ.

²⁾ Онѣ очень большія и большинство ихъ, оказывается, служили для ночлега многочисленныхъ рабовъ русскихъ вельможъ.

графомъ Филиппомъ и мной, императоръ рѣшилъ на слѣдующій же день утромъ переѣхать въ Кремль. Мы же вернулись туда въ 10 часовъ вечера въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ всякаго рода, чтобы устроить и приготовить все для встрѣчи Наполеона. Такъ какъ во время всѣхъ этихъ передвиженій Сегюру и мнѣ было невозможно имѣть при себѣ нашихъ лакеевъ и все необходимое для почлега, мы были принуждены провести ночь совершенно одѣтыми на креслахъ и стульяхъ. Мы предпочли устроиться въ салонѣ, приготовленномъ для императора, гдѣ окна были безъ ставней и безъ драпировокъ. Я подчеркиваю эти небольшія подробности, такъ какъ онѣ имѣютъ отношеніе къ моему дальнѣйшему разсказу. На такихъ неудобныхъ постеляхъ, не смотря на страшную усталость этого дня, мой сонъ былъ тревоженъ, и я часто просыпался. Между двѣнадцатью и часомъ ночи я замѣтилъ довольно яркій свѣтъ, хотя и въ отдаленіи; я пошелъ къ окну и ясно увидѣлъ, какъ одновременно вспыхнуло пламя по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, которые мнѣ позволяло видѣть положеніе Кремля. Разстоянія между этими пожарами и правильность ихъ расположенія разсѣивали розникшія было у меня подоврѣнія, что поджигателями были тѣ грабители, которые являются бичомъ самыхъ дисциплинированныхъ армій. Я его приписываю отчаянію нѣсколькихъ дикихъ москвичей, которыхъ присутствіе побѣдителя довело до этой крайности. Кромѣ того, я думаю, что нашимъ мародерамъ для грабежа не зачѣмъ было ходить на окраины такого большого города, который они совершенно не знали и который могъ представить нѣкоторую опасность въ такой поздній часъ. Наконецъ, вся армія была расположена въ Дорогомиловѣ, и только на другой день утромъ были даны точныя приказанія, чтобы занять различныя части города, размѣстить войска по квартирамъ. Такимъ образомъ, пожаръ Москвы не долженъ ни въ какомъ случаѣ быть приписанъ французской арміи, которая никогда не отмѣчала своей побѣды бесполезнымъ разрушеніемъ. Во имя ея чести я отвергаю такую ужасную славу и отдаю ее тѣмъ, которымъ она принадлежитъ. Полуцивилизованные варвары задумали этотъ пожаръ, приготовили планъ, распоряжались имъ, приводили въ исполненіе и заранѣе отдавая дань лойальности французамъ, они увезли съ собой всѣ пожарныя трубы, съ помощью которыхъ мы могли бы прекратить дальнѣйшіе пожары. Вотъ что долженъ отмѣтить правдивый историкъ въ яркихъ и кровавыхъ краскахъ пожара.

Мы не имѣли понятія о томъ великолѣпнн, которое представляла Москва, и какъ широко она раскинулась. Упрятанная въ сѣверной глуши она была мало извѣстна Европѣ, но въ ней было триста тысячъ населенія; и если бы обширныя пространства, занимаемыя садами многочисленныхъ дворцовъ, были застроены какъ Парижъ, то въ своемъ первоначальномъ видѣ, какою мы ее видѣли, когда пріѣхали, она могла вмѣстить миллионъ жителей. Архитектура дворцовъ, которые продолжали охватываться пожаромъ, была смѣшанная; здѣсь былъ и италіанскій стиль, и французскій, и восточный. Между прочимъ, расположенный противъ кремля, Пашковскій дворецъ, внѣшнія стѣны котораго пощадилъ пожаръ, представлялъ смѣсь

всѣхъ извѣстныхъ архитектурныхъ стилей; онъ былъ увѣнчанъ италянскою баллюстрадою, уставленною тумбами. На нихъ высились бѣлыя мраморныя статуи, которыя, стоя одиноко на самомъ высокомъ пунктѣ среди развалинъ и обломковъ, напоминали укоряющихъ свидѣтелей. Это изобиліе украшеній всякаго рода производило пріятное впечатлѣніе.

Кремль не дворецъ: это вѣрнѣе безобидная цитадель, выстроенная на возвышенности, окруженной Москвой-рѣкою. Въ немъ находятся красивыя зданія, прекрасныя церкви, большія казармы, великолѣпный арсеналь и жалкое помѣщеніе для государя, такого могущественнаго, какъ самодержецъ Россіи. Легкая зубчатая стѣна служитъ ему военнымъ укрѣпленіемъ. Каменный мостъ, переброшенный черезъ рѣку, ведетъ къ укрѣпленнымъ воротамъ, которыя помѣщаются въ углу большого пространства, служащаго общественной площадью, а не дворомъ при дворцѣ. Дальше, въ глубинѣ этой площади налѣво, есть большая лѣстница. Она на открытомъ воздухѣ, безъ малѣйшихъ украшеній и какой-либо архитектуры, очень длинная, совершенно прямая, называется «красною лѣстницею» и ведетъ на широкую, очень обыкновенную площадку (крыльцо) на одномъ уровнѣ съ апартаментами, предназначенными для резиденціи царя. Это помѣщеніе состоитъ изъ трехъ большихъ гостиныхъ, парадной спальни и громадной залы всю половину зданія, названной «царскою залой». Службы, кухни, конюшни, помѣщаются въ подвальномъ этажѣ подъ дворцомъ и площадкой. Наружный видъ дворца очень жалкій и неправильный. Не было въ Москвѣ вельможи, который не имѣлъ бы лучшаго помѣщенія, чѣмъ государь. Съ «Краснаго крыльца», на лѣво виденъ дворецъ Петра I, построенный въ эпоху дѣтства архитектуры, давно заброшенной, который мы отдали нашимъ служащимъ, не смотря на рельефныя фризы, сохранившія еще поволоту. Арсеналь современной постройки, начатый при Петрѣ Великомъ и конченный его преемниками, расположенъ на площади почти противъ дворца, и украшенъ соотвѣтственно его назначенію. Громадныя бронзовыя мортиры служатъ столбами, а двѣ гигантскія пушки, поставленныя стоя по обѣимъ сторонамъ главныхъ дверей, служатъ своеобразными колоннами. Большая церковь Ивана Великаго съ греческими крестами, золочеными цѣпями и куполами производитъ чудное впечатлѣніе, когда ее освѣщаетъ солнце.

(Боссе.)

* * *

Шпіонъ, добродушно принятый нами за дезертира, сообщилъ намъ, что русскіе собирались дать намъ сраженіе подъ стѣнами Москвы, гдѣ позиція ихъ была сильно укрѣплена. Дѣйствительно, 14-го (2-го) сентября поутру мы замѣтили нѣкоторыя приготовленія; русскіе вырубали деревья, возводили редуты, а на высотахъ, окружающихъ Москву, видѣлась кавалерія. Я слѣдовалъ съ моей бригадою по пятамъ за королемъ Неаполитанскимъ, который, идя все время впередъ, указывалъ намъ путь. Мы видѣли его постоянно среди развѣдчиковъ, и непріятель могъ также легко различить его по его

большому бѣлому султану и по зеленому плащу съ золотыми петлицами. Русскіе сдѣлали четыре или пять выстрѣловъ изъ орудія; но огонь вскорѣ прекратился; пронесся слухъ, будто начались переговоры. Но адъютантъ императора, генераль графъ Нарбоннъ, посланный съ какимъ-то порученіемъ къ королю Неаполитанскому, сказалъ мнѣ: «Кончено, русскіе покидаютъ Москву, оставляя ее на великодушіе французовъ». Немного погодя императоръ проѣхалъ въ экипажѣ и, подоававъ меня, сказалъ: «Прикажите войскамъ двинуться, еще не копчено». Я видѣлъ ясно, что онъ былъ озабоченъ; не знаю, какія были къ тому причины, но очевидно гр. Нарбоннъ считалъ извѣстіе, привезенное имъ, болѣе благопріятнымъ, нежели его нашелъ императоръ. Быть можетъ, его величество былъ недоволенъ радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мирѣ. Они ясно выразили эти чувства, привѣтствуя императора въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ къ городу.

Намъ велѣли остановиться около деревяннаго моста, перекинутаго черезъ Москву-рѣку. Вскорѣ адъютантъ короля привезъ мнѣ приказъ итти въ Кремль, гдѣ часть жителей и нѣчто въ родѣ національной гвардіи укрылись и заперлись въ арсеналѣ.

Въ насъ стали стрѣлять изъ амбразуръ. Мы разсѣяли эту толпу выстрѣломъ картечью изъ пушки; и собравъ, по приказу короля всѣхъ, носящихъ мундиръ, я заперъ ихъ въ императорскомъ дворцѣ, приставивъ отрядъ вольтижеровъ сторожить плѣнниковъ.

Король продолжалъ свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Онъ думалъ, что русскіе не узнавали его, но атаманъ сказалъ:

«Я давно узнаю Ваше Величество, — Вы неаполитанскій король. Разница между нами въ томъ, что я вижу Васъ съ самаго Нѣмана всегда впереди, во главѣ Вашей арміи, между тѣмъ какъ я вотъ уже три мѣсяца постоянно нахожусь позади нашей». Онъ пожелалъ получить какіе-нибудь знаки отличія отъ короля. Его Величество подаль ему прекрасные часы, говоря, что онъ надѣется впоследствии предложить ему что-нибудь болѣе пріятное: онъ говорилъ о своемъ орденѣ, котораго желалъ, какъ ему казалось, русскій офицеръ.

Стали говорить о мирѣ. Русскіе были откровенны: «Вы сами напали на насъ», сказали они королю, «нашъ императоръ былъ другомъ Наполеона. Зачѣмъ объявилъ онъ намъ войну? Мы очень хотимъ мира, хотя теперь это стало очень затруднительнымъ, будемъ однако надѣяться, что скоро мы опять станемъ друзьями!» Генераль Дери спросилъ одного молодого офицера, очевидно, изъ лицъ съ положеніемъ, — находится ли Императоръ Александръ въ арміи, такъ какъ мы слышали, что его тамъ ждали? Офицеръ отвѣтилъ: «Его тамъ нѣтъ, и мы не хотимъ, чтобы онъ туда пріѣзжалъ».

Когда мы подошли къ Владимирскимъ воротамъ, русскіе генералы стали просить неаполитанскаго короля, чтобы онъ не шелъ дальше.

«Мы Вамъ уступили городъ, Ваше Величество», говорили они, «смотрите, какъ бы дальше Вы не стали нашимъ плѣнникомъ!» Наконецъ, все-таки условились на перемиръ, которое однако не должно было ничѣмъ обязывать государей. Вслѣдствіе этого король приказалъ мнѣ избѣгать всякихъ стычекъ. Мы вмѣстѣ съ русскими раздѣлили между собой огромное стадо прекрасныхъ быковъ, которое захватили мои солдаты. Казаки сказали, что это стадо принадлежитъ имъ и что имъ нечѣмъ будетъ поужинать, если мы не отдадимъ часть его назадъ. Они говорили, что не заботятся о завтрашнемъ днѣ и что пятнадцати быковъ съ нихъ будетъ достаточно. Я велѣлъ возвратитъ имъ двадцать два быка, и они, казалось, были очень довольны. Скрытая радость промелькнула на ихъ лицахъ и ихъ лукавая усмѣшка ясно говорила о ихъ надеждѣ хорошенько наказать насъ за наше вступленіе въ Москву.

Быль седьмой часъ вечера, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Калужскихъ воротъ. Непріятель взорвалъ пороховой погребъ, что было, повидимому, условнымъ сигналомъ, такъ какъ я увидѣлъ, что тотчасъ взвились нѣсколько ракетъ и полчаса спустя показался огонь въ нѣсколькихъ кварталахъ города. Какъ только я убѣдился, что насъ хотѣли сжечь въ Москвѣ, я тотчасъ рѣшилъ присоединиться къ моей дивизіи, стоявшей бивакомъ, не сходя съ лошадей, на Владимірской дорогѣ, подъ стѣнами города. Я устроилъ свою главную квартиру на мельницѣ, гдѣ я былъ увѣренъ, что я не сгорю. Вѣтеръ былъ очень сильный; къ тому же было очень холодно. Только слѣпой могъ не видѣть, что это былъ сигналъ къ войнѣ на жизнь и смерть; все подтверждало извѣстія, полученныя мною еще въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ относительно намѣренія русскихъ сжечь свои города и завлечь насъ въ глубь Россіи. Я уже говорилъ, что я предупреждалъ объ этомъ герцога де-Бассано и что король прусскій, какъ вѣрный союзникъ, предсказалъ Императору Наполеону все, что съ нами случилось и что ожидало насъ впереди.

Лучшіе дома Москвы были покинуты жителями, изъ коихъ иные уѣхали всего за нѣсколько минутъ до нашего вступленія въ городъ.

Лакей одной княгини, видѣвшій меня въ Италіи, узналъ меня; онъ подошелъ ко мнѣ и просилъ какъ милости — спасти домъ. Его хозяйка уѣхала всего только часъ тому назадъ, и ея комнаты лѣзли еще жилой видъ. Я велѣлъ лакею заломать письменный столъ, въ которомъ, по его словамъ, хранились бумаги, и пообѣщавъ ему охрану, которую на самомъ дѣлѣ послалъ сюда, но стража, не найдя дома, заблудилась и проблуждала нѣсколько дней въ этомъ огромномъ опустошенномъ городѣ. На другой день этотъ прекрасный домъ сгорѣлъ, также какъ и домъ генерала Дурасова, въ которомъ осталось нѣсколько слугъ.

Всѣ эти слуги безпрестанно повторяли мнѣ, что городъ будетъ сожженъ, чего имъ вовсе не хотѣлось, и умоляли меня о помощи. Сначала я думалъ, что они приписываютъ это намѣреніе французамъ и старался ихъ разуверитъ, только тогда они объяснили мнѣ, что въ городѣ осталось болѣе тысячи человекъ поджигателей и что

графъ Ростопчинъ велѣлъ вывезти изъ Москвы всѣ пожарныя трубы, часть которыхъ имъ однако удалось припрятать. Итакъ, они просили моей помощи противъ русскихъ!

Только на другое утро я смогъ послать туда своихъ солдатъ, но было уже поздно — домъ былъ разрушенъ.

(Дедезь.)

* * *

Вступивъ въ Москву, я разослалъ своихъ лейтенантовъ съ нѣсколькими солдатами по сосѣднимъ улицамъ, чтобы раздобыться провизіей. Они нашли всѣ двери запертыми и забарикадованными. Пришлось ихъ взломать. Въ одну минуту все было разграблено! То же самое происходило и въ другихъ частяхъ города.

Опасаясь какой-нибудь неожиданности, я приказалъ части солдатовъ остаться при орудіяхъ, а другимъ возвращаться по первому сигналу.

Почти уже ночью ко мнѣ подошелъ какой-то человекъ и, называя себя французомъ, очень вѣжливо предложилъ гостепримство мнѣ и моимъ офицерамъ. Его домъ находился рядомъ съ стоянкой моихъ солдатъ, и я согласился. Намъ приняла дама, рекомендовавшаяся французенкой, женой служащаго въ главномъ бюро французской лотереи въ Парижѣ.

Мы были въ домѣ. Мы разговаривали по французски. Болѣе трехъ мѣсяцевъ не было у насъ такого праздника.

Намъ подали супъ съ вермишелью, кусокъ говядины съ макаронами, нѣсколько бутылокъ прекраснаго бордо; мнѣ казалось, что никогда въ жизни я такъ вкусно не ѣлъ.

Послѣ кофе мы начали болтать. Не утративъ въ Россіи способности болтать какъ истая французенка, наша хозяйка рассказала намъ о богатствѣ и роскоши Москвы, объ удовольствіяхъ, которыми мы будемъ пользоваться зимой. «Здѣсь столько дворцовъ», говорила она намъ, «что каждый изъ васъ получитъ по одному». По ея словамъ, Александръ придетъ униженно умолять нашего императора о мирѣ, и все населеніе вернется, чтобы устроить намъ манифестацію.

Мои лейтенанты приходили отъ всего этого въ восторгъ; какъ вдругъ, покинувшій насъ на минуту, хозяинъ вошелъ смущенный и дрожащій, говоря: «Ахъ господа какое несчастье. Ряды горятъ!»

«Что такое ряды!» спросили мы.

«Это громадное зданіе, вдвое большее Императорскаго дворца. Тамъ торгуютъ золотомъ, брилліантами и прочими драгоценностями. Потеря этой ночи будетъ неисчислима!»

Я вышелъ и дѣйствительно увидалъ зарево. Нагнувшись къ моимъ лейтенантамъ я шепнулъ имъ: «мы погибли, русскіе хотятъ сжечь Москву. Пойдемъ спасать наши орудія!»

Вернувшись къ моему отряду, который былъ по близости, я собралъ его и посоветовалъ запастись самымъ существеннымъ, т.-е. мукой, водой и теплою одеждой. Я самъ заставлялъ солдатъ взламывать магазины, чтобы забрать нѣсколько мѣшковъ муки; мнѣ трудно было заставить ихъ это дѣлать, такъ какъ они предпочитали золото.

Сложивъ всё эти мѣшки въ занимаемомъ нами помѣщеніи, я вернулся къ нашему хозяину и провелъ всю ночь, сидя на стулѣ, не раздѣваясь и съ оружіемъ въ рукѣ.

Я всталъ на слѣдующее утро очень рано, увѣренный, что мы покинемъ Москву, гдѣ пожаръ опустошилъ уже нѣсколько кварталовъ, но не получая никакихъ приказаній и не зная къ кому за ними обратиться, я рѣшилъ устраиваться со своимъ отрядомъ.

Сыну моей хозяйки было 15 лѣтъ; онъ говорилъ по-французски и по-русски. Я обратился къ нему съ просьбой помочь мнѣ при осмотрѣ сосѣднихъ домовъ. Многіе изъ нихъ были уже разграблены. Я помѣстилъ своихъ солдатъ въ огромномъ зданіи; комнаты тамъ были великолѣпны — но мебели не было никакой. Мнѣ оно тѣмъ болѣе понравилось, что тамъ было много печей, гдѣ я рассчитывалъ въ свободное время напечь хлѣбовъ.

Другое, рядомъ съ нимъ стоящее зданіе принадлежало князю Барятинскому. Мой проводникъ, поговоривъ кое съ кѣмъ, принесъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: домъ не былъ еще разграбленъ; въ немъ было много мебели; провизіи не было никакой, если не считать нѣсколькихъ куръ, но зато было много овса и очень хорошей винный погребъ.

Я помѣстился здѣсь, рѣшивъ замѣнить все вино съѣстными припасами, которые достанутъ мои солдаты.

Въ домѣ находились еще нѣсколько человѣкъ слугъ. Я удалилъ ихъ всѣхъ въ заднія комнаты дома, обѣщавъ имъ пропитаніе, съ условіемъ, чтобы они не касались насъ. Затѣмъ я спустился въ погребъ. Валомали дверь и я увидалъ, что слуги пьянствовали уже здѣсь всю ночь. Всюду на полу было розлито вино и валялись пустыя бутылки. Однако, погребъ оказался удобнымъ. Я поставилъ одного часоваго во дворѣ, гдѣ стояли батарейныя повозки и лошади, а другого у своей двери. Размѣстивъ ихъ такимъ образомъ, я опять спустился въ погребъ, гдѣ меня ожидалъ пріятный сюрпризъ. Кромѣ огромной 20-ведерной бочки съ виномъ, мы нашли еще массу бутылокъ, зарытыхъ въ песокъ. Тутъ были самыя тонкія вина: бордо, мускатное, малага, мадера и разные ликеры. Все это стоило не преувеличивая — болѣе десяти тысячъ рублей.

У меня изъ головы все-таки не выходила мысль, что скоро намъ придется возвращаться во Францію со всякими лишеніями и потому я велѣлъ отнести въ наши фургоны 250 бутылокъ мадеры, нѣсколько мѣшковъ муки и соленой рыбы, которую мы также нашли въ числѣ провизіи погреба.

Мои солдаты тащили все безъ всякаго разбора; они приносили мнѣ изъ кондитерскихъ корзины съ драже, миндалемъ и макаронами, не обращая между тѣмъ никакого вниманія на бочку чуднаго портера, найденнаго въ одномъ изъ погребковъ или на свѣжія туши мяса, висящія въ мясной.

(Пьонъ де Лошъ.)

* * *

Генералъ Дюронель, состоявшій при главномъ штабѣ, былъ только что назначенъ губернаторомъ Москвы и еще не успѣлъ туда

уѣхать. Онъ навѣстилъ генерала Пансоля и предложилъ ему послать съ нимъ въ Москву офицера, обѣщая, что въ такомъ случаѣ онъ отыщетъ и приготовить ему тамъ квартиру, гдѣ бы генераль могъ заняться лѣченіемъ своей рапы и немного отдохнуть.

Генераль согласился и указаль на меня. На другой день на разсвѣтѣ я въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ и одного унтеръ-офицера поляка, говорившаго по-русски, двинулся въ путь.

Мнѣ стоило большого труда отыскать штабъ генерала Дюронсля. Увидя меня, послѣдній сказалъ: — «Мой милый мы распорядились, не спросясь хозяевъ. Всѣ власти покинули городъ вслѣдъ за русской арміей. Такимъ образомъ, нельзя думать о регулярномъ расквартированіи, каждый размѣстился по своему усмотрѣнію. Ищите себѣ сами подходящую квартиру и вы легко ее займете». Я сѣлъ на коня и принялся за поиски. Дворцовъ и особняковъ, одинъ роскошнѣе другого, было такъ много, что я не зналъ на какомъ остановиться. Такъ я доѣхаль до большой улицы, называемой Петербургской. Тутъ я увидѣлъ вдалекѣ всадника въ сопровожденіи ординарца, повидимому, также выбирающаго себѣ квартиру. Подъѣхавъ ближе, я узналъ принца Евгенія. — «Что вы здѣсь дѣлаете?», спросилъ онъ меня, когдѣ я подъѣхаль. — «Я пріѣхаль, сказалъ я, найти помѣщеніе для генерала Пансоля, но такъ какъ я попалъ въ занятый Вами кварталъ, то и удалюсь. — А, для Пансоля, продолжалъ вице-король, берите ему квартиру, я его всегда считаю принадлежащимъ къ италіанской арміи».

Несмотря на разрѣшеніе принца, я направился въ другой кварталъ города и скоро нашель особнякъ. Пока я его осматриваль, въ дверь постучали и скоро явился полковникъ изъ штаба принца Ваграмскаго. Онъ сказааль мнѣ: «Товарищъ, Вы меня предупредили. Я не стану оспаривать вашихъ правъ на эту квартиру, но я предложу Вамъ обмѣняться. Я остановилъ вѣстового въ одномъ особнякѣ, который безъ сомнѣнія просторнѣе этого, но который мнѣ не подходитъ, такъ какъ онъ слишкомъ далеко отъ штаба принца. Посмотрите его, и если вы согласитесь, мы помѣняемся». Затѣмъ онъ далъ мнѣ ординарца, чтобы указать дорогу къ особняку, который я нашель болѣе подходящимъ, чѣмъ прежній.

Я даже нашель въ немъ управляющаго, родомъ француза и потому говорившаго по-французски. Я узналъ, что онъ братъ начальника эскадрона 5-го гусарскаго, по имени Хуэнь, убитаго въ ваграмскую кампанію. Непродолжительность нашего знакомства помѣшала мнѣ узнать мотивы, побудившіе его покинуть Францію и жить въ Россіи.

Въ этомъ особнякѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, хозяинъ отсутствовалъ, но вся прислуга осталась, равно какъ и мебель, бѣлье, серебряная посуда.

Такъ какъ генераль имѣль отличнаго повара, то ему было достаточно найти лишь самыя необходимыя вещи.

Итакъ, я приняль предложеніе полковника штаба и сдѣлаль на двери надпись, а для большей вѣрности оставилъ въ домѣ одного изъ своихъ двухъ ординарцевъ. Затѣмъ я отправился навстрѣчу

генералу, которому время должно было показаться очень долгимъ. Онъ меня ожидалъ у тѣхъ самыхъ городскихъ воротъ, въ которыя я вѣхалъ.

Я повелъ его на квартиру. Тамъ насъ угостили прекраснымъ холоднымъ завтракомъ, который мы запили лучшими винами. Генеральскій поварь, осмотрѣвъ запасы провизіи, обѣщаль намъ къ вечеру «парижскій завтракъ».

Такъ какъ рана въ руку не мѣшала генералу ходить, то онъ предложилъ мнѣ, въ ожиданіи обѣда, немного ознакомиться съ окрестностями.

Намъ попалось по дорогѣ роскошное мраморное зданіе. Я стучу, открываетъ негръ, мы входимъ. Всюду роскошь и полный порядокъ, повсюду царило восточное великолѣпіе убранства. «Чортъ, вовми,— сказалъ генераль, это гораздо лучше. Помѣстимся здѣсь и пригласимъ къ себѣ управляющаго, онъ намъ послужитъ переводчикомъ и мы превосходно устроимся». И мы принялись осматривать особнякъ, распредѣляя между собой его комнаты. Вдругъ я вижу яркій свѣтъ, немного спустя раздается трескъ, показывается огонь, отель охваченъ пламенемъ. Мы спѣшимъ изъ него выбраться и попадаемъ въ центръ пожарища. Зданія пылали по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ то время какъ мы искали выхода, слышались крики, звавшіе на помощь. Я отправился туда и увидѣлъ бездѣльника кирасира, силой тащившаго какую-то женщину. Я заставилъ его выпустить плѣнницу, и та послѣдовала за мной, чувствуя себя въ безопасности въ моемъ присутствіи. Я присоединился къ генералу и мы отправились на свою первую квартиру. Но едва мы въ ней пробыли нѣсколько минутъ, какъ и тамъ показался огонь. Экипажи еще не были разгружены, ихъ запрегли, и мы покинули отель, обѣщавшій намъ такъ много удовольствій.

Но куда итти? Огонь былъ всюду.

Всю ночь мы проблуждали по пожарищу, рискуя каждую минуту быть раздавленными или убитыми пылающими головнями, летавшими справа и слѣва.

(Віо.)

